

И.Л. Шейдина

**НЕВОЕННЫЕ
ФАКТОРЫ СИЛЫ
ВО ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ
США**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
Институт мировой экономики
и международных отношений

Научный совет по исследованию проблем
мира и разоружения

И. Л. Шейдина

**НЕВОЕННЫЕ
ФАКТОРЫ СИЛЫ
ВО ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ
США**

Издательство «Наука»
Москва 1984

Впервые в советской исторической литературе в монографии рассматривается в комплексе применение различных военных факторов силы США. Использование Вашингтоном экономических, научно-технических, политических, идеологических и иных рычагов влияния (в сочетании с наращиванием военной мощи) для подчинения различных стран и народов интересам американского империализма подвергнуто в книге тщательному анализу. На основе многочисленных документов и материалов, критического осмысления работ ведущих заокеанских политологов дан систематический обзор силовых возможностей США и существующих для них объективных ограничений.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. ГАНТМАН

ВВЕДЕНИЕ

Развитие мировой обстановки на протяжении послевоенного периода характеризуется целым комплексом коренных изменений. В первую очередь они определяются ростом политического, экономического и оборонного могущества Советского Союза и социалистического содружества в целом, углублением общего кризиса капитализма, ликвидацией его обширных колониальных владений и выходом на международную арену освободившихся государств, относительным ослаблением позиций ведущей капиталистической державы — Соединенных Штатов Америки. Итогом этих исторических перемен явился решающий сдвиг в соотношении сил двух систем в пользу социализма. В Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС подчеркивается: «Сузилась сфера империалистического господства в мире, обострились внутренние противоречия в странах капитала и соперничество между ними»¹.

Столкнувшись со всеми этими реальностями, более трезвые представители правящего класса США были вынуждены пойти на «мучительный пересмотр» традиционных постулатов американской внешней политики и подключиться к начавшемуся в 70-е годы общему движению государств в направлении разрядки и упрочения всеобщего мира на основах принципов равенства и одинаковой безопасности сторон. Однако правые, наиболее агрессивные круги американского империализма, непосредственно представляющие интересы военно-промышленного комплекса, не отказались от надежды приостановить развитие этих положительных тенденций. Продолжая мыслить категориями господства и принуждения в отношении других стран и народов, эти круги упорно пытаются сохранить силовой подход к международным отношениям как основу своих действий на мировой арене. На протяжении всего послевоенного периода главным в стратегии США оставался курс на наращивание военной силы, на безудержную гонку вооружений. Действия Вашингтона в конце 70-х — начале 80-х годов ярко свидетельствуют о том,

что упор на политику силы сохраняется как основной принцип внешнеполитической деятельности американского империализма. Стремление к военному превосходству США над СССР, НАТО над Организацией Варшавского Договора составляет сердцевину внешней политики администрации Р. Рейгана.

Стараясь предотвратить дальнейшее ослабление глобальных позиций американского империализма, правящие круги США настойчиво изыскивают дополнительные источники силы и рычаги влияния, разнообразят арсенал средств и методов подчинения других стран и народов для реализации своих империалистических интересов на мировой арене. В условиях, когда применение военной силы США как решающего аргумента внешней политики фактически сдерживается противостоящим ей мощным оборонным потенциалом СССР, американский империализм пытается все более напористо и изощренно использовать для достижения своих целей невоенные рычаги и инструменты давления. Это, в частности, показывает участвовавшее обращение США к методам и средствам экономического и политического нажима против социалистических стран и развивающихся государств, а также против своих капиталистических союзников.

Данная работа посвящена именно невоенным аспектам силового подхода США к международным отношениям. Невоенные факторы силы — это экономические, научно-технические, политические, идеологические (морально-психологические) компоненты воздействия государства на окружающий мир, которые могут быть использованы через каналы дипломатии, экономические связи, пропаганду, непосредственные контакты между людьми на разных уровнях для отстаивания и продвижения на мировой арене интересов Соединенных Штатов и их правящего класса. Такие средства влияния, не связанные с прямым использованием вооруженных сил, рассматриваются автором в качестве невоенных факторов силы. При этом, однако, следует учитывать, что вычленение в силовом подходе военных и невоенных аспектов до некоторой степени условно, поскольку в реальных международных отношениях грани между военными и невоенными инструментами силового воздействия весьма подвижны. Почти ни один тип внешнеполитического воздействия не осуществляется, так сказать, «в чистом виде». Именно совокупное применение большинства этих инструментов имеет своим результатом разнообразное влияние на другую сторону или стороны.

Военная сила, вооружения, как указывал В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму», всегда непременно «„калькулируются“, их учитывают при дипломатических переговорах, при „давлении“ etc. etc.»² Поэтому, когда речь идет о невоенных факторах силы, необходимо всегда помнить, что эти факторы проявляются и применяются так сказать на фоне (в лучшем случае), а иногда и во взаимодействии с военной, вооруженной силой США и их союзников по военным блокам*.

Опыт, однако, показывает, что использование вооруженных сил далеко не всегда приводит к желаемым результатам. «СССР вообще отвергает точку зрения тех, кто пытается внушить людям, будто сила, оружие решают и всегда будут решать все», — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, выступая на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г.³

Собственный опыт США после второй мировой войны показывает, что применение их вооруженных сил большей частью приводило прямо-таки к противоположным результатам, нежели те, которых добивалось американское руководство. Корея и Вьетнам — наглядные тому примеры. И после Кореи, и после Вьетнама произошел подрыв глобальных позиций США, выразившийся в распаде или ослаблении проамериканских военных блоков (СЕАТО, СЕНТО, Пакта Рио), в отмежевании от США их союзников, в еще большем отчуждении неприсоединившихся государств и усилении в политике последних элементов антиамериканизма.

При всей милитаристской одержимости вашингтонских политиков в США растет понимание того, что какие-либо долгосрочные и более или менее результативные с американской точки зрения воздействия на международную среду могут осуществляться в настоящее время именно с помощью невоенных — экономических, политических, культурно-психологических и иных рычагов, сколь бы легким и обнадеживающим ни казался путь военных решений. Тем более что этот «легкий и быстрый» в империалистическом представлении путь ныне все чаще и чаще оказывается заблокированным изменившимся соотношением сил на мировой арене, тем фактом, что силе империализма противостоит не уступающая

---

* Именно поэтому при дальнейшем изложении автор не будет все время оговариваться, что наращивание вооружений и военные угрозы были так сказать постоянным «фоном», с учетом которого применялись те или иные невоенные факторы силы в политике США.

ей ни по количеству, ни по качеству оборонная мощь социализма, не только опирающегося при этом на могучий технико-экономический потенциал, но и выступающего в тесном взаимодействии со всеми прогрессивными и революционными силами современности.

В таких условиях обращение к военной силе как к решающему инструменту внешней политики становится крайне опасным для самого американского империализма. Ведь развязывание им ракетно-ядерной войны грозит его собственной гибелью в результате неотвратимого возмездия. Понимание реальности такого катастрофического исхода «большой» войны не раз уже вынуждало правящие круги США действовать осторожнее и на более низких уровнях использования вооруженных сил, дабы избежать перерастания неядерных локальных или региональных конфликтов во всеобщую ядерную конфронтацию. Все это накладывает определенные сдерживающие рамки на общие возможности империализма в плане прямого — физического — применения вооруженных сил и тем самым еще более увеличивает соблазн использовать невоенные факторы силы (и одновременно военные факторы, но косвенным, политико-психологическим образом) для оказания внешнеполитического давления и продвижения империалистических интересов «без войны».

По сути дела, если проанализировать послевоенную внешнеполитическую стратегию США, можно без преувеличения сказать, что большинство из тех акций, которые американский империализм смог реализовать в своих интересах на мировой арене, — сохранение Западной Европы и Японии в орбите капитализма, расширение неокOLONИАЛИСТСКОЙ экспансии США в «третьем мире», создание сети новых привязок других стран к американской системе и т. п. — были осуществлены в первую очередь за счет использования невоенных факторов силы, в том числе плодов научно-технической революции.

Данная тема тем более актуальна, что ныне одной из главных внешнеполитических задач США стало удержание в сфере влияния империализма значительной части человечества — развивающихся стран, формально освободившихся от колониального ига, но пока по-прежнему находящихся в глубокой экономической зависимости от развитых капиталистических государств (как бывших метрополий, так в первую очередь и от американских неокOLONИАЛИСТОВ). В свое время многие «сильные мира сего» на Западе после первых провалов вооруженной интервенции против молодой Совет-

ской России надеялись удушить социализм в СССР «костлявой рукой голода». Так и сейчас американские политики и теоретики все чаще возлагают надежды на сохранение несоциалистического мира в орбите внешнеполитического влияния США с помощью игры не только на продовольственном, но и на финансовом и технологическом «голоде» освободившихся государств, стремящихся к полной национальной независимости и вступающих на путь интенсивного экономического развития.

Экономические, научно-технические, идеологические инструменты играют немалую роль и в политике Вашингтона в отношении СССР и социалистического содружества в целом. Экономические санкции администрации Рейгана против Польши, грубое вмешательство в экономическую деятельность западноевропейских государств в попытке затормозить осуществление сделки «газ — трубы» между СССР и рядом стран Западной Европы явились новым наглядным примером использования Вашингтоном невоенных факторов силы против социалистических стран.

В советской научной литературе применение Соединенными Штатами невоенных факторов силы в их внешней политике до сих пор комплексно и систематически не рассматривалось. У нас есть много обстоятельных, фундаментальных научных работ, посвященных отдельным аспектам этого вопроса, различным, так сказать, рычагам влияния США и других капиталистических государств на мировой арене — технологическим, валютно-финансовым, внешнеторговым, идеологическим и иным инструментам силы и влияния. Однако не предпринималось попытки рассмотреть все эти рычаги влияния в их совокупности, взаимопереплетении, в их «тотальном» использовании американским империализмом для глобального или регионального воздействия на международные отношения, выяснить как потенциальные возможности подобного их использования Соединенными Штатами, так и границы таких возможностей. Ведь международные отношения представляют собой не случайное смешение разнородных линий экономического и политического взаимодействия государств, их соперничества на мировой арене. Согласно марксистскому определению, это «система экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных и иных связей и взаимоотношений между государствами и группами государств, в том числе принадлежащих к различным общественно-экономическим формациям, между основными классами, социальными, эко-

номическими и политическими силами, общественными движениями и организациями, действующими на мировой арене»⁴.

Исходя из такого понимания международных отношений, автор и предпринимает в данной работе комплексное рассмотрение невоенных факторов силы, используемых или потенциально могущих быть использованными американским буржуазным государством для достижения его целей на мировой арене. Естественно, что при такого рода подходе не ставилась задача — да это и немислимо в одной работе — исследовать в доскональности каждый инструмент, каждый рычаг американской силы, тем более выяснить какие-то новые, не отмеченные еще советской наукой моменты и возможности в каждом из такого рода факторов силы. Автор стремился, опираясь на фундаментальные исследования советских ученых, посвященные закономерностям развития капитализма, функционирования системы капиталистического мирового хозяйства, на уже проделанный советской наукой глубокий анализ различных сторон государственно-монополистического капитализма США и американской внешней политики, обобщить силовые возможности (и их ограничения) ведущего капиталистического государства в его внешней деятельности в невоенных областях; оценить исторический опыт, современное состояние и перспективы использования американским империализмом экономических, научно-технических, идеологических и политико-дипломатических рычагов международного воздействия.

Естественно, что, будучи историком-международником, автор в целом ряде случаев, прежде всего в сфере экономической проблематики, прямо опирается на выводы и заключения соответствующих советских специалистов, отнюдь не делая попытки самостоятельно разрабатывать каждый из этих вопросов. Несомненно, что избранный автором подход к исследованию возможностей США в деле использования на мировой арене невоенных факторов силы был бы просто невозможен без опоры на труды советских ученых, а также без критического рассмотрения работ буржуазных теоретиков, касающихся конкретных компонентов государственной мощи или отдельных аспектов внешней деятельности американского государства. В книге также широко представлены документальные материалы — дебаты в конгрессе США и его комиссиях, официальные документы правительства США и различных капиталистических организаций.

Основополагающей научно-методологической базой ис-

следования являются работы классиков марксизма-ленинизма, документы КПСС, мирового коммунистического и национально-освободительного движения по проблемам борьбы двух систем и по различным аспектам политики США на современном этапе общего кризиса капитализма.

Неоценимую помощь при подготовке данной работы оказали автору исследования, проделанные за последние десятилетия специалистами Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, сама структура которого как комплексного, многоотраслевого научно-исследовательского центра стимулирует междисциплинарный подход к анализу сложных проблем современности.

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 4.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 533.

³ Материалы Пленума ЦК КПСС, 22 ноября 1982 г. М., 1982, с. 21.

⁴ *Иноземцев Н.* XXVI съезд КПСС и развитие науки о международных отношениях.— Правда, 1981, 22 сент.

ФАКТОРЫ СИЛЫ В АМЕРИКАНСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Анализ компонентов силы государств, равно как и выяснение расстановки и соотношения сил на мировой арене являются важными элементами и академического исследования, и практической разработки внешнеполитической стратегии и тактики. Марксистский подход всегда предусматривал и предусматривает при таком анализе необходимость строжайшего учета различных факторов, прежде всего классовых, учета того, каким образом они проявляются в политике государств, в различных движениях и коалициях, а также рассмотрения экономических, военных и иных составляющих силы государств, взаимодействие которых и создает объективную основу международных отношений. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в трудах других марксистов, в программных документах мирового коммунистического и рабочего движения на конкретном историческом материале глубоко раскрывается понятие силы во всей его сложности и многогранности.

Марксистско-ленинский подход к оценке силы государства никогда не замыкался в рамках таких показателей, как размеры территории, численность населения, обеспеченность природными ресурсами. При всей своей важности эти объективные показатели являются не более чем предпосылками и не предопределяют автоматически ни силу государства, ни тем более роль, которую этот фактор играет в международных отношениях. Марксизм-ленинизм считает основополагающим, определяющим в этом плане способ производства материальных благ, социально-экономический строй общества. Коль скоро речь идет об оценке силы государства, немаловажное значение имеет и достигнутый уровень развития данного способа производства.

«...Всякая общественная власть и всякое политическое насилие,— писал Ф. Энгельс,— коренятся в экономических предпосылках, в исторически данном способе производства и обмена соответствующего общества»¹.

В понятие материальной основы силы государства, наряду с природными условиями и людскими ресурсами, входят

и такие показатели, как структура народного хозяйства, его производственно-технический уровень, объем промышленного и сельскохозяйственного производства, уровень образования и науки, масштабы и эффективность внедрения научно-технических достижений в практику и т. п. Именно поэтому с первых дней советской власти коммунистическая партия неустанно боролась за подъем народного хозяйства нашей страны, за совершенствование его материально-технической базы, за повышение производительности труда и эффективности общественного производства. В. И. Ленин категорически утверждал, что для молодого Советского государства «в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством»². Однако марксисты никогда не сводили содержание понятия силы к одной лишь экономике, считая такой подход упрощенчеством и вульгаризацией материалистического взгляда на историю.

Еще более чуждо марксизму то сведение всего понятия силы к одному лишь военному потенциалу, которое характерно для многих работ буржуазных авторов, претендующих на якобы точное и беспристрастное исчисление «силового уравнения» современной международной жизни. «...Исторический опыт последних десятилетий, в том числе обеих мировых войн, который в односторонней трактовке империалистических идеологов служит апологии милитаризма, роли военного фактора в соотношении сил на международной арене, убедительно показывает недостаточность расчета соотношения сил только на основе материальных и тем более чисто военных показателей, хотя значение последних действительно очень велико», — пишет Д. Г. Томашевский, характеризуя марксистскую трактовку понятия силы государства³.

Наряду с экономическими и военными, факторы морально-политические, как всегда подчеркивали марксисты, являются не менее важными, а порой — решающими компонентами силы.

Марксизм-ленинизм учит, что идеи, овладевшие массами, превращаются в могущественную материальную силу. Идеи, которые владеют нами, писал Маркс, которые «подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узлы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить,

лишь подчинившись им»⁴. «Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы,— отмечал В. И. Ленин в 1921 г.,— а морально,— не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах,— мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз»⁵.

Именно моральный фактор — силу примера первого в мире социалистического государства — В. И. Ленин считал основой и залогом влияния молодой Советской республики, призванной «соединять и сливать народы *не* силой рубля, *не* силой дубья, *не* насилием, а *добровольным* согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров»⁶. Разумеется, морально-политические факторы становятся еще более действенными, когда они опираются на мощную материальную базу. Однако между ростом материально-экономического и военного потенциала и увеличением морально-политического веса государства, его влияния на международной арене нет автоматической зависимости: материальный выигрыш отнюдь не всегда означает увеличение удельного веса государства в международных делах (например, физическая экспансия может сопровождаться падением престижа, морально-политическими потерями, а соответственно и неблагоприятными сдвигами в общем соотношении сил).

Провозглашение молодым Советским государством открытой дипломатии, прямая апелляция к мнению широких масс трудящихся во всем мире еще более выявили гигантскую роль морального фактора в современных международных отношениях.

Надо сказать, что и традиционная дипломатия — «честное маклерство», говоря словами В. И. Ленина,— искусство вести переговоры, находить приемлемые компромиссы, умение использовать разногласия и противоречия среди противников*, умение увидеть сферы совпадения интересов и на их основе найти союзников, хотя бы и частичных,— все это тоже

---

* В этой связи представляется чрезвычайно поучительной конкретность и четкость ленинских рекомендаций. Например, В. И. Ленин подчеркивал: «Политически мы должны использовать разногласия между противниками, и только глубокие разногласия, объясняемые глубочайшими экономическими причинами. Если мы попытаемся использовать разногласия мелкие, случайные, мы попадем в положение мелкого политикана и дешевого дипломата. Но на этом ничего серьезного сыграть нельзя» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 60).

составляет в марксистском понимании чрезвычайно важный компонент силы государства. Об этом свидетельствует как вся история советской внешней политики, так и ленинские высказывания в связи с первыми же насущными, практическими задачами, с которыми Советская республика столкнулась на международной арене.

Марксистский подход к оценке силы емок и диалектичен; он не абсолютизирует ни один из компонентов силы и никогда не теряет из виду комплексного, системного характера этого понятия. Он выделяет в силе как качественные, так и количественные аспекты, требует всестороннего учета и тех и других, но при этом открыто признает трудность этой задачи, невозможность решить ее с помощью несложных формул или схем.

Марксист-исследователь видит возможности перехода силы из одной формы в другую, но при этом продолжает рассматривать силу как объективную данность. Говоря о том, что капиталисты делят мир «по капиталу», «по силе», поскольку иного способа дележа в системе товарного производства и капитализма не существует, В. И. Ленин подчеркивал: «Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это — изменения „чисто“ экономические или *внеэкономические* (например, военные), это вопрос второстепенный...»⁷.

Марксистский подход к вопросу о силе строится на понимании того, что важна не просто сила сама по себе, но прежде всего цели ее использования. Сила может быть использована в интересах установления гегемонии, в целях нажима, навязывания неравноправных отношений, наконец, прямо для нанесения ущерба другим государствам. Именно так использовалась сила государствами на протяжении большей части человеческой истории. Это, так сказать, деструктивное применение силы. Однако в иных исторических условиях сила государства может быть использована и в конструктивных целях — для ускоренного продвижения вперед данного государства совместно с другими, в интересах общего выигрыша. Конструктивный подход стал неизменным принципом поведения на международной арене первого социалистического государства буквально с момента его рождения.

В. И. Ленин с самого начала хозяйственного строительства молодой Советской республики подчеркивал, что эта созидательная работа внутри страны может сочетаться с созидательной работой вовне, связанной с восстановлением всемирного хозяйства, пострадавшего в результате первой ми-

ровой войны. «Мы...— подчеркивал В. И. Ленин в 1920 г.,— предлагаем положительную программу строительства перед всем миром, развиваем те перспективы, которые построены на экономических началах и которые Россия рассматривает не как эгоистический центр, разрушающий все остальные хозяйства, хозяйства других стран, как было это раньше, а Россия, которая предлагает восстанавливать хозяйства с точки зрения всего мира»⁸.

Конструктивный подход к развитию отношений со всеми другими государствами, готовность использовать свою возрастающую мощь в интересах всего человечества, а не в противовес им стали одной из отличительных черт советской внешней политики и на каждом этапе ее развития находили новые конкретные выражения. Выступая на международной теоретической конференции в Софии, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев показал диаметрально противоположность отношения к силе, подхода к ее использованию в международных делах со стороны социалистических и империалистических стран. «Сила,— подчеркнул он,— сама по себе не порок. Важно, в чьих руках она находится, в каких целях используется. Сила в руках империализма — источник военной опасности. *Сила в руках социализма стала источником обеспечения мира и ослабления военной опасности*»⁹.

1.

Американские подходы к силовой политике

Понятие «сила» традиционно находится в центре внимания теоретиков и практиков внешней политики США. Прежде всего капиталистическая система, как таковая, не просто допускает применение силы — она институционализовала силу как само собой разумеющееся средство реализации интересов господствующих классов как внутри страны, так и за ее пределами. По определению Ф. Энгельса, «насилие... охраняет эксплуатацию»¹⁰.

Силовой подход, подчеркивал многократно В. И. Ленин, вытекает из самой сущности капитализма; «...при капитализме,— писал он в работе „Империализм, как высшая стадия капитализма“, — немислимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»¹¹.

Однако в дополнение к такой «системной» предрасположенности к силовому подходу в Соединенных Штатах на

протяжении всей их истории, начиная с «отцов-основателей», было широко распространено убеждение в том, что не что иное, как военная сила, является главным фактором успешной внешней политики. Этот тезис стал краеугольным камнем для всех построений политологической и исторической школы так называемой «реальной политики» — школы, оказавшей определяющее идейное влияние на формирование внешнеполитической и военно-политической стратегии США в XX в., и в том числе после второй мировой войны.

Философской базой для теоретиков «реальной политики» явился прагматизм, разработанный в трудах американских философов Уильяма Джеймса (1842—1910) и Джона Дьюи (1859—1952) и получивший в XX в. широкое признание и распространение в США. Прагматизм (или инструментализм — так называл свою теорию Дьюи) — это в высшей степени волюнтаристская философия, не признающая существования объективных факторов, ограничивающих волю и деятельность человека, трактующая преуспевание как меру истинности, а саму истину — как подтверждение правоты веры индивида в свой успех. Прагматизм, имевший своим лейтмотивом «вседозволенность», по существу продолжал силовые концепции Ницше и Фихте; Бертран Рассел в «Истории западной философии» прямо назвал идеи Дьюи «философией силы» и оценил характерный для адептов прагматизма отказ от учета «упрямых фактов» и объективной истины как «шаг по пути к определенному рода безумию — опьянению силой»¹². Особенно примечательны те строки, которыми Рассел заканчивает очерк о Джоне Дьюи: «Я убежден, что этого рода опьянение составляет величайшую опасность нашего времени и что любая философия, которая этому способствует, хотя бы и ненамеренно, увеличивает угрозу колоссальной социальной катастрофы»¹³.

Среди историков одними из первых представителей школы «реальной политики» в США были Генри и Брукс Адамсы, ставшие глашатаями и идеологами американского экспансионизма в конце XIX — начале XX в., в бурный период перерастания американского капитализма в империализм. Адамсы рисовали картину мира в виде непрерывно сталкивающихся «силовых потоков» и требовали, чтобы США овладели «источниками энергии» и взяли на себя миссию завоевания, организации и интеграции всего американского континента, а равно и Азии, ибо к 90-м годам XIX в. центр имперского строительства переместился-де в Соединенные Штаты. Б. Адамс особенно откровенно призывал к экспансии, доказывая, что испано-американская война — это лишь прелюдия к

американскому триумфу в состязании с другими державами за мировое господство*. Идеи Адамсов, особенно Брукса, оказали немалое влияние на таких практических политиков его времени, как Дж. Хэй, Г. Кэбот Лодж, Т. Рузвельт, — так едва ли не с самого своего рождения школа «реальной политики» стала официозом, ибо она очень точно отвечала «социальному заказу» американской внешнеполитической элиты, искавшей приложения растущей силе США.

Однако подлинный расцвет американской школы «реальной политики» наступил после второй мировой войны. Этому значительно способствовало обогащение американских идей силовой политики за счет концепций немецкой школы *Realpolitik*, привезенных в США учеными — эмигрантами из Германии и Австрии в 30-е годы. Что касается немецких концепций, то они в свое время складывались под большим воздействием геополитиков-немцев Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера, шведа Р. Челлена, англичанина Х. Маккиндера; Челлен, в частности, учил, что сила есть главный атрибут государства и что силовые отношения составляют суть внешних сношений.

Вскоре после второй мировой войны школа «реальной политики» стала не просто доминирующим направлением в американской исторической науке и политологии, но и фактическим источником основных концептуальных установок послевоенной внешней политики и стратегии США; именно под ее воздействием сформировалось мышление целой плеяды американских послевоенных политиков**.

Что же вкладывают американские теоретики в понятие «сила»?

Самое лаконичное определение находим у старейшины американских «реалистов» Г. Моргентгау: он определяет силу как «власть над умами и действиями других людей»¹⁴.

---

* Среди конкретных указаний Б. Адамса на направления экспансии было, в частности, и такое: «Я полагаю, что нам суждено реорганизовать азиатскую часть той гигантской хаотической массы, которая именуется Россией... И, честное слово, мне это нравится!» (Цит. по: *Williams W. A. The Contours of American History. Cleveland; New York, 1961, p. 364—365*).

** Специальное подробное рассмотрение школы «реальной политики» не входит в нашу задачу. В советской научной литературе анализу этой школы уделено большое внимание. См., в частности: *Каренин А. А. О школе «политического реализма».* — Американская историография внешней политики США, 1945—1970 / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1972, с. 56—90; *Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль.* М., 1976, с. 77—92; *Современные буржуазные теории международных отношений: Критический анализ* / Под ред. В. И. Гантмана. М., 1976, с. 101—122.

Употребляемый американскими авторами термин *power* — слово полисемантическое, по-русски оно может поэтому передаваться и как «сила», и как «власть». Приведем еще несколько типичных дефиниций:

«Сила на международной арене может быть... определена просто как способность правительства одной страны заставить правительство другой страны предпринять то, что это последнее не стало бы делать по своей воле, причем это может быть осуществлено за счет убеждения, принуждения или откровенного применения военной силы» (Р. Клайп, известный специалист по военно-политическим вопросам, автор своеобразной методики «оценки мировых сил») ¹⁵.

«...Сила может рассматриваться как обладание способностями, которые позволяют субъекту выступать с достоверными угрозами. Но она же может трактоваться и как фактическая реализация воздействия на поведение стороны, которой угрожают. В первом случае сила — это качество, которым обладают сильные государства и которое можно аккумулировать; здесь сила — это возможность. Во втором случае сила — это результат, это уже оказанное воздействие. Она проявляется во взаимодействии, в столкновении. При первом подходе сила — это нечто такое, что государство может надеяться использовать в разнообразных будущих ситуациях. Во втором случае она возникает и формируется только в условиях конкретной ситуации. Сегодня большинство теоретиков понимают под силой реализованное воздействие, в то время как специалисты сводят ее к тем возможностям, которые позволяют выступать с угрозами» (К. Норр, один из крупнейших американских специалистов в области теории применения силы в международных отношениях) ¹⁶.

«Силу можно представить себе как способность субъекта заставить других предпринять что-либо, что они иначе предпринимать не стали бы (и при этом по приемлемой для действующего лица «целе»). Силу можно также представить в терминах управления конечными результатами» * (международники новой, послевоенной формации Р. Кохейн и Дж. Най) ¹⁷.

«...Сила — это не мистический дар и не набор ресурсов, это взаимоотношение. Если целью применения силы является влияние на поведение других, то первым требованием

---

* Кстати, эта формулировка очень близка к афористичному определению Б. Рассела: «Сила может быть определена как способ получения желаемых последствий» (*Russel B. Power. A New Social Analysis. L., 1965, p. 25*).

должно быть понимание забот, интересов и страхов тех, на кого оказывается воздействие, а также цены и пределов возможного контроля» (С. Хоффман — один из виднейших современных американских теоретиков)¹⁸.

Даже эти несколько определений, принадлежащих, кстати сказать, представителям разных течений в американской политологии, позволяют вычленить главное в подходе американских исследователей: они рассматривают силу не просто как ресурс, потенциал, как бы «вещь в себе», но прежде всего как способность того или иного государства оказывать активное влияние на идущие в мире процессы, на принятие решений другими странами. Конечно, коль скоро речь идет об интересах американского империализма, такие изменения должны происходить в выгодную для США сторону — не только на международной арене, но и внутри других стран. Иными словами, сила трактуется в американской науке международных отношений как способность осуществить свою волю, навязать ее; таким образом, понятие силы прямо ассоциируется с насилием или, во всяком случае, со способностью к насилию или с угрозой применения такового. Это главная, определяющая особенность американского подхода к силе, и в то же время самая опасная для других стран и народов. Можно сказать, что в концептуальном плане речь идет не столько об апологии силы, сколько об апологии *насилия*, которая — в плане практической политики — воплощается в доктрины неравноправных отношений, давления и принуждения.

Разумеется, употребляя слово «насилие», мы далеки от мысли ставить знак равенства между этим понятием и откровенным применением грубой физической силы. Понятие «насилие» гораздо шире. Оно включает в себя и косвенное принуждение, и притеснение, и порабощение как бы с полного согласия порабощаемого. Этот последний, лишь поначалу кажущийся парадоксальным случай особо выделил Энгельс в «Анти-Дюринге», сославшись при этом на более ранний анализ Ж.-Ж. Руссо, справедливо указавшего в свое время, что «...из двух субъектов, *A* и *B*, первый не может поработить второго посредством насилия, а может сделать это, только поставив *B* в такое положение, в котором последний не может обойтись без *A*»¹⁹. Эта трактовка позволяет выйти за пределы абстрактных рассуждений о равенстве или неравенстве воли и подойти к вопросу материалистически. При таком подходе становится очевидно, что если *A* удастся создать необходимую материальную базу, то много ли понадобится времени, пишет Энгельс, «чтобы, как пра-

вило, *A* навязал *B* свою волю, сначала путем убеждения, затем по установившейся привычке, но всегда в форме добровольного согласия? Соблюдается ли здесь форма добровольного согласия или же она грубо попирается ногами — рабство остается рабством»²⁰.

На протяжении всего дальнейшего изложения мы будем по преимуществу иметь дело с осуществлением Соединенными Штатами насилия именно в этой ипостаси — насилия неявного, насилия нередко не только с согласия, но и чуть ли не по требованию тех, кого Соединенным Штатам удается поставить в зависимое положение (т. е., другими словами, как раз в такое положение, в котором они не могут обойтись без США). И тем не менее оно всегда будет оставаться насилием, принуждением. Недаром К. Норр относит к проявлениям силовых качеств лишь те случаи, в которых есть элемент принуждения*.

Как мы уже упоминали выше, в американских традициях в понятии «сила» доминирует компонент непосредственной военной мощи государства, тем не менее все серьезные исследователи дают довольно широкую трактовку компонентов (источников, ресурсов) силы, хотя и ранжируют их по-разному. В американской науке можно выделить более или менее общепринятый «набор» таких ресурсов:

— географическое положение страны (размер территории, характер и протяженность границ, климатическая зона и т. п.);

— природные ресурсы, включая обеспеченность не только полезными ископаемыми, но и продовольствием;

— экономический потенциал, включая такие показатели, как валовый национальный продукт, промышленный потенциал, темпы роста производства и производительности труда и т. п.; внешнеторговый и платежный баланс;

— военная мощь, включая объем военных расходов, общий военно-технический уровень, количество и качество вооруженных сил, качество командования ими;

— население (численность населения, структура занятости, общая демографическая тенденция роста или сокращения, образовательный уровень);

— морально-политические факторы (качественная сторона жизни общества, степень его морально-политического единства, степень поддержки правительства населением);

---

* Мы уже отмечали ранее, что в современных международных отношениях действуют и иные, непринуждающие силы — в частности, сила примера.

- качество дипломатии (активность, изобретательность, степень воздействия на мировое общественное мнение);
- качество управления страной (сбалансированность политики и ресурсов ее осуществления, степень согласованности между внутренней и внешней политикой);
- уровень развития науки и техники;
- арсенал средств массовой коммуникации и пропаганды.

«Сила и ответственность в жизни наций — это не абстракции, — пишет известный американский теоретик и дипломат Дж. Болл. — Они имеют конкретное содержание, определяемое историческими особенностями, конкретными условиями и требованиями данного места и времени. Сила включает прежде всего природу национальных ресурсов, которые не сводятся к наличию промышленности, или армии, или бомб, но подразумевают также культуру, политические идеи и образование — словом, все, что играет роль в этом неуловимом определении силы, к которому тщетно стремится человек... Обладание избыточными ресурсами и политической волей к их использованию — вот что дает любой нации способность и власть для оказания решающего влияния на склонности и культурные ценности мира, а равно и на мировую политику... Ускользающее уравнение современной мировой силы может быть, таким образом, выражено в своего рода математической записи: ресурсы континентального масштаба и население плюс высокая степень внутренней стабильности и сплоченности плюс сильное лидерство, обладающее способностью определять общие цели общества и целенаправленно действовать для их осуществления»²¹.

Уже упоминавшийся Р. Клайн включает в ресурсы «вооруженные силы и военные институты государства, а что еще важнее — размеры и особенности местоположения страны, характер границ, население, сырьевые ресурсы, структуру экономики, уровень научно-технического развития, прочность финансового положения, этнический состав, социальную однородность, стабильность политических процессов и систему принятия решений и, наконец, то неуловимое свойство, которое обычно именуют «национальным духом»²².

Слово «неуловимый», фигурирующее в обеих приведенных выше выдержках, широко употребляют и другие американские политологи (в частности, одна из статей С. Хоффмана называлась «О неуловимости силы»). Казалось бы, оно свидетельствует о том, что в США высоко ставят важность качественных аспектов силы, однако это не всегда так.

Соблазн найти «точное» количественное выражение силы слишком велик, поэтому начиная с середины 50-х годов в аме-

риканской литературе появляется все больше попыток «квантифицировать силу», используя для этого инструментарий математического и экономического анализа²³. В большинстве своем работы такого рода страдают общим недостатком: они сводят весь вопрос о соотношении сил на международной арене к более простому вопросу о соотношении вооруженных сил и вооружений, либо — в лучшем случае — к вопросу о соотношении экономических и научно-технических потенциалов.

Р. Клайн, претендующий на то, что он разработал методикку²⁴, которая «наконец-то позволяет» количественно выразить качественные оценки силы, на самом деле лишь снабдил достаточно традиционные показатели — численность населения, размер территории, показатели экономического развития и обеспеченности ресурсами, размеры сил стратегического и тактического назначения — исключительно субъективными и априорно взятыми коэффициентами и «весами». Все это лишает какой бы то ни было достоверности точного знания выводимую им «политектоническую формулу силы» (хотя некоторые поклонники Клайна рекламируют выведенную им «магическую формулу» как едва ли не равноценную — для общественных наук — гениальной формуле Эйнштейна $E=mc^2$).

В целом, однако, американские теоретики силы гораздо более едины в том, что касается существа силового подхода, чем это может показаться на первый взгляд при знакомстве с бурной полемикой между «традиционалистами» — сторонниками историко-логического анализа и «модернистами» — ревнителями математических методов. Противоречия между теми и другими скорее кажущиеся, чем реальные.

Поскольку в американской политологии сила трактуется прежде всего как способность к воздействию, при анализе этого понятия можно выделить несколько важных теоретических категорий: 1) факторы (или компоненты, ресурсы) силы, о которых уже шла речь выше; 2) соответствующие им типы внешнеполитического воздействия; 3) механизм осуществления такого воздействия; 4) средства или инструменты, специфические для каждого из типов воздействия (и соответствующего силового фактора); 5) каналы, по которым осуществляется воздействие.

В зависимости от того, какая группа факторов силы становится базой внешнеполитического воздействия, можно условно выделить несколько видов или типов такого воздействия:

— военное, осуществляемое путем прямого использования вооруженных сил;

— экономическое, в основе которого лежит манипулирование различными хозяйственными рычагами;

— политико-дипломатическое, выражающееся в заключении или денонсации союзов и альянсов, в действиях через международные организации; в явных и тайных влияниях на политические партии и иные массовые организации в другой стране и т. п.;

— идеологическое, предусматривающее применение очень широкого набора средств, начиная от внешнеполитической пропаганды и других форм идейного влияния, включая и религиозное, и кончая угрозой применения военной силы;

— физическое невоенное воздействие, т. е. не связанное с использованием вооруженных сил, — например, перекрытие одной страной русла реки, которая в дальнейшем течении проходит по территории другой страны и является для нее важным источником пресной воды; в последнее время часто упоминают о возможности манипулирования климатом, погодой в военных целях, о геофизической войне; понимание государствами реальности подобной опасности привело к заключению в 1977 г. специальной международной конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду;

— культурно-психологическое воздействие, выражающееся во влиянии на общественную психику, образ жизни. Конечно, этим видом влияния государство не может столь же легко манипулировать, как, скажем, экономическими или военными инструментами силы. Для того чтобы культурное влияние оказало свое действие, часто требуются десятилетия или еще большие сроки. Однако культурно-психологическое влияние, которое, в свою очередь, складывается из множества различных компонентов как материального, так и психологического характера, часто оказывается одним из самых глубоких и решающих влияний. В истории известно немало примеров, когда победители в войнах, находившиеся на более низких ступенях развития, чем побежденные, в конце концов принимали культуру последних и ассимилировались*.

Что касается способов, механизмов реализации силового воздействия, то здесь, как представляется, выделяются четыре случая.

---

* Несколько иную типологию видов внешнеполитического воздействия см., например: Рабочий класс и антимонополистическая борьба: Материалы международной научной конференции «50-летие Октября и международный рабочий класс». М., 1969, с. 392—394.

Первый — это откровенное, прямое применение любого вида силы для непосредственного воздействия на международную ситуацию (т. е. для формирования последней),

Второй — принуждение другой страны к действию (или, наоборот, к воздержанию от такового) с помощью либо угрозы, либо обещания.

Третий — убеждение, внушение другой стороне «собственного» желания совершить то или иное действие (или воздержаться от него).

Четвертый — едва ли не самый распространенный, но и одновременно самый малозаметный для наблюдателя (весьма пронизательный американский исследователь проблем силы К. Норр именуется его «безмолвным механизмом») — состоит в предвосхищении или «угадывании» государством — объектом воздействия требуемого от него курса действий в предчувствии (или опасении) возможного использования силы со стороны другого государства в случае, если между ними возникнет серьезное расхождение интересов.

Если в трех первых случаях от государства требуется явное выражение воли, демонстрация намерений, то последний механизм отличается тем, что сильное государство даже может и не отдавать себе отчета в том, что оно оказало давление на принятие того или иного решения другим государством, т. е. сильное государство может пользоваться плодами своей силы более или менее автоматически, не прибегая к специальному давлению. С точки зрения частотности четвертый механизм, несомненно, является наиболее распространенным в международных отношениях; именно таким способом чаще всего и реализуется сила в ходе повседневных сношений. Следует отметить, что этот случай тесно смыкается с «добровольным порабощением», о котором писал Энгельс.

Для реализации каждого вида внешнеполитического воздействия существуют специфические средства (инструменты, рычаги). Взять, к примеру, такой тип воздействия, как экономическое. Для его реализации может быть использован исключительно широкий набор средств: вывоз капиталов, государственные внешние займы и кредиты, внешняя торговля, включая различного рода таможенные и нетаможенные ограничения и поощрения, эмбарго, различные виды экономической, научно-технической и управленческой помощи, привлечение к участию в международных системах или программах, допуск или недопуск судов иностранных государств в прибрежные экономические зоны и т. д.

Зачастую одно и то же средство может использоваться для реализации разных типов воздействия. Например, вооруженные силы могут использоваться непосредственно для ведения боевых действий, а могут — и для оказания психологического давления на другое государство; различного рода тайные операции, проводимые в других странах по линии американского ЦРУ, могут преследовать цель оказания непосредственного политического влияния, а могут одновременно ставить задачей создание в стране обстановки экономического хаоса, политической нестабильности, первозности и т. д.

Каждое из этих средств может быть, как уже отмечалось выше, использовано либо непосредственно для нанесения другой стране материального ущерба, не ставя целью принудить ее к чему-либо, либо для того, чтобы заставить другую страну предпринять какую-либо желательную для данного государства акцию. Этот второй случай опять-таки распадается на два варианта: принуждение может быть осуществлено за счет угрозы нанесения материального ущерба либо за счет обещания «вознаграждения».

Так, например, можно следующим образом суммировать арсенал экономических «наказаний», которые государство X может применить по отношению к государству Y :

— государство X сокращает свой ввоз из государства Y посредством эмбарго, высокого таможенного обложения, установления квот и тому подобных ограничительных мер, включая ограничение или запрещение пользования своими транспортными терминалами для транзитных грузов; государство X принимает меры к сокращению экспорта Y в третьи страны за счет демпингового использования собственных аналогичных товаров, либо за счет заключения соглашений с третьими странами, по которым они обязуются ограничить свой импорт из страны Y ;

— государство X стремится ограничить импорт государства Y посредством введения у себя экспортного эмбарго или иных экспортных ограничений, посредством отказа в кредитах и иной экономической помощи государству Y , посредством воздействия на третьи страны, чтобы добиться от них солидарных действий;

— государство X стремится ухудшить инвестиционный климат, подстегнуть безработицу, снизить общие темпы экономического роста в стране Y посредством отказа в займах и кредитах, отказа в любой экономической и научно-технической помощи по государственной линии, равно как и запрета частных инвестиций из страны X в страну Y ;

— государство X создает давление на позиции государства $У$ на международных рынках, проводя массированную распродажу собственных авуаров валюты государства $У$, вызывая отток капиталов из страны $У$ и т. п.;

— государство X , накопив крупный дефицит в торговле с государством $У$, отказывается платить по предоставленным государством $У$ займам, накладывает арест на предприятия и иную собственность, которой государство $У$ владеет на территории государства X ;

— государство X проникает в экономику государства $У$ за счет прямых капиталовложений, картельных соглашений, технической помощи, подкупа и т. п. и использует приобретенные таким образом рычаги влияния для нанесения ущерба стране $У$.

Разумеется, этот перечень никоим образом не является исчерпывающим, однако сейчас для нас важно то, что каждое из этих мероприятий может быть «вывернуто наизнанку» и использовано не для наказания, а, наоборот, для поощрения и поддержки, т. е. для содействия увеличению экспорта из страны $У$, для содействия росту импорта страны $У$, улучшения инвестиционного климата, повышения уровня занятости, увеличения темпов экономического роста, укрепления позиций $У$ на валютных рынках и т. д. и т. п.

«Кнут и пряник» (или, как говорят американцы, «дубинка и морковка»), т. е. наказание и поощрение, остаются для любого буржуазного государства основными средствами реализации внешнеполитических целей, способами внешнеполитического действия. Иначе говоря, то или иное буржуазное государство стремится добиться наиболее благоприятных для себя условий внешнего окружения, используя, с одной стороны, инструменты силового давления на другие государства и, с другой — средства «покупки» благорасположения последних.

«Кнут и пряник» объединены тем, что оба используются для принуждения, они неизменно нацелены на *сужение выбора*, доступного государству — объекту воздействия, на подталкивание последнего в пользу принятия решения, наиболее устраивающего государство, оказывающее давление. Поэтому американские авторы констатируют как само собой разумеющееся одно обстоятельство: выбор между «дубинкой и морковкой» зависит исключительно от того, что представляется более эффективным в данный момент²⁵.

При этом диалектика способов использования различных видов внешнеполитического воздействия такова, что стимулирование может превратиться в принуждение, наказание,

и наоборот. Например, прекращение экономической помощи, если оно происходит не по полюбовному соглашению сторон, фактически превращает прежнее стимулирование в наказание, хотя для этого не было произведено никаких открыто провокационных актов, а была лишь как бы уменьшена степень дружественности. О том же — на уровне практической политики — много говорил в бытность государственным секретарем США Г. Киссинджер. Собственно, идея свободного чередования наказаний с поощрениями составляла суть рекламировавшейся им «двухколейной политики» в отношении Советского Союза и других социалистических стран²⁶.

По сути дела в международных отношениях есть другие, непринуждающие виды воздействия, которые нацелены не на сужение, а напротив, на расширение выбора других государств, увеличение свободы действий последних (например, за счет предложения им бескорыстного сотрудничества). В теории К. Норр отмечает возможность и таких действий²⁷, но в практике капиталистических государств таким видам воздействия места, естественно, не находится.

В то же время можно представить себе ситуацию, когда нарочито поощрение одной стороны каких-либо внешнеполитических шагов другой стороны может реально преследовать не цель укрепления позиций поощряемой стороны, а макиавеллиевскую цель втравливания поощряемой стороны, по сути дела, в неблагоприятную для нее ситуацию, которая, однако, принесла бы внешнеполитический выигрыш стране, стимулирующей такое поведение.

Более того, внешнеполитическая стратегия может предусматривать и такую ситуацию, когда поощряющее воздействие оказывается по сути дела в целях обмана: не для того, чтобы действительно подтолкнуть другую сторону к якобы поощряемому действию, а для того, чтобы отвратить от него, увеличив степень сомнений другой стороны по поводу слишком уж большой заинтересованности, нарочито демонстрируемой, поощряющей стороны в таком именно курсе действий. Подобные сложные типы влияния, учитывающие не только возможную импульсивную, естественную («нормальную») реакцию партнеров на те или иные стимулы, но и воздействие, оказываемое на формирование поведения их интеллектуальной реакцией на психологическую мотивацию оппонента (причем этот процесс может быть многократно отраженным), ныне изучаются наукой о рефлексивном управлении поведением конфликтующих структур, базирующейся на общей теории принятия оптимальных решений,

Конечно, приведенная выше типология видов внешнеполитического воздействия носит чрезвычайно условный характер, ибо ни одно из них практически не осуществляется в истинно чистом виде. Это во многом связано с особенностями внешнеполитического процесса, когда то или иное внешнеполитическое воздействие может сначала выступать лишь в виде психологической угрозы, а затем уже преломляется в материальное действие. Кроме того, и на уровне мотивации различные факторы часто столь переплетены, что их трудно отделить друг от друга.

Более того, само воздействие, которое формально укладывается в рамки того или иного из выделенных выше типов, обычно имеет своим результатом многоаспектное влияние на другую сторону. Например, если сторона *X*, находящаяся в конфронтационных отношениях со стороной *Y*, резко активизирует гонку вооружений, то на первых порах *Y* испытывает лишь психологическое воздействие, ибо ничего другого, кроме роста военной угрозы, в такой акции *X* не содержится. Однако затем государство *Y*, начиная отвечать на реальную (или даже мнимую) угрозу, принимает ряд решений, которые уже оказывают материальное воздействие на состояние его экономики, на настроения общественности, на политические отношения с государством *X* и с третьими странами. Такая политика, в свою очередь, рикошетом отзывается на другой стороне, и в результате образуется сложный узел «действия — противодействия», который оказывается особенно запутанным, если речь идет не о двух, а о многих государствах.

Иначе говоря, чисто психологическое воздействие может трансформироваться в конечном итоге в экономическое и политическое, затем снова в психологическое и т. д. и т. п. Проводя аналогию с физической энергией, Бертрам Рассел, например, писал, что «сила, подобно энергии, непрерывно переходит из одной формы в любую другую»²⁸. Разумеется, эту аналогию нельзя воспринимать чересчур буквально, но границы между различными формами силы действительно зыбки, и трансформации являются скорее правилом, чем исключением.

Что касается каналов внешнеполитического воздействия, то здесь можно выделить следующие случаи:

- сношения между правительствами двух или более стран;
- контакты между частными лицами и группами лиц в различных странах;

— контакты между частными лицами или группами лиц и иностранными правительствами;

— использование демонстративных жестов, «сигналов», вообще не требующих непосредственного контакта между сторонами.

В процессе внешнеполитического взаимодействия происходит, как уже отмечалось, перекрещивание типов влияния, инструментов влияния — причина этого в немалой степени состоит в специфике каналов, по которым происходит это взаимодействие.

Главным такого рода каналом взаимодействия во внешней политике является дипломатия. Этим термином обозначается, с одной стороны, сам канал общения, т. е. сеть учреждений, специально организуемых для осуществления политического контакта между государствами, а с другой — сам процесс реализации внешнеполитического влияния путем деятельности этих учреждений и их представителей, использующих для проведения внешней политики самый широкий набор всевозможных видов и конкретных инструментов влияния. Правительства теперь имеют непосредственную возможность обращаться друг к другу и к народам других стран с помощью системы коммуникаций, становящейся все более изощренной и разветвленной. По сути дела, в наше время внешнее радиовещание (а в недалеком будущем и внешнее прямое телевидение) даст возможность обращаться к населению другой страны через голову правительства, и этот способ был впервые использован молодой Советской республикой, обращавшейся по радио непосредственно к трудящимся всего мира с призывом поддержать рабоче-крестьянскую революцию в России.

Государство может предпринимать демонстративные действия, носящие характер сигналов другой или другим странам, и быть уверенным, что эти сигналы, безусловно, дойдут до другой стороны (сторон) не по дипломатическим каналам, когда дипломатический канал нарочито игнорируется, а с помощью средств массовой информации.

Сейчас уже между многими государствами действуют прямые линии «горячей» телетайпной и телеграфной связи, дающие возможность руководителям соответствующих государств вступать в немедленный контакт друг с другом в чрезвычайных обстоятельствах (прямая линия связи между правительствами СССР и США была организована в 1963 г.).

Специфическими каналами для осуществления того или иного типа влияния (или некоего конгломерата влияний)

являются туризм, научные обмены, культурные связи, внешняя торговля и т. п.

Происходит быстрый рост таких специфических каналов международного взаимодействия, как международные организации, в том числе функциональные, т. е. специально созданные для обсуждения и регулирования какой-то конкретной проблемы. По подсчетам американских международников Р. Кохейна и Дж. Ная, проблемами океана, например, в 20-е годы занималось пять международных организаций, а к середине 70-х годов — около тридцати²⁹.

Разумеется, все ресурсы силы подкрепляют один другой. Традиционно государство, желающее быть квалифицированным как великая держава, стремилось все их культивировать одновременно. На протяжении столетий «последним доводом» в решении межгосударственных конфликтов считалась военная сила, а потому она и ценилась как «высшая» форма внешнеполитического воздействия, хотя и существующая на базе других компонентов — экономической силы, местоположения, населения и т. п. Она была центральным элементом в структуре силы, ибо исторически военной силе не могло противостоять ничего, кроме равной или превосходящей военной же силы.

Однако в наши дни, как мы позднее увидим, в трактовке структуры силы произошли большие изменения, связанные прежде всего с тем, что ряд обстоятельств привел к ограничению возможностей ее использования и — что не то же самое — «полезности» военной силы. Это вывело на передний план иные формы силы и — что не менее важно — в определенных случаях сделало их *более* эффективными, чем военная сила.

В результате традиционная структура силы государства как бы расщепилась: военная мощь стала монолитней и концентрированней, чем когда бы то ни было в истории, реальная же сила, трактуемая как способность оказать воздействие на других, более рассредоточена. Элементы силы, которые в прошлом казались менее важными, выдвинулись на передний план; сила оказалась «делимой»: государство может быть сильным в одной области и слабым в другой. Все эти асимметрии существовали в той или иной степени и ранее на протяжении истории, но никогда еще они не были столь заметны и столь важны. Для Соединенных Штатов осознание этих новых реальностей проходило гораздо болезненнее, чем для других субъектов международных отношений, ибо еще со времен «отцов-основателей» стандартное американское политическое мышление, как уже подчеркивалось выше, было ори-

ентировано на то, что именно военная сила является первоосновой прочности международных позиций государства.

2.

Новые реальности в системе международных отношений

Существовавшая в течение недолгого периода после второй мировой войны ядерная монополия США породила у американских политиков, привыкших считать военную силу основой внешнеполитического воздействия, иллюзорную уверенность в том, что США-де отныне гарантирована «позиция силы» в диалоге с любой другой страной, а потому Вашингтон может делать ставку на формирование мира в соответствии со своими чаяниями — на создание «Pax Americana», т. е. «мира по-американски».

«В целом наша политика в настоящее время может быть охарактеризована как политика, нацеленная на то, чтобы создать такую мировую окружающую среду, в которой американская система могла бы жить и процветать», — говорилось в одном из важнейших документов, заложивших основы американской внешнеполитической стратегии на многие годы вперед — так называемом документе СНБ-68, разработанном в 1950 г. Советом национальной безопасности под общим наблюдением государственного секретаря Д. Ачесона по заданию президента Г. Трумэна³⁰. Этот документ был рассекречен в феврале 1975 г. государственным секретарем США Г. Киссинджером, причем публикуя СНБ-68, Киссинджер как бы лишней раз подчеркивал преемственность, традиционность внешнеполитического курса США.

Поскольку Вашингтон считал, что он располагает «абсолютным оружием» — ядерной бомбой, т. е. «абсолютной силой», то и задачи в плане формирования мира предусматривали не какие-то частные поправки в мировом балансе в пользу США, не просто приобретение тех или иных рынков или политического влияния в том или ином регионе, а абсолютное главенство воли США в решении любых международных дел, что подразумевало и полное «право» США на вмешательство в дела других стран, на изменение неугодных им режимов, и в первую очередь социалистического строя (отсюда и родились установки «сдерживания», «отбрасывания» коммунизма, «массированного возмездия» и пр.).

По оценке американских лидеров, вторая половина 40-х годов наконец-то давала им возможность полностью удовлетворить «национальные интересы» США за счет создания

«американского мира» с позиции американской силы путем подавления сопротивляющихся такому миропорядку с помощью либо войны, либо, предпочтительнее, угрозы таковой. Следует подчеркнуть, что в руководстве США было распространено мнение о «достаточности» угрозы атомной войны для единоличного руководства миром, поэтому придавалось колоссальное значение психологическому фактору — внушению остальному миру идеи «бесполезности» сопротивления стране, обладающей таким сверхмощным оружием, как атомное, которое способно, говоря словами президента Эйзенхауэра, «уничтожить мировую цивилизацию».

Самоуверенность вашингтонского руководства подкреплялась еще и тем обстоятельством, что США не были ни в коей мере затронуты бедствиями второй мировой войны и вступили в послевоенный период в зените могущества не только военного, но и экономического. По их расчетам и выкладкам, никто — ни обескровленные войной Западная Европа и Япония, ни понесший серьезнейшие потери в войне Советский Союз — не мог в обозримом будущем бросить США серьезный экономический и научно-технический вызов. Экономическая и научно-техническая сила США, полагали в Вашингтоне, послужит вторым «столпом» их абсолютного господства в мире. Как писала впоследствии американская исследовательница Ж. Николс, американские лидеры в то время считали, что они располагают «главным орудием деструкции — атомной бомбой — и главным орудием реконструкции — таким богатством, каким до этого не обладала никакая другая страна»³¹.

И даже после того, как СССР в 1949 г. создал собственное ядерное оружие, вашингтонские стратеги все еще цеплялись некоторое время за прежние иллюзии: им казалось, что они вот-вот вновь достигнут такого стратегического превосходства, которое сделает для них «дозволенной» любую военную акцию — на этот раз уже с помощью водородного оружия, более совершенной межконтинентальной авиации и пр., а затем, после того как СССР произвел взрыв термоядерной бомбы в 1953 г., — с помощью перевеса в средствах доставки...

Как показали последующие события, Соединенным Штатам не удалось реализовать свое краткосрочное превосходство в какие-либо осязаемые политико-дипломатические преимущества (Разумеется, вашингтонские лидеры не осознавали тогда, что оно будет краткосрочным — по их оценкам, они имели «фору» в 15—20 лет). Миф о неуязвимости и безнаказанности США даже в случае развязывания ими термоядерной войны развеялся, оказалось, что «абсолютной силы» не

существует, и потому приходится думать об использовании каких-то более осторожных и более гибких форм противоборства, в том числе и в военной сфере. В год успешного запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли Г. Киссинджер с грустью писал в книге «Ядерное оружие и внешняя политика»: «Вряд ли какой-либо технический прорыв в обозримом будущем будет более радикальным, чем создание атомной бомбы. И все же обладание ею не дало нам возможности помешать враждебной державе расширить орбиту своего влияния и развить способность к нанесению смертельного удара по Соединенным Штатам»³².

Запуск Советским Союзом первого искусственного спутника свидетельствовал не только о выравнивании стратегического баланса между США и Советским Союзом. Чрезвычайно важным его аспектом было опровержение долго и упорно культивировавшегося в США мифа об общем «непреодолимом», «органическом» отставании Советского Союза от Соединенных Штатов Америки.

Любопытно, что одним из первых исследований корпорации РЭНД — родоначальницы американских «фабрик мысли» — была проработка проблем создания орбитального космического корабля. В докладе корпорации, датированном 1946 г., содержались следующие строчки, оказавшиеся пророческими в свете дальнейших событий: «Поскольку власть над стихиями — это надежный показатель материального прогресса, страна, которая первой сделает шаг в космос, будет признана самой передовой в мире как в области военной техники, так и в области науки. Чтобы представить себе воздействие такого события на мир, вообразите, с каким смешанным чувством ужаса и восхищения встретили бы США известие о том, что какая-то другая страна уже осуществила запуски искусственного спутника»³³.

К концу 50-х годов под воздействием успехов Советского Союза в экономической, научно-технической и военной областях, под воздействием роста международно-политического авторитета нашей страны обнажилось несоответствие между американской гегемонистской политикой и реальным соотношением сил в мире. Именно тогда в Америке впервые заговорили о сдвиге в мировом балансе сил не в пользу США и начался медленный и болезненный процесс эволюции внешнеполитических концепций в направлении большей трезвости. Во всех слоях американского общества, включая его политическую верхушку, стали нарастать требования изменить политику — прежде всего в отношении Советского Союза, главной страны социализма, не уступающей Соединен-

ным Штатам по экономическому потенциалу и военной мощи.

Однако прошло еще очень длительное время до того, как американская администрация оказалась вынужденной действительно пойти на какое-то, хотя бы декларативное переосмысление своей внешней политики, что нашло отражение в выдвигении в 70-е годы, при администрации Никсона, тезиса о «завершении послевоенной эры» и начале нового этапа в международных отношениях.

К такому переосмыслению американскую администрацию вынудили и многие другие качественные сдвиги в развитии мировой обстановки, о которых речь впереди, но кардинальной, основополагающей реальностью, сделавшей неизбежной ту или иную модификацию американской внешней политики, был именно сдвиг в соотношении сил в мире в пользу Советского Союза, социализма.

К 70-м годам стало окончательно очевидно, что произошли серьезные изменения в расстановке сил и внутри самого капиталистического лагеря, сокращения в нем «удельного веса» Соединенных Штатов.

Оставаясь самой мощной капиталистической державой, США вместе с тем впервые столкнулись с проблемой сохранения своей руководящей роли в капиталистическом мире. Если ранее гегемония в нем Вашингтона была неоспорима и в его рамках американские решения действительно могли приниматься в одностороннем порядке, то к последней трети XX в. Западная Европа и Япония превратились в самостоятельные «центры силы», мнение которых Вашингтон уже не может игнорировать. Более того, США вынуждены не просто считаться с новыми «центрами силы», но и предпринимать особые усилия для того, чтобы заручиться их дружественностью, обеспечить единство действий всех развитых капиталистических стран ради стабилизации капитализма как социальной системы.

Взросшая экономическая мощь этих новых «центров силы» превратила их не столько в партнеров, сколько в конкурентов США, причем не только в экономической, но и в политической области. Экономический и политический потенциалы Западной Европы и Японии позволяют им делать выбор с большим учетом собственных интересов — быть ли им либо союзниками, либо конкурентами США в формировании отношений с СССР и другими социалистическими странами, с развивающимися государствами.

Одним из первых свидетельств этой новообретенной самостоятельности как раз был переход Западной Европы на путь

нормализации отношений с Советским Союзом во второй половине 60-х годов, до того, как на такой же курс вступили Соединенные Штаты³⁴. «...Мир в котором нам приходится жить сегодня, — это уже и не черно-белый мир холодной войны, — колстатировал С. Хоффман, — и не тот мир, в котором Вашингтон мог удовлетворять все свои экономические прихоти»³⁵.

Качественно изменились позиции США в современных международных отношениях и за счет осложнения отношений с развивающимися странами. Происшедшее после второй мировой войны крушение колониальных империй привело к тому, что на международной арене появились десятки молодых государств, получивших государственную самостоятельность, освободившихся от колониального, полуколониального и зависимого положения в результате изменения соотношения классовых сил в мировом масштабе и слома колониальной системы империализма. Молодые государства составляют около двух третей от общего числа государств планеты в настоящее время — примерно 100 из 160.

Уже само по себе такое значительное увеличение общего числа участников современных международных отношений не могло не внести важных изменений в общую картину международной жизни. Однако этим дело не ограничивается. Если в первые послевоенные десятилетия американскому империализму, не скомпрометированному в прошлом владением колониями, удалось в какой-то мере «перехватить» волну национально-освободительных движений, и, пользуясь методами неокOLONИализма, сохранить большинство освободившихся стран в политической и экономической орбите капитализма, то 70-е годы знаменовали поворот во взаимоотношениях этих государств с империализмом, вступление освободившихся стран в новый период борьбы за подлинную независимость — противодействие неокOLONИализму, политическому и экономическому.

Острые этой борьбы направлено именно против Соединенных Штатов, ставших для молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки воплощением неокOLONИализма. «По сути дела, — пишет известный советский специалист по проблемам освободившихся стран К. Н. Брутенц, — начался кризис неокOLONИализма. Такой ход событий способен оказать существенное влияние на экономику капитализма, на мирохозяйственные связи. Он имеет и важное политическое значение»³⁶. По мнению известного американского международного профессора Принстонского университета Р. Фол-

ка, растущая активность и влияние развивающихся стран в мировой политике, уже ставшие в 70-е годы причиной определенного «перераспределения доходов и политического влияния» между промышленно развитыми капиталистическими государствами и развивающимися странами, могут быть сопоставимы по своему политическому значению только с «открытием ядерной энергии».

Число участников международных отношений выросло во второй половине XX в. не только за счет появления большого количества новых национальных субъектов, но и за счет рождения многочисленных и разнообразных «транснациональных» действующих лиц — международных монополий, всяческих «общих рынков», альянсов, союзов, формальных и неформальных объединений, движений и т. п. Не меняя в принципе картину международных отношений, деятельность транснациональных организаций, накладываясь на деятельность национальных правительств, иногда пересекаясь с ней или вступая в противоречие, усложняет общую картину международных отношений.

Все эти явления и процессы, значительно изменившие картину мира в 70-е годы, тесно переплетаются с идущей бурными темпами научно-технической революцией, оказавшей серьезное воздействие буквально на все стороны общественной жизни.

Один из важных аспектов воздействия научно-технической революции на международные отношения состоял в том, что она потребовала серьезного пересмотра традиционных представлений о силе государства.

В характеристике населения, например, на первый план вышли не привычные показатели численности, а новые, качественные характеристики, связанные не только со структурой занятости, но и с уровнем образования и профессиональной подготовки специалистов; успехи в области транспорта и электросвязи расширили свободу «географического маневра» и понизили значение таких показателей, как близость промышленности к источникам сырья и энергии; по мере развития средств массовой коммуникации и информации дипломатия стала характеризоваться не только степенью активности, но и масштабами воздействия на мировое общественное мнение; даже в оценках экономического потенциала стал играть важную роль не только абсолютный уровень валового объема производства, но и качество и сложность промышленных изделий, способности к внедрению научно-технических новшеств в производство, показатели совершенства системы организации труда и управления, ибо именно

они стали залогом высокого уровня и динамизма экономического развития. Научно-технический прогресс изменил характеристики даже такого, казалось бы, совершенно стабильного фактора силы, как сырьевая обеспеченность, ибо современная наука открывает пути преодоления сырьевых трудностей за счет повышения эффективности добычи сырья, выявления принципиально новых его источников, создания заменителей и т. п.

В результате многое из того, что ранее считалось определяющим силу государства, было потеснено совершенно новой, самостоятельной группой показателей научно-технического развития общества, характеризующих масштабы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, количество и квалификацию специалистов, материально-техническую оснащенность, способность к массовому производству сложнейших наукоемких изделий и т. п. — т. е. показателями, которые складываются в своей сумме в понятие научно-технического потенциала государства.

Характеризуя воздействие научно-технической революции на современный империализм и его политику, международное Советское коммунистических и рабочих партий 1969 г. подчеркивало: «Научно-техническая революция открывает перед человечеством беспрецедентные возможности преобразования природы, создания огромных материальных богатств, умножения творческих способностей человека. В то время как эти возможности должны были бы служить благу всех, капитализм использует научно-техническую революцию для увеличения прибылей и усиления эксплуатации трудящихся.

Научно-техническая революция ускоряет процесс обобществления экономики; в условиях господства монополий это ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой. Не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые. Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращающая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подав-

ляющего большинства нации и финансовой олигархией»³⁷.

Изменение соотношения сил в мире в пользу социализма возвело серьезные преграды на пути империалистических попыток добиваться своих целей на мировой арене вооруженным путем. Исторический процесс объективно привел к тому, что для империализма оказалось нежелательным — по чисто эгоистическим соображениям самосохранения — идти на развязывание конфликта, в котором невозможно иметь априорную уверенность в победе. В то же время начинать «пробу» военных сил по классическому принципу Наполеона («сначала надо ввязаться в бой, а там уж будет видно»), оказывается, в ракетно-ядерную эпоху невозможно по причине исключительной разрушительности стратегических систем оружия, ибо такая «проба», чреватая в прошлом для проигравшей стороны лишь потерей небольшой части населения и территории, ныне может, как признают даже военные специалисты, окончиться гибелью мировой цивилизации. В результате не только изменение соотношения сил в мире в пользу социализма, но и сама логика военно-технического развития привела к возникновению парадоксальной ситуации, когда приращение военной мощи перестает давать соответствующее приращение силы государства в том понимании, о котором мы говорили выше, — как способности воздействовать на международно-политические процессы в мире.

Это, конечно, не означает, что поставлен предел попыткам империализма перевести какие-то принципиально новые военно-технические возможности в значимое политическое превосходство. Но все же в сфере внешней политики увеличился, особенно в 70-е годы, удельный вес иных направлений реализации научно-технического потенциала — направлений, связанных прежде всего с внешнеэкономической экспансией, с созданием совершенно новых форм технологической зависимости, которая привязывает менее развитые в научно-техническом отношении государства к более развитым.

По существу такая «привязка» возможна потому, что современная научно-техническая революция не является суммой нескольких нововведений, для ее реализации необходима дорогостоящая и сложная инфраструктура, способная обеспечить лавинный поток новшеств. Государство, опередившее других в создании такой инфраструктуры, может действительно извлечь из этого целый ряд экономических и политических выгод. Государство, таковой не имеющее, оказывается перед дилеммой: либо прочно связать себя со страной, имеющей высокий научно-технический потенциал (что в условиях капиталистического общества неминуемо

влечет за собой ту или иную степень утраты хозяйственной, а следовательно, и политической независимости), либо обходиться собственными ограниченными средствами и отстать по научно-техническому уровню (что для страны, привязанной к мировому капиталистическому рынку, вновь означает подрыв конкурентоспособности и, с большой долей вероятности, опять-таки хозяйственную и иную зависимость от более развитой страны).

Таким образом, научно-техническая революция в силу самого своего характера открывает действительно немалые возможности международного воздействия. Практически для любого государства в мире научно-техническая автаркия уже невозможна без ущерба для собственного развития; международное разделение научно-технического труда стало практическим императивом.

Весь вопрос в том, какой характер может носить это разделение. Империалистические страны, и прежде всего их лидер — Соединенные Штаты Америки, явно ориентируются на то, чтобы максимально эксплуатировать свой научно-технический потенциал как базу для силового воздействия на международной арене. Советский Союз — единственное государство в мире, обладающее потенциалом, не уступающим американскому, всей своей политикой способствует формированию в мире новой системы отношений, действительно основанной на равноправном, конструктивном, выгодном для всех участников сотрудничестве. Тем самым существенно нейтрализуются отрицательные силовые аспекты использования Соединенными Штатами их научно-технических и иных преимуществ.

Надо сказать, что научно-техническая революция тоже создает определенные предпосылки для широкого международного сотрудничества, прежде всего в силу объективных закономерностей развития современного общественного производства и интернационализации самой науки и техники.

Многие социально-экономические и экологические последствия научно-технической революции имеют глобальный характер, и потому возникающие в этой связи проблемы могут быть эффективно решены лишь на международном уровне. Именно поэтому такие важные направления научно-технического прогресса, как исследование космического пространства, использование ресурсов Мирового океана, развитие воздушных и иных транспортных связей, энергосистем, неизбежно оказываются объектами межгосударственных сношений.

В ряду аналогичных по своей глобальности проблем сле-

дует также назвать деятельность по охране окружающей среды и тщательному изучению способов разумного на нее воздействия (сюда относятся техника прогнозирования и изменения погоды и климата; крупномасштабная деятельность по изменению земного ландшафта — например, строительство гигантских плотин, изменение русла рек и пр.; защита окружающей среды, поддержание в биосфере необходимого для жизни равновесия и т. д.). Не только стоимость такого рода проектов, но и сами масштабы воздействия на природу, размеры затрагиваемых географических регионов, серьезность последствий, особенно долгосрочных, выводят все эти проблемы за национальные рамки.

В условиях научно-технической революции по-новому начинают выглядеть и такие далеко не новые для человечества проблемы, как обеспечение всего населения земного шара достаточным количеством продовольствия, удовлетворение мировой потребности в энергоресурсах и других полезных ископаемых и многие другие. Эти проблемы, может быть, впервые в истории человечества становятся решаемыми, но их решение опять-таки вряд ли возможно на узконациональной основе.

В последние два десятилетия произошло беспрецедентное расширение круга проблем, являющихся предметом межгосударственных сношений и в силу логики развития мирохозяйственных связей, и благодаря научно-технической революции. И эти проблемы столь серьезны, что не все они могут быть подчинены чисто военно-политическому подходу.

«Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический, создание нового государственного механизма управления экономикой, в частности внешнеэкономической экспансией, внешней торговлей, привели к возникновению определенных звеньев, еще более тесно связывающих сферу экономического развития той или иной страны со сферой ее внешней политики», — подчеркивают авторы фундаментального советского исследования «Политическая экономия современного монополистического капитализма»³⁸.

«Последние годы продемонстрировали возрастание числа и спектра проблем, стоящих на повестке дня внешней политики. Более того, традиционные представления о национальной безопасности не отвечают новым условиям. Защита от военных угроз будет оставаться главной проблемой внешней политики, но национальной безопасности могут угрожать события и за пределами военно-политической сферы. Таяние арктического ледяного панциря, нарушение озо-

новой оболочки, утечка радиоактивных отходов и безостановочный рост мирового населения могут угрожать безопасности американцев и других народов так же серьезно, как события, которые могут возникнуть в традиционной военно-политической области», — пишут Р. Кохейн и Дж. Най в одном из приложений к многотомному докладу комиссии Мэрфи, разрабатывавшей проблему реорганизации американского правительства для более эффективного осуществления внешней политики³⁹.

О том же с официальной трибуны говорил в бытность государственным секретарем США Г. Киссинджер: «Продвижения в решении проблем традиционной повестки дня (дипломатической. — *И. Ш.*) уже недостаточно. Появились новые и беспрецедентные проблемы. Проблемы энергетики, ресурсов, окружающей среды, народонаселения, использования космоса, океана сейчас стоят в одном ряду с проблемами военной безопасности, идеологии и территориальных споров, которые традиционно составляли суть дипломатической повестки дня»⁴⁰.

И это подводит нас к еще одной важной реальности современного мира — к гораздо более тесному, чем ранее, переплетению внешней политики с внутренней.

Собственно, для марксистов в этом тезисе нет ничего нового. В. И. Ленин в свое время настоятельно требовал от ученого умения видеть взаимосвязь, классовое единство сущности внутренней и внешней политики государства. «Выделять „внешнюю политику“ из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль», — писал он в работе «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“»⁴¹.

Что касается буржуазной науки и практики, то для нее констатация столь тесной взаимозависимости внутренней и внешней политики — примета последнего периода, урок, усвоенный на собственном нелегком опыте. Вот что пишут эксперты Трехсторонней комиссии в докладе «Проблема международных консультаций»: «В настоящее время многие из наиболее острых вопросов представляют собой международные последствия внутренних экономических проблем, реакций и линий поведения; и в то же время действует и обратная связь — воздействие международных экономических событий на внутренние дела. Инфляция, безработица, спад, социальное недовольство создают большое политическое давление, которое слишком часто имеет результатом принятие узконациональных решений, не учитывающих, как эти ре-

шения скажутся на других. Группы давления и правительственные ведомства, которые ранее находились на периферии международных отношений, теперь прямо с ними связаны. Если нам не удастся взять под разумный контроль экономический аспект сложного взаимодействия между членами трехстороннего партнерства, могут оказаться подорванными политические и военные структуры. Задача состоит в том, чтобы сохранить экономический фундамент, на котором покоятся политические и военные обязательства, и одновременно в том, чтобы избежать уродливых трений и напряженности, которые, если на них не обратить внимания, способны привести к разрушению всей системы»⁴².

Осознание этих новых реальностей в системе современных международных отношений пробивало себе путь в Соединенных Штатах медленно и с большим трудом, однако, действуя в сумме, эти реальности стали вынуждать американский правящий класс идти на определенную модификацию своих силовых концепций — не то чтобы на их полную ревизию, конечно, но все же на определенное приспособление к изменившимся условиям окружающей международной среды.

3.

Возрастающий упор на невоенные факторы силы

Болезненный процесс адаптации к новым историческим условиям американской внешнеполитической доктрины на главном ее направлении — опоры на военную силу — начался по существу еще со второй половины 50-х годов, т. е. с того самого времени, когда Вашингтону стало ясно, что в случае развязывания им ядерной войны она может обернуться для США самоубийством, ибо потенциальный противник американского империализма — Советский Союз в состоянии противопоставить агрессору аналогичную стратегическую мощь.

Тогда в числе первых, кто в эпоху ядерного противостояния по-новому рассмотрел проблему соотношения политики и военной силы, использования последней в качестве решающего орудия внешней политики, были Г. Киссинджер, в то время профессор Гарвардского университета, М. Тэйлор, генерал в отставке, бывший председатель Комитета начальников штабов и некоторые другие теоретики⁴³. Они выдвинули тезис о том, что военные средства колоссальной разрушительной силы, созданные в результате научно-технической революции, не способны решать реальные внешнеполитические задачи.

Понимание этого обстоятельства с неизбежностью вело к определенной девальвации роли стратегической военной силы. Но такая девальвация отнюдь не означала пересмотра отношения к военной силе в целом — просто речь шла о том, чтобы найти способ вновь сделать войну «используемым инструментом политики»⁴⁴. Тогда американская стратегическая мысль вывела на авансцену доктрину ограниченной — «малой» войны, идею «дозированного» применения военной силы в конфликте.

«...Империализм США, — констатировало международное Совецание коммунистических и рабочих партий 1969 г., — вынужден учитывать сложившееся соотношение сил на международной арене, ядерный потенциал Советского Союза и возможные последствия ракетно-ядерной войны, ему становится все труднее, опаснее делать ставку на развязывание новой мировой войны. В этих условиях американские правящие круги, не отказываясь от подготовки к такой войне, особый упор делают на локальные войны»⁴⁵.

Только сокрушительное поражение США во Вьетнаме развеяло иллюзии в отношении возможности использовать американскую военную силу в локальных конфликтах как эффективное средство в борьбе с национально-освободительными движениями народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Уже после ухода с государственной службы Г. Киссинджер следующим образом подытоживал уроки конца 60-х годов для американской внешней политики: «Наши внешнеполитические затруднения часто описываются как наследие Вьетнама. Но тяжелейшее вьетнамское испытание было не причиной, а лишь симптомом. Конец 60-х годов, совпавший с вьетнамской эпопеей, означал конец того периода, когда Америка была несравнимо более могущественной, чем любая другая страна, когда мы могли атаковать проблемы в одиночку и решать их исключительно с помощью своих собственных ресурсов»⁴⁶. По существу исход американской авантюры во Вьетнаме как раз особенно важен именно тем, что он вынудил пойти на, так сказать, вторичную девальвацию, хотя тоже еще далеко не окончательную, роли военной силы как инструмента внешней политики США — на сей раз на девальвацию военной силы в целом, а не какого-то одного ее компонента. Поэтому З. Бжезинский назвал исход войны в Индокитае «Ватерлоо» для всей системы американских внешнеполитических ценностей и приоритетов.

Именно после Вьетнама и получила широкое распространение американская формула о непереводаемости силы в

политическое влияние — формула, являющаяся не чем иным, как самообобщением опыта американского империализма в конкретных исторических условиях.

Принятие этой формулы стало возможным лишь как признание провала курса «с позиции силы» и, в свою очередь, позволило Соединенным Штатам принять, пользуясь терминологией Г. Киссинджера, «императив мирного сосуществования» двух систем.

На пресс-конференции 12 октября 1971 г. в связи с достижением принципиальной договоренности о встрече президента США в Москве с руководителями Советского Союза Р. Никсон сказал: «Если будет новая мировая война, если будет война между сверхмощными державами, то никто не выиграет. Все только проиграют. Я думаю, что мы можем признать также, что ни одна крупная держава не может получить решающего преимущества над другой... Именно по этой причине сейчас настал момент урегулировать наши разногласия, урегулировать их с учетом наших расхождений во мнениях, признавая, что они все еще очень глубоки, признавая, однако, что в настоящий момент никакой альтернативы переговорам не существует»⁴⁷. Выступая в Кремле 22 мая 1972 г., президент США, развивая ту же мысль, подчеркнул, что «в ядерный век... не существует такого понятия, как безопасность, обеспеченная преобладанием силы...»⁴⁸.

Это был совершенно иной подход, чем констатация желательности вести с СССР переговоры только «с позиции силы».

Изменившееся соотношение сил на мировой арене, в том числе и факт достижения Советским Союзом паритета с Соединенными Штатами в области ракетно-ядерных вооружений, Советское государство стремится использовать не для осуществления какого-то собственного варианта политики «с позиции силы», а для того, чтобы вообще уменьшить роль военной силы в международных отношениях, добиваясь перевода «проб силы» между двумя системами из области военной борьбы, военной конфронтации в невоенную сферу, сферу мирного экономического соревнования, включающего и отношения взаимовыгодного сотрудничества. Поэтому Советский Союз приветствовал, когда правящие круги США и других стран Запада пришли к определенному осознанию желательности и необходимости заменить курс, делавший в первую очередь ставку на обострение конфликта между двумя системами, курсом, предполагающим урегулирование наиболее опасных и дестабилизирующих элементов международной

политической ситуации путем мирных переговоров и политического сотрудничества.

«Правилами игры», которые способствовали бы нормализации международной обстановки, а не ее обострению, и оказались принципы мирного сосуществования, выдвигавшиеся Советским государством с момента его возникновения в качестве основных норм поведения государств с различными системами в условиях международных отношений XX в.

Эти нормы равноправного международного общежития были в течение 70-х годов зафиксированы в десятках международных документов, таких, как «Принципы сотрудничества между СССР и Францией» от 1971 г., «Основы взаимоотношений между СССР и США» от 1972 г., Заключительный акт общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству от 1975 г. и в целом ряде других.

Важнейшим внешнеполитическим документом в этом ряду явилось и советско-американское Соглашение о предотвращении ядерной войны (1973 г.). По этому соглашению стороны обязались «действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способное вызвать опасное обострение их отношений», в частности «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против другой стороны, против союзников другой стороны и против других стран в обстоятельствах, которые могут поставить под угрозу международный мир и безопасность. Стороны согласились руководствоваться этими соображениями при формулировании своей внешней политики и в своих действиях в области международных отношений»⁴⁹.

Принятие на себя государствами подобных обязательств, равно как и весь ход изменений в международной обстановке способствуют смещению главных плацдармов борьбы на международной арене в иные, невоенные сферы — экономическую, политическую, идеологическую. Доктрина «сдерживания» в период холодной войны подразумевала активное противодействие Советскому Союзу, социализму вообще по всем направлениям — военному, политическому, экономическому, идеологическому. Однако в тот период упор на использование военного давления был настолько силен, что постепенно, по выражению М. Шульмана, «политические соображения потонули во всепоглощающей одержимости военной силой в качестве главного средства политики»⁵⁰. На грани 60—70-х годов «одержимость военной силой» в ущерб всем остальным инструментам внешней политики как будто начала отступать в политическом мышлении Вашингтона.

Военная сила в какой-то мере девальвировалась не только потому, что ее применение становится потенциально чересчур опасным для самих США. Военная сила, как становилось все очевиднее, просто не имеет отношения к большинству проблем, стоящих перед Америкой, и не может ничего дать для их решения.

Военная сила, например, не гарантирует сохранения влияния в третьем мире: «Влияние,—пишет С. Хоффман,— не есть просто функция от военной силы. Его нельзя сохранить только за счет американского военного превосходства в данном районе. Влияние зависит от экономических тенденций — от политических и социальных последствий спада или инфляции. В еще большей степени оно зависит от политического и социального развития чисто местного характера, особенно от прихода к власти антиамериканских или даже просто не проамериканских сил, независимо от того, являются ли эти группировки коммунистическими и тесно связанными с Москвой, или же коммунистическими, но мало связанными с Москвой, или вообще не являются коммунистическими.

Против таких угроз ни военная сила, ни использование старого боевого клича антикоммунизма не могут служить панацеей. Иногда, как в Чили, подрывные действия, сочетание внешних санкций с помощью внутренней оппозиции способны подавить „угрозу“. Но, как и во Вьетнаме, все зависит от местных условий»⁵¹.

Разумеется, тут тоже очень важную роль играет наличие Советского Союза, стран социализма: не будь их, не оказывая они самим своим существованием сдерживающего влияния на американский империализм, «дипломатия канонерок» была бы, очевидно, гораздо больше в ходу. Факт остается фактом — США не удастся более полагаться на военную силу как на автоматически эффективный инструмент воздействия на развивающиеся страны. Хотя не исключены и рецидивы «политики канонерок», как показали, например, воинственные действия консервативного правительства Англии против Аргентины (при полном одобрении и прямой поддержке Вашингтона) в ходе конфликта вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов.

Что касается борьбы между империалистическими партнерами-соперниками, то тут прямое использование военной силы представляется в современных условиях весьма сомнительным, если не исключенным вообще. Соединенные Штаты в послевоенный период использовали в отношении союзников военную мощь опосредованно, т. е. эксплуатиро-

вали свою роль «гарантов безопасности» перед лицом «советской угрозы» для прочного привязывания этих стран к себе (и в том числе для получения некоторых выгод чисто экономического плана). Но период разрядки понизил эффективность военной силы даже и в этой роли, ибо тема «советской военной угрозы» в условиях нормализации международных отношений, в частности отношений западноевропейских стран с Советским Союзом, перестает автоматически действовать как объединительный стимул. В обстановке разрядки, подчеркивают Бергстен, Кохейн и Най, в условиях снижения угрозы военной конфронтации, в приоритетах американских партнеров на первый план стали выходить новые цели — «достижение экономического благосостояния, политической автономии, престижного статуса»; для осуществления этих — невоенных — задач военная сила не годится, хотя она и остается «центральным компонентом национальной мощи»⁵².

Генерал М. Тэйлор, признавая ограниченность возможностей военной силы США в современном мире, писал: «Хотя большинство из нас в силу привычки склонно рассматривать национальную безопасность в основном как защиту национальных ценностей от военных угроз военными же средствами, ныне мы имеем в избытке доказательств того, что подобная концепция не соответствует положению вещей. В повестке дня наших текущих забот фигурирует слишком много гражданских угроз, чтобы можно было продолжать придерживаться столь узкого подхода, — там стоят такие проблемы, как рост народонаселения, инфляция, спад, нехватка ресурсов и потеря доверия к правительству. Не только причины и следствия такого рода угроз не имеют в целом военного характера, но и средства их решения мало что могут позаимствовать у военной мощи, олицетворяемой вооруженными силами»⁵³.

На эволюцию отношения к военной силе повлиял и рост сознательности народных масс, усиление в стране демократических сил и движений. Массовые демонстрации в США в конце 60-х годов, напугавшие правящие круги, свидетельствовали об обострении внутренних экономических и социальных проблем, о резком углублении в стране расовых антагонизмов. Американские авторы писали с глубокой тревогой о высоком уровне безработицы, о кризисе здравоохранения и социального обеспечения, видя во всем этом одно из отрицательных последствий гипертрофированного развития военно-промышленного комплекса США.

Многие дальновидные представители правящего класса

в этих условиях требовали переключить внимание на внутренние проблемы, более активно заняться социальными реформами, чтобы укрепить устой капитализма в США. «Слишком занятая внешней политикой, нация растрачивает свои ценности, человеческие и материальные. Рано или поздно этот капитал нужно будет восстанавливать, переключив созидательную энергию на внутренние проблемы», — писал в 1967 г. видный сенатор-демократ Дж. Фулбрайт в книге «Самонадеянность силы», призывая к пересмотру внешнеполитического курса США в духе реализма⁵⁴.

Необходимость перераспределения ресурсов между внешними и внутренними программами — в пользу последних — также подвела Вашингтон к пониманию необходимости большей сдержанности во внешней политике.

При всем этом, разумеется, американская политическая элита не дезавуировала инструмент войны вообще — она по-прежнему готова прибегать к военной силе в обстоятельствах, которые не чреватy чрезмерной угрозой для безопасности самих США, не говоря уже о том, что военная сила продолжает сохранять роль как «последнего довода», так и источника общего «силового фона» для применения иных средств и инструментов внешней политики. Тем не менее американские теоретики «большой стратегии», включая и профессиональных военных, начали придавать всевозрастающее значение экономическим, технологическим (научно-техническим) инструментам, качеству американского производства новых товаров, прежде всего наукоемких, и услуг, сохранению сильных позиций США в передовых отраслях науки и техники, в освоении космоса, ресурсов Мирового океана, в разработке новых источников энергии и т. п.

Вот, например, как оценивают ситуацию профессиональные военные — авторы сборника «Национальная безопасность и разрядка», вышедшего в 1976 г. под редакцией генерала Э. Гудпейстера (бывшего главнокомандующего вооруженными силами НАТО): «Не следует делать вывода о том, что военная мощь, сила оружия будут играть второстепенную или незначительную роль в установлении иерархии влияния в формирующейся, более разветвленной системе международных отношений. Война будет оставаться допустимым орудием национальной политики государств, составляющих менее крупные подсистемы. Более того, военная мощь крупной державы будет как минимум оказывать эффективное психологическое влияние на то, как часто будут возникать подобные конфликты и каков будет их исход.

Тем не менее все же именно невоенные факторы будут в значительной мере предопределять эффективность военной силы той или иной державы при решении и чисто военных, и невоенных задач»⁵⁵.

Патриарх американских стратегов, ныне покойный Бернард Броди в последней своей крупной работе, «Война и политика», изданной в 1973 г., раздумывая о философии военной политики США, настоятельно предупреждал об опасности рассмотрения стратегии национальной безопасности исключительно сквозь призму военной силы⁵⁶.

Генерал-лейтенант в отставке Джеймс Гэвин, автор нашумевшей в 50-е годы книги «Война и мир в космический век», в которой он доказывал необходимость форсированной подготовки Соединенных Штатов к новой, глобальной войне, к концу 60-х годов пришел к выводу, что роль военной силы изменилась настолько, что с ее помощью уже вообще невозможно решать истинно стратегические задачи — она может быть способом решения лишь частных, тактических задач. «Первейшей целью стратегии в использовании национальной силы должно быть достижение наших национальных целей без необходимости использования каких-либо тактических сил, — доказывает он. — Таким образом, мера успеха стратегии в использовании национальной мощи есть та степень, в какой она делает военную баталию ненужной... В самом деле, в той глобальной деревне, в которой мы ныне живем, все орудия войны — от винтовок до баллистических ракет — стали тактическим оружием. Стратегия же в плане взаимоотношений между странами приобрела совершенно иное измерение»⁵⁷.

Девальвация роли военной силы сильно сказалась на взглядах очередного поколения американских теоретиков-международников, вызвав определенный скепсис в отношении дальнейшей справедливости постулатов «реальной политики». Г. Киссинджер, типичный «реалист» и традиционалист, вынужден был констатировать: «...мы вступаем в новую эру. Старые международные структуры разваливаются; старые лозунги неприменимы; старые решения не помогают. Мир стал взаимозависимым — в экономике, в средствах связи, в человеческих устремлениях»⁵⁸. Экономические и политические неурядицы в начале 70-х годов заставили даже Г. Моргентау заявить о разрыве функциональной зависимости между политической, экономической и военной силой и тем самым фактически признать, что его стройная силовая теория не соответствует реальной жизни⁵⁹.

Американцы окончательно лишились даже того утешения, которым раньше успокаивали себя многие — если, мол, дела в мире пойдут совсем нехорошо, США всегда могут «повернуться к миру спиной» и заняться собственными делами в «крепости Америке». Как выяснилось, Америка перестала быть такой уж крепостью, и с миром ее связывают узы столь тесной, а главное, обоюдной зависимости, что их нельзя расторгнуть или даже существенно ограничить без ущерба для самих себя.

«Мы более не являемся Гулливером в мире государств-лилипутов,— писал один из руководителей Совета по внешним сношениям Б. Мэннинг,— США уже не могут простым изъявлением своей воли обеспечить себе желаемое по всему кругу международных проблем, которые встанут в повестку дня. Как и другие государства, США вынуждены теперь выторговывать то, что им необходимо... История еще никогда не ставила американцев в такие условия для проведения внешней политики»⁶⁰. Традиционному американскому оптимизму был нанесен тяжелый удар. «Предстоящие десятилетия,— констатировал главный теоретик «постиндустриального общества» Д. Белл,— могут стать периодом, когда Соединенные Штаты утратят позиции центра мирового могущества»⁶¹.

Если уж твердые приверженцы «реальной политики» стали говорить и писать о непригодности старых лозунгов и решений, то неудивительно, что международники новой, послевоенной формации, те, кто вступил на путь самостоятельной научной работы в 60-е годы, обратились к разработке альтернативных концепций и подходов.

Если «реалисты» на все происходящее в мире смотрели сквозь призму «борьбы за власть и влияние», то их оппоненты в своем видении мира главным считают процессы интернационализации и глобализации. Заметим попутно, что дать имя этому новому направлению нелегко — часто их называют модернистами, но этот термин слишком расплывчат и, пожалуй, уже закреплен за сторонниками квантификации; Э. Бжезинский несколько иронически окрестил их «планетарными гуманистами», но это мало что объясняет, хотя «планетарность» подхода действительно налицо; еще их порой именуют экополитиками, имея в виду интерес к экономическим и экологическим проблемам современного мира; впрочем, они и не составляют такой однородной школы, как школа «реальной политики», единственное, что их всех объединяет, это вера в растущую взаимозависимость мира; чисто условно их можно назвать глобалиста-

ми-интеграционистами. Как среди историков американской внешней политики периода после второй мировой войны возникло критическое направление «ревизионистов», подвергнувших пересмотру официальную американскую версию причин возникновения «холодной войны» и вообще послевоенный курс США в отношении Советского Союза и других социалистических стран, так и в среде теоретиков в 70-е годы появились свои «ревизионисты», поставившие под сомнение классические постулаты «реальной политики».

В пылу полемики некоторые из них впадают в крайности, заявляя, например, что национальное государство в экономической жизни уже совершенно бессильно, почти мертво, что в международных отношениях подлинными субъектами теперь стали лишь международные организации, транснациональные монополии, общественные движения и иные глобальные силы⁶².

Традиционалисты стремятся удержать свои позиции, указывая на элемент постоянства в международных отношениях, на то, что военная сила при всем изменении ее роли остается становым хребтом политики, и ситуация ядерного паритета и взаимного сдерживания служит тому важным доказательством. Они черпают поддержку своих тезисов в достаточном большом количестве военных конфликтов, существующих в мире в каждый данный момент, в подъеме националистических настроений, характерных для последнего десятилетия.

Если абстрагироваться от полемических переделок, то следует признать, что у глобалистов-интеграционистов действительно серьезный счет к своим бывшим учителям-«реалистам»; вот как об этом пишут типичные представители критически настроенной группы Р. Кохейн и Дж. Най: «Традиционно в классической науке о международных отношениях мир изображался постоянно в „состоянии войны“, и поведение государств в таком мире объяснялось хронической опасностью военного конфликта. Во время холодной войны, особенно в первое десятилетие после второй мировой войны, такой подход, адепты которого именовали его „политическим реализмом“, получил широкое распространение среди теоретиков и практиков международных отношений в Европе и в Соединенных Штатах. На протяжении 60-х годов многие в остальном проницательные исследователи, стоявшие на позициях реализма, не сумели рассмотреть появление новых проблем, которые выходили за рамки вопросов военной безопасности. Если продолжать смотреть на мир с тех же позиций в конце 70-х или в 80-е годы, то это

приведет к еще более удаленным от реальности представлениям»⁶³.

По мнению Кохейна и Ная, «реалисты» внесли свою лепту в формирование типичного американского менталитета периода «холодной войны», потому что они «настаивали на том, что национальная безопасность является первостепенной национальной целью и что в международной политике угрозы национальной безопасности неизменны»⁶⁴. Кохейн и Най поэтому считают «реалистов» в какой-то степени ответственными за деформированное изображение международных отношений, при котором «некоторые изменения, особенно в направлении радикализации режимов в третьем мире, представлялись как враждебные национальной безопасности США, в то время как фундаментальная перестройка в экономических отношениях между развитыми в промышленном отношении странами изображалась как нечто незначительное»⁶⁵. Ранее авторы прямо упрекали Г. Киссинджера в том, что он в фундаментальной работе «Беспокойное партнерство», вышедшей в 1965 г. и посвященной специально отношениям США с Западной Европой, практически вообще не упоминает об экономических разногласиях, хотя уже в то время экономические проблемы были причиной серьезных сложностей в отношениях между союзниками.

Кохейн и Най считают, что в период президентства Никсона теоретики в его окружении сделали попытку, на их взгляд неудачную, оживить концепции «баланса сил» применительно к пяти центрам — СССР, США, Западной Европе, Японии и КНР — именно потому, что уже было невозможно не видеть новых процессов в мире — снижения угрозы войны, нарастания экономических конфликтов и т. п., но в то же время президент и его окружение пытались сохранить традиционные подходы к трактовке силы.

Критика в адрес «реалистов», видимо, обострялась еще и тем обстоятельством, что эта доктрина действительно долгое время была фактически официозной в США, и потому авантюризм и неудачи американской внешней политики подорвали ее авторитет.

Справедливости ради следует сказать, что умеренное крыло «реалистов» в свое время сыграло и определенную объективно позитивную роль, выступая против оголтелого антикоммунизма и чрезмерной идеологизации американской внешней политики послевоенного периода, отстаивая более трезвую и менее мессианистскую формулировку целей и задач Соединенных Штатов Америки на мировой

арене. Но в целом, несомненно, постулаты «реалистов» отражали абсолютизацию не столько даже силы, сколько конфликта, войны как таковой, исключали самую возможность существования общих интересов у противоборствующих государств.

Как говорилось в наиболее влиятельной работе Моргентау, «вся история свидетельствует о том, что государства, активно участвующие в международных отношениях, неизменно либо готовятся к войне, либо ведут ее, либо заживают раны, причиненные организованным насилием в виде войны»⁶⁶. И хотя сам Моргентау в 70-е годы заметно сдвинулся в направлении признания не только «мирной борьбы» между государствами, но и существования важной сферы общих интересов у США с другими государствами — сферы предотвращения ядерной войны*, тем не менее школа «реальной политики» продолжает ассоциироваться прежде всего с пропагандой силового подхода и с убеждением, что конфликт — главная модель поведения на мировой арене.

Однако при ближайшем рассмотрении глобалисты-интеграционисты — или как бы там они себя ни называли — не столь сильно отличаются от критикуемых ими «реалистов», ибо они просто ищут иные способы максимизации силы применительно к изменившимся мировым условиям, в которых американскому империализму приходится функционировать, и применительно к трансформации самого понятия силы. Если реалисты в зените своего влияния действовали в период, когда еще жива была вера во всемогущество Америки, в ее способность формировать окружающую действительность по своим усмотрениям, то нынешнему поколению американских международников приходится признать, что Америка вынуждена приспособливаться к меняющемуся миру, что она не всемогуща, что она не неуязвима

---

* В работе «Новая внешняя политика для Соединенных Штатов», изданной в конце 60-х годов, Моргентау, в частности, писал: «Идеологический спор между враждебными философскими, социальными и политическими системами и образами жизни в конце концов будет решаться не политическими, военными, пропагандистскими и экономическими интервенциями в дела других стран, а очевидными добродетелями и пороками их соответствующих политических, экономических и социальных систем... Новым аспектом термоядерного века является то, что США... имеют также общие интересы с другими нациями, и эти интересы могут быть удовлетворены без ущерба для любой страны. Избежание термоядерной войны — главный пример таких общих интересов» (*Morgenthau H. J. A New Foreign Policy for the United States*. N. Y., 1969, p. 243).

и находится в состоянии зависимости от других. В таком мире — мире не абсолютной силы и не конечных решений — рецепты прежнего, «имперского» характера недействительны, отсюда — и поиски новых способов создания для США перевеса, той или иной степени превосходства. Но цель — сохранение превосходства — объединяет и «реалистов», и их критиков.

Понятие «сила» обе «школы» также определяют примерно в одинаковых терминах, как способность воздействовать на поведение других субъектов международных отношений или на конечные результаты (недаром выше, в перечне типичных определений силы, мы цитировали обе точки зрения).

Естественно, однако, что теоретики взаимозависимости указывают на некоторые важные аспекты трансформации силы. Впрочем, тут у них нет монополии — одно из наиболее ярких описаний изменений в структуре государственной силы, породивших новый подход к проблеме политического влияния, принадлежит Г. Киссинджеру. «Наиболее поразительная черта нынешнего периода, — указывал он, — черта, которая придает ему сложность и одновременно внушает надежду, — это радикальное изменение в характере силы. На протяжении истории сила, как правило, была однородной; военный, экономический и политический потенциалы были тесно связаны между собой. Чтобы быть могущественным, государству надо было быть сильным по всем категориям. Сегодня понятие силы сложнее. Военная сила еще не гарантирует политического влияния. Экономические гиганты могут быть слабы в военном отношении, и военная мощь может быть не в состоянии скрыть экономическую слабость. Государства способны оказывать политическое влияние, даже когда у них нет ни военной, ни экономической силы. Неправильно говорить об одном равновесии сил, когда их существует несколько, и их надо рассматривать во взаимной связи. В военной сфере существуют две сверхдержавы. В экономическом плане, по крайней мере, пять крупных групп; в политическом отношении возникло гораздо больше центров влияния: с момента окончания второй мировой войны появились около 80 новых стран*, и региональные группировки приобретают всевозрастающее значение. И что важнее всего, каким бы ни было мерило силы, ее политическая роль меняется. На про-

---

* Высказывание Г. Киссинджера относится к 1974 г. Теперь таких стран уже более ста.

тяжении истории увеличение военной мощи, даже самое незначительное, можно было обратить в конкретное политическое преимущество. Однако наличие подавляющих арсеналов ядерного века делает поиск превосходства одновременно бесполезным и потенциально самоубийственным. Как только достаточность достигнута, дополнительное увеличение мощи не переводится в используемую политическую силу, а попытки достичь фактических выгод могут привести к катастрофе»⁶⁷.

Процессы, о которых говорит здесь Киссинджер, начались давно; Дж. Кеннеди еще до своего избрания на пост президента США писал о «рассеивании силы и влияния»⁶⁸. Теперь они окончательно оформились, и американские международники внесли некоторые коррективы в трактовку понятия «сила». Среди новых категорий следует особо выделить «диверсификацию силы» — термин, означающий, что она более не отождествляется исключительно с военной мощью; факторы силы, способные стать источниками влияния, теперь чрезвычайно разнообразны (иногда даже голос маленького и слабого государства в международной организации может выступать как силовой ресурс).

Одним из следствий диверсификации силы является расслоение между ее компонентами, возникновение «силовых асимметрий» (здесь прежде всего имеется в виду несоответствие экономической и военной силы, например экономическая слабость Индии и Китая при одновременном наличии у них ядерного потенциала). Подобного рода асимметрии чреваты, по мнению американцев, попытками использования военной силы для достижения экономических целей или, наоборот, экономической силы для решения проблем, связанных с национальной безопасностью.

Еще одно следствие состоит в том, что возрастает важность той дихотомии силы, на которую указывал К. Норр, называя ее «активной» и «пассивной» сторонами силы (с одной стороны, способность страны причинить ущерб другим субъектам международных отношений, а с другой — способность ограничить тот ущерб, который другие могут причинить ей самой)⁶⁹.

«Пассивная сила», по Норру, может быть названа иным, гораздо более понятным словом — уязвимость. «Расслоение» силы сказалось и тут: если в прошлом между силой и уязвимостью наблюдалась более или менее четкая обратно пропорциональная зависимость, то теперь степень уязвимости, скажем, сырьевой, а следовательно, и общеэкономической, не может никак быть «вычислена» на основе знания

военной силы. «Мировая политика становится проверкой на уязвимость,— подчеркивает Хоффман,— а степень уязвимости отнюдь не одно и то же, что силовой потенциал»⁷⁰.

Более того, возникают парадоксальные ситуации, когда государство, не имеющее особой силы, но и относительно неуязвимое (скажем, за счет большей или меньшей самообеспеченности), внезапно оказывается обладателем значительного силового потенциала — независимости, которую порой можно перевести в немаловажные политические выгоды.

Еще одна важная категория — «диффузия силы», если пользоваться термином С. Хоффмана; новое качество, являющееся результатом, во-первых, гигантского увеличения числа действующих лиц в современных международных отношениях и, во-вторых, резкого расширения круга вопросов, входящих ныне в сферу внешней политики.

Разумеется, все эти процессы в своей совокупности прежде всего символизируют те сдвиги, которые произошли в соотношении сил в мире не в пользу США; поэтому тезисы относительно «диффузии силы» или «эрозии мирового порядка» на деле прежде всего означают ослабление позиций США и их дальнейшую неспособность претендовать на роль абсолютного гегемона в рамках даже капиталистического мира. Однако одновременно следует учесть, что все эти тенденции увеличивают роль непредсказуемых, случайных факторов в развитии международных отношений, чрезвычайно затрудняют «калькулирование» силы (как мы знаем, истории известно немало грубейших просчетов в оценках даже куда более «измеримой» военной силы)*. Соответственно попытки найти все-таки количественные мерки для сопоставления силы разных государств, которые регулярно предпринимаются и будут продолжать предприниматься, ибо они влекут соблазном «точного знания», должны вызывать к себе крайне осторожное отношение и

---

* Хотя порой в работах буржуазных ученых приходится читать о том, что марксисты-де чуть ли не исключают значение случайностей для развития общественных процессов, эти утверждения абсолютно неосновательны. Маркс в свое время самым настоящим образом подчеркивал, что «история носила бы очень мистический характер, если бы „случайности“ не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих „случайностей“...» (из письма Л. Кугельману 17 апреля 1871 г., см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 175*).

восприниматься как прием анализа, а не истина в последней инстанции.

Прямым следствием изменений в структуре силы явилось также повышение внимания к инструментарию внешней политики. Чем меньше «избыточной силы», тем больше приходится формировать политику, исходя из имеющегося арсенала средств ее реализации. Наличие или отсутствие тех или иных инструментов внешнеполитического воздействия во многом определяют как официальный внешнеполитический курс страны, так и его конкретное воплощение. Чем больше политика государства страдает отсутствием последовательности, чем более она представляет собой лишь реакцию на события, происходящие в мире, тем сильнее эта политика зависит от инструментария (и она в лучшем случае способна лишь указать приоритеты применения средств внешнеполитического воздействия).

Это подчас приводит к тому, что пропадает четкое различие между целями и инструментами политики (а возможно, что и инструмент становится целью), хотя на самом деле во внешнеполитических сношениях одна и та же цель для разных стран может требовать для своей реализации не просто различных — прямо противоположных инструментов (например, поставив перед собой цель достижения полной занятости, маленькая, активно участвующая в мировой торговле страна будет стремиться к максимальной либерализации торговли, а крупная, придерживающаяся политики автаркии страна, напротив, установит барьеры импорту из-за рубежа и т. п.). Справедливо и обратное — одно и то же средство может служить разным целям.

Одновременно не следует забывать и другого: за разнообразием инструментов нередко могут просматриваться одни и те же цели; разнообразие средств их достижения подчас лишь затрудняет распознавание общности задач.

В этом плане никогда нельзя терять из виду, что во внешнеполитической стратегии крупного государства весьма значительна постоянная часть, часть, продиктованная глубокой философией и идеологией государства. Внешнеполитическая стратегия отличается — в рамках одной социальной системы — чрезвычайно большой преемственностью, консерватизмом; происходящие в реальном мире сдвиги находят в ней свое отражение не столько в появлении новых целей и задач, в выдвигании новых оперативных принципов политики, сколько в приспособлении прежних установок, устоявшихся концепций к новой обстановке, к новым инструментам, находящимся в распоряжении пра-

вящего класса, чтобы продлить жизнь этим установкам и концепциям, а в конечном счете и тому классу, которому они выгодны. Именно поэтому зачастую старые цели в новой обстановке предстают, так сказать, в иной упаковке, хотя и классовая, и «национальная» суть их остается неизменной.

Это возвращает нас к вопросу об усилиях современных теоретиков и практиков внешней политики США в области поисков тех резервов силы, которые могли бы быть пущены в ход в современных условиях, чтобы обеспечить для Соединенных Штатов пусть видоизмененную, но все же «позицию силы». И это обстоятельство имеет кардинальное значение: если внутри самого понятия «сила» акценты ныне сместились в сторону ее невоенных компонентов, то стремление сохранить и обеспечить для США «позицию силы» осталось неизменным, равно как не подверглись изменению и стратегические, долгосрочные внешнеполитические цели США.

Вопрос стоит так: раз в новых исторических условиях в какой-то степени девальвирована военная сила, надо найти иные формы силы, экономическую, научно-техническую, иные рычаги воздействия — менеджеризм, экспорт продовольствия или что-либо еще — для проведения в жизнь по существу все тех же силовых схем; если сокращаются возможности прямого диктата, следует изыскать эффективные способы осуществлять психологическое давление, эксплуатировать частные, «маргинальные» преимущества в ходе дипломатического «торга» и коалиционного маневрирования и т. п.

Внимание к невоенным компонентам силы и невоенным инструментам внешней политики само по себе не ново для американской внешней политики. Еще на пороге XIX в. Томас Джефферсон призывал в достаточной мере оценить возможности «мирных способов принуждения»*.

Невоенные аспекты силы занимали видное место и в теории «нового явного предназначения» в том виде, в каком она стала популярным обоснованием американского глобализма в конце XIX в. Одной из самых ярких иллюстраций здесь могут быть работы американского философа Джона Фиске, объединившего в своей теории социал-дарвинизм, экспансионизм и англосаксонский миф. Уже в первом своем сочине-

---

* Из письма Т. Джефферсона американскому посланнику во Франции Р. Ливингстону от 9 сентября 1801 г. Цит. по: *Kenan G. F. Realities of American Foreign Policy*. N. Y., 1966, p. 591.

нии «Контурь космической философии» он, восприняв вслед за английским социологом Гербертом Спенсером тезис Дарвина о всеобщности конфликта в человеческом обществе, попытался доказать, что в процессе эволюции более передовые и интегрированные общества будут господствовать над остальными.

Если на заре человеческой цивилизации успех в войнах, рассуждал Фиске, зависел от степени развитости хищнических, грабительских инстинктов, то по мере прогресса и этот успех, как и вообще сама способность вести крупные войны, перейдет к народам, у которых хищническая активность минимальна, зато производственная активность становится главенствующей. Так, с прогрессом человечества войны или разрушительное соревнование уступят место производственному соревнованию. Первенство в этом соревновании, по убеждению Фиске, обеспечено англосаксам — «народу с самой развитой производственной активностью». Позже Фиске подкрепил свою апологию англосаксонской расе и ее высшему производственному «гению», создав «тевтонскую теорию демократии».

Фиске, так сказать, предпринял попытку подвести материальный фундамент под традиционный американский мессианизм, что, естественно, было с восторгом встречено бурно набравшей силы американской буржуазией. Ее вполне устраивал конечный вывод Фиске о том, что следующая ступень в мировой истории будет связана с распространением этой великолепной политической и экономической системы на весь мир: «В заключение достаточно указать, — писал Фиске в 1885 г. в эссе под названием «Явное предназначение»*, — что той работе, которую начала английская раса, когда она колонизировала Северную Америку, предназначено продолжаться до тех пор, пока каждый участок суши, еще не являющийся местожительством старой цивилизации, не станет английским по языку, по своей религии, по своим политическим обычаям и традициям и в преобладающей степени по крови... Таким образом, раса распространится на обоих полушариях и от восходящего до заходящего солнца будет удерживать свой суверенитет на море и то торговое превосходство, которое она начала приобретать, когда Англия впервые протянула руку через Атлантику к берегам Вирджинии и Массачусетса»⁷¹.

---

* Подробно о концепции Фиске и об исторической эволюции теории «явного предназначения» см.: США: политическая мысль и история. М., 1976, с. 53—145.

В начале XX в. Соединенные Штаты, догнавшие по силе других империалистических хищников, но опоздавшие к делу колоний, тоже сделали ставку на свою невоенную, прежде всего экономическую, мощь, по сути дела первыми в мире провозгласив доктрину неокOLONиализма, т. е. замены традиционного территориального или административного колониализма экономической, политической и идеологической экспансией. Именно таков был смысл провозглашенной на грани XIX—XX вв. известной доктрины Хэя, или доктрины «открытых дверей», родившейся первоначально как специфическая американская доктрина в отношении Китая, но позднее ставшей универсальным принципом теории и практики американской экспансии. «Политика открытых дверей,— писал прогрессивный американский историк У. Уильямс,— была нацелена на то, чтобы создать условия, при которых превосходящая экономическая мощь Америки обеспечивала бы распространение американской экономической системы на весь мир без затруднений, присущих традиционному колониализму»⁷².

Доктрина «открытых дверей» была по существу развитием и продолжением еще более ранней буржуазной доктрины США — «доктрины Монро», ставшей известной в формуле «Америка — для американцев». Эта доктрина, провозглашенная президентом США Дж. Монро в 1823 г., с одной стороны, была нацелена на то, чтобы не допустить вмешательства европейских держав в дела Латинской Америки, но с другой стороны, была заявкой на исключительное право США рассматривать независимые государства Латинской Америки как собственную «законную» вотчину.

Если в XIX в. США стремились «закрыть двери» в Латинскую Америку для европейских конкурентов, то в XX в. они уже требовали для себя «открытых дверей» на других континентах, полагаясь на мощь своего экономического проникновения. Это было началом «долларовой дипломатии» США; по четкой характеристике президента Тафта в 1912 г., «дипломатическая политика нынешнего правительства стремилась дать ответ на современные идеи общения через торговлю. Эта политика характеризовалась тем, что она заменяла пули долларами».

В 1920 г. В. И. Ленин указал на своеобразный характер империалистической экспансии США: «Америка сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше ненавидят, она грабит всех, и она грабит очень оригинально. У нее нет колоний. Англия вышла из войны с гигантскими колониями, Франция тоже. Англия предлагала Америке мандат

на одну из награбленных колоний — ныне выражаются таким языком,— но она не взяла. Очевидно, американские купцы рассуждают как-то по-иному. Они ...пришли к выводу, что им нет выгоды принимать мандат. Но понятно, они не допустят, чтобы эту колонию использовали другие государства»⁷³. То, о чем говорил Ленин, в наши дни именуется неоколониализмом и продолжает составлять суть американской политики в отношении молодых независимых государств.

И на новом этапе, после второй мировой войны, американское руководство не теряло из виду тех возможностей воздействия на международные отношения, которые открывались перед Соединенными Штатами за счет их технического и экономического потенциала. Еще в самом разгаре была война, а американские бизнесмены уже создали в августе 1942 г. Комитет по экономическому развитию, чтобы заранее продумать и предусмотреть оптимальные способы послевоенной экспансии*. Послевоенные экспансионистские амбиции США нашли свое выражение в «программе Трумэна», выдвинутой президентом США 20 января 1949 г., которая предусматривала: 1) поддержку ООН (каковая в то время очень устраивала США, ибо они располагали автоматическим проамериканским большинством голосов в этой организации); 2) предложение международных программ типа «плана Маршалла»; 3) укрепление и расширение военных союзов под эгидой США; 4) техническую помощь США слаборазвитым странам и поощрение частных капиталовложений в их экономику с целью способствовать их «самостоятельному развитию».

Провозглашая чуть позже свою «доктрину», полностью выдержанную в духе классической американской концепции «явного предназначения» (только теперь «судьба» повелевала Соединенным Штатам не просто распространять на весь мир американский образ жизни, но и осуществлять это прежде всего путем борьбы с коммунизмом), Трумэн считал необходимым специально подчеркнуть историческую преемственность предпринятых им акций, заявив, что правительство на новом этапе продолжает развивать курс, заложенный еще в «доктрине Монро».

Методы неоколониализма, техника манипулирования экономическими рычагами и средствами идеологического воздействия были еще более рафинированы в годы президентства Дж. Кеннеди. По существу выдвинутая им доктрина

---

* См. одну из публикаций этого комитета: *Lasswell H. D. World Politics Faces Economics. With Special Reference to the Future Relations of the United States and Russia.* N. Y.; L., 1945.

«новых рубежей» имела очень значительный компонент упора на невоенные резервы силы. Собственно, сама концепция «новых рубежей» была переосмыслением теории «раздвигающейся границы», автором которой был американский историк Ф. Тернер (1861—1932). В первоначальном виде эта теория относилась к освоению «пустынных земель» американского Запада, но позднее она стала вообще символом экспансионизма. В трактовке Кеннеди речь шла о поисках ответа на вызов, который Соединенным Штатам бросила современная действительность — мощная поступь социализма, рост самосознания в «третьем мире», раскаты социальных революций, достижения новой техники и технологии, покорение атома, выход человека за пределы земной атмосферы.

Новая концепция иностранной помощи, новые средства идеологической экспансии, заигрывание с идеями социального реформизма, попытки форсировать экономический рост самих США — таковы были невоенные плацдармы, опираясь на которые, администрация Кеннеди пыталась осуществить продвижение к «новым рубежам» американского влияния.

Таким образом, на протяжении всей истории Соединенных Штатов для их внешней политики была достаточно характерна опора на невоенные факторы силы. Однако именно за 60-е годы — к началу 70-х накопились те качественные перемены, которые, по мнению американских специалистов, выдвинули на первый план требование развития невоенных резервов силы как важной области национальных устремлений.

Речь прежде всего идет о том, что в условиях современной научно-технической революции поиски резервов, на которые можно было бы сделать ставку в борьбе за «позицию силы», привели американских теоретиков и практиков внешней политики к почти единодушному выводу: ключом к успеху в борьбе за главенствующую роль США если не во всем, то хотя бы в капиталистическом мире является такое развитие американского научно-технического потенциала, которое позволило бы Соединенным Штатам сохранить, а по возможности и увеличить отрыв от других государств и использовать этот отрыв как рычаг для внешнеэкономической экспансии, для воздействия на массовое сознание, для установления с другими странами таких отношений, при которых они оказались бы в серьезной зависимости от США.

Сложилось твердое убеждение, что научно-технический потенциал как таковой, воплощенный не только в военно-технической мощи, сможет в современную эпоху переводиться непосредственно в политическое влияние, т. е. служить це-

лям силовой политики. «Наука и техника... служат мерой пригодности страны для роли лидера в сообществе наций,— пишут авторы доклада «Наука, техника и дипломатия в век взаимозависимости», подготовленного в 1976 г. Исследовательской службой конгресса США.— Они обеспечивают возможность достижения национальных целей как внутри страны, так и во внешней политике. Они являются главным содержанием современной дипломатии. К дипломатическому голосу страны нередко прислушиваются в соответствии с тем, насколько в этой стране развиты наука и техника и насколько умело она пользуется ими для достижения своих целей на национальном и международном уровнях»⁷⁴.

Можно ли считать ставку на научно-технический потенциал как на ключ к лидерству обоснованной, если, как это отмечалось выше, произошло относительное ослабление США в сравнении с другими развитыми капиталистическими странами, если страны Западной Европы и Япония явно повышают свою экономическую мощь, накапливают мощные запасы валюты, развивают экспортные возможности и т. п.?

Ответить на этот вопрос можно, лишь учитывая специфику американского подхода. Особенности ставки США на научно-технический прогресс как на важнейший резерв силы в том как раз и состоят, что в условиях выравнивания целого ряда экономико-технических параметров, в условиях неблагоприятных для США тенденций во многих сферах мирохозяйственных отношений США избрали стратегию поддержания научно-технического превосходства лишь на ключевых направлениях хозяйственной деятельности, стратегию концентрации производительных и интеллектуальных ресурсов страны в новейших областях науки и техники, которые предопределяют и революционизируют всю завтрашнюю структуру производства. (Даже автомобиль уже в какой-то степени «устарел», хотя после японского вызова и здесь США пытаются осуществить новый качественный прорыв). Поэтому нет противоречия в том, что по ряду традиционных экономических показателей намечается сближение между США и их главными капиталистическими соперниками, а технологический отрыв США в наиболее перспективных, наукоемких отраслях не только остается ощутимым, но и продолжает расти.

Даже довольно беглое сопоставление сегодняшних американских научно-технических возможностей с возможностями других «центров силы» свидетельствует о том, что «технологический отрыв» США от конкурентов действитель-

но существует и потому возлагаемые на него надежды не лишены оснований.

Измерение научно-технического потенциала — вопрос особый, рассмотрение которого не входит в задачи данной работы, мы здесь рассматриваем лишь общую тенденцию и потому можем ограничиться некоторыми наиболее очевидными показателями.

1) Американские расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), в 30-е годы примерно равнявшиеся западноевропейским, в начале 60-х годов уже превышали суммарные расходы западноевропейских стран в 3—3,5 раза, а в 70-е годы превышали их в 2 раза; расходы на науку в Японии до сего дня остаются на уровне отдельно взятой ФРГ или Франции, хотя и имеют тенденцию к повышению.

2) По насыщенности научно-техническими кадрами США и Япония находятся примерно на одном уровне; западноевропейский уровень примерно в два раза ниже; однако значение этого показателя умеряется тем, что в нем не учитывается степень профессиональной подготовки и квалификация специалистов соответствующих стран, а также совершенство материально-технической базы. Если же сопоставить общий уровень квалификации рабочей силы (как синтетический показатель тут можно взять количество лет учебы в среднем на душу населения), то оказывается, что США значительно опережают другие страны: в Америке этот показатель равен 12 годам, в Японии — 6, в Европе — не выше 5 (исключение составляет лишь Англия — 9 лет). По числу студентов на единицу населения США опережают Англию, ФРГ, Италию в 5 раз, Францию, Японию — в 2,5 раза.

3) Кроме СССР, ни одна страна даже отдаленно не приближается к американскому уровню публикации научной литературы.

4) США обладают прочным активом в области передачи технологии, т. е. в американской торговле лицензиями, патентами, промышленными образцами, правами производства и т. п.; этот актив⁷⁵ за 10 лет вырос с 277 млн. долл. в 1966 г. до 567 млн. долл. в 1975 г.* (правда, следует отме-

---

* Но надо учесть, что эта цифра относится лишь к независимым от американского капитала фирмам. Если добавить актив в американской передаче технологии связанным с американским капиталом предприятиям (direct-investment related), то показатели очень увеличатся, ибо американские фирмы получили от своих зарубежных филиалов в 1966 г. 1162 млн. долл., а в 1975 г. — 3526 млн. (что касается аналогичного потока из расположенных в США филиалов иностранных

тить, что за это время поступления США увеличились в 3 раза, а платежи — в 4,7 раза, т. е. США стали сами более активно закупать технологию за границей).

5) В области торговли наукоемкими товарами США сохраняют стойкую тенденцию к активному балансу (однако в торговле наукоемкими товарами с Японией США начиная с середины 60-х годов имеют дефицит, главным образом за счет бытовой техники).

6) США продолжают безусловно доминировать на мировом капиталистическом рынке вычислительной техники.

7) По производительности труда США лидируют с большим запасом прочности (хотя и отстают по темпам роста производительности труда от других развитых капиталистических стран).

Такое сопоставление дает основания считать, что, невзирая на периодическое появление в США алармистских заявлений относительно неблагоприятных тенденций для США в научно-техническом состязании между странами капиталистического мира, США продолжают сохранять подавляющее превосходство над своими основными соперниками в целом ряде сфер — в науке и технике, уровне производительности труда, организации управления наукой и производством.

Правда, по многим оценкам, Западная Европа в последние годы опережает США по темпам научно-технического прогресса, что служит основой для прогнозов относительно выравнивания американского и суммарного европейского научно-технических потенциалов к 90-м годам. Однако такой прогноз столь сильно зависит от степени реализации интеграционных тенденций в Западной Европе, что внушающим доверие он пока не представляется.

Справедливости ради следует отметить, что и эрозия американской экономической мощи подчас изображается в явно гиперболизированных терминах. Невзирая на те неблагоприятные для США тенденции, о которых уже шла речь, эта страна по-прежнему не имеет себе равных в капиталистическом мире. В последнее время мы часто сравниваем экономические показатели США с суммарными показателями всей Западной Европы и склонны забывать, что такое сопоставление до некоторой степени остается искусственным, что Западная Европа — конгломерат государств, между некоторы-

---

фирм за рубеж соответствующим материнским компаниям, то в 1966 г. он составил 64 млн., а в 1975 г. — 241 млн. долл., т. е. сальдо соответственно равнялось в 1966 г. 1098 млн., а в 1975 г. — 3285 млн. долл.),

ми не прекращается острая конкурентная борьба; поэтому представляется все же полезным сравнить экономическую мощь США с экономической мощностью каждой, скажем, из четырех других крупнейших капиталистических стран — ФРГ, Великобритании, Франции и Японии, а такое сопоставление явственно свидетельствует об американском перевесе (табл. 1—3).

Говоря об экономической силе США, следует учесть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: американские монополии располагают более мощными рычагами за пределами собственной страны, чем их конкуренты (табл. 4); принадлежащая США «невидимая империя» превышает по размерам своего «ВВП» любого из соперников, хотя в то же время этот «ВВП» мы в статистике видим как бы отчужденным от США, включенным в «ВВП» конкурентов! Эта экономическая сила, во-первых, дает колоссальную гибкость и широту маневра, а во-вторых, гораздо более эффективный инструмент силового давления, нежели та, которая находится в пределах национальных границ.

К этому следует еще добавить, что США располагают и другими мощными резервами экономической силы, превышающими ресурсы соперников, — колоссальным внутренним рынком и гораздо лучшей сырьевой базой. Показательно, что в середине 70-х годов французские исследователи поставили даже вопрос о «новой гегемонии» США, ибо, по их оценкам, экономические показатели США после нефтяного кризиса оказались не просто лучше, чем у союзников, но и гораздо благоприятнее, чем предусматривалось прогнозами до кризиса (т. е. США в результате сырьевых трудностей лишь выиграли по сравнению с другими странами — членами ОЭСР) ⁷⁶.

Располагая такими экономическими, финансовыми и научно-техническими позициями, американский капитализм использует их в том числе и для идеологического воздействия. Прежде всего они обеспечивают ему материально-техническую базу такого воздействия, с приходом НТР тоже весьма дорогостоящую и требующую сложной инфраструктуры. Одновременно американская идеология «на экспорт» как раз стремится обыграть эту мощь, закрепить в сознании мировой общественности стереотип, который неуклонно пропагандирует Э. Бжезинский в книге «Между двумя веками: роль Америки в технотронную эру», будто бы между США и другими странами отношения возможны лишь на базе принципа «новаторство—подражание», стереотип, изображающий США как мировой источник нововведений и постоян-

Таблица 1. Основной производственный капитал *, % к уровню США

Страна	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1978 г.
Англия	17	18	18	^{1/14} 19
ФРГ	16	20	26	28
Франция	15	15	18	21
Япония	11 **	13	26	39

* Накопленный основной капитал в отраслях материального производства, включая стоимость дорог.

** 1955 г.

Источник: США — экономика, политика, идеология, 1981, № 9, с. 113. Методология расчетов и исходные материалы изложены в кн: Уровни и тенденции развития главных капиталистических стран (экономические сопоставления)/Под ред. Е. А. Громова, В. М. Кудрова, Ю. Н. Покатаева. М., 1977.

Таблица 2. Конечный общественный продукт *, % к уровню США

Страна	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1978 г.
Англия	20	18	16	13
ФРГ	13	20	22	20
Франция	14	15	18	19
Япония	12	18	32	37

* Конечный общественный продукт, созданный на территории страны, или валовый внутренний продукт (ВВП), отличается от валового национального продукта на величину сальдо операций с заграницей.

Источник: Там же, с. 115.

Таблица 3. Производительность труда в народном хозяйстве, % к уровню США

Страна	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1978 г.
Англия	44	41	41	43
ФРГ	34	46	58	63
Франция	42	53	69	83
Япония	17	22	42	53

Источник: Там же, с. 115.

Таблица 4. Доли в общем объеме заграничных прямых инвестиций в капиталистическом мире, %

Страна	1960 г.	1967 г.	1971 г.	1973 г.	1976 г.
США	55,1	53,7	51,1	51,0	47,7
Западная Европа	37,1	39,0	38,5	37,7	37,3
Япония	0,5	1,4	2,7	5,2	6,8

Источник: Там же, с. 117.

ного — «революционного» — обновления во всех сферах, социальной, научно-технической, культурной и т. д.

В докладе Координационного комитета республиканской партии, подготовленном под руководством бывшего заместителя государственного секретаря Р. Хилла и опубликованном в ходе президентской избирательной кампании 1968 г., прямо говорилось, что «агрессивное и умное использование современных коммуникаций может зачастую быть кратчайшим и самым эффективным путем для осуществления специфических задач за границей»⁷⁷.

Вопреки широко распространенным одно время концепциям «прагматизации» и «деидеологизации» международных отношений, вопреки утверждениям о том, будто бы динамика развития научно-технической революции стирает значение идеологий, в реальных международных отношениях речь, видимо, может идти сегодня как раз о повышении роли идеологического фактора, об активизации американской идеологической экспансии как действенного инструмента американской внешней политики.

И наконец, еще один аспект ставки Вашингтона на экономическое и научно-техническое могущество США как на источник силы состоит в том, что, по расчетам американских лидеров, Соединенные Штаты должны неизменно играть роль если не центра, то, во всяком случае, желанного участника любых международных организаций, группировок, альянсов и соответственно стремиться воздействовать на поведение каждой такой группировки в желательном для себя направлении. «Оказаться в точке пересечения многочисленных и разнообразных форм взаимозависимости — это источник силы», — пишет американский международник Р. Леволд, явно имея в виду, что такая коалиционная стратегия нацелена на трансформацию взаимозависимости в одностороннюю зависимость партнеров от США⁷⁸.

Все администрации США — независимо от партийной принадлежности — на протяжении 70-х годов подчеркивали роль невоенных факторов силы во внешнеполитической стратегии США. В дальнейших главах мы предпримем попытку выявить, какие конкретные инструменты и средства пускаются в ход Вашингтоном для того, чтобы создать себе хотя бы частичный перевес, реализовать свою цель поддержания главенства в капиталистическом мире.

Однако при этом следует полностью отдавать себе отчет в том, что деятельность на невоенных плацдармах нисколько не отменяет и даже подразумевает дальнейшее наращивание военной машины американского империализма. За военной силой не только остается роль «последнего аргумента», но, по мысли вашингтонских стратегов, она призвана служить тем «щитом» или «зонтиком», под прикрытием которого Америка и может пускать в ход весь арсенал невоенных инструментов внешней политики с максимальной эффективностью.

-
- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 224.
  - ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 18.
  - ³ Томашевский Д. Г. Ленинские идеи и современные международные отношения. М., 1971, с. 70.
  - ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 118.
  - ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 300.
  - ⁶ Там же, т. 30, с. 73—74.
  - ⁷ Там же, т. 27, с. 373.
  - ⁸ Там же, т. 42, с. 70.
  - ⁹ Коммунист, 1979, № 2, с. 19.
  - ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 156.
  - ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 417.
  - ¹² Russel В. History of Western Philosophy. (First Published in 1946). L., 1962, p. 781—782.
  - ¹³ Ibid., p. 782.
  - ¹⁴ Morgenthau H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1967, p. 97.
  - ¹⁵ Cline R. S. World Power Assesment. A Calculus of Strategic Drift. Wash., 1975, p. 8.
  - ¹⁶ Knorr K. The Power of Nations. The Political Economy of International Relations. N. Y., 1975, p. 9.
  - ¹⁷ Keohane R. O., Nye J. S. World Power and Interdependence. World Politics in Transition. Boston, 1977, p. 11.
  - ¹⁸ Hoffmann S. Requiem.— Foreign Policy, 1981, N 42, p. 5.
  - ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 100.
  - ²⁰ Там же.
  - ²¹ Ball G. The Discipline of Power. Essentials of Modern World Structure. Boston, 1968, p. 15—16.
  - ²² Cline R. Op. cit., p. 11.
  - ²³ См., например: Heiss K. P., Knorr K., Morgenstern O. Long — Term Projections of Power: Political, Economic and Military Forecasting.

- Cambridge, Mass., 1973; *Saaty Th.* (with *Khouja M. W.*). A Measure of World Influence.— *Journal of Peace Science*, 1976, Spring, p. 31—55.
- ²⁴ См.: *Cline R.* Op. cit., p. 131—176.
- ²⁵ См. об этом: *Knorr K.* Op. cit., p. 7.
- ²⁶ См., например, интервью Г. Киссинджера: *US. News and World Report*, 1976, Mar. 9, p. 10—12.
- ²⁷ *Knorr K.* Op. cit., p. 71—72.
- ²⁸ *Russel B.* Power. A New Social Analysis. L., 1965, p. 10.
- ²⁹ *Keohane R. O., Nye J. S.* Op. cit., p. 109.
- ³⁰ Foreign Relations of the United States 1950. Vol. 1. National Security Affairs; Foreign Economic Policy. GPO. Wash., 1977, p. 252.
- ³¹ *Nichols J. P.* Dollar Strength as a Liability in US. Diplomacy.— Proceedings of the American Philosophical Society, 1967, Febr. 17, p. 47.
- ³² *Kissinger H. A.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957, p. 12.
- ³³ Цит. по: *Congressional Record*, 1963, vol. 109, Oct., p. A6279.
- ³⁴ О нежелании союзников мириться с ролью младших партнеров в условиях понижения угрозы войны см., например: *Nye J. S.* Transnational Relations and Interstate Conflicts: An Empirical Analysis.— *International Organization*, 1974, Autumn, p. 961—996.
- ³⁵ *Hoffmann S.* Primacy or World Order: American Foreign Policy since the Cold War. N. Y., 1978, p. 199.
- ³⁶ *Брутенц К. Н.* Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 15—16.
- ³⁷ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М. 1969, с. 297—298.
- ³⁸ Политическая экономия современного монополистического капитализма. 2-е изд. / Отв. ред. Н. Н. Иноземцев, А. Г. Милейковский, В. А. Мартынов. М., 1975, т. 2, с. 184.
- ³⁹ *Keohane R. O., Nye J. S.* Organizing for Global Environment and Resource Interdependence.— Appendices. Commission on the Organization of the Government for the Conduct of Foreign Policy. Wash., 1976, vol. 7, p. 40.
- ⁴⁰ *Kissinger H. A.* A New National Partnership.— *Department of State Bulletin*, 1975, Febr. 17, p. 199.
- ⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
- ⁴² The Problem of International Consultations. A Report of the Trilateral Task Force to the Trilateral Commission. N. Y., 1976, p. 1.
- ⁴³ См.: *Kissinger H. A.* Nuclear Weapons and Foreign Policy; *Тэйлор М.* Ненадежная стратегия: Пер. с англ. М., 1961; *Осгуд Р. Э.* Ограниченная война: Пер. с англ. М., 1960.
- ⁴⁴ *Kissinger H. A.* Nuclear Weapons and Foreign Policy, p. 4.
- ⁴⁵ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 288.
- ⁴⁶ *International Herald Tribune*, 1977, Oct. 7.
- ⁴⁷ *The New York Times*, 1971, Oct. 13.
- ⁴⁸ *Правда*, 1972, 23 мая.
- ⁴⁹ Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: Сборник документов, 1973 год. М., 1974, с. 69.
- ⁵⁰ *Shulman M.* Relations with the Soviet Union.— In: *Agenda for the Nation* / Ed. K. Gordon. Wash., 1968, p. 376.
- ⁵¹ *Hoffmann S.* Primacy or World Order, p. 68—69.
- ⁵² *World Politics and International Economics* / Eds C. F. Bergsten, L. B. Krause. Wash., 1975, p. 7.
- ⁵³ *Taylor M. D.* The Exposed Flank of National Strategy.— *Orbis*, 1975, Winter, p. 1011.

- ⁵⁴ *Фулбрайт Дж.* Самонадеянность силы: Пер. с англ. М., 1967, с. 28.
- ⁵⁵ National Security and Detente. N. Y., 1976, p. 127.
- ⁵⁶ *Brodie B.* War and Politics. N. Y., 1973.
- ⁵⁷ National Security Policy and the Changing World Power Alignment. Hearing-Symposium before the Subcommittee on National Security Policy and Scientific Developments of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 92 Congress, 2nd Session. GPO. Wash., 1972, p. 66—67.
- ⁵⁸ *Kissinger H. A.* A New National Partnership.— Department of State Bulletin, 1975, Febr. 17, p. 197.
- ⁵⁹ *Morgenthau H. J.* The New Diplomacy of Movement.— Encounter, 1974, Aug., p. 49.
- ⁶⁰ *Manning B.* The Congress, the Executive, and Intermestic Affairs: Three Proposals.— Foreign Affairs, 1977, Jan., p. 308.
- ⁶¹ *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976, p. 217.
- ⁶² См., например: *Kindleberger Ch.* American Business Abroad. New Haven, 1969; *Brown L.* World Without Borders: The Interdependence of Nations. N. Y., 1972
- ⁶³ *Keohane R. O., Nye J. S.* Power and Interdependence. World Politics in Transition, p. 5.
- ⁶⁴ Ibid., p. 6.
- ⁶⁵ Ibid., p. 6—7.
- ⁶⁶ *Morgenthau H. J.* Politics Among Nations, p. 36.
- ⁶⁷ Center Magazine, 1974, Jan.-Febr., p. 38—39.
- ⁶⁸ *Kennedy J. F.* A Democrat Looks at Foreign Policy.— Foreign Affairs, 1957, Oct. p. 45.
- ⁶⁹ *Knorr K.* Op. cit., p. 80.
- ⁷⁰ *Hoffmann S.* Primacy or World Order, p. 143.
- ⁷¹ *Fiske J.* American Political Ideas. N. Y., 1885, p. 143.
- ⁷² *Williams W.* The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland, 1959, p. 37.
- ⁷³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 67.
- ⁷⁴ Science, Technology, and Diplomacy in the Age of Interdependence. Prepared for the Subcommittee on International Security and Scientific Affairs of the Committee on International Relations, US. House of Representatives by the Congressional Research Service, Library of Congress. Wash., 1976, p. 102.
- ⁷⁵ Science Indicators, 1976, p. 199.
- ⁷⁶ См.: *La Crise de l'énergie et le nouvel équilibre mondial.* GEPI. P. 1974.
- ⁷⁷ Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now. Reports of the Republican Coordinating Committees 1965—1968. Wash., 1968, p. 392.
- ⁷⁸ *Legvold R.* The Nature of Soviet Power.— Foreign Affairs, 1977, Oct. p. 55.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ НА СЛУЖБЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ВАШИНГТОНА

Экономическое могущество Соединенных Штатов Америки, их уникальные позиции в мировой экономике на протяжении всего XX в. составляли прочную базу для осуществления американской внешней политики. Экспансионистский внешнеполитический курс американского империализма — молодого хищника, опоздавшего к разделу мира между старыми колониальными державами, — был опосредованным преломлением той важной черты империализма, которую В. И. Ленин охарактеризовал, как «неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще»¹.

Надо сказать, что сама американская внешняя политика в целом, как и политика других развитых капиталистических государств, прежде всего направлена на реализацию именно экономических интересов монополистического капитала на мировой арене, их продвижение и защиту. Исследуя проблемы насилия (а осуществление принуждения составляет самую суть силового подхода империализма во внешней политике), Ф. Энгельс подчеркивал, что это последнее «есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода. Насколько цель „фундаментальнее” средства, применяемого для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая»².

В общих рамках внешней политики инструменты экономического воздействия выполняют функцию специализированных средств, избирательно применяемых для нюансировки и акцентирования внешнеполитического давления по силе и направлению с учетом специфики конкретного объекта. Использование совокупности этих — экономических — инструментов дает в конечном итоге не только экономический, но и политический эффект. Своеобразие современной ситуации состоит не только в том, что в общем спектре внешнеполитических факторов резко возрос удельный вес проблем экономического характера; главное — многие из актуальных

ныне вопросов межгосударственного взаимодействия (типа энергетических, сырьевых, валютно-финансовых) до недавнего времени не только не считались истинно внешнеполитическими, но и вообще решались частнособственническими институтами и не входили в сферу компетенции буржуазного государства. Таким образом, резкое расширение круга проблем, входящих в сферу действия внешнеполитической стратегии США, было бы невозможно без упрочения альянса государства и монополистического капитала, без, по определению В. И. Ленина, «огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»³.

Как известно, в Соединенных Штатах Америки в течение долгого времени масштабы и темпы применения государственно-монополистических методов хозяйствования были ниже, чем в Западной Европе*.

Однако в последние два десятилетия монополистической буржуазии США пришлось во многом переоценить свои возможности и в экономическом соревновании с социализмом, и в борьбе за рынки и сферы влияния с другими капиталистическими странами; одновременно и внутри страны она столкнулась с таким обострением социальных противоречий, с такой кризисной ситуацией, что был дан серьезный толчок дальнейшему совершенствованию и интенсивности применения методов государственно-монополистического хозяйствования.

Уже в конце 60-х годов правящие круги США пришли к выводу, что экономическое развитие приобретает столь большое значение для судеб американского капитализма, столь тесно переплетается с проблемами внешней и военной политики, что оно должно быть в центре внимания президента и

---

* Об особенностях исторического формирования и развития государственно-монополистического капитала США подробнее см.: Монополистический капитал США после второй мировой войны. М., 1958; *Далин С. А.* США: послевоенный государственно-монополистический капитализм. М., 1972, с. 114—120; *Шамберг В. М.* США: проблемы и противоречия государственно-монополистического регулирования экономического роста. М., 1974; США: государство и экономика / Отв. ред. Ю. И. Бобраков, В. А. Федорович. М., 1976; Политическая экономика современного монополистического капитализма. 2-е изд. / Под ред. Н. Н. Иноземцева, А. Г. Милейковского, В. А. Мартынова. М., 1975; Т. 2. *Иноземцев Н. Н.* Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972; Проблемы и противоречия американской экономики / Отв. ред. Е. С. Шершнев. М., 1978; *Федорович В. А.* Американский капитализм и государственное хозяйство. М., 1979.

Федерального правительства. В опубликованном в 1959 г. комиссией по иностранным делам сената докладе «Мировые и внутренние экономические проблемы и их влияние на внешнюю политику США» вопрос об ответственности государства за развитие экономики в новой обстановке был поставлен прямо: «Сейчас нам надо понять, что темпы развития экономики должны стать предметом заботы правительства. Об успехе или провале как конгресса, так и правительства в экономической области следует судить по тем масштабам, которых достигнет наше экономическое развитие»⁴.

Более того, именно в те же годы сформировалось и уже навсегда закрепилось в официальной американской доктрине представление об экономике как самой непосредственной базе внешней политики США. Р. Купер, в те годы профессор Йельского университета, а позднее — высокопоставленный чиновник ряда внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств при трех демократических администрациях, писал в статье «Экономический рост в США и мировое лидерство»: «Темп экономического роста окажет существенное влияние на успехи США в достижении их внешнеполитических целей. Экономический рост является инструментом внешней политики: высокие темпы роста открывают дополнительные возможности, а низкие накладывают дополнительные ограничения на деятельность по реализации наших внешнеполитических целей... Экономический рост может оказывать воздействие на внешнюю политику в трех направлениях. Он может увеличить общую сумму ресурсов, которыми мы будем располагать для достижения своих внешнеполитических целей; он может изменить масштабы и темпы увеличения наших рынков для продукции слаборазвитых регионов мира; наконец, он может определить „образ” США — то есть то, как Соединенные Штаты выглядят в глазах всего мира и в наших же собственных, — в идеологическом конфликте холодной войны»⁵.

Президент Р. Никсон выразил глубокое убеждение правящих кругов США, заявив в 1972 г. в интервью журналу «Ридерс дайджест»: «Тот, кто впереди других в мире в области экономики, также будет лидировать и в других сферах»⁶.

Между двумя главными буржуазными партиями США существуют определенные политико-идеологические различия по вопросу об оптимальных параметрах государственного вмешательства в экономическую сферу; демократы более склонны к активно реформистской линии, к расширению масштабов государственного регулирования; республиканцы больше тяготеют к опоре на рыночные механизмы, на тради-

ционные принципы «американского индивидуализма». Однако в целом в США давно пройден рубеж необратимого превращения капитализма из «самоастрогавающейся» рыночной системы в систему, требующую государственного регулирования. В этом плане не составляет исключения и широкообсуждаемая экономическая программа администрации Р. Рейгана, претенциозно названная «Новое начало для Америки: программа экономического возрождения».

Эта программа, преподнесенная Р. Рейганом как разрыв с методами государственного регулирования, практикованными всеми его предшественниками от Рузвельта до Картера, как снятие всех бюрократических препои на пути «свободного предпринимательства» и частной инициативы, на самом деле вовсе не является попыткой вернуться к «прекрасной эпохе» свободной конкуренции начала века. Р. Рейган не демонтирует сложившийся в США государственно-монополистический механизм, а стремится осуществить пересмотр приоритетов и форм регулирования (в частности, перенести акцент с налогово-бюджетных рычагов на кредитно-денежные, с федеральных программ финансирования — на программы штатов и местных органов власти), чтобы переориентировать методы хозяйствования в стране, встряхнуть американскую экономику, интенсифицировать процессы накопления капитала и технического перевооружения, рассчитывая в конечном итоге достичь вновь ускорения экономического роста в США, обратить вспять тенденцию к падению производительности труда, увеличить конкурентоспособность американских товаров и взять реванш на мировых рынках, тем самым укрепив глобальные позиции США не только в экономике, но и в политике.

Государственное начало в современной американской хозяйственной жизни — это чрезвычайно мощная сила. По данным 1978 г., удельный вес государственных затрат на все виды товаров и услуг на федеральном, штатном и местном уровнях составил 32,1% валового национального продукта⁷. Такого гигантского по абсолютному объему государственного рынка нет ныне ни в одной другой стране современного капитализма.

Не случайно именно в области научно-технического прогресса степень хозяйственной интеграции буржуазного государства и частного капитала гораздо выше, чем во всех остальных областях государственного предпринимательства, — это отражает ставку правящих кругов США на ускорение темпов научно-технического прогресса как на решающий инструмент стимулирования экономики, укрепления

внутренних и международных позиций американского капитала. В послевоенный период затраты американского государства на науку и технику растут опережающими темпами — в 6 раз быстрее, чем капиталовложения в промышленность или оплата других товаров и услуг, поставляемых на государственный рынок; при этом удельный вес государства в расходах на НИОКР вырос с 24,2% в 1946 г. до 70% в 1972 г. (позднее он несколько понизился и установился на уровне 50—52%)⁸.

«Научные исследования и разработки, — пишет американский специалист по проблемам науки К. Данхоф, — когда-то были почти заповедной привилегией одиночек-изобретателей, университетских профессоров во время каникул и промышленных фирм, занятых поисками новых товаров и продуктов. Теперь это — гигантское предприятие, соединяющее в единое целое университеты, промышленность, несчетное множество „бесприбыльных институтов“ с федеральным правительством в виде хозяйственной интеграции, ранее неизвестной в истории США»⁹.

Американское буржуазное государство содействует прежде всего развитию таких отраслей хозяйства, как ядерная энергетика и реакторостроение, электроника и авиация, судостроение и машиностроение, химия и транспортное оборудование, т. е. опять-таки тех отраслей, которые в целом определяют темпы экономического роста страны на будущее, непосредственно стимулируют дальнейшее ускорение научно-технического прогресса.

При этом, однако, нельзя забывать, что решающим фактором, первейшим стимулом к увеличению роли государства в США, в том числе и в сфере научно-технического прогресса, была милитаризация американской экономики и науки, гигантский рост затрат на военные цели в невоенное время, гонка вооружений, огромное разрастание военно-бюрократического аппарата. Увеличение роли государства в послевоенный период прежде всего шло по линии принятия им на себя новой хозяйственной функции — главного источника капиталовложений в создание и производство резко подорожавшей военной техники, прежде всего затрат на военные НИОКР*.

---

* Мы уже отмечали, что научно-техническая революция прежде всего нашла свое проявление в США в уродливом виде военно-технической революции. Подробнее об этом см.: *Далин С. А.* Военно-государственно-монополистический капитал США. М., 1961; *Шейлин Ю. М.* Наука и милитаризм в США. М., 1963; *Фармазян Р. А.* США: мили-

Именно в этой — военной — сфере сложилась специфическая американская форма интеграции деятельности государства и монополий — форма комплексных национальных проектов или программ, в ходе осуществления которых складывается система сложных, взаимопереплетающихся связей буржуазного государства, выступающего в роли заказчика и банкира, и частного капитала — главного подрядчика и поставщика необходимых товаров и услуг (эта же форма была позднее перенесена и в гражданские научно-технические проекты).

Одна из особенностей этой формы состоит в том, что в ее рамках американским монополиям удается, с одной стороны, пользоваться всеми благами федерального финансирования, а с другой — тормозить расширение роли государства как регулятора, который мог бы регламентировать хозяйственные функции частного капитала. В тех же случаях, когда государство пытается активно вмешиваться в хозяйственную деятельность вскормленных на его миллиардных заказах «сверхмонополий», это нередко порождает острые коллизии, новые узлы противоречий, вызванные периодическим несопадением интересов конкретных монополий и всей национальной системы государственно-монополистического капитализма (мы еще вернемся к этому вопросу более подробно в связи с проблемой внешнеполитической роли транснациональных корпораций) *. Недаром Ф. Энгельс писал, что для обуздания эксплуатируемых масс буржуазия использует государство, при этом «по возможности стараясь держать его от себя подальше»¹⁰.

Если в середине 40-х годов государственные расходы были в основном обращены на форсирование гонки вооружений, то с 60-х годов наступил новый этап: правящие круги США настойчиво обращают мощь государства на стимулирование темпов экономического роста, усиление конкурентоспособности американских товаров на мировых рынках, на социально-реформистскую деятельность. Начали активно осуществляться «социально ориентированные» программы, нацеленные на решение таких острых социально-экономических проблем, как развитие системы образования и здраво-

---

таризм и экономика. М., 1970; Глобальная стратегия США в условиях НТР. М., 1979, с. 55—98.

* В этом плане небезынтересно подчеркнуть, что экономическая политика последней республиканской администрации — администрации Р. Рейгана как раз является попыткой проведения консервативного курса, максимально подчиненного интересам крупного бизнеса и минимально сковывающего свободу действий последнего.

охранения, охраны окружающей среды, освоение Мирового океана, разработка новых источников энергии и т. п. По федеральному бюджету США с 1965 по 1975 г. число таких программ удвоилось. Они включают, по данным специалистов федеральной резервной системы, программы по управлению и эксплуатации национальных парков, программы исследования космоса и разработки новейшей промышленной техники и технологии, развития торговли, совершенствования сельскохозяйственного производства и сбыта, строительства гидротехнических сооружений, морского судоходства, управления федеральной авиатранспортной системы, исследования в области медицины, ядерной энергетики и т. п.¹¹

Если на протяжении первой половины XX в. федеральные расходы на все виды невоенных программ составляли 1—4% ВВП США, то к концу 60-х годов их доля повысилась до 10%, а к 1980 г. они составили почти пятую часть ВВП США¹².

Это — проявление приспособления империализма к новым историческим условиям. «Во всех сферах деятельности, на всех плацдармах, — писал академик Н. Н. Иноземцев, — империализм испытывает сильнейшее давление, связанное с сосуществованием, соревнованием и борьбой двух мировых систем. Он вынужден приспособливаться к этому давлению, вынужден под воздействием принципиально новой исторической обстановки идти на ряд шагов, зачастую противоречащих его эксплуататорским и агрессивным устремлениям. В этом коренное отличие современного империализма не только от старого, „лассического“ капитализма, анализируемого К. Марксом, но и от империализма начала XX в., анализировавшегося В. И. Лениным»¹³.

Внешнеэкономические отношения раньше, чем другие аспекты экономической жизни, оказались в поле внимания американского государства, располагавшего целым рядом валютно-финансовых и таможенно-протекционистских рычагов для того, чтобы способствовать продвижению американского бизнеса на мировых рынках. Однако и здесь в 70-е годы, по мере выхода экономических проблем на первый план в международных отношениях, произошли серьезные перемены в плане дальнейшего усиления роли государства. Тот факт, что внешнеэкономические цели были подняты на более высокую ступеньку в системе внешнеполитических приоритетов США, нашел свое отражение в усилении централизации и координации процесса формирования и осуществления внешнеэкономической политики, в повышении роли и расширении полномочий государственных органов,

занимающихся практическим осуществлением этой политики*.

Как отмечали американские специалисты — авторы фундаментальной монографии «Внешнеэкономическая политика Соединенных Штатов», произошло беспрецедентное увеличение объема экономических проблем, решением которых занимается ныне американское государство в лице американской дипломатической службы: «Сотрудники заграничной службы ведут переговоры о заключении договоров, конвенций и протоколов, касающихся международной торговли, тарифов, судоходства, авиационных сообщений, связи; проводят анализ и составляют доклады о состоянии экономики и основных тенденций ее развития в тех странах, где они аккредитованы. В сферу их анализа входят такие вопросы, как сельское хозяйство, коммерческая информация, торговля и промышленность, финансы, рынок труда, полезные ископаемые, запасы нефти и других источников энергии, торговое законодательство, транспорт, связь и многое другое, что интересует федеральные агентства в Вашингтоне в решении их задач повышения эффективности... внешнеэкономической политики, в обеспечении интересов американского бизнеса и американского населения в целом»¹⁴.

Поскольку концентрация капитала во внешнеэкономической сфере еще выше, чем в экономической деятельности внутри страны (только наиболее мощные монополии выдерживают иностранную конкуренцию), меры государственного регулирования в этой области наиболее приспособлены к потребностям крупного бизнеса. Основная форма государственного содействия внешнеэкономической экспансии — государственное финансирование экспорта товаров получило в США широкое развитие еще в годы второй мировой войны, когда финансировавшиеся государством поставки составляли более 60% общего экспорта. Затем, естественно, эта доля сократилась, но осталась достаточно высокой — примерно 25%.

Государственное финансирование экспорта американских монополий осуществляется в следующих основных формах: финансирование поставок по программам «помощи»; государственное кредитование экспорта и страхование экспорт-

---

* Подробно о совершенствовании государственного механизма регулирования внешнеэкономической политики США см.: США: внешнеэкономическая стратегия / Отв. ред. М. И. Захматов. М., 1976, с. 218—237; Ливенцев Н. П. «Невидимый» арсенал торговой войны. М., 1980, с. 36—83.

ных кредитов; государственное субсидирование экспортеров сельскохозяйственных и промышленных товаров; финансирование американского экспорта через международные кредитно-финансовые органы.

Как и в стимулировании научно-технического прогресса внутри страны, здесь американское буржуазное государство выполняет функции банкира и к тому же «страховой компании» для крупнейшего американского бизнеса, не просто разделяя с дельцами степень риска, но подчас беря этот риск полностью на себя, дабы стимулировать продвижение американских капиталов, товаров и услуг в направлениях, которые представляются предпочтительными государству как комитету, управляющему «общими делами всего класса буржуазии», говоря словами Маркса¹⁵.

Так, например, американское правительство явно поощряет инвестиционную экспансию американских корпораций, когда речь идет о капиталовложениях в добывающую промышленность, в транспортировку сырья, об инвестициях, призванных усилить в развивающихся странах капиталистические тенденции, теснее привязать их к хозяйственному комплексу США.

Наряду с финансовым стимулированием, правительство США оказывает и всю возможную политическую помощь «своим монополиям» не только за счет обычных средств торговой политики, т. е. избирательно применяемых таможенных тарифов, но и за счет навязывания партнерам в торговле — путем неприкрытого давления по политическим каналам — «добровольных ограничений» экспорта на американский рынок.

Представляется очевидным, что именно благодаря увеличению роли государства в результате укрепления его альянса с частным капиталом правительство США получило к настоящему времени беспрецедентную возможность использовать конкретно для внешнеполитических целей такие компоненты хозяйственной мощи США, как громадный внутренний рынок, массив зарубежных капиталовложений, технологический отрыв от конкурентов, экспортный потенциал наукоемких отраслей промышленности и сельского хозяйства, все еще сохраняющееся привилегированное положение доллара в системе международных расчетов (что позволяет нам рассматривать эти компоненты, с одной стороны, как ресурсы силы, а с другой — как инструменты внешней политики США) *.

---

* Недаром развивающиеся страны, которые на собственном опыте неоднократно могли убедиться в особенностях использования Западом

«...Экономические инструменты,— пишут Ф. Бергстен, Р. Кохейн и Дж. Най,— используются... вместо военной силы, для достижения тех же самых целей, в тех случаях, когда военная сила либо отсутствует, либо ее применение может обойтись слишком дорого»¹⁶.

Откровенность этого признания чрезвычайно показательна. Бергстен, Кохейн и Най — в сущности одни из главных теоретиков «экополитики», те, кто стремится решительно отмежеваться от силовых схем традиционных «реалистов», обвиняя последних в непонимании сути событий второй половины XX в. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, как мы уже отмечали выше, что между ними и «реалистами» не так уж много расхождений: и те, и другие на все смотрят через призму «позиции силы», а в какой именно своей ипостаси должна реализовываться эта сила — вопрос, как свидетельствует приведенная выше выдержка, не столько принципов, сколько анализа по методу «стоимость/эффективность».

Действительно, экономическая сила одного государства, аналогично военной силе, может быть использована: а) непосредственно для нанесения ущерба другой стране и ее соответствующего ослабления и б) для принуждения правительства другой страны к какой-либо желательной для данного государства акции. И вот в этом, последнем варианте экономические инструменты в отличие от военных могут быть использованы двояко — как угроза нанесения материального ущерба либо как обещание материального вознаграждения. Соединенные Штаты стремятся к созданию наиболее благоприятной для себя мировой обстановки, манипулируя, с одной стороны, инструментами силового давления на другие государства и, с другой, средствами «покупки» благосклонности последних. Несомненно, для «покупки» экономические и научно-технические ресурсы силы открывают больше возможностей, нежели ее военные компоненты, что и предопределяет повышенный интерес к ним со стороны как теоретиков, так и практиков внешней политики США.

Принцип «все покупается» настолько глубоко внедрился в американскую психику, что его действие можно наблюдать на самых различных уровнях функционирования общества — в сфере сугубо личных взаимоотношений, в хозяй-

---

экономических инструментов силы, широко применяют термин «экономическая агрессия» для обозначения комплекса мер экономического давления и принуждения. См., например: Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979, с. 232.

ственной и внутривластной жизни, в государственном подходе к решению международных проблем. Любопытно, что многие американские авторы как будто вполне искренне считают этот принцип «конструктивным» и «доброкачественным»; они приветствуют повышение внимания к невоенным факторам силы как раз потому, что в сфере действия последних гораздо шире можно пользоваться «поощрением», а это — «морально» более приемлемо, нежели откровенное принуждение. Менее эмоциональные из их коллег полагают, правда, что выбор между «кнутом и пряником» в каждом отдельном случае должен зависеть исключительно от того, что обещает более высокий коэффициент полезного действия¹⁷.

Во многих отношениях американская экономическая «дубинка» скомпрометирована. Кроме того, она нередко рикошетом била по американским же интересам, становясь причиной сильных протекционистских тенденций, а то и вообще антиамериканских настроений за рубежом. Понимая это, в США стали возлагать большие надежды на использование «пряника» — предоставление другим странам экономической, научно-технической и управленческой помощи, облегчение им доступа к американской технологии, подключение к крупномасштабным техническим проектам; и даже угрозы претерпели соответствующее изменение: наряду с угрозой прямого материального ущерба посредством экономических санкций, появилась более изощренная ее разновидность — угроза не подключить ту или иную страну к важному для нее проекту, возглавляемому США; угроза отказать в содействии либо прекратить уже предоставлявшуюся ранее помощь. Этот путь представляется американским политикам гораздо более «позитивным» и многообещающим способом цементирования союзов с развитыми странами и насаждения отношений зависимости в «третьем мире».

Что касается нынешней республиканской администрации США, то сам президент Рейган откровенно декларировал готовность использовать во внешнеполитических целях весь комплекс средств экономического и научно-технического воздействия, «более тесно увязав торговые возможности, частные капиталовложения, помощь развитию и передачу технологии... в интегрированную, взаимодополняющую программу» (речь в Филадельфии 15 октября 1981 г., посвященная перспективам совещания в верхах в Канкуне с представителями развивающихся стран).

События 1981—1983 гг. подтверждают намерение руководства США идти по пути агрессивно-силового использова-

ний торгово-экономических связей и научно-технических обменов. Самый яркий тому пример — введение «санкций» в отношении СССР и ПНР, т. е. откровенное подчинение нормального хода деловых сношений между государствами целям политического шантажа и давления*. Силовым целям служит и введенная США политика так называемого выборочного освобождения от пошлин, в соответствии с которой в 1981 г., например, некоторые латиноамериканские страны были лишены права на беспошлинный ввоз товаров в США. В 1982 г. администрация Рейгана, обуреваемая желанием сорвать сделку «газ — трубы» между СССР и странами Западной Европы, попыталась — правда, без особого успеха — применить экономический нажим даже против собственных союзников — Англии, ФРГ, Франции, Италии, Японии.

Образцом противоположного использования торгово-экономических рычагов — в целях поощрения, а точнее, подкупа — может служить выдвинутый Рейганом в феврале 1981 г. «план для Карибского бассейна», предусматривающий систему льгот в торговле США с проамериканскими режимами региона; журнал «Тайм» прямо охарактеризовал эту программу, как «политический инструмент, предназначенный для сдерживания внутреннего брожения в этих странах, созревших для левых революций»¹⁸. Не менее тенденциозна и объявленная администрацией программа «помощи» на 1983 г., согласно которой более всего «облагодетельствованы» Израиль, Египет, Турция, Пакистан и Сальвадор. Так в сегодняшних условиях Вашингтон пытается продолжать манипулирование экономическими средствами давления — «кнутом и пряником».

1.

Внешняя торговля

«С появлением мануфактуры, — писали основоположники марксизма, — различные нации начинают конкурировать между собой, вступают в торговую борьбу, которую ведут с по-

---

* К этому следует добавить, что сам президент и его окружение неоднократно связывали начатый по инициативе США новый виток гонки вооружений с планами экономического воздействия на СССР в целях изматывания нашей страны; Рейган откровенно говорил о своем расчете на то, чтобы в ходе наращивания военных усилий создалось положение, при котором США «смогут продолжать гонку вооружений, а они (Советский Союз. — *И. Ш.*) будут не в силах за нами угнаться». Разумеется, такой подход не нов, он неоднократно декларировался различными администрациями США — и неизменно проваливался.

мощью войн, покровительственных пошлин и запретительных систем... Торговля отныне приобретает политическое значение»¹⁹.

В принципе внешняя торговля является одним из старейших рычагов международного воздействия. Очевидно, что уже сам по себе размах внешнеторговой деятельности государства является важным показателем его силовых возможностей в этой области, ибо государство, доля которого в общемировой торговле составляет, скажем, 20%, располагает намного большими возможностями воздействия на своих международных партнеров, нежели государство, доля которого ограничивается 2%. Этим, однако, проблема не исчерпывается. Государство может много экспортировать — и при этом много импортировать, т. е. быть, в свою очередь, зависимым от других. Теоретически внешнеторговое превосходство может быть достигнуто лишь за счет сочетания силы и неуязвимости. Таким образом, максимальные силовые возможности государство имело бы в том случае, если бы оно (а) экспортировало товары, пользующиеся за рубежом повышенным спросом; (б) импортировало бы при этом товары, не являющиеся для него жизненно необходимыми; (в) было монопольным производителем товаров, необходимых для других государств; (г) было главным покупателем экспортной продукции других государств. Другими словами, чем труднее внешнему миру обойтись без экспорта данного государства и без его внутреннего рынка для сбыта собственных товаров, тем более могущественными инструментами давления располагает данное государство.

Разумеется, подобная внешнеторговая структура, идеальная с точки зрения силовой политики, вряд ли возможна в современном мире. США были близки к ней в рамках капиталистического мира в течение очень непродолжительного времени после окончания второй мировой войны, когда большинство их соперников были истощены и экономически дезорганизованы, когда на долю США приходилось более 56% промышленного производства капиталистического мира, $\frac{2}{3}$ мировых запасов золота и 32,5% мирового капиталистического экспорта, причем доля экспорта во внутреннем потреблении не превышала 9%, а сами Соединенные Штаты, обладая емким внутренним рынком и обширной сырьевой базой, мало зависели от мировых рынков, во всяком случае, гораздо меньше всех остальных капиталистических стран.

В конце 40-х годов США действительно занимали фактически монопольное положение в большинстве основных сфер капиталистического хозяйства и не имели сколько-ни-

будь серьезной конкуренции на внешних рынках. Именно тогда Соединенные Штаты, не испытывая ощутимой зависимости от внешней торговли, привыкли рассматривать ее почти исключительно как производное от общей внешнеполитической стратегии США. В таком духе выдержаны экономические разделы упоминавшегося выше правительственного документа СНБ-68, заложившего основы американской стратегии на многие годы вперед. «Внешнеэкономическая политика,— говорится там, в частности,— является важным инструментом в осуществлении Соединенными Штатами своих внешних сношений. Это инструмент, способный оказать мощное воздействие на формирование международной среды в направлениях, благоприятствующих безопасности и благосостоянию нашей страны»²⁰.

«Формирование среды» в непосредственно послевоенный период шло главным образом по двум направлениям: с одной стороны, борьба против растущих сил социализма, революционного и национально-освободительного движения и, с другой — восстановление и консолидация сил капиталистического мира под руководством США. Соответственно инструмент внешней торговли выступал на этих направлениях в двух различных ипостасях.

Капиталистическим партнерам США в целях поощрения их следования в русле американской политики был предложен «пряник» в виде программ помощи, «плана Маршалла», льготных торговых условий и т. п. Как выразился в тот период один французский политический деятель, «Западная Европа в то время продавала свои торговые принципы за твердую американскую валюту»²¹.

Что касается Советского Союза и других социалистических стран, они стали немедленно объектами американских попыток применения внешнеторговой «дубинки».

Сформировавшаяся в 1946—1947 гг. «новая», послевоенная американская стратегия — стратегия «сдерживания» — главную ставку делала на военную мощь США. Однако и в этой стратегии кое-какая подсобная роль отводилась внешнеэкономическим, в том числе внешнеторговым, инструментам. Один из главных творцов этой стратегии — Дж. Кеннан признавал полезность подобных инструментов для того, чтобы «колоссально увеличить напряжение, под которым должна оперировать советская политика... таким путем поощрять тенденции, которые должны в конечном итоге найти себе выход или в крушении, или в постепенном размягчении советской власти»²².

По мнению большинства американских экспертов и поли-

тиков, тяготы соревнования и борьбы с США должны были оказаться не по плечу пострадавшему от войны народному хозяйству Советского Союза (некоторые даже полагали, что без иностранной — т. е. американской — помощи даже самое элементарное восстановление советской экономики будет невозможно), следовательно, Советский Союз будет вынужден рано или поздно капитулировать перед Соединенными Штатами, подчиниться условиям «американского мира». Для того же чтобы эту капитуляцию ускорить, чтобы «ничем не помочь» Советскому Союзу, была предпринята попытка организовать экономическую изоляцию СССР*.

Прежде всего был быстрыми темпами свернут американский экспорт в Советский Союз (уже в 1946 г. экспорт США в СССР в течение 12 месяцев сократился в 2,5 раза и составил 213 млн. руб., а позднее, к середине 50-х годов, он упал до абсолютно ничтожной величины 0,5 млн. руб.). В 1949 г., с момента принятия закона о контроле над экспортом, это сокращение получило юридическое обоснование: в законе прямо устанавливалось, что в американской системе контроля над экспортом центральное место отводится контролю над поставками в социалистические страны, и при этом сутью политики США является «применение... ограничений в максимally возможной степени»²³.

Помимо этого, было объявлено о полном запрете американского экспорта в КНДР (июль 1950), в КНР и МНР (декабрь 1950 г.), ДРВ (июль 1954), в Республику Куба (февраль 1962 г.); что касается других стран, вставших на путь строительства социализма, то тут политика США состояла в том, чтобы использовать по возможности экономические рычаги, с одной стороны, для давления, с другой — для поощрения антисоветских элементов. Еще в период Парижской мирной конференции в июле — октябре 1946 г. это кредо «долларовой дипломатии» уже вполне выявилось; в ответ на поддержку чехословацкими делегатами позиции Советского Союза государственный секретарь США Бирнс отдал распоряжение об отказе в предоставлении Чехословакии кредита в 50 млн. долл., уже обещанного ей ранее; чуть позже госдепартамент окончательно решил, что он сможет «санкционировать кредит чехословацкому правительству только после того, как оно продемонстрирует конкретные свидетельства дружбы к Соединенным Штатам, имея ввиду как некоторую

---

* О политике торговой дискриминации в отношении Советского Союза см.: СССР — США: экономические отношения. М., 1976, с. 90—129.

переориентацию его внешней политики в целом, так и соглашение о компенсации и по вопросам торговли»²⁴.

Американцы в стремлении организовать экономическую блокаду СССР пытались добиться от своих зарубежных союзников солидарных действий. Как известно, уже в 1949 г. механизм для согласованных действий был создан: все страны НАТО, кроме Исландии, и Япония образовали Консультативную группу и координационный комитет для ограничения экспорта из капиталистических стран в социалистические (КОКОМ). Затем США в дополнение законодательно подкрепили эти органы, приняв закон Бэттла — «закон 1951 г. о контроле над помощью в целях взаимной обороны», прямо ставивший финансовые взаимоотношения США с союзниками в зависимость от связей последних с социалистическими странами. Впрочем, национальные интересы участников КОКОМа настолько расходились, что действительной солидарности в его рамках США так и не сумели гарантировать.

Как известно, в итоге все эти усилия по замедлению развития Советского Союза и других социалистических стран и нанесению им максимального ущерба не принесли США ни политических, ни экономических, ни моральных дивидендов*.

К середине 60-х годов первый послевоенный этап развития американской внешней торговли пришел к концу. Другие страны, восстановив разрушенную войной экономику, встали на путь активного соперничества с США (причем вначале на внешних рынках, а позднее и на внутреннем, американском), произошла эрозия некоторых аспектов американского превосходства в области науки и техники, развертывание научно-технической революции внесло глубокие долгосрочные изменения в международное разделение труда. Одновременно изменилась и роль внешней торговли для функционирования американской экономики: доля экспорта и импорта в валовом национальном продукте США к началу 80-х годов удвоилась по сравнению с 50-ми годами (увеличившись с 7,43% в 1950 г. до 16,4% в первой половине 1980 г.)²⁵.

После 1964 г., когда актив торгового баланса США достиг рекордных за всю историю страны показателей, превышение экспорта над импортом стало неуклонно сокращаться, и всего лишь за несколько лет в течение второй половины 60-х годов

---

* Подтвердив тем самым справедливость гораздо ранее сказанных слов В. И. Ленина, который отмечал, выступая на IX Всероссийском съезде Советов: «Насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 301*).

США превратились из нетто-экспортера в нетто-импортера товаров. В 1971 г. США впервые в XX в. свели торговый баланс с дефицитом*, который им не удалось ликвидировать или хотя бы значительно сократить на протяжении всех 70-х годов. В течение всего послевоенного периода шел процесс постепенного падения доли США в мировой торговле, однако вначале он был просто следствием укрепления экономики партнеров США — крупнейших капиталистических держав; в 70-е годы стало очевидно, что речь идет об определенном вытеснении некоторых видов американского экспорта с мировых рынков в результате конкуренции со стороны других государств, развитых, а отчасти и развивающихся. К концу 70-х годов доля США в мировом капиталистическом экспорте упала до 12,2%, сократившись в полтора раза по сравнению с 1960 г., в то время как доля Японии, ФРГ, Франции, Италии, Нидерландов возросла (из крупных капиталистических стран лишь Великобритания пережила более значительное понижение удельного веса, чем США); в 1978 г. США впервые за послевоенные годы перестали быть крупнейшим в капиталистическом мире экспортером, уступив первенство ФРГ.

Не вдаваясь подробно в причины изменения внешнеторговых позиций США и снижения конкурентоспособности американского экспорта**, подчеркнем, что речь идет все же об относительном, а не абсолютном ухудшении американских позиций, ибо одновременно произошло серьезное изменение не только места, но и форм участия США в международном капиталистическом разделении труда.

Центральным направлением этого изменения стало, по мнению самих американских экономистов, перемещение американского «сравнительного преимущества», определяющего место США в международном разделении труда, из сферы непосредственного материального производства в сферу услуг, где оно реализуется прежде всего по двум каналам — экспорта капитала и передачи технологии и управленческого опыта. В соответствии с анализом, данным

---

* Если в 1972 г. дефицит достиг 6,5 млрд. долл., то в 1978 г. из-за ряда неблагоприятных для США факторов он увеличился до 39,4 млрд. долл. И лишь с 1979 г. обнаружил некоторую тенденцию к сокращению — 37,1 млрд. долл. в 1979 г., 34,3 млрд. долл. в 1980 г. См.: *Economic Report of the President, January 1981. Wash., 1981, p. 351.*

** Подробно об этом см.: США: внешнеэкономическая стратегия. М., 1976, особенно с. 5—54; *Курьеров В. Г. Внешнеторговая стратегия США. М., 1980, с. 7—37.*

известным американским экономистом П. Самуэльсоном, «при современных тенденциях формирования сравнительного преимущества может оказаться, что американские управленческие знания... и американский мобильный капитал все больше будут находить свое наиболее эффективное применение в использовании иностранной рабочей силы как замены традиционных американских сфер деятельности. Вашингтон, Нью-Йорк, Питтсбург и Денвер все больше становятся тем, что Макс Вебер называл кафедральными городами, или, используя современную терминологию, городами — штаб-квартирами. Таким образом, при плавающих валютных курсах и в условиях относительной свободы торговли Соединенные Штаты могут через некоторое время превратиться в страну, хозяйство которой состоит из штаб-квартир корпораций (headquarters economy). Центр занятости будет перенесен с обрабатывающей промышленности на услуги. Для страны станет обычным иметь неблагоприятный баланс в торговле товарами, как это было до 1893 г., когда наш товарный импорт по стоимости превышал экспорт. Этот торговый дефицит, как правило, будет компенсироваться за счет текущих статей невидимого экспорта — процентов, дивидендов, репатриированных прибылей и отчислений»²⁶.

Такое понимание роли США — как экспортера капитала и организатора производства за границей — характерно для многих американских экономистов, а в последнее время — и для вашингтонской администрации, считающих, что для нынешней стадии развития США значительный дефицит по товарным внешнеторговым операциям вполне нормален, однако он должен перекрываться крупным активом, создаваемым в результате экспорта капитала и технологии²⁷. Действительно, платежный баланс США по текущим операциям, в который американская статистика включает такие статьи, как платежи за товары и услуги, доходы от инвестиций, военные расходы за рубежом и торговля оружием, туризм и фрахт, пенсии, переводы и прочие трансферты, к концу 70-х годов стал сводиться с положительным сальдо, невзирая на крупный внешнеторговый дефицит (в 1980 г. отрицательное сальдо торгового баланса по товарному компоненту превышало 25 млрд долл., а по текущим операциям баланс был сведен с активом примерно в 4 млрд долл.).

Единственными отраслями материального производства, в которых США все же продолжают сохранять свое внешнеторговое «сравнительное преимущество», являются науко-

емкие отрасли промышленности и сельское хозяйство (которое в американских условиях тоже близко к наукоемкой отрасли).

По мере развития научно-технического прогресса в мире становится вообще все меньше незаменимых товаров и соответственно незаменимых поставщиков. Однако есть все же две группы товаров, которые мало поддаются замене: это, во-первых, наукоемкие товары, в основе изготовления которых лежит либо уникальное нововведение, либо недотягаемый для других стран общий научно-технический уровень, и во-вторых, некоторые виды природного сырья (в настоящий момент к ним, например, относятся нефть и марганец). На товары первой группы, составляющие «последнее слово» научно-технической революции, США как раз и возлагают основные надежды в плане удержания внешнеторговых позиций*. Сюда относятся такие товары, как ЭВМ, станки-роботы, гражданские самолеты и вертолеты, новейшие химические и фармацевтические продукты, оборудование для атомной промышленности, научные измерительные инструменты и приборы, оборудование для телекоммуникаций, оборудование для морской нефтедобычи и т. п.

В торговле такого рода «технологически интенсивными изделиями» США пока не только сохраняют, но и наращивают положительное сальдо на протяжении последних 10—15 лет, равно как и в новейшей отрасли американской внешней торговли — в торговле научно-техническими и управленческими знаниями**. Таким образом, козырем США

---

* Наукоемкость определяется удельным весом расходов на НИОКР в стоимости продукции; наивысшей наукоемкостью отличается авиатехническая промышленность (по данным на середину 70-х годов, доля расходов на НИОКР составляла 13,8% стоимости продукции), производство ЭВМ и конторской оргтехники (10,9%), коммуникационное оборудование (8,2%), фармацевтическая промышленность (7,5%). Вообще в наукоемких отраслях этот показатель не бывает ниже 4—6% (в то время как в металлургии, например, он составляет 0,7%, в производстве радио- и телеаппаратуры — 1,4, в автомобилестроении — 3,5%).

** По подсчетам, сделанным В. Г. Курьеровым на основе американской внешнеторговой статистики, актив внешней торговли продукцией наукоемких отраслей увеличился с 6,5 млрд. долл. в 1965 г. до 10,9 млрд. в 1970 г. и 26,4 млрд. долл. в 1977 г. В сущности, к наукоемкой продукции В. Г. Курьеров справедливо относит и предметы вооружения, крупнейшим экспортером которых являются США. С учетом торговли оружием актив в торговле наукоемкой продукцией в 1965 г. составлял 7,7 млрд. долл., а в 1977 г. — 29,6 млрд. долл. (Курьеров В. Г. Указ. соч., с. 27—28).

остается продукция особо высокой наукоемкости, пользующаяся сравнительно ограниченным спросом и имеющая относительно узкое применение, но зато близкая к уникальной. Что касается товаров более массового спроса и массового потребления, в том числе и изделий довольно высокой наукоемкости, как бытовая электроника и электротехническая аппаратура, отечественные компании США фактически уступили их производство иностранным конкурентам.

По мнению многих советских и зарубежных специалистов, к этому процессу существенно причастны американские транснациональные корпорации. Экспорт капиталов и технологии содействовал развитию новых производств за рубежом и создавал — в лице дочерних предприятий — серьезных конкурентов американским компаниям; недаром американский экспорт во второй половине 60-х и в 70-х годах рос почти в полтора раза более низкими темпами, чем продажи зарубежных филиалов американских компаний. Причем показательно то, что наиболее успешно филиалы действовали именно в тех областях, по которым внешнеторговый баланс США особенно ухудшился (текстильные товары, одежда, электроаппаратура, электронные компоненты, радиоприемники и телевизоры, обувь, фотоаппараты и т. п.). К этому следует добавить, что в сфере внешней торговли ТНК прибегают преимущественно к каналам внутрифирменных поставок и кооперации, манипулируя при этом трансфертными ценами в собственных интересах, нередко идущих вразрез с национальными. Нежелание материнской компании конкурировать с дочерними, расположенными в других странах, негласный географический раздел рынков и подобные явления, связанные с деятельностью ТНК, многие специалисты считают одними из причин, сдерживающих экспортную экспансию США.

Еще одной областью американского «сравнительного преимущества» является экспорт сельскохозяйственной продукции — правда, в американских условиях сельскохозяйственное производство в какой-то степени может быть приравнено к наукоемким отраслям, а само продовольствие — отчасти — к труднозаменимому сырью, учитывая его растущую нехватку в мире. Кроме того, импорт многих сельскохозяйственных продуктов в США традиционно ограничивается квотами и другими барьерами, а экспорт активно субсидируется государством, поэтому сельскохозяйственное производство является привилегированной отраслью, которой до сих пор всегда удавалось давать во внешней торговле сельскохозяйственными товарами положительное сальдо (13,8 млрд. долл. в 1978 г.). С другой стороны, доля сельскохозяйственного производства США, идущего на экспорт, настолько велика (40—50% производимой пшеницы, 50—60 — соевых бобов, 40 — хлопка, 30 — табака, 30—50% риса и кукурузы), что позволяет говорить и об определенной за-

зависимости США от конъюнктуры на внешних рынках, а не только о владении «продовольственным рычагом».

Что касается второй группы «незаменимых» товаров — некоторых видов минерального сырья, в том числе и энергетического, — то тут США, хотя они и обладают крупнейшей среди развитых капиталистических стран минерально-сырьевой базой и мощной горнодобывающей промышленностью, находятся в непривычном для себя состоянии значительной зависимости от импортного сырья и изыскивают способы нейтрализации этой зависимости. (Подробнее о проблемах продовольствия и сырья речь будет идти в § 3 данной главы.)

Если для Соединенных Штатов Америки, как отмечалось выше, возросло значение внешней торговли в условиях увеличивающейся взаимозависимости в мире, то для их партнеров-конкурентов — Западной Европы и Японии — зависимость национальной экономики от внешнего рынка еще выше, что предопределяет ожесточенность борьбы капиталистических «центров силы» за рынки сбыта, остроту противоречий по проблемам торговой политики, доходящих иногда до такой степени, что их уже именуют торговыми войнами*.

В 70-е годы Соединенные Штаты лишились тех внешне-торговых преимуществ, которыми они располагали сразу после второй мировой войны и могли свободно манипулировать в политических целях; теперь, наоборот, они стали использовать свои превосходящие военно-политические позиции в капиталистическом мире для достижения внешнеторговых уступок со стороны союзников. Им приходится настолько считаться с возросшим значением мировых внешнеэкономических связей, что это подчас влечет за собой и изменение в характере соотношения между внешнеторговыми и внешнеполитическими задачами: в иных случаях теперь уже внешняя политика вынуждена не только согласовываться с торговыми интересами страны, но и подчиняться им. Как справедливо писал в начале 70-х годов известный американский экономист Ф. Бергстен, занимавший позднее пост помощника министра финансов в администрации Картера,

---

* Показателем нарастания противоречий между союзниками может служить такой факт: еще президент Никсон в 1973 г. выражал беспокойство по поводу того, что единая линия Запада «может быть в значительной степени ослаблена экономическими конфликтами, которые ведут к политическим трениям и ослабляют военные связи» (Columbia Journal of World Business, 1973, Fall, p. 31). Для администрации Рейгана эти проблемы стали уже одной из главных внешнеполитических забот.

«в настоящее время экономические соображения явно занимают центральное место во внешней политике США»²⁸.

В программном внешнеэкономическом документе 70-х годов — докладе Питерсона*, опубликованном в 1971 г., уже был выдвинут тезис о необходимости решительного увязывания политических — и даже военных — отношений между капиталистическими партнерами с решением торгово-экономических вопросов. Позднее, в бытность министром торговли, Питерсон прямо предупреждал союзников, чтобы они не ждали от США рассмотрения торговых и политических вопросов как совершенно независимых и понимали необходимость «обмена» уступок в одной области на уступки в другой.

Соединенные Штаты болезненно переживают ослабление своих внешнеторговых рычагов и усиление позиций своих главных капиталистических партнеров-соперников; обеспокоенность периодами граничила с паническими настроениями, особенно когда стало ясно, что западноевропейским странам удастся сформировать «особые отношения» с целым рядом развивающихся стран. В одном из исследований, подготовленных для Совета национальной безопасности на грани 70-х годов, возможная перспектива описывалась следующим образом: «В конечном итоге мы можем оказаться вынужденными иметь дело с „расширенной Европой“, состоящей из Общего рынка в составе по крайней мере десяти полноправных членов плюс нейтралы из Европейской зоны свободной торговли в качестве ассоциированных членов, имеющей договоренности о торговых преференциях по меньшей мере со всем Средиземноморьем и большей частью Африки. На долю этого блока будет приходиться примерно половина мировой торговли — по контрасту с нашими 15%. Они будут располагать валютно-финансовыми резервами почти в два раза большими, чем мы. И они даже будут в состоянии постоянно мобилизовывать больше голосов, чем мы, в международных экономических организациях»²⁹.

Одновременно следует подчеркнуть, что изменение позиций США в мировой экономике приобрело качественно новые черты в течение 60-х годов, т. е. как раз того десятилетия, когда американский внешнеторговый «либерализм» достиг

---

* П. Питерсон — крупный делец, возглавивший при администрации Никсона Совет по внешнеэкономической политике, впоследствии министр торговли США. Подготовленный им документ суммировал, а отчасти и предвосхитил новый подход США к вопросам международной торговли. См.: *Peterson P. The United States in the Changing World Economy. Wash., 1971.*

апогея*, когда в 1962 г. был принят специальный закон о расширении торговли. В рамках ГАТТ были начаты интенсивные переговоры о снижении таможенных тарифов развитых капиталистических стран, было ослаблено и использование нетарифных барьеров. Таким образом, резкий рост иностранной конкуренции совпал по времени с максимальной «открытостью» американского рынка. Это делает понятным, почему — в качестве реакции на ухудшение внешнеторговых позиций США — в начале 70-х годов в стране так внезапно распространились неомеркантилистские и даже изоляционистские взгляды, укрепились позиции протекционистских кругов.

Наряду с «увязыванием» Вашингтон сделал попытку использовать угрозу протекционистских мер с целью умерить внешнеторговую активность союзников и заставить их больше учитывать американские интересы. Формулируя основные принципы внешней политики США на 70-е годы, президент Никсон употребил в этой связи довольно сильные выражения: «...другие страны теперь не могут действовать, исходя из презумпции о покладистости США, рассчитывая, что независимо от того, какую политику они проводят сами, им гарантирована либеральная торговая политика со стороны США... Наша полная поддержка Европейского экономического сообщества по-прежнему остается в силе, но его политика, — включая политику, направленную на увеличение членов сообщества, что также встречает поддержку у нас, — должна в полной мере принять во внимание наши законные экономические интересы... Точно так же и Япония должна продолжать быстрое сокращение ограничений на торговлю и капиталовложения, ограничений, которые не к лицу стране, располагающей второй крупнейшей экономикой в некоммунистическом мире»³⁰. Словарь президента Никсона, избранный им повелительный тон показательны для общих настроений этого периода — США еще не усвоили «урока» и не понимают, что ослабление их позиций, хотя и весьма относительное,

---

* В принципе на протяжении большей части своей двухсотлетней истории США придерживались протекционистского курса во внешней торговле. Только кризис 1929—1933 гг. показал им порочность любых односторонних действий по ограничению импорта. Этот опыт послужил толчком к радикальному пересмотру внешнеторговой политики администрацией Ф. Д. Рузвельта, «открывшей» американский рынок и положившей принцип взаимности в основу развития внешнеторговых отношений. Такой подход по сей день остается одним из важных элементов внешнеторговой стратегии США.

более не позволяет им односторонними действиями навязывать партнерам выгодные для себя условия.

Уже в докладе Питерсона отразился поворот правящих кругов США в этот период к известной ревизии доктрины «свободной торговли» — доктрины, которая полностью соответствовала экономическим и политическим задачам американского империализма в послевоенные годы. (Неуязвимые для конкуренции, США были заинтересованы в ослаблении торговых барьеров в других странах, хотя бы даже для реализации собственного превосходства; и в чисто идеологическом плане этот курс импонировал американцам — адептам «рыночной» философии, ибо «свободный рынок» ассоциировался с прогрессом.) Пытаясь обосновать «право» США на введение односторонних торговых ограничений, американские руководители стали двигаться от концепции «свободной торговли» к концепции «справедливой торговли» (fair trade) *, в которой справедливость понимается не просто как соблюдение международных норм, но как право США на «особые меры» и обязанность партнеров считаться с внешне-торговыми трудностями США и «добровольно регулировать» свой выход на американский рынок. Нет нужды говорить, что требование уступок от союзников «в благодарность» за прошлые американские «жертвы» в их пользу встречало широкое одобрение в шовинистически настроенных кругах в стране, хотя и раздавались трезвые голоса, напоминавшие, что если США когда и несли экономические убытки, то не столько ради союзников, сколько всегда по своей воле и в соответствии с собственными политическими и военными целями ³¹.

Такой подход нашел яркое выражение в объявленной администрацией Р. Никсона 15 августа 1971 г. «новой экономической политике» — комплексе односторонних мер, направленных на стабилизацию внутреннего и внешнего экономического положения (в их числе — прекращение размена долларов на золото, введение дополнительного 10-процентного налога на импорт, дополнительные меры дискриминации против импортных товаров и т. п.). Эти односторонние действия вызвали широкое осуждение не только среди торговых партнеров США, но и внутри страны. Действительно, они принесли какой-то краткосрочный экономический успех, но они же дали и толчок распространению в западном мире на-

---

* Этот термин особенно широко употреблял президент Никсон, но он остался в лексиконе и при демократической администрации Дж. Картера.

строений, поощряющих тенденции к национальной и региональной разобщенности, замкнутости, к ослаблению связей и солидарности «свободного мира». США быстро оценили опасность такого «бумеранга» и умили элементы жесткости в своем подходе, усилив компромиссное начало и сделал безусловно главной темой взаимозависимость, «атлантическую солидарность» и т. п. (эта тема особенно ярко обыгрывалась в речах Г. Киссинджера, но и Питерсон эволюционировал в том же направлении).

Энергетический кризис, развертывание развивающимися странами действий на основе единой платформы — требования нового международного экономического порядка — подхлестнули стремление к консолидации, причем не только у США, но и у их союзников, для которых выход из энергетического кризиса и неурядиц одного из самых глубоких за послевоенные годы экономических кризисов (1974—1975 гг.) оказался более тяжелым, чем для США. Тем самым было косвенно подтверждено «право» США на роль «старшего партнера» в западном блоке.

В результате капиталистическим странам все же удалось предотвратить возврат к политике агрессивного протекционизма, взорвавшей международные экономические отношения в 30-х годах. Именно поэтому стал возможен так называемый «токийский раунд» — очередной тур переговоров в рамках ГАТТ, продолжавшийся с 1973 по 1979 г. с участием 99 государств; возник институт регулярных встреч глав ведущих империалистических держав по экономическим вопросам.

С середины 70-х годов Вашингтон был вынужден отказаться от взятого им было тона внешнеэкономических ультиматумов и перейти к большей внешнеторговой гибкости. Администрация Картера декларировала стремление к «поиску путей эффективного осуществления коллективной международной ответственности» и не предпринимала ничего похожего на шоковую терапию «новой экономической политики».

И все же склонность к односторонним действиям продемонстрировала и администрация Картера: на фоне рассуждений об «общей ответственности» и «солидарности» в мае 1979 г., в разгар общекapиталистических энергетических трудностей, в США были введены субсидии на импорт нефти, естественно взвинтившие цены на мировых рынках и поставившие другие капиталистические страны в невыгодное положение.

Тем не менее Соединенным Штатам пришлось проявлять определенную гибкость как по отношению к своим главным партнерам-соперникам, так и по отношению к развивающимся странам. Не только рост американской зависимости от заграничных энергоресурсов *, но и общее резкое усиление роли развивающихся стран в мировых делах вынудило Соединенные Штаты в целом пересмотреть свое отношение к развивающимся странам, и проблемы отношений с ними были значительно повышены в иерархии внешнеполитических приоритетов, что не замедлило сказаться и на американских инвестициях, и на объеме внешней торговли с этими странами **.

В попытках выработать какие-то обоюдоприемлемые рамки для дальнейшего, конструктивного развития отношений с развивающимися странами США видное место отводят внешнеторговым отношениям. Так, если поначалу требования молодых государств относительно нового экономического порядка были встречены в США крайне враждебно, то постепенно, под давлением обстоятельств американское правительство не просто меняет линию, но даже пытается перехватить инициативу в построении такого порядка, выдвинув на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 1975 г.) встречную программу «практических мероприятий» в области реформирования международной экономической системы, которую в дальнейшем — на парижской конференции по международному экономическому сотрудничеству, на IV сессии ЮНКТАД, на последующих сессиях Генеральной Ассамблеи ООН — США продолжали дополнять и уточнять по разным направлениям. Эту программу (ядром ее являются как раз предложения, связанные с внешнеторговыми операциями — с защитой, в обмен на гарантии частно-

---

* Доля импортной нефти, включая нефтепродукты, во внутреннем потреблении США с 1959 г. до 70-х годов удерживалась с помощью абсолютных квот на уровне 12,2%; за 70-е годы она поднялась до 45% и снова несколько понизилась только в 1979—1980 гг. (по заявлению Картера, на 24%). В результате удельный вес нефтедобывающих развивающихся государств в американском импорте повысился с 6,3% в 1970 г. до 20,7% в 1978 г., а доля США в их экспорте — с 6,1 до 13,5% (рост доходов этой группы стран позволил им увеличить закупки американских товаров).

** Удельный вес всего развивающегося мира в экспорте США, понизившись в 1950—1970 гг. с 42,5 до 30,8%, к 1978 г. опять увеличился и достиг 37,1%. Тот же процесс шел и в импорте (правда, здесь решающую роль играл подъем цен на нефть в рассматриваемый период): доля развивающихся стран упала с 1950 по 1970 г. с 54,6 до 26,3%, а к 1978 г. возросла до 41,5%.

му капиталу США, экспортных доходов развивающихся стран от колебаний, вызываемых циклическими, климатическими и иными факторами) — американская печать регулярно сравнивает с «планом Маршалла» по ее потенциальному политическому значению. И хотя в принципе программа направлена не столь на создание нового, сколько на сохранение в основных чертах старого международного экономического порядка, она все же свидетельствует о том, что и в отношениях с развивающимися странами в общем курсе США заметна тенденция к достижению компромисса, к готовности идти на этом направлении на определенные уступки ради выхода из тупика.

Что касается дефицитности торгового баланса США, то, невзирая на заверения многих американских экономистов о «нормальности» этого явления для страны, превращающейся в экспортера капиталов и услуг³², американское правительство со второй половины 70-х годов все более серьезно относится к проблеме увеличения экспорта. Увеличение экспорта было — впервые в истории страны — поставлено в ряд важнейших и первоочередных национальных задач при администрации Картера, прямо предложившей деловым кругам партнерство в деле повышения конкурентоспособности американской промышленности; объявленная в сентябре 1978 г. программа расширения экспорта поставила цель увеличения прямой помощи государства американским экспортерам и ослабления иностранных барьеров на пути американского экспорта. «Развитие торговли в настоящее время имеет особую важность, — говорилось в директиве президента Дж. Картера, направленной летом 1978 г. всем послам США, — зарубежные продажи необходимы для того, чтобы сократить безработицу, приостановить протекционистские настроения внутри страны, улучшить платежный баланс нации... Поэтому я требую от Вас как моего представителя обеспечить развитию торговли и другим коммерческим программам высший приоритет в деятельности Вашего посольства»³³.

И все же политика США в области расширения экспорта противоречива и непоследовательна прежде всего в силу того, что не прекращаются попытки силового использования экспорта как инструмента прямого воздействия на политику других государств, в том числе и внутреннюю. При администрации Дж. Картера новым проявлением политизированного подхода к торговле стала политика «в защиту гражданских прав», реализовавшаяся, в частности, в виде ограничения продажи тех или иных товаров государствам, внутренняя политика которых по каким-либо причинам не устраивает

Вашингтон. Дискриминационный экспортный контроль, хотя он и был ослаблен в 70-е годы, остается серьезным препятствием к развитию торговых отношений США с социалистическими странами, прежде всего с СССР. В 1977 г. был введен запрет на участие американских фирм в бойкоте Израиля, который осуществляют арабские государства (в частности, американским компаниям было запрещено включать в контракты с арабскими государствами пункты, обязывающие американскую сторону воздерживаться от торговли с Израилем); в результате этого запрета американские экспортеры понесли миллионные убытки. В целом, по подсчетам министерства финансов США, разного рода «идеологические препоны» обходятся американским фирмам из-за потерь на экспорте ежегодно примерно в 10 млрд. долл.³⁴

Если такого рода программы убыточны экономически, можно ли считать, что США положительно расценивают достигнутые с их помощью внешнеполитические результаты?

Оценивая наиболее жесткую разновидность торговых ограничений — эмбарго и блокады, — применявшихся против Кубы, КНДР и Вьетнама, Дж. Катц, помощник государственного секретаря США по экономическим и социальным вопросам при администрации Дж. Картера, признал, что не только экономический, но и «политический эффект этого эмбарго тоже оказался ограниченным. В ряде случаев страны, против которых оно было направлено, действительно изменили свою внутреннюю и внешнюю политику, но в направлении, прямо противоположном ожидаемому. В частности, Куба и Вьетнам еще более сблизились с Советским Союзом»³⁵.

Один из виднейших представителей американских деловых кругов, Д. Рокфеллер, следующим образом комментировал применение внешнеторговых дискриминационных мер против Советского Союза — ограничений на экспорт наукоемких товаров во второй половине 70-х годов: «В конечном итоге становится более ясно, что политически мотивированные экспортные ограничения, используемые в качестве рычагов давления, могут иметь обратный эффект. Советский Союз, несомненно, не позволит себе оказаться в зависимости от источника технологии, который то функционирует, то перестает действовать в ответ на политические события»³⁶. Недвусмысленно пессимистически расценен в авторитетном журнале американского бизнеса «Форчун» и итог ограничений на продажу СССР зерна, введенных Дж. Картером в январе 1980 г. в связи с событиями в Афганистане³⁷.

Таким образом в смысле использования внешнеторго-

вого рычага американское руководство на собственном опыте приходит к тем выводам, которые уже были сделаны некоторыми теоретиками-международниками. К. Норр в фундаментальной работе «Сила наций. Политическая экономия международных отношений» в 1975 г. писал о том, что в современном мире шансы на осуществление действительно эффективного политического давления за счет радикальных внешнеторговых санкций типа эмбарго в мирное время невелики³⁸. Хотя такое эмбарго может причинить некоторый ущерб высокоразвитой и мощной национальной экономике, этот ущерб вряд ли может оказаться необратимым и даже долгосрочным. Практически невозможно представить себе ситуацию, в которой удалось бы реализовать полное эмбарго — добиться абсолютного отсутствия торговых сношений всех стран мира с тем государством, против которого оно направлено. А если не удастся добиться полного эмбарго, то постепенно сходит на нет и частичное*. Что касается более ограниченных санкций — таможенных мероприятий, введения импортных квот, торговой дискриминации и т. п., — они имеют больше шансов на успех, но зато и гораздо меньший политический потенциал.

Это, правда, отнюдь не означает, что в США перестали разрабатывать вопросы использования внешней торговли как политического оружия. В 1976 г., например, появилась книга У. Шнайдера, сотрудника Гудзоновского института, помощника сенатора У. Бакли (известного своими консервативными, если не сказать сильнее, взглядами), прямо посвященная теме совершенствования инструментария «экономической войны» против Советского Союза и освободившихся государств. Если У. Шнайдер считает главным — а точнее, даже единственным — эффективным оружием в такой «войне» эмбарго на экспорт американской сельскохозяйственной продукции³⁹, один из главных теоретиков «экономической дипломатии», С. Хантингтон, строит свою концепцию внеш-

---

* Разумеется, это не касается небольших и сравнительно слабых стран, в отношении них — особенно если это экспортеры монокультуры или, наоборот, страны, для которых жизненно важен импорт, — результат эмбарго может быть иным. Именно поэтому единственный случай, который в США квалифицируют как «удачное эмбарго», связан с применением санкций против Уганды, когда объявленный США в октябре 1978 г. бойкот угандийского кофе привел к резкому сокращению валютных поступлений страны и, насколько можно судить, тем самым способствовал ухудшению экономического положения и конечному краху правительства Иди Амина. См.: *Miller J. When Sanctions Worked.* — *Foreign Policy*, 1980, N 39, p. 118—129.

неторгового «кнута и пряника» вокруг экспорта высокотехнологической продукции⁴⁰. Более того, С. Хантингтон даже имел возможность проверить свои теоретические выкладки на практике, ибо он, будучи в 1977—1978 гг. высокопоставленным сотрудником Совета национальной безопасности, имел прямое отношение к организации запрета со стороны администрации Дж. Картера на экспорт в СССР некоторых видов наукоемкого оборудования, в частности головок для нефтяных буров.

Дискриминационные меры, принятые администрацией Дж. Картера против Советского Союза, отрицательно сказались не только на общем состоянии советско-американских отношений, но и на внешнеторговом балансе США. В силу последнего обстоятельства администрация Р. Рейгана пошла в апреле 1981 г. на отмену введенных ее предшественниками ограничений на поставку в СССР сельскохозяйственных товаров и суперфосфорной кислоты. Но в целом подход этой администрации к развитию торговых отношений с социалистическими странами с самого начала имел большое сходство с установками периода «холодной войны»: Р. Рейган и его окружение рассматривают торговлю прежде всего как рычаг политического давления, который должен пускаться в ход в зависимости от «поведения» того или иного социалистического государства. Эта линия особенно обнаженно проявилась по отношению к СССР, к другим социалистическим странам в связи с кризисом в Польше.

В стремлении «интернационализировать» этот кризис, еще более обострить международную обстановку, в частности отношения с СССР, администрация Р. Рейгана объявила в декабре 1981 г. о введении комплекса экономических и иных дискриминационных мер против ПНР и СССР. Правительство США фактически разорвало торгово-экономические отношения с ПНР; были запрещены поставки продовольствия, предоставление государственных кредитов, заход польских кораблей в американские порты, деятельность польской авиалинии в США, рыбная ловля вблизи американских берегов. Администрация США не скрывала своего намерения всячески затруднять преодоление Польшей экономических трудностей, в том числе препятствуя снабжению ее населения продовольствием. В связи с этим следует отметить справедливость оценки, которую дал этому решению США Председатель Военного совета национального спасения ПНР В. Ярузельский, выступая на сессии сейма 25 января 1982 г.: «Утверждают, что экономические санкции направлены против правительства Польской Народной Респуб-

лики, против Военного совета национального спасения. Это неправда. Санкции в конечном счете направлены против польского народа, против каждого поляка. Цель санкций ясна — парализовать польскую экономику, сделать невозможным выход из кризиса, взять страну голодом, спровоцировать внутренний конфликт. Вот мера мнимого гуманизма»⁴¹.

Что касается «санкций» в отношении СССР, то Вашингтон мотивировал их «ответственностью» Советского Союза за введение военного положения в Польше. Американская администрация приостановила полеты самолетов Аэрофлота в США, а также переговоры о новом советско-американском соглашении о морском судоходстве, отложила переговоры о новом соглашении по торговле зерном, наложила запрет на выдачу разрешений на продажу Советскому Союзу некоторых видов оборудования и техники, являющихся предметами обычной торговли на международном рынке, и т. д. В числе прочих мер американская сторона приняла решение упразднить советскую закупочную комиссию в Нью-Йорке, которая была создана в 1973 г. для координации закупок американских машин и оборудования в связи с осуществлением таких крупномасштабных проектов, как строительство КамАЗа, Чебоксарского завода тяжелых промышленных тракторов и др.; тем самым Вашингтон недвусмысленно сигнализировал, что широкое долгосрочное сотрудничество с СССР никак не входит в его планы.

Администрация Рейгана предприняла самые активные попытки подключить к американским «санкциям» и западноевропейских союзников США и Японию, а прежде всего — сорвать соглашения СССР с рядом западноевропейских стран о строительстве грандиозного газопровода Сибирь—Западная Европа. Невзирая на американский нажим, западноевропейские страны на деле подтвердили свою решимость осуществить сделку «газ—трубы». Вашингтону не удалось перекрыть каналы экспорта в Советский Союз западноевропейского оборудования для строительства газопровода. Разпогласия по вопросу о санкциях и — шире — вообще об отношениях между Востоком и Западом стали в 1981—1982 гг. причиной весьма серьезных трений между США и их капиталистическими партнерами.

Характеризуя наступление империалистических «ястребов» на нормальные деловые связи государств с различным социальным строем, Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов в докладе «Шестьдесят лет СССР» подчеркнул, что замыслы экономической войны против стран социализма, равно как и расчеты добиться военного превосходства

над Советским Союзом, обречены на провал: «Попытки „удушить“ социализм срывались даже в то время, когда Советское государство только становилось на ноги и было единственной социалистической страной в мире. И уж тем более из этого ничего не выйдет теперь»⁴².

Недаром американская торговая палата — один из главных выразителей мнений делового мира в США — официально зафиксировала в 1982 г. свой протест против курса администрации Рейгана, оценив его как политику «на грани» экономической войны против СССР, подрывающую самую возможность деловых отношений между Востоком и Западом и ставящую под сомнение и без того уже неважную международную репутацию США как коммерческого партнера.

Завершая этот раздел, следует подчеркнуть, что, по всей видимости, в общих рамках внешнеэкономической политики США традиционная товарная внешняя торговля, исключая экспорт технологии, управления и т. п., в настоящее время дает Соединенным Штатам не очень действенный рычаг для влияния на другие страны и уступает некоторым иным инструментам, которые будут рассмотрены ниже. В частности, несравнимо более мощным инструментом воздействия на другие государства является вывоз капитала в форме прямых инвестиций, поскольку США вовлечены ныне не столько в мировую торговлю, сколько в мировое производство. Анализируя методы проникновения американского бизнеса на заграничные рынки, И. Е. Артемьев приходит к выводу, что из освоенных к 1975 г. внешних рынков общей емкостью около 500 млрд. долл. на долю вывоза капитала в форме прямых инвестиций приходилось 83%, на долю экспорта промышленной продукции — 13 и на продажу лицензий и т. п. — 4%. Эти выкладки⁴³ подтверждают второстепенную роль товарной внешней торговли на современном этапе как средства реализации американской внешнеэкономической экспансии и политического влияния.

2.

Вывоз капитала и ТНК

Экспорт капитала давно является основным средством американской внешнеэкономической экспансии: США более полувека удерживают лидерство в этой области. Сразу после второй мировой войны монополии США активно воспользовались ослаблением экономических и политических позиций своих основных империалистических конкурентов и резко активизировали вывоз капитала в развитые капиталистиче-

ские и связанные с ними развивающиеся страны. Дальнейший толчок росту инвестирования дала научно-техническая революция, позволившая американскому монополистическому капиталу использовать научно-техническое превосходство США для внедрения в экономику других стран. В результате в начале 1981 г. прямые инвестиции * США за границей достигли 200 млрд. долл., по официальным данным, тем самым увеличившись в 6 раз за 20 лет⁴⁴. Обширная «невидимая империя», сложившаяся у США на базе этих инвестиций, производит продукции на триллион долларов в год, т. е. больше, чем любое из основных капиталистических государств — соперников США.

К середине 70-х годов американский капитал контролировал за границей более 17 тыс. предприятий, стоимость промышленной продукции которых примерно в 4 раза превышала размеры всего американского экспорта. Чистые поступления от инвестиционной деятельности за рубежом также во много раз превышают чистые поступления от внешней торговли США (экспорт минус импорт), причем если во внешний торговле США в течение 60-х годов чистые поступления постепенно сокращались, а в 70-е годы внешнеторговый баланс США стал сводиться с пассивным сальдо, то инвестиционные поступления и в 60-е, и в 70-е годы неуклонно и стабильно росли, оставаясь существенным источником доходов монополистического капитала США. (Так, в целом за 1961—1975 гг. во внешней торговле США имели пассивное сальдо в 0,6 млрд. долл., а чистый доход от инвестиционной деятельности составил 66, 2 млрд. долл.)

Географическое распределение американских частных прямых капиталовложений дает наглядную картину не только экономических, но и политических приоритетов США, подтверждая отмеченное В. И. Лениным положение о том, что «вывоз капитала является средством для целей внешней политики, а его успехи зависят в свою очередь от внешней

---

* Согласно существующему американскому законодательству, прямыми считаются вложения, обеспечивающие американскому инвестору собственности не менее чем на 10% активов зарубежного предприятия, т. е. капиталовложения, обеспечивающие инвестору право административно-финансового контроля, в отличие от портфельных инвестиций, которые дают лишь возможность получения предпринимательской прибыли иностранной компании. Характерной особенностью экспорта частного капитала из США является преобладание в нем именно прямых инвестиций, обеспечивающих монополиям США не только прибыли, но и наилучшие возможности для экономического и политического влияния. Удельный вес прямых инвестиций в общей сумме долгосрочных американских частных вложений составляет 70%.

политики»⁴⁵. Если до второй мировой войны прямые капиталовложения США распределялись почти поровну между развитыми и развивающимися странами, то уже к концу 50-х годов это соотношение изменилось в пользу развитых капиталистических государств, поскольку бурные национально-освободительные процессы в государствах Азии, Африки и Латинской Америки создавали неблагоприятный климат для американских инвесторов. На протяжении 60-х годов развитые страны прочно закрепили за собой лидирующее положение как импортеры американского капитала, именно там разместились $\frac{3}{4}$ прямых заграничных капиталовложений США, причем к 70-м годам страны Западной Европы опередили традиционного главного импортера американского капитала — Канаду (в 1970 г. 37% прямых частных инвестиций были направлены в Западную Европу, а в Канаду — 21%)⁴⁶; высоки были также темпы роста американских капиталовложений в Японии. Несомненно, такое распределение отражало ставку американского бизнеса на большую стабильность и прочность, пусть даже до некоторой степени в ущерб размерам нормы прибыли.

Анализируя причины превращения Западной Европы в главный объект приложения американского капитала, авторы исследования «Глобальная стратегия США в условиях НТР» подчеркивают наличие в этом регионе больших рынков сбыта, расширенных интеграционными процессами, более низкие издержки производства из-за различия в заработной плате в США и в Европе, развитую инфраструктуру западноевропейской экономики, возможность более свободного доступа на рынки развивающихся стран — членов Британского содружества, ассоциированных членов ЕЭС и т. п. «Особенно важны факторы, — говорится в монографии, — порожденные научно-технической революцией, а именно то, что в Западной Европе, как ни в каком другом географическом регионе, имелся значительный слой квалифицированной рабочей силы, инженерно-технического персонала, наличие которого необходимо для деятельности предприятий, использующих передовую технику и технологию. Высокий научно-технический уровень западноевропейской промышленности, сравнительно быстрые темпы технического совершенствования производства стран Общего рынка играют важную роль в экспансии американских корпораций»⁴⁷.

Со второй половины 70-х годов, однако, мы наблюдаем тенденцию к новому увеличению капиталовложений в развивающиеся страны; так, в 1975 г. прямые капиталовложения США в этих регионах мира выросли по сравнению с

уровнем 1970 г. всего на 4,8 млрд. долл., а в 1979 г. — по сравнению с 1975 г. — на 21,6 млрд. долл. Как видно, это отражает изменение места развивающихся стран во внешнеполитических приоритетах США: напуганные энергетическим кризисом и предчувствием надвигающихся сырьевых трудностей, правящие круги Соединенных Штатов вынуждены были пересмотреть свой подход к освободившимся государствам и вступить на путь поисков какого-то «симбиоза» с ними ради сохранения этих стран в сфере капиталистического хозяйствования.

Не случайно как в двусторонних отношениях с развивающимися странами, так и на международных форумах (в ООН, на парижской конференции «Север — Юг» и т. п.) представители Соединенных Штатов во второй половине 70-х годов предприняли особые усилия, чтобы создать атмосферу благожелательного отношения к американским частным капиталам в развивающихся странах. За частные инвестиции высказался президент Картер, выступая в Лагосе в 1978 г. «Частные капиталовложения, — говорил он, — могут принести свою пользу в соответствии с соглашениями, которые были бы выгодными как для вкладчиков капиталов, так и для стран, где капиталы вкладываются, как например, для вашей». Готовность «расширять сотрудничество» с развивающимися государствами в направлении поощрения притока туда иностранных частных капиталовложений была специально зафиксирована в ходе встречи руководителей «большой семерки» — США, Англии, Франции, ФРГ, Японии, Италии и Канады — в Бонне в июле 1978 г. Администрация Р. Рейгана еще шире, чем предшествующие администрации, пропагандирует желательность привлечения частного капитала в развивающиеся страны; П. Макферсон, назначенный Р. Рейганом на пост руководителя Агентства международного развития, вообще описывает задачи своего ведомства в категориях помощи частному сектору в поисках наиболее выгодных сфер приложения капиталов⁴⁸.

Можно сказать, что к концу 70-х годов американский капитал более или менее оправился от нанесенных ему ударов в развивающихся странах*, сумел добиться при активной по-

---

* А эти удары были весьма ощутимы. Прежде всего здесь следует назвать национализацию ряда крупных филиалов американских компаний, действовавших в нефтяной и горнодобывающей промышленности развивающихся стран, — наиболее сильный удар был нанесен арабскими государствами, значительные потери американский капитал понес в Латинской Америке, особенно в Венесуэле, Чили и Перу. В сумме в 70-е годы американцы потеряли около $\frac{3}{4}$ своих прямых инвести-

Мощи внешнеполитического аппарата США приемлемой компенсации практически за всю экспроприированную собственность и нащупал некоторые новые, более тонкие способы взаимодействия с национальным капиталом развивающихся стран, весьма активные, хотя и не требующие формального американского контроля. В результате после 1975 г. инвестиционная деятельность американского капитала в развивающихся странах вновь заметно оживилась; например, в 1980 г. инвестиции США в этой группе стран на 30% превысили капиталовложения в предшествовавшем году.

Весьма любопытным аспектом проникновения американского капитала в другие страны является то обстоятельство, что эти последние как бы сами финансируют собственное закабаление. Реальное поступление капитала из США составляет не более четверти ежегодной суммы новых капиталовложений американских компаний, остальной капитал мобилизуется на месте. Этот процесс настолько усилился в 70-х годах, что реинвестиции намного превысили размеры капитала, экспортируемого из США.

Не только в развитых, но и в развивающихся странах дело обстоит именно так: прирост прямых инвестиций американских монополий в значительной мере состоит из средств, извлеченных из самих же развивающихся стран. С 1966 по 1976 г. доходы США от прямых инвестиций в развивающихся странах, т. е. за вычетом налогов в этих странах, составили 48,4 млрд. долл., из этой суммы 11,2 млрд. долл. были реинвестированы, что с очень небольшим «довеском» новых вложений и составило 15,2 млрд. долл. прироста общей суммы американских инвестиций за это десятилетие*.

ций в добывающих отраслях развивающихся стран. См.: *Курьеров В. Г.* Указ. соч., с. 119. Одновременно тем не менее следует учесть, что даже постановка добычи полезных ископаемых под национальный контроль еще далеко не означает разрыва с американскими компаниями, поскольку развивающиеся страны чаще всего не имеют пока собственных сбытовых организаций и не могут самостоятельно реализовывать свою продукцию. Те же страны ОПЕК почти полностью продают добытую ими нефть (за вычетом внутреннего потребления) прежним владельцам нефтепромыслов — энергетическим транснациональным корпорациям. Подробно см.: *Blair M. J.* The Control of Oil. N. Y., 1976.

* При этом 37 млрд. долл. доходов были вывезены из развивающихся стран, что подтверждает обоснованность мнения ряда экономистов относительно явления «обедняющего роста», характерного ныне для многих молодых государств с наиболее высокими темпами расширения производства: при видимом увеличении объема производства и валового внутреннего продукта реальный доход в стране может продолжаться сокращаться, а экономические трудности — нарастать из-за увеличения объема прибыли, вывозимой иностранными компаниями.

Политический интерес представляет не только географический, но и отраслевой принцип распределения американских инвестиций. До 60-х годов американские капиталы вкладывались за границей главным образом в добывающую промышленность, прежде всего в нефтяную, в предприятия общественного пользования, торговлю, в банковские и страховые компании.

К 70-м годам в структуре американских заграничных прямых инвестиций произошли перемены, сохраняющие свое значение по сей день: на первое место вышли капиталовложения в обрабатывающую промышленность главным образом развитых стран (около 43% всего объема зарубежных вложений), значительно оттеснив торговлю (14%) и банковское дело и страхование (8%); инвестиции в нефтяную и нефтеобрабатывающую промышленность остались на высоком уровне (25–26%)⁴⁹.

Столь большой удельный вес обрабатывающей промышленности в американских инвестициях определяется тем, что именно в этой группе отраслей велико влияние научно-технической революции, создавшей новые, прибыльные сферы приложения капиталов. Под воздействием научно-технической революции машиностроение, химия, электроника, электротехника и некоторые другие отрасли стали наиболее важны, они определяют структуру и общий уровень развития национальной экономики. Именно в эти отрасли, а не в более традиционные, и вкладываются американские капиталы. И именно эти отрасли дают возможность американским компаниям сыграть на временном преимуществе в той или иной области науки и техники. «Обеспечиваемый фундаментальными и прикладными исследованиями и опытно-конструкторскими разработками научно-технический перевес, производственный и организационный опыт в создании новейших отраслей и развертывании их производства в крупнейших масштабах превратились в решающий фактор успеха в вывозе предпринимательского капитала, особенно в высокоразвитые капиталистические страны», — отмечается в «Политической экономии современного монополистического капитализма»⁵⁰.

Не только абсолютный размер американских капиталовложений становится, таким образом, рычагом воздействия на другие государства. Избрав ключевые направления развития научно-технического прогресса для проникновения на зарубежный рынок, американские инвесторы в какой-то степени лишают страны—импортеры капитала прерогативы самим определять, скажем, темпы развития целых отраслей

собственного хозяйства. Соответствующая статистика широко известна: в Западной Европе на долю предприятий, контролируемых американским капиталом, приходится 80% общего производства электронно-вычислительных машин и контрольно-измерительной аппаратуры, 50 — производства полупроводников, 95 — интегральных схем, 90 — синтетического каучука, 40% автомобилей и т. д.

Французские экономисты К. Гу и Ж.-Ф. Ландо, авторы исследования «Американский капитал за границей», для выявления роли американского капитала в экономике той или другой страны ввели понятие «степень зависимости», под которым они понимают отношение объема американских инвестиций к валовому национальному продукту страны. Установлена ими классификация (степень зависимости до 1% — независимое положение, от 1 до 3 — начало зависимости, от 3 до 10 — кондоминиум, от 10 до 30 — протекторат, свыше 30% — колония) до определенной степени, разумеется, произвольна, однако позволяет выявить политическую сторону вопроса. По расчетам Гу и Ландо, в 50-е годы Канада была единственной развитой страной, находившейся в положении зависимости от США; в 60-е годы Англия попала в состояние кондоминиума, а большинство западноевропейских стран — в состояние начала зависимости; единственное существенное исключение составляла Япония; на 1 января 1970 г. кондоминиумами стали Швейцария, Бельгия, Нидерланды, Австралия, по пятам за ними следовали ФРГ, Италия, Франция⁵¹. Пока нет оснований считать, что намечается какое-либо ослабление этой тенденции: по данным на конец 70-х годов, за счет прямых инвестиций США образуется примерно 20% производственного накопления в Англии, 12—13% в ФРГ, Бельгии, Люксембурге и т. п.⁵².

Взгляды европейских специалистов разделяются и за океаном. Например, американский социолог П. Эванс прямо утверждает, что размеры американских активов за границей дают США такие возможности диктовать другим странам особенности и темпы экономического развития, при которых по традиционным критериям следовало бы отнести многие развитые страны — импортеры капитала в разряд колоний⁵³.

Однако если вывоз капитала является самым мощным экономическим рычагом в арсенале США, то он же является и источником острых противоречий в капиталистическом мире. По большей части такие баталии ведутся за кулисами политической жизни, однако потенциально они чреваты весьма крупномасштабными событиями. Гу и Ландо кончают свою книгу достоверным, с их точки зрения, поли-

тическим сценарием — прогнозом, по которому мир оказывается на грани вооруженного конфликта, рожденного развитием межимпериалистических противоречий по классическому вектору «экономика — политика»⁵⁴. И это трудно считать просто «европейским алармизмом»; у американских исследователей в 70-е годы часто звучала та же тема. Примером может служить весьма конкретный сценарий возможного обострения столь тесных отношений, как американо-канадские, данный Ф. Бергстеном, известным американским экономистом, занимавшим при администрации Дж. Картера высокий пост в министерстве торговли США, в статье под выразительным названием «Грядут ли инвестиционные войны?»⁵⁵. Единственная разница состоит в том, что у европейских авторов виновником обострения выступают США, а у Бергстена, естественно, наоборот, — иностранное государство.

Действительность подкрепляет подобные сценарии: в последние годы мир не раз был свидетелем острых экономических столкновений в капиталистическом мире, возводившихся в ранг межгосударственных отношений. При этом, правда, следует подчеркнуть, что конфликты империалистических держав в области экономики происходили на общем фоне сохранения между ними отношений идейной, классовой близости, общности системных, политических подходов. Потому чем острее оказывались экономические противоречия, тем сильнее действовал инстинкт самосохранения системы — не дать экономическим противоречиям «перехлестнуть» в военно-политическую сферу, проявлялось стремление найти компромиссное решение до того, как нарушится общая ткань союзнических отношений.

Что касается развивающихся стран, то тут действуют иные закономерности. С одной стороны, в этих странах растет откровенно настороженное и даже враждебное отношение к американским инвестициям (в том числе и в тех случаях, когда они облечены в форму официальных государственных программ «помощи», о которых речь будет специально идти ниже); растет понимание того, что иностранные инвестиции империалистических монополий продолжают прежде всего служить рычагом для извлечения огромных сверхприбылей из молодых государств. С другой стороны, как справедливо констатирует К. Н. Брутенц, «в последние годы с помощью финансового сотрудничества небывалого в прошлом типа делаются попытки объединить интересы правящих кругов, нарождающейся крупной буржуазии развивающихся стран с интересами частного и государст-

венного капитала империалистических держав. В связи с таким сотрудничеством осуществляется координация политических действий, направленных против прогрессивных сил в ряде регионов бывшего колониального мира, что дает основание сделать вывод о возникновении новой, специфической по своему характеру международной социальной коалиции»⁵⁶.

Наиболее ярким подтверждением существования такой коалиции могут служить способы так называемой рециркуляции «нефтедолларов», т. е. реинвестирования миллиардных сумм, обладателями которых стали некоторые нефтедобывающие страны. Недостаточная развитость отечественной экономики в этих странах не позволяет им абсорбировать резко возросшие валютные доходы.

Сам феномен «нефтедолларов» имеет противоречивые последствия: с одной стороны, он дал группе развивающихся стран большое финансовое могущество, никогда не бывавшие дотеле в их руках рычаги влияния, вынудив Запад считаться с их силой. С другой стороны, наличие этих денег в руках у господствующей верхушки нефтедобывающих стран (а они, естественно, оседают в руках исключительно у верхушки) более активно интегрирует эту социальную прослойку в общий пул правящих классов капиталистического мира, рождает у формирующейся крупной национальной буржуазии развивающихся стран большую общность интересов с буржуазией крупных империалистических держав, прежде всего с Соединенными Штатами. США такую общность интересов стремятся всячески поощрить, наладить сотрудничество с этой богатой прослойкой.

Те пути, которыми в значительной мере пошло реинвестирование — рециклирование — «нефтедолларов», свидетельствует о том, что сотрудничество налаживается: вложение части «нефтедолларов» в развитые капиталистические страны (к концу 1981 г. в США поступило около 70 млрд. долл.) не только выгодно последним в финансовом отношении, но и связывает более прочными нитями капитал Запада с арабскими миллионерами, в частности, родился вариант уже настоящего симбиоза американского и нефтяного капитала — создание на территории других развивающихся стран предприятий, в основе которых лежит схема: «нефтедоллары» плюс техническое и управленческое содействие США плюс местная рабочая сила. Именно формирование такой унии помогает американскому капиталу использовать «богатые» страны в качестве проводников своего влияния, если не откровенных жандармов в регионе (такая роль, как

известно, отводилась в свое время шахскому Ираву; в какой-то мере теперь та же миссия возложена на Саудовскую Аравию). Недаром английский журнал «Бэнкер» констатировал, что в результате реинвестирования валютных излишков страны ОПЕК «во многих отношениях вновь оказались в зависимости от Запада... в сфере финансов»⁵⁷.

В 70-е годы в американской литературе нередко приходилось читать о том, что в пынешнюю эпоху «взаимозависимости» нарастает и «симметрия» между американскими капиталовложениями в других странах и иностранными капиталовложениями в США, а потому-де «империализм доллара» уже принадлежит прошлому.

Такие выводы, очевидно, преждевременны. Так, по данным министерства торговли США на конец 1980 г. прямые зарубежные капиталовложения в американский частный сектор составили 60 млрд. долл., в то время как аналогичные американские инвестиции за рубежом равнялись 200 млрд. долл., т. е. были примерно в 3,3 раза больше. Правда, темпы роста у зарубежных инвестиций выше, чем у американских, — например, с 1960 по 1980 г. американские инвестиции увеличились в 6,3 раза, а зарубежные в США — в 9 раз⁵⁸. Но тут надо учитывать еще и разницу: мы ведь чисто условно сравниваем зарубежные капиталовложения *одного* государства — США — с суммарными капиталовложениями в США *всех* других государств. Вряд ли можно ожидать от всех зарубежных инвесторов какого-либо солидарного курса. Если же сравнивать американские капиталовложения с инвестициями любой другой отдельно взятой страны, то тут разница внушительна: в середине 70-х годов зарубежные прямые инвестиции США были в 3,5 раза выше соответствующих инвестиций Англии, в 8 раз — ФРГ, в 9 раз — Японии⁵⁹. На долю США приходится примерно половина общего объема прямых заграничных инвестиций в капиталистическом мире — это хотя и некоторое сокращение по сравнению с 60% в середине 60-х годов, но еще очень значительная «асимметрия»!

Кроме того, если в американских заграничных капиталовложениях, например, в Западной Европе, как уже отмечалось, преобладают прямые долгосрочные и к тому же сконцентрированные в наиболее перспективных отраслях промышленности, то среди западноевропейских инвестиций в США подавляющую часть составляют краткосрочные вложения (главным образом ликвидные активы), а долгосрочные состоят преимущественно из портфельных вкладов, дающих прибыль, но не дающих контроля. Таким образом, если США для инвесторов выступают прежде всего как место надежно-

го помещения капитала и стабильных дивидендов, то американские вклады в другие страны дают не только прибыль, но и контроль или хотя бы участие в таковом. Такая структура инвестиций тоже гарантирует «асимметрию» в пользу Соединенных Штатов*.

И все же надо признать, что гигантская заграничная империя Соединенных Штатов в большой степени способствовала формированию действительной взаимозависимости в рамках капиталистической системы хозяйствования. Для определения степени зависимости страны от внешних рынков экономисты по установившейся традиции используют соотношение внешнеторгового оборота и ВВП. У США этот показатель вырос за последние два десятилетия, но остается достаточно скромным — порядка 14% по сравнению с 20—40% у основных капиталистических конкурентов. Однако при этом надо учесть, что с середины 70-х годов оборот заграничных предприятий, контролируемых американским капиталом, уже многократно — в 4—5 раз — превышал общий объем экспорта товаров с предприятий, находящихся в США. По подсчетам авторов монографии «Проблемы и противоречия американской экономики», в 1974 г., например, монополии США реализовали на внешних рынках продукцию, которая на 80% поступала с заграничных предприятий, полностью подконтрольных США, и лишь на 20% — с внутреннего рынка США. Вместе эти поставки составляли по стоимости почти 40% совокупного валового национального продукта США⁶⁰. При всей относительности этого показателя он все же характеризует степень зависимости доходов американских монополий от поступлений извне и свидетельствует о том, что в экономической борьбе между США и их соперниками на карту поставлены реальные огромные прибыли, а не просто рынки сбыта и источники сырья.

Однако представление об экспорте капитала как об основном средстве экономической экспансии и мощном рычаге американского политического влияния было бы неполным, если бы мы не учли, что в 60—70-е годы сложилась принципиально новая форма экспорта капитала — посредством деятельности транснациональных корпораций, обеспечивших

---

* Хотя прямые инвестиции из-за рубежа составляют всего 2% общей суммы капиталовложений в американскую экономику, конгресс США уже не раз в 70-е годы демонстрировал озабоченность растущим притоком иностранных инвестиций и готовность ввести ограничительное законодательство. Пока, однако, проводившиеся конгрессом слушания не выявили реальных причин для беспокойства, подтвердив наличие «силовой асимметрии» у США.

слияние, взаимоподкрепление трех рычагов — финансового могущества, научно-технического лидерства и промышленной мощи.

В арсенале транснациональных корпораций (ТНК) представлены практически все экономические инструменты международного влияния. Еще десять лет назад об этих современных гигантах писали в основном экономисты, однако со второй половины 70-х годов к ним все чаще обращаются специалисты по внешней политике.

Как в зарубежной, так и в советской научной и политической литературе существует известный разнобой в терминологии. Изучающие эту проблему эксперты ООН используют термин «многонациональные» корпорации; советский экономист И. Д. Иванов, автор фундаментальных исследований по этой тематике, использует термин «международные корпорации», включая в него как «многонациональные», так и «транснациональные»*. Представляется, однако, что в случае США более других подходит термин «транснациональные корпорации», обозначающий крупное национальное монополистическое объединение, международное по масштабам своей деятельности, владеющее полностью или почти полностью зарубежными дочерними компаниями, на которые приходится существенная часть его деятельности. Подлинно многонациональных корпораций пока в мире совсем мало, и они сосредоточены в Западной Европе, где издавна шел процесс переплетения национальных капиталов. Международные корпорации, страной базирования которых являются США, пока сохранили четкую национальную принадлежность.

---

* Советские экономисты уделяют большое внимание анализу международных монополий, являющихся, по определению И. Д. Иванова, «типичными представителями монополистического капитала второй половины XX в.» Например, см.: *Иванов И. Д. Международные корпорации в мировой экономике. М., 1976; Он же. Современные монополии и конкуренция. М., 1980; Белоус Т. Я. Международные промышленные монополии. М., 1972; Жарков В. В. Клуб 200. Транснациональные монополии: структура и эволюция. М., 1974; Завьялов П. С. Научно-техническая революция и международная специализация производства при капитализме. М., 1974; Астапович А. З. Международные корпорации США: тенденции и противоречия развития. М., 1978. Важные аспекты деятельности американских ТНК нашли свое освещение в монографиях: США: внешнеэкономическая стратегия. М., 1976, особенно с. 262—277; Проблемы и противоречия американской экономики. М., 1978, с. 433—450; Глобальная стратегия США в условиях НТР. М., 1979, гл. 5; Сырьевой кризис современного капитализма (мирохозяйственные аспекты). М., 1980, с. 108—131; Современные буржуазные концепции мирового капиталистического хозяйства / Отв. ред. М. М. Максимова. М., 1980, с. 111—141.*

Многие американские специалисты рассматривают ТНК как чисто космополитическую силу, ломающую межгосударственные перегородки в капиталистическом мировом хозяйстве и якобы способную привести к выравниванию и гармонизации экономической жизни включенных в орбиту их деятельности стран и в конечном итоге сформировать какое-то новое глобальное политическое единство. Для этой группы авторов невозможна сама постановка вопроса о том, что ТНК-де могут играть внешнеполитическую роль в интересах своей страны базирования или какого бы то ни было другого государства. Однако реальные международные отношения свидетельствуют об установке буржуазной государственной машины и ТНК взаимно подкреплять и поддерживать друг друга (ход сенатских слушаний по проблемам американских ТНК дал даже основания сенатору Черчу сделать вывод о наличии «взаимодополняющих интересов между корпорациями и государством»⁶¹). Это убедительно подкрепило мнение тех, кто полагает, что на сегодняшний день американские ТНК не настолько оторвались от своего государства, чтобы превратиться в силу, действительно противостоящую ему (хотя у ТНК и ее «родины» складываются довольно противоречивые отношения, к чему мы вернемся ниже).

Из 650 крупнейших ТНК в мире, представляющих 23 страны, 358 базируются в США; там расположены их штабы, там принимаются главные стратегические решения.

Важность того обстоятельства, в какой именно стране принимаются главные решения, может быть проиллюстрирована на следующем описании процесса управления современной ТНК: «Характерная черта ТНК состоит в том, что их отделения действуют в соответствии с дисциплиной и схемой глобальной стратегии и общего глобального контроля. Правление выступает в качестве мозга и нервного центра. Оно разрабатывает стратегию корпорации, решает, где будут помещены капиталовложения, как будут поделены экспортные рынки, программы исследований между отделениями, устанавливает цены внутрифирменных поставок. Взаимоотношения между правлением и национальными отделениями сходны с подчинением военных главному штабу, отдающему приказы на поле боя. Бригадные и батальонные командиры — сильные и важные фигуры, многое зависит от их способностей и инициативы, генерал считается с их советами и учитывает их, когда разворачивается кампания. Если у них недостаточно ума или решимости, то армия обречена на поражение. Но пределы их власти определяет штаб, они могут быть расширены или сужены по решению генерала. Именно последний формулирует общие стратегические планы, которые он же сам волен принимать к исполнению или пересматривать. Точно то же происходит и в ТНК»⁶².

Автор, видимо, чрезмерно военизирует свое описание, но практика деятельности ТНК подтверждает сочетание значительной независимости филиалов в их текущей работе с полной и безоговорочной центра-

лизацией стратегических решений. Известно, что такие компании, как ИБМ, «Форд мотор», «Литтон индастриз» ежедневно поддерживают тесные контакты по телефону и телетайпу с филиалами и еженедельно получают от них детализированные отчеты; автономия филиалов распространяется лишь на текущие расчеты и заработную плату, решения о капиталовложениях — даже незначительных, порядка 10 тыс. долл., — принимаются в центре, равно как и абсолютно все решения о поглощениях или слияниях, об изменении набора валют, в которых корпорация держит ликвидные активы, о выборе места уплаты налогов, о займах, кредитах, о распределении прибылей, о стоимости и окупаемости отдельных проектов и т. п.

Важнейший рычаг в руках ТНК — финансовое могущество. По данным 1976 г., из 150 государств — членов ООН лишь 22 располагали совокупным общественным продуктом, превышавшим суммарную годовую продукцию крупнейшей в мире ТНК — американской корпорации «Эксон»⁶³. К этому можно добавить, что, по прогнозу, скажем, проф. Пенсильванского университета Г. Перлмуттера, к 1985 г. половина мирового объема производства капиталистических стран будет сосредоточена в руках не более трех сотен таких гигантов⁶⁴. Но этим их сила не ограничивается: по словам крупного американского авторитета по проблемам ТНК Р. Вернона, они обладают уникальной «способностью мобилизовать информацию, специальные знания и ресурсы»⁶⁵.

Неудивительно, что, по признанию С. Хоффмана, такого рода компании «играют слишком важную роль в осуществлении экономической стратегии родных государств и имеют слишком много связей с политическими системами последних, чтобы можно было серьезно говорить о «разъединении» между компаниями и правительствами соответствующих стран»⁶⁶. Повседневная внешнеполитическая практика подтверждает, что американское правительство (а) учитывает интересы «своих» ТНК; (б) отражает эти интересы в собственной деятельности; (в) рассматривает ТНК как одно из важнейших орудий в борьбе за реализацию «национальных» экономических и политических целей, прежде всего таких, как противостояние мировому социализму, сохранение влияния в развивающихся странах, передел рынков в ходе межимпериалистической конкуренции. Мы, пользуясь словами В. И. Ленина, «видим здесь наглядно, как частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала, как и те и другие на деле являются лишь отдельными звеньями империалистической борьбы между крупнейшими монополистами за дележ мира»⁶⁷.

Привилегированное положение таких корпораций в системе государственно-монополистического капитализма, ши-

шет И. Д. Иванов, «объясняется прежде всего той все более решающей ролью, которую они, пользуясь своими преимуществами, играют в обеспечении в странах базирования общего экономического роста, освоении достижений научно-технической революции в их экономике и особенно в обеспечении для этих стран внешних рынков сбыта и источников сырья, а также поступлений в бюджет»⁶⁸. Например, в течение 60-х годов американские ТНК увеличивали инвестиции, занятость и продажи в США быстрее и экспортировали вдвое большую долю отечественного производства, чем прочие компании обрабатывающей промышленности, а импортировали много меньше их; 100 крупнейших ТНК на 60% концентрируются в «наукоемких» отраслях, и на их долю приходится 80% всех расходов частного сектора на НИОКР (что вдвое больше их доли в промышленном производстве); в 1974 г. ТНК покрывали поставками со своих зарубежных филиалов 36% потребностей страны в нефти, 20 — в железной руде, 86 — в бокситах, 72% — в никеле и т. п.

Государственные меры содействия ТНК включают прежде всего заключение двусторонних межгосударственных торговых соглашений, распространенным условием которых является предоставление «национального режима» фирмам одной страны на территории другой (такие договоры ныне заключены между многими «парами» западных стран, а также между ними и развивающимися государствами); ТНК получают освобождение их товаров, предназначенных на экспорт, от внутренних косвенных налогов и государственное страхование их экспортных кредитов, крупные налоговые льготы по своим зарубежным операциям и т. п. Весьма эффективной поощрительной мерой для ТНК является государственная система гарантий зарубежных инвестиций корпорации от коммерческих и политических рисков. Например, правительство США с 1961 по 1969 г. выдало своим ТНК гарантий от экспроприации на сумму 4,8 млрд. долл., от войн и восстаний — на 2,8 млрд. долл., причем 83% этих сумм пришлось на долю 25 крупнейших ТНК. На базе этих гарантий за последние 25 лет ТНК было выплачено в виде компенсаций 1,72 млрд. долл., хотя их страховые взносы под эту сумму составили всего 39 млн. долл., т. е. были явно лишь символическими⁶⁹.

В США действует законодательство, официально разрешающее использовать государственные средства внешнеэкономического давления для содействия ТНК. Особого упоминания заслуживают две поправки к принятому в 1961 г. закону об иностранной помощи: в 1962 г. была принята по-

правка Хикенлупера, вводившая запрет на оказание помощи странам, без соответствующей компенсации экспроприировавшим собственность американских компаний или граждан; в 1963 г. была дополнительно принята поправка Адэра, требовавшая лишения помощи стран, не заключивших до 1 января 1967 г. с США соглашений о гарантировании американских частных инвестиций от потерь в связи с необратимостью валюты, национализацией и экспроприацией. В соответствии с поправкой Хикенлупера, например, была приостановлена помощь Перу (после национализации «Интернэшнл петролеум»), Боливии (газовые промыслы «Галф ойл»), Эквадору, патриотическому правительству Чили и др. (Нередко подобную солидарность проявляют и международные кредитные организации типа МБРР, которые прямо оговаривают предоставление своих кредитов «созданием благоприятного климата для иностранных инвестиций»). Нередки случаи и прямой дипломатической поддержки, оказываемой своим ТНК, когда государственные деятели США прямо берут на себя миссию обсуждения с иностранным правительством каких-либо связанных с ТНК проблем. Именно так осуществлялся в 1964 г. нажим на Бразилию с целью «отговорить» ее от национализации собственности нефтяных компаний США; в 1970 г. переговоры с Ливией о нефти по просьбе ТНК вел заместитель государственного секретаря Д. Ирвин; по существу даже на вошедших в практику экономических совещаниях на высшем уровне тоже обсуждаются дела ТНК; позиции делегатов США в ООН при обсуждении широкого круга экономических и политических вопросов также объяснялись — а иногда даже официально мотивировались — необходимостью защиты интересов американских ТНК.

Почему же в таком случае зарубежные правительства специально приглашают к себе американские ТНК, дают им льготы, соревнуются иной раз друг с другом в обеспечении наиболее благоприятных условий? Ответ известен: к созданию филиала проявляется интерес в принимающей стране потому, что ввоз американского капитала в определенной мере расширяет финансовый и хозяйственный потенциал последней, создает возможности для роста занятости, для расширения экспорта, а что еще важнее, привносит в страну новейшую технологию — в промышленно освоенной форме — и передовой управленческий опыт. Это выглядит привлекательно. Однако создание в экономике принимающей страны (причем часто это молодая, развивающаяся страна, весьма слабая еще в хозяйственном и финансовом отношении, равно как и в отношении опыта государственного управления) об-

ширных «анклавов», принадлежащих иностранному капиталу и управляемых из-за рубежа, весьма небезобидно.

Далеко зашедшее проникновение чужого капитала в важнейшие отрасли промышленности затрудняет принимающему государству регулирование собственной хозяйственной жизни, выработку независимой научно-технической политики, создает атмосферу неуверенности на местном рынке, неопределенности исхода экономических программ правительства, иными словами — серьезно сужает экономическую и политическую свободу маневра местного правительства.

ТНК обладают возможностью подрыва местной инвестиционной политики, расшатывания валютных курсов, ибо собственные источники финансирования «освобождают» корпорации от необходимости действовать в соответствии с усилиями местного правительства по стимулированию или, напротив, ограничению капиталовложений в ту или иную отрасль, если эти усилия не совпадают с пожеланиями материнской компании.

Как констатируют американские специалисты, «вертикальная организация ТНК дает им огромную мощь, которую они могут реализовать с помощью разнообразных изощренных косвенных приемов. Благодаря цепи взаимосвязанных филиалов, находящихся в общем владении, они контролируют все: от оптового и розничного сбыта непосредственно потребителю (спрос) до добычи сырья и производства продукции (предложение). Они контролируют и все промежуточные операции (транспорт, рекламу и т. п.) с помощью другой цепочки дочерних корпораций. В результате материнская компания „сплавляет“ продукцию „по течению“, начиная с разработки полезных ископаемых и кончая продажей готового товара, и при этом товар все время перепродается внутри компании, от одного филиала к другому. В результате материнская компания может варьировать количество денег, выплачиваемых филиалом А филиалу В по мере прохождения продукции, не меняя общего дохода, причитающегося материнской компании. Это означает, что материнская компания может держать в страхе местные правительства, поскольку она свободно манипулировать трансфертными ценами и тем самым предопределять размеры налогов, выплачиваемых местным правительствам каждым филиалом. Таким образом, ТНК не участвуют в борьбе за рынки; они просто стремятся расширить существующий рынок, ибо в конечном итоге они сами и есть этот рынок»⁷⁰.

Действительно, наличие огромной зарубежной сети дочерних филиалов приводит к тому, что материнская компания

начинает стремиться к внутрифирменному разделу рынков, закрепляя тот или иной регион за отдельным филиалом, чтобы сократить конкуренцию. Преимущества в размерах филиалов ТНК и их многочисленность приводят, как следствие, подчас уже не просто к присутствию иностранного капитала в экономике многих принимающих стран, а к его подлинному засилью. Это засилье ощущают даже в развитых капиталистических странах; вот, например, свидетельство французского еженедельника «Экспресс»: «С политической точки зрения оскорбительно оставлять решающее слово за административными советами, заседающими в Нью-Йорке или даже Брюсселе... В конце концов существует предел, за которым иностранное засилье уже подрывает независимое руководство экономикой страны»⁷¹.

Как уже упоминалось, одним из главных стимулов к приглашению в страну ТНК является надежда на то, что они привнесут с собой новейшую технологию. Однако и это обстоятельство ставится под вопрос исследователями. Некоторые авторы утверждают, что ТНК не только не способствуют преодолению технологического разрыва, но, напротив, лишь усугубляют его, и благодаря их деятельности уже сегодня западноевропейские, например, предприятия превращаются в «дровосеков и водоносов» для США⁷². Если даже это мнение счесть преувеличением, факты все равно свидетельствуют о том, что вопросы НИОКР и внедрения в ТНК прочно остаются функцией материнской компании и об «оттоке» за рубеж технологии речь не идет: та технология, которая попадает в страну, остается в иностранной собственности, причем ТНК ведут массовое патентование своих новинок, чтобы закрепить за собой монополию на их использование*.

В конечном итоге эксперты секретариата ООН, изучавшие проблему многонациональных корпораций, суммируя отношение к ним принимающих стран, заявили: «Даже в разви-

---

* Дополнительная хитрость состоит еще и в том, что за технологию, передаваемую филиалам, материнская компания взимает значительные лицензионные платежи; в результате на платежные балансы принимающих стран ложится бремя платежей за технологию, которая не поступает или поступает с большим опозданием в национальное распоряжение; сами балансы международного технологического обмена этих стран оказываются искусственно искаженными. Например, такая высокоразвитая страна, как ФРГ, имеет колоссальный пассив в торговле лицензиями, и это становится понятным, если учесть, что у национальных фирм этот баланс активен в пропорции 3:2, а у филиалов ТНК — пассивен в пропорции 1:100.

Тых странах контроль иностранных МНК над ключевыми отраслями экономики рассматривается многими как серьезное нарушение политической независимости и даже самого суверенитета страны»⁷³. А характеризуя последствия деятельности ТНК в развивающихся государствах, организация ООН по промышленному развитию прямо констатировала, что рост промышленности в бывших колониях и полукOLONиях является фактически «не индустриализацией развивающихся стран, а выгодным использованием их территории иностранными компаниями»⁷⁴. В дополнение к этому широко известно, что вмешательством в экономическую жизнь дело далеко не ограничивается.

Самым ярким примером чисто политического вмешательства остается деятельность корпорации ИТТ в Чили (причем здесь речь идет далеко не только о скандальной роли ИТТ в свержении правительства С. Альенде, но и о гораздо менее известных первоначальных попытках ИТТ повлиять на ход национальных выборов и предотвратить избрание Сальвадора Альенде на пост президента страны). Однако ИТТ не была одинока. После победы на выборах блока Народного единства другие американские ТНК — «Анаконда» и «Кеннекот» пытались блокировать зарубежные продажи национализованной чилийской меди, а ИТТ приступила к организации при помощи местной реакции экономических диверсий внутри страны, в том числе дезорганизации продовольственного снабжения, оказания саботажникам финансовой поддержки, способствовала тому, чтобы вызвать искусственное банкротство местных фирм и банков. Как это было признано американскими сенаторами, проводившими слушания по этому вопросу в марте — апреле 1973 г., ИТТ действовала в настолько тесной координации с ЦРУ, «что было практически невозможно определить, где кончается одна и начинается другая из этих организаций»⁷⁵. «Участие» ТНК в выборах в развивающихся странах стало едва ли не правилом. Та же ИТТ аналогичным образом действовала и в Перу, и в Эквадоре; на Ямайке кандидатам на выборах предлагалась прямая помощь алюминиевых ТНК с условием, что победители не национализировать бокситовых рудников и т. п. Только нефтяные ТНК за послевоенный период были уличены во вмешательстве, политическом и даже вооруженном, в дела таких стран, как Сирия, Ливан, Ирак, Иран, Алжир, Нигерия, Бразилия, Венесуэла, Боливия, Перу, Куба, Индонезия.

Диапазон доступных иностранным монополиям форм экономического нажима был весьма ярко продемонстрирован в 1975 г. в Португалии. Прекращение финансирования дочер-

них компаний, увольнение местных рабочих, сокращение объема производства, требования, предъявленные к местным субподрядчикам о немедленном погашении долгов, отказ в дальнейшем кредитовании, требование платы вперед за любые импортные товары — такими способами международный монополистический капитал демонстрировал «неодобрение» взятого страной политического курса. Проявление левых тенденций в политической жизни Италии в последние годы тоже влекло немедленную реакцию иностранного капитала с достаточно откровенными угрожающими нотками. На сегодняшний день остается фактом, что потенциал ТНК для осуществления, скажем, экономических репрессалий за рубежом значительно более мощный, нежели тот, каким располагает американское государство. Недаром Э. Бжезинский несколько лет назад говорил: «На меня, как правило, производит сильное впечатление, что большие международно-активные корпорации имеют гораздо более эффективные методы международной деятельности, чем государственный департамент. В смысле проницательности анализа, гибкости действий и быстроты реакции я бы скорее предпочел иметь дело с представителем ИБМ, чем со многими из наших посольств»⁷⁶.

«Для ТНК характерно, — констатировали американские специалисты, авторы написанного для конгресса США исследования „Наука, техника и дипломатия в век взаимозависимости“, — что они перемещают капиталы, товары, кредиты, управленческие таланты, технологические навыки, интеллектуальную собственность и непосредственно квалифицированную рабочую силу из страны в страну, чтобы максимизировать свою суммарную долгосрочную выгоду. И в ходе этого они подрывают национальный суверенитет страны, где расположились их филиалы, отвлекают капиталы и рабочую силу от запланированных этой страной целей и включаются в борьбу за экономическую и даже политическую власть — при том, что их собственная экономическая и научно-техническая силовая база находится на безопасном удалении от той страны, где разворачиваются действия»⁷⁷.

Откровенность этого признания показательна — на смену первому периоду безоговорочного одобрения ТНК в США пришло время осознания того, что деятельность ТНК нередко закладывает почву для новых трений и конфликтов с зарубежными государствами, а это в конечном итоге может негативно сказаться на национальных интересах США. Стало очевидно и другое: если активное недовольство ТНК в окружающем мире будет и дальше расти такими темпами, то они грозят превратиться не столько в проводников амери-

капского влияния, сколько в «заложников». В результате появились призывы выработать какие-то общепризнанные «нормы поведения» ТНК, некоторый модус вивенди ради общего блага капиталистического строя, ради общей стабильности американских взаимоотношений как с развитыми, так и с развивающимися странами.

Правда, эти призывы в значительной степени объясняются тем, что многие зарубежные страны уже встали на путь защиты своих интересов от посягательств ТНК путем введения ограничений на их деятельность (например, разрешение на открытие дочерних предприятий обуславливается такими оговорками, как обязательство ТНК поддерживать определенный уровень занятости, выполнять часть НИОКР на месте и тем самым способствовать росту национальных научно-технических кадров, обязательство выделить часть производимой продукции на экспорт, причем по возможности в виде готовых изделий, а не полуфабрикатов и т. п.). Новые, более строгие законы, регулирующие деятельность ТНК, были введены в Алжире, Гане, Индонезии, Танзании, Мавритании, Венесуэле, Уганде, Замбии и других странах; были отменены или пересмотрены неравноправные концессионные и торговые договоры в Ираке, Филиппинах, Панаме, Гондурасе, Коста-Рике, Венесуэле, и др.; прошла волна национализации многих филиалов ТНК в Ираке, Перу, Ливии, Индии, Венесуэле, Кувейте и иных государствах. Появились «антикартели» стран — производителей отдельных сырьевых товаров, в которых нуждаются развитые капиталистические страны (нефть, медь, бокситы, бананы и пр.). Страны Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС), особенно страны Андского пакта, а также государства АСЕАН, Лига арабских стран, ряд экономических союзов в Западной Африке во второй половине 70-х годов предпринимают меры в направлении регионального коллективного регулирования операций ТНК.

Одновременно меняется и общемировая ситуация: развивающиеся страны добились некоторых сдвигов в хозяйственном развитии; чрезвычайно важно и то, что они получают поддержку СССР и других социалистических стран, представляющих собой альтернативный источник промышленного и научно-технического опыта и готовых способствовать ускоренному развитию экономики молодых государств, улучшению их положения в мировой торговле. Развивающиеся страны при поддержке социалистических стран явились инициаторами постановки проблем международных монополий на уровне ООН; решения VI специальной сессии Ге-

неральной Ассамблеи ООН, принявшей Декларацию и Программу действий, направленные на установление в мире «нового международного порядка»; Хартия экономических прав и обязанностей государств и решения VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН не только подтверждают право освободившихся стран на суверенитет над своими природными ресурсами, но и на контроль и регулирование операций международных монополий*. Всем этим позитивным сдвигам в огромной степени благоприятствовала разрядка международной напряженности.

В этих условиях ТНК ведут себя по-разному. Некоторые пытаются активизировать участие в подрывной деятельности, чтобы обеспечить себе «благоприятный климат» в принимающих странах; но большинство встает на путь отказа от наиболее одиозных форм неравноправных отношений, декларирует свою политическую нейтральность в случае перемен во внутривнутриполитической жизни принимающих стран. Вынужденные изменения проникают и в сферу собственно экономического функционирования ТНК в той или иной стране: сокращается количество запрашиваемых ими изначально льгот; подвергаются периодическому пересмотру и модификации заключенные единожды договоры об открытии филиалов (и в эти договоры начинает включаться предварительно согласованная «формула ухода» на случай, если принимающая страна не разрешит далее продолжать операции ТНК); на месте филиалов со стопроцентным контролем (а такие филиалы преобладали у американских компаний) появляются смешанные фирмы с участием не только мест-

---

* В частности, Декларация провозглашает в качестве одного из основных принципов такого рода надзор и регулирование деятельности межнациональных корпораций путем принятия мер в интересах национальных экономик стран, в которых действуют МНК, на основе полного суверенитета этих стран. Программа действий требует «предотвращения вмешательства МНК во внутренние дела стран, где они действуют, и их сотрудничества с расистскими режимами и колониальными властями», а также регулирования их деятельности в принимающих странах с тем, чтобы ликвидировать ограничительную деловую практику и чтобы эта деятельность «соответствовала национальным планам и целям развития развивающихся стран». В Хартии экономических прав и обязанностей государств, одобренной XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН, фиксируется право каждого суверенного государства «регулировать и контролировать деятельность транснациональных корпораций в пределах действия своей национальной юрисдикции и принимать меры по обеспечению того, чтобы такая деятельность не противоречила его законам, нормам и постановлениям и соответствовала его экономической и социальной политике».

ного частного, но и государственного капитала*. Более того, ТНК в некоторых случаях стали финансировать в развивающихся странах даже и социальные программы**.

И дело здесь не только в том, что позиции ТНК слабеют и им приходится идти на вынужденные уступки,— вопрос стоит в долгосрочном плане гораздо серьезнее. Речь, видимо, может идти о том, что ТНК активно подключились к осуществлению новой империалистической стратегии в отношении развивающихся стран, стратегии, которая сводится к замене попыток сохранить развивающиеся страны в состоянии экономической отсталости бывших колоний намерением форсировать движение этих стран по капиталистическому пути. Именно в «строительстве капитализма» в «третьем мире» был смысл идеи «партнерства по развитию», которая была выдвинута в конце 60-х годов в докладе Пирсона⁷⁸; по существу о том же говорится в докладе «Север — Юг», подготовленном комиссией под руководством В. Брандта⁷⁹. Это направление стало основным, ему подчинены все средства воздействия американской внешней политики на развивающиеся страны (мы еще не раз будем возвращаться к этому вопросу), но ТНК обладают едва ли не самыми широкими возможностями для того, чтобы реально содействовать тотальному обуржуазиванию и прежде всего превращению значительной части национальной буржуазии в «транснациональную» технократию с космополитической психологией и убеждениями⁸⁰.

Что касается нынешней республиканской администрации США, то Р. Рейган и его окружение считают систему американских зарубежных частных инвестиций первейшим рычагом международного влияния. Именно эти инвестиции и ТНК как их носители должны, по мнению Вашингтона, стать главным «инструментом развития» в регионах освободившихся государств. Выступая в Филадельфии 15 октября 1981 г. (это была своего рода репетиция, только более откровенно националистическая, той речи, которую Рейган должен был произнести неделей позже во время встречи с главами правительств развивающихся стран на мексиканском курорте Канкун), президент США произнес истинную

---

* Например, многие ТНК подчинились решению Андского пакта, обязавшего их в течение 15 лет передать не менее 51% акций своих предприятий в местные руки.

** Подробно о новейших тенденциях в этой сфере см.: Любимова В., Вильговченко Э. Некоторые аспекты социальной деятельности ТНК.— МЭ и МО, 1980, № 5, с. 38—48.

апологию частным капиталовложениям, духу частного предпринимательства, американскому хозяйственному опыту. «Частные потоки капитала — коммерческие кредиты и частные капиталовложения — составляют 70% всего финансового притока в развивающиеся страны, — подчеркнул президент США. — Было бы непрактично, не говоря уже о том, что глупо, критиковать эти процессы по идеологическим соображениям». Ярлык «идеологических нападок» намеренно наклеивается на совершенно законные претензии освободившихся государств в адрес иностранных монополий, которые не проявляют подлинной заинтересованности в укреплении национальной экономики развивающихся стран и делают все возможное, чтобы еще сильнее приковать к себе эти государства цепями неоколониалистской зависимости. В Канкуне президент выражался более сдержанно, но тема «улучшения климата для частных капиталовложений» была едва ли не ведущей в его речи.

Собственно, в этом отражается один из главных уставочных принципов нынешней администрации — отождествление внутри- и внешнеполитических интересов американского государства с интересами и целями крупного бизнеса. В той же речи в Филадельфии это было декларировано со всей откровенностью: «Правительство и частное предпринимательство дополняют друг друга. Они могут и должны продолжать сосуществовать и сотрудничать». В ходе этого «сотрудничества» администрация Рейгана явно намерена полагаться на осуществление «национальных целей» США за рубежом за счет тех средств, которые Америке дает ее гигантская «заграничная империя», и в свою очередь стремится предпринять все возможное, чтобы свобода действий американских предпринимателей за границей ничем не стеснялась. Недаром в выдвинутой правительством США в 1981 г. «стратегии сотрудничества в обеспечении роста глобальной экономики» даже не упоминаются ни международные товарные соглашения, ни валютно-финансовые проблемы молодых государств, ни «кодекс поведения» ТНК; более того, как мы уже видели, экономическое развитие отождествляется со стимулированием частного предпринимательства и иностранных капиталовложений, а среди препятствий для развития в том же Канкуне, например, на первом месте была названа... политика самих развивающихся государств (имеется в виду прежде всего, политика, направленная на защиту их национальных интересов — на укрепление государственного сектора и регулирование деятельности ТНК).

Такой подход американского правительства вызывает серьезную тревогу за рубежом — и отнюдь не в одних лишь развивающихся государствах, но и в Канаде, и в Западной Европе, и в Японии, — поскольку он справедливо расценивается не как готовность к участию в борьбе за устранение существующей экономической дискриминации (на словах руководители США пытаются именно так представить свою программу), а как «решительное наступление на внутриполитические расхождения между государствами и даже на свободу действий правительств в формировании национальной экономики и в изменении направлений ее роста и ее структуры. Если американская программа действий на 80-е годы будет развиваться в таком направлении, возникнут серьезные проблемы, связанные с национальным суверенитетом»⁸¹.

Невзирая на все «формулы ухода», ТНК отнюдь не пренебрегают изобретением новых, более изощренных способов предотвратить «максимальное зло» — экспроприацию своих филиалов за рубежом. Американские специалисты по управлению зарубежными операциями считают аксиомой деятельности ТНК стремление не создавать в одной стране предприятий с полным циклом производства и сбыта, исходя из того, что вероятность национализации обратно пропорциональна величине затрат, которые потребуются зарубежному государству на обеспечение недостающих элементов производственного цикла*. Широкое распространение получили «управленческие контракты», согласно которым ТНК строит предприятие и управляет им, получая в уплату комиссионные, не имея полного акционерного контроля. В случаях, когда ТНК владеет только некоторой долей акций, предпринимаются усилия для «распыления» остальных акций, принадлежащих местному капиталу, чтобы продолжать контролировать смешанное предприятие даже при небольшом пакете акций. Но один из главных способов долгосрочной при-

---

* Например, «Форд» так спланировал производство легкового грузовика для сельского хозяйства Азии, что «компоненты машины будут производиться в отдельных странах, а затем словно по морскому конвейеру, транспортироваться из страны в страну, причем каждая из стран, участвующих в производстве, за исключением Сингапура, будет осуществлять сборку автомобилей для продажи на местном рынке. „Форд“ предполагает создать фабрику по производству электроарматуры и пластмассовых частей в Сингапуре, цеха отливки блоков двигателей в Таиланде, фабрики по производству осей и трансмиссий в Индонезии и завод по сборке дизельных двигателей в Южной Корее. Планируется также создание завода в Малайзии, одного завода в Индии и даже одного завода в континентальном Китае, если последний откроет возможности для иностранных капиталовложений. К 1980 г.

вязки к материнской компании, а следовательно и к США, следующий: предприятие ставится в зависимость от транснациональной корпорации сетью соглашений о технологическом кооперировании, о притоке лицензий, новой оснастке и т. п., о закупке у ТНК определенных узлов, частей или ингредиентов, необходимых для налаживания производства по новым лицензиям. Поскольку передача технологии в развивающиеся страны практически никогда не носит форму создания на месте какого-либо научно-исследовательского или конструкторского центра для последующего ее усовершенствования, через некоторое время переданная технология устаревает и приходится, чтобы сохранить конкурентоспособность, вновь обращаться к ТНК за покупкой «нового поколения» технологии и т. д.

Соединенным Штатам Америки в последние годы пришлось на практике убедиться в том, что их собственные ТНК — главная опора внешнеэкономической экспансии США — все чаще вступают в конфликт со своим же «родным» государством, доказывая тем самым, что капитал поистине не имеет отечества (на американской почве, кстати, аналогичная мысль была высказана одним из «отцов-основателей» США более полутора веков назад: «Торговец, — писал Т. Джефферсон, — не имеет родины»). С одной стороны, покровительство государственного аппарата имеет важное значение для ТНК, им без него трудно обойтись; с другой стороны, процесс явного увеличения регулирующей роли государства в экономической, в том числе и внешней, жизни ведет к росту относительной самостоятельности государства, к столкновению его как выразителя совокупных интересов национальной буржуазии с сепаратными устремлениями конкретных монополий, становится причиной определенного «антиэтатизма» последних.

Соединенным Штатам уже пришлось несколько раз довольно ощутимо испытать на себе последствия гибкости и широты маневра ТНК, стремящихся к максимизации собственной прибыли, не заботясь о «патриотических» соображениях: по оценкам всех специалистов, на пороге 70-х годов ТНК усугубили для США валютные трудности; федеральная энергетическая администрация выявила, что в разгар нефтяного кризиса ТНК спекулировали нефтью (и возможно,

---

„Форд“ планирует вложить в это интегрированное предприятие регионального производства миллиард долларов» (Vista, 1973, June, p. 6). Сходный проект осуществляет в Латинской Америке и в Азии «Дженерал моторс».

они сами и явились в большой мере причиной этого кризиса); деятельность ТНК неоднократно шла вразрез с правительственными усилиями по ограничению кредитов, по стабилизации платежного баланса и т. п. Хотя, конечно, до сих пор неудобства и неприятности, пережитые США из-за «своих» ТНК, не идут ни в какое сравнение с проблемами принимающих стран, тем не менее здесь тоже явно возникли новые узлы противоречий, не говоря уже о конфликтах с американскими налоговыми органами; с антитрестовским законодательством. США уже предприняли ряд действий против «внутреннего врага»: были проведены специальные расследования деятельности ТНК в конгрессе, по линии министерства торговли; были подняты и широко освещены в прессе вопросы о роли нефтяных ТНК в энергетическом кризисе, о событиях в Чили; сокращены некоторые налоговые льготы, начаты крупные антитрестовские процессы против нескольких монополий; рассматривается вопрос о лишении ТНК беспешинного обратного ввоза товаров, переработанных на заграничных филиалах. (Правда, надо сказать, что параллельно были установлены гораздо более жесткие правила в отношении контроля за деятельностью «чужих» ТНК. Так, в США иностранные фирмы не могут выпускать акций на сумму свыше 300 тыс. долл., оперировать на внутренних воздушных линиях, каботажных и речных перевозках, в ядерной энергетике; не могут владеть более 25% акций радиоконпаний; существуют ограничения в банковском деле в ряде штатов и т. п.) * США, может быть, в меньшей степени, их капиталистические партнеры из числа развитых стран в большей степени, но так или иначе все развитые капиталистические страны осознали неспособность их национальных государственно-монополистических механизмов справиться с последствиями деятельности международных монополий, которая приобрела, как известно, невиданно широкие масштабы и оказывает дезорганизующее действие на различные аспекты проводимой правительствами этих стран антикризисной политики.

В силу этого была вынуждена заняться проблемой ТНК и основная координационная организация развитых капиталистических стран — ОЭСР. После длительных переговоров (с 1973 по 1976 г.) ОЭСР был разработан и принят «кодекс поведения» ТНК в экономике капиталистических стран — Декларация о международных капиталовложениях и много-

---

* Подробно см.: International Economic Report of the President, 1973, p. 63—64.

национальных корпорациях. Этот документ представляет собой соглашение о мерах регулирования деятельности ТНК, в нем предусмотрена единая политика стран-членов ОЭСР в отношении налогообложения, режима инвестиций в различных странах; специальные разделы посвящены улучшению обмена статистической и иной информацией между правительствами относительно деятельности ТНК и их филиалов и т. п. Кроме декларации, ОЭСР утвердила и еще один документ — «Руководящие принципы для МНК», регламентирующие их действия в странах ОЭСР. Однако решения ОЭСР не идут дальше общих рекомендаций и, более того, не имеют юридически обязательного характера, а потому вряд ли могут претендовать на то, чтобы действительно ограничить манипуляции международных монополий, среди которых американские ТНК являются не только самыми мощными, но и самыми агрессивными.

Представитель правления американской консультативной корпорации «Диболд групп» Дж. Диболд считает, что Западная Европа и Япония дадут в будущем «скачок» активности своих ТНК, причем они смогут извлечь уроки из негативных сторон американского опыта и отыскать более эффективные и вызывающие меньшее национальное сопротивление формы совместных предприятий в других странах.* Прогноз Диболда в течение 70-х годов как будто подтверждался; действительно, западноевропейские и японские ТНК стали весьма активно вести экспансию в развивающихся странах. Помимо ряда чисто экономических преимуществ, которые эти компании используют при продвижении на инвестиционные и торговые рынки развивающихся стран, более активной государственной поддержки и нередко более усовершенствованных методов проникновения, западноевропейским и японским компаниям помогает просто уже одно то, что они неамериканские, ибо все американское в развивающихся странах ассоциируется с неокOLONIALИЗМОМ (произошло, так сказать, отрицание отрицания — в период краха колониальных империй Соединенным Штатам нередко удавалось заместить скомпрометировавшие себя старые метрополии; теперь пришел черед их отступления, теперь уже «образ» США ассоциируется прежде всего с эксплуатацией народов развивающихся стран).

Многие американские исследователи, анализирующие причины, которые вызвали к жизни ТНК, в ряду обстоятельств, связанных главным образом с развитием производительных сил, проводят также параллель между стремлением крупных корпораций к экспорту капитала и военно-политическими целями американского империализма времен «холодной войны» (сенатор Ф. Черч прямо назвал американские ТНК орудиями «холодной войны»). Профессор Гар-

---

* См.: *Diebold J. Business, Government, and Science: The Need for a Fresh Look.*— Foreign Affairs, 1973, July, p. 555—572.

вардского университета Дж. Най высказывает в этой связи мысль о том, что отход от позиций «холодной войны», определенное снижение экспансионистских устремлений США после Вьетнама — словом, крах надежд на создание «мира по-американски» подорвет в какой-то степени и позиции ТНК: они будут перерождаться либо в поистине космополитические организации, либо в разновидность коммерческих международных организаций функционального типа⁸².

Представляется, что ожидания большей космополитизации капитала имеют под собой основания, ибо именно ТНК являются в современном капиталистическом мире главными посетителями той тенденции к интеграции, которую В. И. Лепин описывал как «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»⁸³. Но все же в обозримом будущем вряд ли можно ожидать ликвидации ныне существующего в американскую пользу дисбаланса, особенно в том, что касается размеров капиталовложений и масштабов деятельности ТНК.

Безусловно, ТНК увеличивают маневренность, гибкость, быстроту реакции, приспособляемость современного капитализма к быстро меняющейся мировой ситуации. Поэтому американские теоретики в целом все же пока относятся к ТНК благосклонно — ТНК больше выступают в союзе с американским государством и заодно с ним, нежели против него⁸⁴. И все же, бесспорно, ТНК — и в США это уже почувствовали — означают увеличение какого-то нового, нестабильного, ускользающего от национального контроля, непредсказуемого элемента, который предвещает рост конфликтности в капиталистическом мире. ТНК порождают не только трения между собой и приютившими их государствами — специалисты предвидят появление новых противоречий между ядрами корпораций и их филиалами, противоречий на стыках международных монополий и государственных объединений. По мере концентрации производства и накопления капитала может меняться соотношение сил, могут возникать тенденции противодействия ставших мощными периферийных звеньев старому центру, тенденции отталкивания их от ядра. Английский экономист Л. Тернер даже предвидит «бунты» филиалов против штаб-квартир современных сверхмонополий⁸⁵. Так или иначе здесь — новый источник и новая область внутриимпериалистических противоречий, которые с неизбежностью будут обостряться. Характерно, что такой приверженец ТНК, как Дж. Диболд, разделяет мнение кри-

тиков и констатирует: «ТНК не только не ломает барьеры между людьми, но и усиливает напряженность, стимулирует национализм. Более того, есть все основания считать, что в будущем эти тенденции еще усилятся»⁸⁶. Так что действительность вряд ли подтвердит распространяемую апологетами ТНК версию о «всемирной гармонизации», формировании «общечеловеческого единства» усилиями транснациональных корпораций.

3.

США на рынке сырья

В 70-е годы Соединенные Штаты впервые за свою историю действительно столкнулись с проблемой сырьевых трудностей, с глубоким и затяжным энергетическим кризисом. США обладают крупнейшей среди развитых капиталистических стран минерально-сырьевой базой, мощной горнодобывающей промышленностью — на их долю приходится $\frac{1}{5}$ минерального промышленного сырья, производимого в несоциалистическом мире; сырьевые транснациональные корпорации США контролируют большую часть сырьевых потоков, снабжающих капиталистические и развивающиеся страны, — все это приучило Америку не просто к изобилию, а к расточительному расходованию сырьевых ресурсов, казавшихся бесконечными. Первые же признаки сырьевых трудностей стали рассматриваться в США едва ли не в апокалиптических тонах: государственный секретарь Киссинджер в феврале 1974 г. говорил о «невиданной угрозе для нашего процветания и для всей системы международного сотрудничества, создававшейся ценой таких усилий последние три десятка лет»⁸⁷. Президент Картер в апреле 1977 г. призывал к «самопожертвованию» ради того, чтобы справиться с «величайшим вызовом, с которым наша страна столкнется при жизни нынешнего поколения». Он предупреждал, что, недооценивая проблему зависимости от привозного сырья, США «могут поставить под угрозу свою свободу действовать во внешней политике как суверенное государство»⁸⁸. Вопросы обеспечения минеральным промышленным сырьем стали фигурировать на одном из первых мест и во внутренней, и во внешней политике США.

«На протяжении последних двадцати лет происходила постепенная эрозия американской самообеспеченности сырьем, — констатировали в марте 1974 г. эксперты — авторы обзора для компании «Морган гаранти траст». — Объем национального производства многих важнейших металлов и

минералов, не говоря о нефти, отставал от роста потребления. В результате Соединенные Штаты вступили в новую для себя эру — эру растущей зависимости от импортируемого сырья»⁸⁹. Иллюстрируя степень такой зависимости, эксперты перечисляют далее, какова доля импортируемого минерального сырья в потреблении США: кобальта и хрома — 100%, марганца — 100, никеля — 92, бокситов — 84, ртути — 82, олова — 100, вольфрама — 56, цинка — 50, нефти — тоже около 50% и т. п.

В принципе проблема долговременного обеспечения сырьем дала о себе знать не впервые: уже непосредственно в послевоенный период, когда произошло резкое повышение цен на сырье, администрация Трумэна создала специальную комиссию по сырьевой политике (под руководством Уильяма Пейли, тогдашнего председателя правления «Коламбия бродкастинг систем»), которая в 1952 г. представила обширный доклад под претенциозным названием «Ресурсы для свободы»⁹⁰. В нем было предсказано резкое увеличение импорта сырья к середине 70-х годов (правда, показатели, рассчитанные на 70-е годы, оказались превзойденными на деле еще в 60-х годах). Однако у авторов доклада это не вызывало особого беспокойства, хотя они и рекомендовали создание значительных стратегических запасов; напротив, рекомендации комиссии Пейли были направлены как раз на форсирование зарубежной активности американского капитала для обеспечения контроля над внешними источниками дешевого сырья.

Именно таким курсом и развивались события. Как известно, капиталистический сырьевой рынок крайне монополизирован: к началу 70-х годов 7 крупнейших международных нефтяных монополий контролировали 65% производства нефти, 10 монополий — около 60% производства меди, 6 компаний — более 20% производства алюминия, 4 компании — почти 100% производства никеля; 15 из этих крупнейших поставщиков сырья в капиталистические и развивающиеся страны имеют штаб-квартиры в США, и в целом в течение долгого времени для капитала США его прямые и портфельные инвестиции в странах-производителях сырья оставались надежной основой господства США на мировых рынках. Еще в 1963 г. американские специалисты — авторы двухтомного исследования «Ресурсы США в будущем» писали о проблеме не дефицита, а излишков сырья⁹¹.

Показательно, что даже такой тонкий наблюдатель, как Дж. К. Гэлбрейт, подводя итог 60-м годам, рисовал столь же ошибочную картину мира; он, в частности, писал о роли

развивающихся стран как поставщиков сырья: «Ни по каким расчетам силы, военной или экономической, эти страны не имеют существенного отношения к экономическим или стратегическим позициям развитых стран. Они поставляют сырье — это верно. Но даже и в этом плане следует отметить не их силу в качестве поставщиков такового, а скорее их слабость как соперничающих друг с другом „дровосеков“ на рынках развитых в промышленном отношении стран»⁹².

Таким образом, ни политики Вашингтона, ни американские монополии не приняли в расчет того, что молодые независимые государства, которые и являются в современном мире основными производителями минерального сырья, активно выступают против дальнейшего разграбления их естественных богатств и в условиях общего изменения соотношения сил в мире не в пользу капитализма смогут прямо поставить в повестку дня вопрос о перестройке международных экономических отношений. Вначале страны—производители сырья стали предпринимать меры по улучшению условий соглашений с международными сырьевыми монополиями, добиваясь увеличения отчислений в свою пользу; затем многие из этих стран перешли к расширению собственного контроля над производством сырья, вплоть до национализации филиалов международных монополий и их дочерних компаний. Американская статистика свидетельствует, что с 1960 по 1971 г. в 34 развивающихся странах уже имели место 70 подобных «конфликтов», причем в 44 случаях итогом оказалась национализация или экспроприация⁹³.

Нефтяное эмбарго 1973 г., введенное арабскими странами против империалистических государств—пособников Израиля, и последующее многократное повышение цен на нефть странами — членами ОПЕК стали наиболее драматическим проявлением этой тенденции, теперь уже явно дошедшей до сознания американского руководства и широкой общественности*. Успешное наступление ОПЕК на укоренившуюся систему колониально-монополистической эксплуатации было расценено в Америке — и справедливо! — как начало, авангардные бои, которые дают лишь общее представ-

---

* В советской литературе большое внимание уделено и проблемам энергетического и сырьевого кризиса капиталистического мира в 70-е годы, и наступлению развивающихся стран в борьбе за возвращение суверенитета над своими природными богатствами. См., в частности: *Ершов Ю. А.* Сырье, топливо, политика. М., 1975; *Андреасян Р. Н., Казюков А. Д.* ОПЕК в мире нефти. М., 1978; *Рачков Б. В.* Нефть и мировая политика. М., 1972; Новые явления в энергетике капиталистического мира / Отв. ред. Е. М. Примаков. М., 1979.

ление о будущих сражениях. Худшие опасения, казалось бы, были подтверждены самим фактом создания по примеру ОПЕК еще нескольких организаций стран—производителей и экспортеров минерального сырья (Организация стран—экспортеров меди, Международная ассоциация бокситодобывающих стран, Ассоциация производителей вольфрама и др.) *.

Наиболее трезвомыслящие западные специалисты быстро осознали, что возврата назад — к дешевому избыточному сырью, к покорности и безответности освободившихся государств — быть не может и Соединенным Штатам следует срочно начать приспособляться к происходящим сдвигам. Как писали в авторитетном американском внешнеполитическом журнале «Форин аферс» экономисты — сотрудники международного банка: «Политический стимул к формированию такого рода альянсов, несомненно, существует. Почти повсеместно в развивающихся странах распространено ощущение разочарования в том, как с ними в целом обращаются индустриально развитые страны. Более того, для производителей минерального сырья (как, например, нефти) к этому добавляется острота понимания того, что их минеральное богатство невозобновимо, что это актив, который должен дать им наибольший возможный доход и жизнь которого надо возможно дольше растянуть. Естественно, производители стремятся изменить ситуацию, при которой продавцы минерального сырья конкурируют друг с другом, как неорганизованная аморфная масса, перед лицом довольно малочисленных и хорошо организованных фирм-покупателей, действующих от лица стран-потребителей»⁹⁴.

Среди широкой общественности США, да и среди ряда специалистов распространились панические настроения (как писал С. Хоффман, «уныние публики, не привыкшей к ощущению собственной уязвимости, зависимости и к вынужденным ограничениям») ⁹⁵. Создавалось впечатление, что действительно начинает сбываться мрачный прогноз Р. Фолка, сделанный на пороге 70-х годов, о росте напряженности в мире из-за нехватки ресурсов: 70-е годы, писал Фолк, будут «десятилетием отчаяния», 80-е годы — «десятилетием безна-

---

* Эти организации развивающихся стран иногда называют «антикартелями», что по сути совершенно справедливо: Запад создал картели для эксплуатации сырьевых богатств (типа нефтяных компаний — знаменитых «семи сестер»); таким образом, ОПЕК и подобные ей ассоциации производителей были лишь ответом на картелизацию потребителей — развитых капиталистических стран.

дежности», 90-е годы — «десятилетием катастрофы», а XXI век — началом «эры аннигиляции»⁶⁶.

Кое-кто — особенно в разгар нефтяного эмбарго 1973 г. — стал призывать применить вооруженную силу для захвата нефтяных месторождений в районе Персидского залива; с таким предложением выступил, например, профессор университета Джонса Гопкинса, известный международник Роберт Такер*.

Правда, последующий анализ и сам ход событий показали, что оснований для паники все же нет. Запасы большинства видов минерального сырья на планете достаточно сильно рассредоточены (нефть в какой-то степени является исключением, ибо половину доходов получают всего лишь пять стран — Саудовская Аравия, Катар, Абу Даби, Кувейт и Ливия, в то время как поступления от неэнергетического минерального сырья расходятся не менее чем по 40 развивающимся странам)⁹⁷, причем обладателями большей доли необходимых запасов сырья являются и сами США, и такие близкие к ним страны как Канада, Австралия (так, например, Австралия обладает 30% известных на сегодня мировых залежей бокситов, 27% — кобальта; Канада — 15% железной руды, 14% — никеля, 26% — цинка; если взять, например, медь, то в сумме у США и Канады — треть ее мировых запасов и т. п.)⁹⁸.

Кроме того, быстро меняется само понятие о размерах тех или иных месторождений, и не только потому, что открываются новые, но и потому, что создаются более эффективные способы разработки известных месторождений, которые были до сих пор «невыгодными» (например, только одна разработанная недавно химическая технология извлечения железа из руды с низким его содержанием, метод флотации, увеличила пригодные для разработки запасы железной руды в США примерно на 8%).⁹⁹

При ближайшем рассмотрении США обнаружили, что у них есть целый ряд «буферов», способных смягчить сырьевые трудности краткосрочного характера.

---

* Такер сформулировал свои предложения в напумевшей тогда статье «Нефть: проблема американской интервенции», опубликованной в журнале «Комментарии» в январе 1975 г. Позднее Такер интерпретировал тот факт, что его предложения не встретили серьезного отклика в политической элите США и других стран Запада, как решительное подтверждение окончательной потери веры в эффективность военной силы в современном мире. См.: *Tucker R. W. The Inequality of Nations. N. Y., 1977, p. 116—117; Idem. Oil and American Power: Six Years Later.— Commentary, 1979, Sept., p. 21—45.*

Это, во-первых, достаточно большой размер стратегических запасов минерального сырья, который оказался настолько большим, что было принято решение его сократить. Например, в 60-е годы, когда сырьевые стратегические запасы были максимальными, у США имелся запас олова на 77 месяцев, хрома — на 57 месяцев, вольфрама — на 141 месяц, марганца — на 65 месяцев и т. п.¹⁰⁰ Военные специалисты к середине 70-х годов пришли к выводу, что нет нужды иметь запас на три года вперед, и при администрации Никсона было начато сокращение стратегических запасов, заодно рассчитанное на то, чтобы несколько сократить инфляцию в стране и увеличить государственные доходы. (Позднее это решение оказалось под огнем критики, ибо стратегические запасы стали восприниматься как резерв не столько на случай войны, сколько на случай эмбарго или иных затруднений).

Во-вторых, у США, как и у других развитых индустриальных стран, имеются значительные ресурсы вторичного сырья: за счет переработки вторичного сырья, например, США сейчас удовлетворяют 40–45% текущей потребности в железе, меди, свинце; в случае острой необходимости можно увеличить долю переработки вторичного сырья и для других минералов — так, за счет использования лома сейчас удовлетворяется 17% потребностей в алюминии, но этот показатель может быть — при уже известной технологии — повышен до 45% (сейчас нет стимулов делать это, так как бокситы являются одним из самых распространенных минералов)¹⁰¹.

В-третьих, можно форсировать НИОКР в области разработки эффективных заменителей дефицитного сырья (и не только заменителей, но и новых технологических способов получать необходимое сырье из других источников) — и тут американский научно-технический потенциал предоставляет уникальные возможности. Например, алюминий можно получать не из бокситов, импорт которых составляет 84% от общего потребления, а из глин, сланцев и иного сырья, национальные запасы которого практически неисчерпаемы; потенциально США способны удовлетворять за счет внутренних источников все потребности в вольфраме (сейчас импортируют 56%), по более дорогой цене, чем нынешняя рыночная; точно так же и с марганцем (импорт составляет 100%), огромные залежи которого имеются на дне океана, и т. д.¹⁰²

Вообще в подходе к разрешению сырьевых и прежде всего энергетических трудностей США, как всегда, выделяют-

ся среди других развитых в промышленном отношении капиталистических стран своей мощной ставкой на науку. По данным Национального научного фонда США, удельный вес расходов на энергетические НИОКР в общем объеме госбюджетных ассигнований на науку и технику с 1969 по 1975 г. увеличился более чем в шесть раз. Если же взять за 100% суммарные текущие расходы на энергетические НИОКР в США, Канаде, Англии, Франции, ФРГ и Японии, то из этой суммы на долю США приходится 50%, Франции — 18, ФРГ — 11% и т. д., хотя самообеспеченность энергией у США выше, чем у остальных стран. Велик американский отрыв и в финансировании НИОКР в области атомной энергетики — затраты в 2 раза выше, чем во Франции, в 3 раза выше, чем в ФРГ, в 4 раза выше, чем в Англии; еще более заметна разница в массированном финансировании термоядерных исследований — по данным на начало 80-х годов, ассигнования США в 7 раз превышали общие затраты ЕЭС по аналогичным программам и в 9 раз — Японии.

Все эти соображения несколько успокоили американских политиков*. Более того, по зрелом размышлении стало очевидно, что возможности сырьевого давления на США снижаются и тем обстоятельством, что экспортеры некоторых видов сырья сами остро заинтересованы в чрезвычайно емком американском рынке, поскольку им труднее найти себе новых оптовых покупателей, чем США — других поставщиков.

Кроме того, при всех неблагоприятных последствиях для американской экономики, для других развитых капиталистических стран сырьевые трудности еще более опасны: если для США импорт энергетического сырья составляет 17% общего потребления, то для ЕЭС — 40, а для Японии — 90%;

---

* См., например: *Heilbroner R. An Inquiry into the Human Prospect. N. Y., 1974, p. 50—51.* Кроме того, при внимательном изучении стала заметна на первый взгляд парадоксальная тенденция к снижению удельного веса импорта в потреблении продукции добывающей промышленности в США. См., например: *Varon B., Takeuchi K. Op. cit., p. 500.* По подсчетам советского экономиста А. С. Зелтыня, доля импорта (по всей группе сырья) в потреблении, измеряемая по стоимостным показателям, понизилась с 17% в 1955 г. до 11% в 1965—1970 гг., поднявшись потом к 1975 г. снова — до 28% — в основном из-за резкого повышения цен на нефть; но по многим видам сырья она сократилась в 1,5—2 раза с 1955 по 1970 г. и далее остается без изменения. Это явление объясняется вводом минеральных продуктов более высокой степени обработки, экономичностью современных технологических процессов и иными характеристиками, типичными для высокоразвитой индустрии. См.: *Зелтынь А. С. Проблема обеспечения долгосрочных потребностей США в минеральном сырье. — Приложение к БИКИ, 1978, № 4, с. 14.*

Если общая импортная зависимость США по 19 видам стратегически важного минерального неэнергетического сырья составляет примерно 15%, то для Западной Европы этот показатель равен 75, а у Японии достигает 90%. Импортная зависимость империалистических соперников США гораздо выше, чем у самих Соединенных Штатов (причем по некоторым важнейшим видам сырья и для Западной Европы, и для Японии значительна доля импорта из Соединенных Штатов). Таким образом, неудивительно, что энергетический кризис сильнее ударил по партнерам США, чем по американскому империализму; в конечном итоге США даже относительно укрепили к 80-м годам свои пошатнувшиеся было позиции в межимпериалистическом соперничестве.

И все же после шока «нефтяного эмбарго» в Соединенных Штатах усиленно идут поиски эффективных средств давления на экспортеров сырья, чтобы обеспечить себе надежное и бесперебойное снабжение по возможности в любых условиях, нейтрализовать собственную уязвимость и, наоборот, найти уязвимые места (или создать их!) в позиции своих контрагентов. Рычаг, на который США в послевоенный период более всего полагались, — тот факт, что американские ТНК являются монопольными мировыми поставщиками нефти и ряда видов минерального сырья, — уже не представляется им таким надежным, во-первых, потому что страны — производители сырья встали на путь ограничения всевластия этих монополий, а во-вторых, потому что США испытали на себе «недостаточную лояльность» ТНК, больше думающих о собственных прибылях, нежели о патриотических чувствах.

В начале 1978 г. Главное контрольно-финансовое управление США выпустило специальный доклад, посвященный необходимости максимизировать «неэнергетические» рычаги внешнеполитического влияния США на ОПЕК и других экспортеров сырья, чтобы ликвидировать американскую уязвимость. Авторы доклада считают, что США следует сильнее дать понять экспортерам сырья, в какой зависимости те находятся от США в области внешней торговли, передачи технологии, торговли продовольствием, торговли оружием; что касается США, то этих рычагов должно быть достаточно для создания «позиции силы» по отношению к ОПЕК и др.¹⁰³

Тот факт, что некоторые развивающиеся страны — экспортеры сырья (например, Перу, Чили, Венесуэла) сильно привязаны к американскому сельскохозяйственному экспорту, породил в США надежды на то, что в условиях обострения мировой продовольственной проблемы экспорт продовольствия может стать мощным орудием политического влияния.

В годы республиканской администрации президент Форд и министр сельского хозяйства в его правительстве Э. Батс широко использовали ими же созданный термин «агросила»*; в академических кругах стали было даже разрабатываться планы создания «зернового ОПЕК» — картеля в составе США и Канады, т. е. двух стран, на долю которых приходится 90% мирового экспорта зерна. В некоторых кругах получил популярность лозунг «бушель пшеницы за баррель нефти». Комментируя этот лозунг во время выступления в Детройте 17 июля 1979 г., президент Картер тоже вполне согласился с установлением прямой зависимости между поставками нефти Соединенным Штатам и американскими поставками пшеницы в обратном направлении, но был вынужден с явным сожалением констатировать, что у США нет физической возможности использовать продовольственный рычаг против стран ОПЕК, ибо эти страны, будучи малонаселенными, вполне могут удовлетворить свою потребность в зерне даже с помощью «какой-нибудь маленькой европейской страны», и это вынуждает Вашингтон прийти к выводу: «Наказать их мы не в состоянии».

Продовольственный рычаг нередко использовался Соединенными Штатами в прошлом: с его помощью США во второй половине 60-х годов пытались воздействовать на Индию, дабы изменить ее позицию в отношении американской агрессии во Вьетнаме; «наказали» Ямайку за повышение цен на бокситы, экспортируемые в США; добились от Южной Кореи уступок в торговле текстильными изделиями и т. п. В том же 1973 г. США приготовились ответить арабским странам продовольственным контрэмбарго и отказались от этого плана лишь потому, что убедились в мизерности американского продовольственного экспорта в эти страны, а следовательно — невозможности нажима.

Продовольственный рычаг, несомненно, останется и далее в арсенале американской внешней политики, но более трезвые исследователи стремятся умерить оптимизм некоторых американских политических деятелей в отношении его эффективности: если, например, взять экспорт американского зерна, то хотя он и составляет действительно примерно половину всего мирового экспорта зерна, но в мире за счет торговли зерном удовлетворяется лишь 12% потребностей (ос-

---

* Форд откровенно говорил: «Продовольственные ресурсы должны не только служить гуманитарным целям, но и способствовать претворению в жизнь внешней политики США» (интервью представителям радиостанции в Техасе 24 апреля 1976 г.).

тальные — за счет внутреннего производства). Следовательно, США контролируют только 6% мирового потребления зерновых (по контрасту: нефтяной экспорт из стран Персидского залива тоже составляет половину мирового экспорта нефти, но это одновременно треть всей добываемой нефти в мире)¹⁰⁴, что сильно ограничивает имеющиеся у США возможности силового давления.

Среди открытых для США способов «привязки» к себе экспортеров сырья авторы уже упоминавшегося обзора «Морган гаранти» самыми важными считают два — огромный американский рынок и американскую технологию¹⁰⁵. Аналогичного мнения придерживаются Варон и Такеучи, которые подчеркивают, что молодые государства испытывают острую нужду в технологии как для общих нужд собственного развития, так даже и для совершенствования добычи того самого сырья, которым они сильны; причем если капиталы им могут предоставить «богатые» развивающиеся страны, то «ноу-хау» все же придется искать у промышленно развитых стран¹⁰⁶. Теперь в отношении богатых нефтедобывающих стран добавился еще один рычаг, о котором мы уже писали в параграфе об экспорте капиталов, — дельцам из этих стран нужен надежный, стабильный рынок для помещения своих огромных капиталов, и США, а также и другие развитые капиталистические страны как раз и стали сферой приложения этих капиталов. Таким образом, нефтедолларовые инвестиции оказываются «заложниками» в руках американского государства, что выявилось со всей остротой, когда США заморозили иранские авуары в ответ на захват американского посольства в Тегеране в 1979 г.*

Одновременно США в 70-е годы стали делать ставку на создание «особых отношений» с наиболее важными для себя развивающимися странами, используя при этом специфическую форму насаждения зависимости — поставки военной техники такой сложности, что она не может эксплуатиро-

---

* Особенно примечательно, что из 12 млрд. долл. замороженных иранских авуаров около половины — 5,6 млрд. долл. вкладов и ценных бумаг — находились не на территории США а в распоряжении зарубежных филиалов американских банков, теоретически подчиняющихся исключительно законам тех стран, где они расположены, но на деле — в данном случае — беспрекословно выполнивших распоряжение президента США. В финансовом мире это вызвало серьезную тревогу по поводу экстратерриториального действия американских законов, чреватого вмешательством в нормальное функционирование международной финансовой системы ради осуществления корыстных внешнеполитических замыслов США. См.: *Carswell R. Economic Sanctions and the Iran Experience.* — *Foreign Affairs*, 1981/82, Winter, p. 247—265.

ваться без постоянного содействия США. Именно так культивировалась зависимость от США шахского Ирана, и лишь свержение шаха опрокинуло американские расчеты. Сейчас объектом основного нажима со стороны США является Саудовская Аравия (на долю которой приходится свыше $\frac{1}{4}$ добычи нефти во всех странах ОПЕК и 20% американского импорта; более того, запасы нефти у Саудовской Аравии составляют $\frac{1}{5}$ всех разведанных нефтересурсов капиталистического мира). Конечно, ставка была в свое время на то, чтобы тесно привязать к себе как Иран, так и Саудовскую Аравию — тогда США приобрели бы влияние на половину нефтедобычи ОПЕК. Теперь США приходится ограничиться только содействием Саудовской Аравии в поддержании относительно умеренных цен на нефть*. В сентябре 1976 г. газета «Вашингтон пост» опубликовала конфиденциальную записку министра финансов США тогдашнему президенту Форду, с призывом ориентироваться на Саудовскую Аравию, ибо королевская семья лично ему обещала не повышать цен на нефть¹⁰⁷. В июне 1977 г. журнал «Ньюсуик» писал о секретном соглашении, заключенном в 1975 г. Фордом и подтвержденном позднее Картером, по которому Саудовская Аравия обязалась вкладывать половину своих огромных доходов в ценные бумаги американского правительства, а США — обеспечивать поставки Саудовской Аравии современных вооружений и прочую военную помощь «против любой угрозы»¹⁰⁸.

Надо, однако, сказать, что в проблеме сырья беспокойство у США вызывают не только развивающиеся, но и развитые страны. Дело в том, что, хотя США и обладают определенной выгодной позицией по сравнению с ними, большая зависимость Западной Европы и Японии от стран-производителей сырья может вынуждать ближайших союзников США солидаризироваться отнюдь не со своим старшим партнером (и это уже проявилось в период «нефтяного эмбарго» 1973 г. и в ходе иранской революции), а с поставщиками сырья в ущерб американским интересам.

Стремясь предотвратить проведение «сепаратных» курсов и противопоставить развивающимся странам единый фронт развитых капиталистических стран (и тем самым усилить позицию империалистического лагеря в целом, но и ослабить свободу маневра каждого из своих союзников-конкурентов в

---

* По оценкам специалистов, Саудовская Аравия может себе это позволить — она не очень заинтересована в росте цен, ибо ее доходы намного выше расходов, а разведанные запасы нефти очень велики.

отдельности), США сразу же предприняли попытку создать — под своим, естественно, руководством — новый блок развитых капиталистических стран, специально для противостояния развивающимся государствам. «Одним из самых блестящих успехов американской внешней политики» назвал президент Форд создание в 1974 г. Международного энергетического агентства, включившего все развитые капиталистические страны — основных потребителей минерального промышленного сырья. МЭА планировалось как орган проведения совместной политики ограничения спроса и экономии запасов нефти, разработки альтернативных источников энергии, сотрудничества в области НИОКР и усиления взаимодействия в валютно-финансовой области, а также как координатор распределения наличных ресурсов в условиях кризиса.

Но в рамках МЭА острые противоречия между его членами разрешить не удастся (не удастся даже окончательно договориться об импортных квотах для каждой страны); они то и дело переходят в политическое столкновение и становятся одной из постоянных тем, обсуждаемых главами государств и правительств развитых капиталистических стран на ставших регулярными «экономических» встречах на высшем уровне. Например, токийская встреча «большой семерки» (США, Англии, ФРГ, Франции, Италии, Канады и Японии) была почти полностью посвящена проблеме энергетике, хотя и на этом уровне единство мнений свелось к констатации необходимости экономить нефть (кому и сколько — это совсем другой вопрос) и к единодушному осуждению ОПЕК.

Декларация токийского совещания была прямо направлена против ОПЕК; «неоправданное» повышение цен, говорилось в документе, «будет иметь серьезные экономические и социальные последствия. Оно означает усиление инфляции в мире и уменьшение темпов роста. Это приведет к увеличению безработицы и усугублению трудностей с платежными балансами и поставит под угрозу стабильность как в развивающихся, так и в развитых странах мира». Это можно понять — дешевая энергия, в основе которой лежала скупаемая за бесценок нефть, была действительно одним из «столпов» высоких темпов развития и потребительского бума, отмечавшегося в ряде развитых капиталистических стран в 50-е и 60-е годы; выравнивание странами ОПЕК цен на нефть в соответствии со стоимостью импортируемых ими промышленных товаров и продовольствия нанесло удар капиталистической экономике, подточенной к этому времени серьезным циклическим кризисом и рядом структурных кризисов.

Но повышение цен, на которое так бурно реагировали в Токио, было вызвано не столько желаниями ОПЕК, сколько быстрым ростом потребления нефти в западных странах и политической накоплением ее запасов. Так, после «первого звонка» в 1973 г. США увеличили свой импорт на 40% вместо сокращения, а за один лишь 1978 г., как теперь

признают американские же специалисты, западные страны увеличили свои стратегические запасы на 500 млн. баррелей (Fortune, 1980, July 14, p. 67), в том числе США имеют запас нефти на 100 дней (Time, 1980, Oct. 13, p. 102), резко взвинтив рыночные цены на нефть (на рынке Роттердама, например, летом 1979 г. цены на нефть были искусственно раздуты вдвое выше тогдашней официальной цены ОПЕК). Таким образом, как теперь признает «Форчун», один из самых авторитетных в мире журналов деловых кругов, «постоянство, с которым цены на местах превышали цену картеля... является неопровержимым свидетельством того, что необузданный спрос, а не диктат картеля был главной причиной роста цен» (Fortune, 1980, July 14, p. 67).

К этому следует еще добавить, что «необузданный спрос» был в значительной мере делом рук США, поскольку в мае 1979 г. Вашингтон — без всяких консультаций в рамках МЭА или где-либо еще — ввел специальную субсидию за каждый баррель импортируемой нефти. А журнал «Тайм» в это же время в адрес стран ОПЕК писал о «тирании самого жестокого картеля в истории» (Time, 1979, July 9, p. 23).

Попыткам каким-то образом выработать общую сырьевую стратегию «Севера» посвящены и многие усилия Трехсторонней комиссии. Так, в 1974 г. вышел доклад под названием «Энергетика: императив трехстороннего подхода», чуть позже — «Энергетика: стратегия международных действий»¹⁰⁹. В 1976 г. увидел свет готовившийся два года доклад рабочей группы по проблемам сырья под характерным названием «В поисках нового согласия на мировых рынках сырья»¹¹⁰. Уже с самых первых строк становится очевидна идейная направленность этого доклада — внушить странам-экспортерам сырья, что их судьба неразрывно связана с судьбой развитых капиталистических стран в силу «базовой общности интересов» и эта «общность» позволит заключить «новую сделку между импортерами и экспортерами сырья». «Элементы этой сделки, — говорится в докладе, — должны отражать интересы ввозящих сырье государств с точки зрения обеспечения доступа к сырью и предсказуемой среды для капиталовложений в дальнейшее расширение производства сырья; и она должна также отражать заинтересованность экспортирующих сырье стран (показательно, что они везде стоят на втором месте! — *И. Ш.*) в доступе к рынкам и в стабильности доходов от экспорта»¹¹¹. Не менее показательно, что авторы доклада считают «главным вызовом» для стран «треугольника» задачу «более полно интегрировать неразвитые в промышленном отношении государства, экспортирующие сырье, в мировую экономическую (капиталистическую, естественно. — *И. Ш.*) систему»¹¹². Это, действительно, главная политическая задача, которую ставят перед собой Соединенные Штаты Америки в отношении развивающихся государств, — найти способы надежно обеспечить их развитие по капита-

листическому пути, прочно сохранить их в орбите империализма.

Неудивительно, что рекомендации Трехсторонней комиссией очень мало напоминают принятую VI специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН Программу действий по установлению нового международного экономического порядка; они продолжают линию, начатую задолго до нефтяного кризиса, линию, четко выраженную в уже упоминавшемся «докладе Пирсона»¹¹³. Главная мысль доклада Пирсона состояла в том, что надо избежать коренной перестройки капиталистической мирохозяйственной системы, пойдя по пути отдельных реформ и преобразований. Например, говорилось о необходимости стабилизации торговли сырьевыми товарами, о расширении финансовой помощи освободившимся странам через международные организации, облегчении условий займов и кредитов и т. п.; главная роль «в развитии» отводилась, конечно, частному капиталу. Приблизительно о том же говорят и эксперты Трехсторонней комиссии и собственно американские специалисты. Те международные организации, к созданию которых сейчас призывают Соединенные Штаты — Международный сырьевой банк, Международный инвестиционный трест, Международный энергетический институт*, — объективно служат в большей степени интересам

---

* В соответствии с американскими предложениями задача Международного сырьевого банка и Международного инвестиционного треста состоит в мобилизации капиталов в целях более активной эксплуатации топливно-энергетических ресурсов развивающихся стран «под международные гарантии» от национализации. Позднее США предложили расширить функции Международного сырьевого банка и использовать его для обеспечения притока в развивающиеся страны необходимого оборудования, научно-технических и управленческих кадров. Международный энергетический институт призван давать оценку энергетических ресурсов и потребностей всех стран, помогать развивающимся государствам в более эффективном использовании энергии, готовить специалистов-энергетиков для отдельных стран и региональных организаций. Центральная рекомендация рабочей группы по проблемам сырья Трехсторонней комиссии состоит в призыве создать международный информационный и исследовательский центр для оценки потребностей в сырье и для прогнозирования возможных сырьевых проблем и т. п. Очевидно, что все эти предложения идут исключительно в одном направлении — упорядочения доступа к сырью для развитых капиталистических стран. При всей, казалось бы, субъективной доброжелательности в том же ключе выдержан и доклад Римскому клубу, подготовленный группой под руководством Я. Тинбергена, где по сути содержится призыв к частичному отказу от национального суверенитета и подчинению системе глобального планирования и управления. См.: *Tinbergen J. Reshaping the International Order. A Report to the Club of Rome. N. Y., 1976.*

развитых капиталистических государств, поскольку все они призваны поставить под международный контроль, а отчасти и управление материальные потоки, идущие из развивающихся стран в развитые, а не наоборот, за счет чего и достигается стабильность обеспечения сырьем развитых капиталистических стран.

И все же в заключение приходится констатировать, что при всей необратимости произошедших перемен и общего политического курса, взятого развивающимися странами в 70-е годы, Западу, Соединенным Штатам на сегодня удается осуществлять задуманную ими «привязку» молодых государств, об этом свидетельствует уже хотя бы одно то, что максимальное общее требование развивающихся стран — требование создать какой-то определенный механизм перераспределения мирового общественного продукта в их пользу — все-таки мыслится в рамках прежних, капиталистических мирохозяйственных связей и в их же категориях.

4.

Экономическая помощь

Инструмент экономической помощи в послевоенный период традиционно занимает видное место в арсенале американской стратегии на международной арене, являясь одновременно и средством внешнеэкономической экспансии, и важным внешнеполитическим рычагом. По существу экономическая помощь как институт родилась после второй мировой войны в обличи «плана Маршалла», нацеленного на быстрое восстановление позиций капитализма в измотанных войной европейских странах. В период действия «плана Маршалла» экономическая помощь осуществлялась в широких масштабах и в 1949 г., например, составляла 2% ВВП США¹¹⁴. С тех пор размеры помощи уже не достигали более никогда таких масштабов, но зато она была институционализирована и заняла прочное место во внешнеполитическом механизме страны. Осуществление «помощи развитию» — т. е. экономической помощи, ориентированной на молодые, освободившиеся государства, — было одной из официальных целей провозглашенной в 1949 г. «программы Трумэна», — впрочем, начавшаяся вскоре военная авантюра США в Корее быстро переключила внимание Вашингтона с экономической на военную «помощь». После корейской войны программы экономической и технической помощи были возобновлены (к ним добавились поставки продовольствия по закону 480 — принятому конгрессом США в 1954 г. закону о развитии

сельскохозяйственной торговли и помощи); в годы президентства Дж. Кеннеди, придававшего большое значение отношениям США с развивающимися странами, доля экономической помощи составила 0,6% ВВП США¹¹⁵, в те же годы было создано Управление международного развития (УМР), взявшее на себя координацию и осуществление разнообразных программ технической помощи, субсидий и т. п., была провозглашена пышная программа для Латинской Америки — «Союз ради прогресса», подававшаяся администрацией как аналог «плана Маршалла» для Латинской Америки*, и т. п.

Затем, однако, объем американской экономической помощи начал сокращаться (хотя сложившийся бюрократический механизм остался практически без изменений). В 1971 г. доля помощи составила 0,31% ВВП США, в 1979 г. — 0,22%. Таким образом, США далеко не дотягивают до установленной в 1972 г. на III сессии ЮНКТАД в Сантьяго цифры оптимального объема финансовых ресурсов, которые должны направляться на цели помощи освободившимся странам, — 1% от ВВП стран-доноров, в том числе не менее 0,7% ВВП за счет экспорта льготных межгосударственных займов с максимальной долей безвозвратных субсидий. По абсолютным показателям США остаются крупнейшим донором, хотя по доле ВВП занимают одно из последних мест среди развитых капиталистических стран. С учетом инфляции и падения обменного курса доллара с 1970 г. вообще началось сокращение реальной стоимости государственной помощи США.

Произошло не только сокращение масштабов помощи, но и значительное ужесточение условий займов и кредитов, которые США (и находящиеся под большим их влиянием

---

* «Я призываю все народы полушария, — говорил Кеннеди, — объединиться в новом союзе ради прогресса... огромном совместном усилии, беспрецедентном по своему размаху и благородству целей, чтобы удовлетворить основные нужды американских народов в жилище, работе и земле, в здравоохранении и образовании... Если страны Латинской Америки готовы сделать свою часть работы... я верю, что Соединенные Штаты, со своей стороны, помогут обеспечить ресурсы достаточного размаха и величины, чтобы принести успех этому смелому плану развития, точно так же как мы помогли... восстановить экономику Западной Европы». Изобилие ссылок на пример «процветающей Европы», рассчитанное на то, чтобы вызвать прилив энтузиазма в Латинской Америке, заодно отражало и близость между целями, которые закладывались в «план Маршалла» и которых хотела бы достичь администрация Кеннеди в 60-е годы, — укреплением устоев капитализма, интеграцией под эгидой США, «сдерживанием коммунизма», упорчением «совместной обороны». См.: American Foreign Policy: Current Documents. 1961. Wash., 1965, p. 344, passim.

международные финансовые организации, такие, как МБРР и МВФ) предоставляют развивающимся странам (повышение процентных ставок по американским кредитам привело к общему удорожанию международного кредита в 1970—1977 гг. с 5,3 до 7%, и эта тенденция продолжается).

К середине 70-х годов стало очевидно, что институт американской экономической помощи переживает глубокий кризис: с одной стороны, Вашингтон стал все чаще убеждаться в неэффективности своей помощи, неспособности получить путем применения этого инструмента те политические выгоды, на которые делался расчет; с другой стороны, в развивающихся странах тоже увеличился скептицизм в отношении полезности для них экономической и финансовой помощи, которую они получали от США и других империалистических держав. Ряд стран к концу 60-х годов перешел к политике большей опоры на собственные силы, придя к выводу, что помощь Запада — слишком ненадежное средство содействия развитию: во-первых, донор может прекратить ее в любую минуту в соответствии с собственными желаниями; во-вторых, чисто экономическая эффективность этой помощи не столь велика; в-третьих, она вынуждает получающее государство принимать политические обязательства по принципу «услуга за услугу». Особенно заметно стало изменение отношения к помощи в латиноамериканских странах, где среди общественности широко распространилось неприятие той политической и экономической зависимости, которую влечет нередко помощь США*. Да и в целом в 70-е годы развивающиеся страны перешли от разрозненных действий, касавшихся отдельных аспектов их хозяйственного развития, к акциям глобального масштаба, имеющим целью не вырвать те или иные подачки у империалистов, а добиться перестройки всей системы международных экономических отношений на справедливых, демократических началах.

В силу всех этих причин со второй половины 70-х годов наметились сдвиги в общей «философии» американской экономической помощи, чтобы все-таки сохранить ее как «гибкое оружие дипломатии» (слова президента США Дж. Форда

---

* В определенных латиноамериканских кругах распространилось даже мнение, что экономическая и научно-техническая отсталость менее унижительна и потому предпочтительнее, чем зависимость от США. Этот тезис пронизывает, в частности, все работы крупного латиноамериканского экономиста О. Сункеля. См., например: *Sunkel O. Big Business and «Dependencia»: A Latin American View.*— *Foreign Affairs*, 1972, Apr., p. 517—531.

в бюджетном послании от 3 февраля 1975 г.). Подход Кеннеди—Джонсона характеризовался опорой на концепцию «экономического роста» (страна—получатель помощи при посредстве американского «толчка» должна была перейти к обеспечению «самоподдерживающегося экономического роста», что носило на себе явную печать воздействия на умы американских теоретиков и политиков «теории стадий» У. Ростоу), причем «толчок» должен был состоять не только в инвестиционных инъекциях, но и в подсказке «правильных» социально-политических и культурных реформ. «Реформистский» крен призван был предотвратить радикальные преобразования в развивающихся странах по социалистической модели и одновременно снять остроту социальной напряженности, ибо иначе, как говорил президент Л. Джонсон, «эти страны превратятся в котел насилия и ненависти, в них будут подготовлены условия для революции, которыми воспользуется коммунизм»¹¹⁶.

Однако к началу 70-х годов под воздействием разных факторов, и прежде всего в результате провала американской авантюры во Вьетнаме, наступил период «снижения профиля» в отношениях США с развивающимися странами, общего разочарования в возможностях тесного взаимодействия с ними. Официально объясняя такой поворот, президент Никсон говорил о том, что-де «новые нации достигли самоопределения и обрели уверенность в себе. Они способны самостоятельно действовать на международной арене. Они сами могут взять на себя большую долю ответственности за свою безопасность и благополучие»¹¹⁷. Этот период характеризовался желанием США снизить свою общую вовлеченность в дела этих стран, повысить локальные и региональные роли «партнеров», оставив за собой максимальную свободу рук и избирательность в применении собственного силового инструментария; в том числе произошел и пересмотр программ помощи в направлении оказания ее лишь наиболее «доверенным лицам» (остальных призвали к «самопомощи»), причем доля экономической помощи сократилась, а военной помощи — «помощи безопасности» — возросла.

Надо сказать, что в этот период у вашингтонских политиков немалые надежды были связаны с их замыслом — добиться от Советского Союза согласия на «игру по американским правилам», т. е. готовности подключиться к противостоянию развитых капиталистических стран против развивающихся на идеологизированной, аполитизированной основе. Если такую цель удастся реализовать, полагали американские теоретики типа Киссинджера, Соединенные

Штаты решили бы целый ряд задач. Во-первых, стабилизировали бы статус-кво в развивающихся странах, поскольку его «будут гарантировать» и Запад, и Восток в лице СССР; учитывая, что этот статус-кво проамериканский (ввиду мощных позиций американского капитализма в развивающихся странах), в Вашингтоне надеялись добиться стабилизации на более выгодных для себя условиях. Во-вторых, США таким образом вознамерились установить «новый мировой порядок», основанный на закреплении неравноправного разделения труда между индустриальным Севером и аграрно-сырьевым Югом, если не при участии СССР на стороне Севера, то по крайней мере при его нейтралитете (поскольку Советский Союз не захочет «поставить под угрозу разрядку»). США к тому же рассчитывали попытаться оторвать СССР и другие социалистические страны от национально-освободительных движений, лишит последние получаемой ими помощи и поддержки. Сколь ни беспочвенны были эти замыслы, сколько ни разъяснял Советский Союз, что разрядка не может быть гарантией социального статус-кво в мире, такие выкладки входили в общую внешнеполитическую схему республиканцев.

Однако тезис о «снижении профиля», не успев укорениться, был подвергнут спешному пересмотру в середине 70-х годов, после нефтяного эмбарго арабских государств в период октябрьской войны 1973 г. на Ближнем Востоке, после решения ОПЕК повысить цены на сырую нефть, выступления развивающихся стран единым блоком на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 1974 г. Все эти события опровергли тезис о снижении роли развивающихся стран для американской внешней политики; теперь стало ясно, что не только развивающийся мир зависит от США, но и США зависят от развивающихся стран, а потому обострение конфронтации с ними может принести большой урон «национальным интересам» США. Новая, демократическая администрация Дж. Картера пришла в Белый дом в 1977 г., декларировав «взаимозависимость» в отношениях не только с союзниками, но и с развивающимися странами. При этом было высказано намерение повысить место развивающихся стран в системе внешнеполитических приоритетов США едва ли не до уровня отношений с основными капиталистическими партнерами Вашингтона, чтобы более надежно интегрировать развивающиеся страны в капиталистическую систему.

Хотя впоследствии, к началу 80-х годов, многие обещания относительно более интенсивного содействия развитию моло-

дых государств оказались преданными забвению, программы экономической помощи были в числе тех проектов, которые действительно получили при демократической администрации большее внимание; причем при Картере не просто произошло некоторое оживление помощи, но и вернулись на передний план идеи социального реформизма, в значительной мере созвучные идеям периода Кеннеди⁴.

В весьма авторитетном обзоре проблем и дальнейших перспектив экономической помощи, авторами которого являются сотрудник госдепартамента Ч. Фрэнк и экономист «Ферст нэшнл бэнк оф Чикаго» М. Бэрд, выдвигаются четыре возможные цели оказания помощи развивающимся странам: решение собственных проблем национальной безопасности; выполнение гуманитарного долга перед менее «удачливыми» странами и народами; получение экономических выгод за счет, во-первых, открытия доступа к соответствующим рынкам в развивающихся странах на благоприятных для себя условиях и (или), во-вторых, обеспечения себе доступа к источникам сырья в развивающихся странах по выгодным ценам; получение дипломатических выгод, в том числе за счет подъема национального престижа и силы¹¹⁸. Анализируя прошлое американской помощи, Фрэнк и Бэрд констатируют, что в 50-е и в начале 60-х годов Вашингтон всегда мотивировал помощь соображениями национальной безопасности: «Довольно примитивный набор проникнутых идеями холодной войны антикоммунистических аргументов использовался для того, чтобы обосновать большую часть экономической и военной помощи имеющим важное для США стратегическое расположение государствам, как Турция, Греция, Иран, Пакистан, Тайвань»¹¹⁹. Позднее, пишут авторы, мотивировка стала изощреннее:

---

* В этом смысле характерно, что вновь, как и при Кеннеди, стали часто вспоминать «план Маршалла» и призывать брать его за образец. См., например: *Newsweek*, 1977, June 13, p. 42. Видимо, вообще есть основания считать, что для демократических администраций в США характерно проявление большей активности в плане оказания государственной помощи, причем эта активность сочетается и с откровенным политическим давлением в направлении социального реформизма. Если же политические процессы в соответствующих развивающихся странах не идут в желательном для США направлении, вашингтонские администрации — как демократы, так и республиканцы — довольно легко переходят грань откровенного вмешательства, вплоть до военного. При этом республиканцы, в силу идеологических причин, более сдержанно относятся к идее экономической помощи по государственной линии, пытаются сильнее опираться на частный сектор. Разумеется, эти различия нельзя преувеличивать, но они все же имеются.

«Экономическая помощь преподносилась конгрессу и широкой общественности не под тем предлогом, что она-де повлечет немедленное и откровенное квипрокво в виде признания американского главенства в области безопасности. Аргументация обычно сводилась к тому, что помощь-де повлечет за собой ускорение экономического развития, которое, в свою очередь, будет сопровождаться ростом стабильных, демократических правительств, а существование таковых будет содействовать миру и сотрудничеству между народами...»¹²⁰. При распределении помощи не должны были учитываться такие краткосрочные политические критерии, как, например, попытка повлиять на переговоры по поводу воздушной базы или на голосование в Организации Объединенных Наций, однако, констатируют авторы, обычно дело обстояло иначе, и экономическая помощь прежде всего шла военным союзникам Соединенных Штатов в дополнение к военной помощи.

Что касается гуманитарных соображений, то они в американской экономической помощи играли весьма второстепенную роль. Напротив, соображения собственной экономической выгоды США всегда учитывали. Фрэнк и Бэрд тут прежде всего отмечают принятие закона 480 «как удобного способа сократить большие продовольственные излишки, скопившиеся в США, хранение которых обходилось чрезвычайно дорого и наличие которых имело тенденцию отрицательно влиять на внутренний американский рынок»; авторы отмечают и то, что, пока США это не было слишком невыгодным, они соглашались с оплатой этих продовольственных поставок в местной валюте, позднее же, во второй половине 60-х годов, по мере того как обнаруживались трудности с собственным платежным балансом, США потребовали оплаты поставок продовольствия в твердой валюте, окончательно переведя всю программу в чисто коммерческое, а не благотворительное мероприятие.

К этому можно добавить, что экономическая заинтересованность США отнюдь не ограничивается действием закона 480 (ныне функционирующего в виде программы «Продовольствие для дела мира»); тут авторы слишком многого не договаривают. Прежде всего вплоть до 1973 г. не менее 90% средств по американским программам помощи должно было быть реализовано на покупку американских же товаров и услуг (после 1973 г. эта цифра снижена до 50%, что тоже немало, но фактически и в 1978 г. более 80% средств, полученных развивающимися странами в счет американской помощи, было израсходовано на закупки в

США *. По поводу подобных операций В. И. Ленин писал в свое время, что финансовый капитал, использующий вывоз капитала для форсирования экспорта товаров, «дерет две шкуры с вола: во-первых, прибыль с займа, во-вторых, прибыль с того же займа, когда он идет на покупку изделий...»¹²¹.

Заинтересованность американских компаний в осуществлении программ экономической помощи признавалась как в выступлениях политических деятелей, так и на страницах широкой печати. «Программа помощи,— писала газета «Интернешнл геральд трибюн»,— обеспечивает американским производителям ежегодный сбыт на сумму около 1 млрд. долл., дает американским пароходным компаниям около $\frac{1}{4}$ всех их перевозок и предоставляет различным научно-исследовательским и техническим организациям, как частным, так и государственным, контракты за границей почти на 600 млн. долл.»¹²²

И еще следует подчеркнуть — а в условиях сегодняшнего дня, пожалуй, и поставить едва ли не на первое место в иерархии экономических интересов — присутствующее, но не развитое у Фрэнка и Бэрд упоминание о сохранении привилегированного доступа к источникам сырья.

Так что в целом не стоит недооценивать экономическую выгоду для самих же Соединенных Штатов той помощи, которую они оказывают развивающимся странам **. Но все же, представляется, не такой непосредственной выгодой определяется роль помощи во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов. Фрэнк и Бэрд, не заостряя на этой теме особого внимания, говорят о том, что «большая часть американской программы помощи, особенно техниче-

---

* Такое условие лишает развивающиеся страны возможности выбирать себя более выгодных поставщиков и позволяет монополиям развитых капиталистических стран завышать цены на поставляемые товары; по подсчетам экономистов, потери стран-получателей составляют в среднем $\frac{1}{5}$ получаемых сумм.

** К. Н. Брутенц, исследуя проблемы освободившихся стран, приходит к выводу о том, что государственная помощь развитию, предоставляемая США развивающимся странам на двусторонней основе и через международные организации, почти равна на деле сумме одних лишь вывезенных из развивающихся стран доходов американского частного капитала от его прямых инвестиций в этих странах; например, за 1966—1976 гг. сумма переведенных из развивающихся стран доходов от прямых частных инвестиций составила 37 070 млн. долл., а общая сумма государственной помощи развитию — 37 650 млн. долл. См.: Брутенц К. Н. Указ. соч., с. 92—93. Это «совпадение» заслуживает внимания!

ской помощи, нацелена на то, чтобы распространять американский образ действий и американский подход к проблемам»¹²³. Вот это ценнейшая системная, идеологическая функция помощи в глазах практиков американской внешней политики — помощи как средства удержания и закрепления в капиталистической орбите молодых освободившихся государств*.

В этом смысле главным новшеством, главным сдвигом в политике экономической помощи во второй половине 70-х годов стал отход от постановки макроэкономических задач (типа увеличения ВВП) и переключение внимания и ассигнований со строительства промышленных объектов и инфраструктуры на расширение сельскохозяйственного производства для решения продовольственной проблемы и также на развитие сельских районов. По мнению Вашингтона, такая корректировка подхода способствует определенной стабилизации экономической жизни в развивающихся странах, а потому делает их менее «взрывоопасными» с точки зрения накопления внутренних социальных антагонизмов (пользуясь словами одного журналиста, Вашингтон хотел бы осуществить «зеленую революцию вместо красной»); одновременно развитие аграрных районов, по расчетам американских социологов, должно сопровождаться формированием более обширных «средних слоев» в населении развивающихся стран, прослойки хозяев средней руки, т. е. буржуазного элемента (что же касается развития промышленности, то тут полная свобода действий предоставляется частному капиталу и в смысле выбора отраслей, и в смысле темпов и т. п.)**.

---

* Чуть под другим углом, но в том же ключе объясняет цели американской помощи развивающимся странам американский исследователь Р. Уолтерс: «Предоставление экономической помощи США диктуется политическими целями, желанием получить больший доступ к принятию решений в правительственных сферах развивающихся стран. В этом смысле экономическая помощь выполняет функцию смазочного вещества, облегчающего или делающего возможным осуществление американской дипломатии...» (*Walters R. American and Soviet Aid. Pittsburgh, 1970, p. 12*).

** Английский журналист У. Шоукросс, автор нашумевшей книги «Вставной номер. Киссинджер, Никсон и гибель Камбоджи», вышедшей в 1979 г., прямо пишет о серьезных последствиях для социальной структуры страны, которые может повлечь за собой массивная американская помощь. В Камбодже к 1963 г. американская помощь, экономическая и военная, давала 14% годового дохода страны и составляла около 30% военного бюджета. Однако главным Шоукросс считает то, что в результате этой помощи в экономике страны создан искусственный анклав, зависевший только от американских денег,

Той же цели ослабления социальных антагонизмов служит и принятие еще в законах о помощи США иностранным государствам в 1973 и 1975 гг. доктрины «новых направлений» — выделение большей части помощи на удовлетворение «основных человеческих потребностей» — в пище, жилье, медицинском обслуживании, образовании, работе.

«В последние годы, — говорилось в докладе экспертов комиссии по ассигнованиям палаты представителей США в связи с обсуждением программ помощи на 1980 г., — в планировании развития произошли серьезные сдвиги акцентов как в стратегии, так и в подходе к проблеме бедности. Теперь упор делается на проекты „нового типа“ в порядке попытки непосредственно воздействовать на бедные слои. Эти новые проекты * сосредоточены на улучшении базовых показателей — таких, как производство продуктов питания, занятость, доходы, здравоохранение, обеспеченность жильем, развитие сельских районов, общее развитие человеческих ресурсов, для того чтобы более эффективно удовлетворять основные человеческие потребности бедняков»¹²⁴. В последние же годы американские специалисты стали делить развивающиеся страны на страны со «средним» доходом («третий мир») и страны с «низким» доходом («четвертый мир»), и доля помощи, направляемой последней группе стран, заметно возросла, что тоже отражает обеспокоенность Вашингтона накоплением «социального динамита» в регионах развивающихся стран.

и родилась значительная прослойка людей, у которых создалось «новое средоточие привязанности, не имевшее никакого отношения к национальному правительству», что в конечном итоге оказало прямое разрушительное воздействие на правительственный авторитет и власть в стране. См.: *Shawcross W. Sideshow. Kissinger, Nixon, and the Destruction of Cambodia. N. Y., 1979, p. 58—60.*

Надо сказать, что чиновники американских ведомств, занимающихся оказанием экономической помощи, прямо говорят, что местные правительства нередко с тревогой следят за программами, имеющими социальную направленность, опасаясь утратить контроль за ходом событий даже в собственном государственном секторе. См., например: *Foreign Assistance and Related Programs Appropriations for 1980. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives, 96th Congress, 1st session. Wash., 1979, pt. 1, p. 87.*

* Правда, в том же докладе отражено и довольно скептическое отношение к возможной эффективности подобных программ. По словам сотрудника одной из международных финансовых организаций, «много денег затрачивается на проекты нового типа, но не существует никаких реальных свидетельств того, что эти средства достигают беднейших из бедных, или того, что достигаются поставленные долгосрочные цели» (*Ibid.*, p. 205).

Еще одним примечательным новшеством является увеличение доли займов и кредитов, предоставляемых развивающимся странам не США на двусторонней основе, а международными финансовыми учреждениями (в которых, правда, влияние США доминирует) * — МБРР, МАР (Международная ассоциация развития), МФК (Международная финансовая корпорация).

В 1978 г. США предоставили через международные организации 30% своей помощи по сравнению с 19% в 1968 г. С одной стороны, причина такого переключения — в стремлении США несколько обезличить помощь, якобы деполитизировать ее, чтобы она, продолжая работать на капитализм и непосредственно на американские империалистические интересы, не вызвала бурной антиамериканской реакции, которая в последние годы характерна для целого ряда развивающихся стран. С другой стороны, США делают ставку на то, чтобы сплачивать союзников вокруг себя в противостоянии «третьему миру», ибо сепаратная политика, в том числе и в области оказания помощи, дает дополнительную свободу маневра развивающимся странам и, напротив, ослабляет общие силы Запада. Кроме того, путем сепаратных действий ближайшие капиталистические партнеры США могут попытаться обойти своего старшего партнера, обеспечив себе предпочтительный доступ к сырьевым ресурсам той или иной страны, и США предпринимают усилия для

---

* США активно добиваются и от других развитых капиталистических стран увеличения их вкладов в международных финансовых организациях, и отчасти уже достигли этого. Например, в МБРР доли Японии и ФРГ увеличились до 11% каждая, соответственно доля США сократилась и составляет не 40%, как ранее, а 33,3%, но она все равно настолько велика, что дает США абсолютное право решающего голоса. Вашингтон вполне откровенно высказывается на тему о том, что он намерен сохранить за собой «контрольный пакет» в международных финансовых организациях, чтобы обладать не менее чем 20% акций с правом решающего голоса и тем самым иметь право вето при принятии кардинальных политических решений. См., например: *Ibid.*, р. 30. Дело в том, что при принятии стратегических решений, меняющих цели и уставы этих организаций, требуется согласие 80% держателей акций с правом решающего голоса. Показательно, что даже при обсуждении в таких организациях обычного, рутинного займа американский представитель должен запросить министерство финансов США о том, как ему следует голосовать, чтобы решение не противоречило экономическим интересам США (министерству финансов приходится еженедельно давать такие рекомендации по восьми — девяти проектам займов развивающимся странам через международные финансовые организации, и оно особенно тщательно следит за тем, чтобы эти займы не ущемили интересов американских производителей — экспортеров сахара, цитрусовых, пальмового масла, хлопка, табака).

пресечения конкуренции среди капиталистических стран за лучшие отношения со странами — обладателями сырьевых ресурсов. Наконец, для американских ТНК, оперирующих по всему миру, служат помехой границы региональных торгово-экономических блоков и группировок, и интересы американских ТНК диктуют необходимость подхода, который четко выражен в одном из докладов Трехсторонней комиссии следующим образом: «Мы отвергаем мысль о том, что должна проводиться специальная политика в торговле и оказании помощи, которая привязывала бы Африку к Европе, Латинскую Америку к Соединенным Штатам, а Юго-Восточную Азию к Японии. Это не исключает возможности свободной совместной работы развитых и развивающихся стран одного региона над проектами, основанными на взаимном экономическом интересе.

Что исключается, так это обмен тарифными преференциями между ограниченными группами развитых и развивающихся стран или же предоставление военной и экономической помощи в обмен на первоочередной доступ к сырью. Только система, основывающаяся на многосторонних программах помощи и многосторонних торговых уступках, может предотвратить подобное развитие событий и служить долговременным интересам всех сторон»¹²⁵.

Активные усилия США по привлечению более крупных взносов со стороны стран — членов ОПЕК для оказания многосторонней помощи через международные финансовые организации тоже объясняются в значительной мере желанием потеснее привлечь их к сотрудничеству с Западом, интегрировать в свою «игру», чтобы на всякий случай не дать выступать в качестве альтернативного источника капиталов для развивающихся стран.

Однако, разумеется, США не намерены всю помощь производить по международным каналам — это лишило бы их собственного рычага политического нажима. Именно поэтому американские специалисты по проблемам помощи рисуют примерно такую схему: общая гуманитарная помощь и «помощь развитию» должны оказываться главным образом по линии ООН, ее специализированных организаций, МБРР, региональных банков; экономическая помощь должна главным образом идти через международные организации капиталистического мира типа МВФ, а сами США должны иметь в руках средства «стратегического воздействия» (термин Фрэнка и Бэрд), что означает не только военную помощь, но и безвозмездные субсидии, бесплатные поставки продовольствия, которыми можно гибко манипулировать в конкретных

политических целях, откровенно «покупая» выгодное для США поведение.

Вот почему параллельно с ужесточением общей кредитной политики Запада наблюдается, казалось бы, и противоположная тенденция — увеличение доли субсидий в общей сумме собственно американской помощи и сокращение доли займов (если в 1965 г. субсидии составляли 53,2% помощи, займы — 46,8, то в 1978 г. займы составляли 35, а субсидии — 65% *. Это отвечает реализации курса США на более активное использование экономической помощи как средства экстренной поддержки реакционных проамериканских режимов. Именно такого рода манипулирование имел в виду известный американский международник У. Банди, который писал на страницах журнала «Форин аферс», что администрация президента Картера стремилась ** использовать помощь «для достижения целей, включающих в себя едва ли не столь же большой элемент противоборства между Востоком и Западом, что и в годы холодной войны»¹²⁶.

Примером использования такого рода помощи как политического рычага может быть американская помощь Египту, ставшему в конце 70-х годов крупнейшим в мире получателем американской помощи (в 1979 г. Египет получил около 1 млрд. долл., что превышает сумму помощи всем странам Африки и Латинской Америки, вместе взятым). Запрашивая на 1980 г. дополнительно 300 млн. долл. экономической помощи Египту, руководство УМР поясняло на слушаниях в конгрессе, что для Египта установлено льготное общее соотношение между субсидиями и займами 2:1, причем и займы предоставляются на исключительных условиях — сроком на 40 лет и из расчета 3% учетной ставки, — «ибо политическая сторона всей этой программы состоит в том, чтобы по-

---

* США — экономика, политика, идеология, 1980, № 8, с. 68. Для сравнения можно вспомнить, что в помощи по «плану Маршалла» займы составляли 20%, а субсидии — 80%. См.: США — внешнеэкономическая стратегия, с. 306.

** Если Банди писал это, так сказать, авансом, в первый год пребывания Дж. Картера в Белом доме, то к концу срока деятельности демократической администрации идеологическая — антикоммунистическая — направленность американской государственной помощи (а не гуманитарные соображения) стала абсолютно очевидной. Комментируя программное публичное выступление государственного секретаря Э. Маски об экономической помощи летом 1980 г., газета «Нью-Йорк таймс» прямо писала: «Речь Маски свидетельствует о возврате к упору на экономическую, социальную и военную помощь как на средство укрепления некоммунистических стран в борьбе против внешних советских или внутренних коммунистических посягательств» (The New York Times, 1980, Aug. 8).

казать египетскому народу, что мир и общий политический курс Садата приносит выгоду»¹²⁷. В целом же Соединенные Штаты, помимо текущей помощи, ассигновали Египту и Израилю около 1,5 млрд. долл. «отступного» за заключение кемп-дэвидских соглашений и обязались ассигновать 13,2 млрд. этим странам на последующие три года*.

Обращает на себя внимание неуклонное увеличение расходов США на оказание развивающимся странам так называемой технической помощи. Во время пребывания в Венесуэле в марте 1978 г. президент Картер прямо сказал, что техническая помощь становится все более важным компонентом программы помощи США.

Следует учесть, что техническая помощь в американском понимании означает помощь в подготовке местных кадров специалистов, а также выполнение для развития страны научно-исследовательских работ и направление туда экспертов и специалистов для консультирования правительственных учреждений. Большинству стран Африки, например, США вообще оказывают именно «техническую» помощь¹²⁸.

«Техническая» помощь предстает в глазах Вашингтона как наиболее отвечающая принципу «стоимость — эффективность»: при небольших затратах** она дает наибольший политический и пропагандистский эффект: она дает возможность, во-первых, глубоко изучить местные условия, в том числе и особенности рынка, сырьевую базу и т. п., что делает ее ценным «предынвестиционным» приемом; во-вторых, она позволяет завязать деловые контакты и оказывать на

---

* Неудивительно, что один из участвовавших в обсуждении конгрессменов с некоторым беспокойством поинтересовался у представителей госдепартамента и УМР, «во сколько же Соединенным Штатам обойдется отказ Израиля от контроля над столь ценной им территорией, как западный берег реки Иордан?!» (см.: Foreign Assistance and Related Programs Appropriations for 1980, pt 1, p. 800).

** Затраты оказываются поистине незначительными, ибо большинство экспертов-консультантов, направленных на места, получают там заработную плату от правительств развивающихся стран (по статистике МБРР, до 6% займов, полученных через этот банк развивающимися странами в 1972—1976 гг., шло на оплату труда консультантов, получавших заработную плату до 8 тыс. долл. в месяц), а подготовка местных кадров осуществляется преимущественно в американских университетах и колледжах, так что выделенные на нее суммы оседают в самой же Америке, причем эти суммы довольно значительны — например, на программу повышения квалификации в американских университетах для 1500 египетских специалистов с высшим образованием на 1979—1981 гг. было ассигновано 35 млн. долл. — См.: Foreign Assistance and Related Programs Appropriations for 1980, pt 1, p. 798.

развивающуюся страну прямое хозяйственное воздействие через экспертов и специалистов, дающих разного рода рекомендации правительству; в-третьих, она обеспечивает далеко идущее политическое и идеологическое воздействие, ибо отводит США важную роль в подготовке правительственно-бюрократической и производственно-управленческой верхушки, т. е. в формировании правящей элиты страны в проамериканском духе (обсуждая, например, в комиссии палаты представителей оказание технической помощи Египту, Дж. Уилер, высокопоставленный чиновник УМР, прямо сказал, что-де США «надеются быть поставщиком руководящих кадров для осуществления программ развития Египта на ближайшие 20 лет») ¹²⁹.

Правда, во второй половине 70-годов в американской технической помощи произошли некоторые изменения — США стали часть средств направлять на создание научно-технической инфраструктуры, оказывать помощь в использовании американской космической техники, развитии водных ресурсов, освоении и использовании Мирового океана. Для приспособления современной технологии к нуждам этих стран США предложили создать ряд международных исследовательских центров и расширить существующие, занятые изучением проблем сельского хозяйства, здравоохранения и образования. На Конференции ООН по науке и технике в целях развития (Вена, август 1979 г.) США заявили о намерении создать новую правительственную организацию для оказания технической помощи развивающимся странам — Институт технического сотрудничества, который будет разрабатывать вопросы, представляющие «общий интерес» для США и развивающихся государств, концентрируя внимание опять-таки на проблемах сельского хозяйства, здравоохранения, образования, а также на глобальных проблемах типа энергетики, развития природных ресурсов, охраны окружающей среды.

В ответ на требования развивающихся стран увеличить объем помощи и облегчить условия ее предоставления Вашингтон, помимо привлечения к институту экономической помощи нефтедобывающих стран — членов ОПЕК, выдвигает тезис «равной ответственности» всех развитых стран, в том числе и социалистических, за то бедственное положение, в котором до сих пор находятся многие народы бывших колоний и полуколоний. Между тем именно Советский Союз последовательно добивается перестройки международных экономических отношений на демократической основе, устранения из них дискриминации, диктата, неравноправия и

в соответствии с этим строит свои экономические отношения с развивающимися странами, оказывая многим из них сильную помощь. При этом руководители нашей страны не раз подчеркивали, что СССР, как и другие страны социализма, естественно, не несет ответственности ни за последствия колониализма, ни за то пагубное воздействие, которое оказывает на развивающиеся страны сохраняющееся неравноправие в экономических отношениях.

-
- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 381.
  - ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 164.
  - ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 83.
  - ⁴ US Foreign Policy. Worldwide and Domestic Economic Problems and Their Impact on the Foreign Policy of the United States. GPO. Wash., 1959, p. 43.
  - ⁵ Perspectives on Economic Growth/Ed. W. W. Heller N. Y., 1968, p. 117—118.
  - ⁶ The Reader's Digest, 1972, Febr., p. 68.
  - ⁷ Setting National Priorities. The 1982 Budget/Ed. J. A. Pechman Wash., 1981, p. 193.
  - ⁸ Федорович В. А. Американский капитализм и государственное хозяйство. М., 1979, с. 9, 165.
  - ⁹ Dunhof C. Government Contracting and Technological Change. Wash., 1969, p. 8.
  - ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 498.
  - ¹¹ Federal Reserve Bulletin, 1975, N 41, p. 5—6.
  - ¹² См.: The Budget of the United States Government. Fiscal Year 1982. Wash., 1981.
  - ¹³ Иноземцев Н. Н. Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972, с. 22—23.
  - ¹⁴ Foreign Economic Policy for the United States. N. Y., 1968, p. 43—44.
  - ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 426.
  - ¹⁶ World Politics and International Economics/Eds C. F. Bergsten, L. B. Krause. Wash., 1975, p. 9.
  - ¹⁷ См.: Knorr K. The Power of Nations. The Political Economy of International Relations. N. Y., 1975, p. 7.
  - ¹⁸ Time, 1982, Mar. 8, p. 14.
  - ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 56.
  - ²⁰ Foreign Relations of the United States, 1950. Vol. 1. National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1977, p. 258.
  - ²¹ Цит. по: Adler-Karlsson G. Western Economic Warfare. Stockholm, 1968, p. 47.
  - ²² Kennan G. F. American Diplomacy, 1900—1950. Chicago, 1952, p. 126—127.
  - ²³ Export Control and Allocation Powers. 3d Quarterly Report. Wash., 1948, p. 47.
  - ²⁴ Kolko J. and G. The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1945—1954. N. Y., 1972, p. 190—191.
  - ²⁵ Economic Impact., 1981, N 3, p. 3.
  - ²⁶ The Morgan Guaranty Survey, 1972, July. (Цит. по: Курьеров В. Г. Внешнеторговая стратегия США. М., 1980, с. 12—13).

- ²⁷ См., например: *A Reordered World. Emerging International Problems* / Ed. R. N. Cooper, Wash., 1973, p. 92—97; *Economic Report of the President Transmitted to the Congress, Jan. 1979*. Wash., 1979, p. 102.
- ²⁸ *Toward a New International Economic Order. Selected Papers of C. F. Bergsten, 1972—1974*. Lexington, 1975, p. 249.
- ²⁹ Цит по: *Kissinger H. A. White House Years*. Boston, 1979, p. 426.
- ³⁰ *US. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States*. Febr. 25, 1971. Wash., 1971, p. 151.
- ³¹ См., например: *Diebold W. The Economic System at Stake.— Foreign Affairs, 1972, Oct., esp. p. 169—171.*
- ³² См., например: *Krause L. B. Why Exports Are Becoming Irrelevant.— A Reordered World. Emerging International Economic Problems, Wash., 1973, p. 93—97.*
- ³³ *Department of State Bulletin, 1978, July, p. 37.*
- ³⁴ *Time, 1978, Oct. 9, p. 47.*
- ³⁵ *Department of State Bulletin, 1978, Mar., p. 22—23.*
- ³⁶ *Common Sense in US — Soviet Trade, Wash., 1979, p. 19.*
- ³⁷ *Ross I. Who Broke the Grain Embargo.— Fortune, 1980, Aug. 11, p. 124—133.*
- ³⁸ См.: *Knorr K. Op. cit., p. 142—165.*
- ³⁹ *Schneider W. Food, Foreign Policy and Raw Materials Cartels. N. Y., 1976.*
- ⁴⁰ *Huntington S. P. Trade, Technology. and Leverage: Economic Diplomacy.— Foreign Policy, 1978, N 32, p. 63—80.*
- ⁴¹ *Правда, 1982, 27 янв.*
- ⁴² *Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 21.*
- ⁴³ *Артемьев И. Е. Американский капитал и передача технологии (международно-экономические аспекты). М., 1980, с. 106.*
- ⁴⁴ *Economic Impact, 1981, N 2, p. 6.*
- ⁴⁵ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 42.*
- ⁴⁶ *International Herald Tribune, 1978, Mar. 6.*
- ⁴⁷ *Глобальная стратегия США в условиях НТР. М., 1979, с. 202—203.*
- ⁴⁸ См., напр.: *Economic Impact, 1981, N 3, p. 45—46.*
- ⁴⁹ *International Herald Tribune, 1978, Mar. 6.*
- ⁵⁰ *Политическая экономия современного монополистического капитализма. 2-е изд. М., 1975, т. 2, с. 82.*
- ⁵¹ *Гу К., Ландо Ж.-Ф. Американский капитал за границей: Пер. с фр. М., 1973, с. 38—46.*
- ⁵² *Внешнеэкономическая политика США. М., 1982, с. 65.*
- ⁵³ *Transnational Relations and World Politics. Cambridge, Mass., 1972, p. 675—692.*
- ⁵⁴ *Гу К., Ландо Ж.-Ф. Указ. соч., с. 172—181.*
- ⁵⁵ *Bergsten C. F. Coming Investment Wars? — Foreign Affairs, 1974, Oct. p. 135—152.*
- ⁵⁶ *Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 109.*
- ⁵⁷ *The Banker, 1979, Jan., p. 19.*
- ⁵⁸ *МЭиМО, 1979, № 11, с. 84; Economic Impact, 1981, N 2, p. 5—6.*
- ⁵⁹ *Подсчитано по: International Herald Tribune, 1978, Mar. 6.*
- ⁶⁰ *Проблемы и противоречия американской экономики, М., 1978, с. 425.*
- ⁶¹ *Foreign Policy, 1973, N 12, p. 101.*
- ⁶² *Tugendhat C. The Multinationals. L., 1971, p. 95.*
- ⁶³ *Spero J. E. The Politics of International Economic Relations. N. Y., 1981, p. 103.*

- ⁶⁴ Foreign Policy, 1973, N 12, p. 123.
- ⁶⁵ Ibid. 1974, N 13, p. 108.
- ⁶⁶ Ibid. 1973, N 12, p. 20—21.
- ⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 370.
- ⁶⁸ Иванов И. Д. Международные корпорации в мировой экономике. М., 1976, с. 87.
- ⁶⁹ Там же, с. 91.
- ⁷⁰ National Security and Detente. N. Y., 1976, p. 291.
- ⁷¹ L'express, 1974, 6—12 mai, p. 34.
- ⁷² Behrman J. U. S. International Business and Governments. N. Y., 1971, p. 139.
- ⁷³ Multinational Corporations in World Development. United Nations, Department of Social and Economic Affairs. N. Y., 1973, p. 44.
- ⁷⁴ UNIDO. Doc. ID/conf. 3/1314, Dec. 2, 1975, p. 5.
- ⁷⁵ Foreign Policy, 1973, N 13, p. 102.
- ⁷⁶ Цит. по: Harper's, 1977, Aug., p. 32.
- ⁷⁷ Science, Technology and Diplomacy in the Age of Interdependence. Prepared for the Subcommittee on International Security and Scientific Affairs of the Committee on International Relations, House of Representatives, by the Congressional Research Service, Library of Congress. GPO. Wash., 1976, p. 16.
- ⁷⁸ Partners in Development. Report of the Commission on International Development. N. Y., 1969.
- ⁷⁹ North-South. A Program for Survival. The Report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt. Cambridge, Mass., 1980.
- ⁸⁰ Брутенц К. Н. Указ. соч., с. 43.
- ⁸¹ Drouin M.-J., Malmgren H. B. Canada, the United States and the World Economy.— Foreign Affairs, 1981/82, Winter, p. 408.
- ⁸² Nye J. Multinational Corporations in World Politics.— Foreign Affairs, 1974, Oct., p. 164—166.
- ⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.
- ⁸⁴ См., например: Freeman O. L., Persen W. Multinational Corporations: Some Facts and Figures.— Economic Impact, 1981, N 2, p. 47—53.
- ⁸⁵ Turner L. Invisible Empires. Multinational Companies and Modern World. L. 1970, p. 210.
- ⁸⁶ Diebold J. Multinational Corporations: Why Be Scared of Them? — A Reordered World. Emerging International Economic Problems, p. 141.
- ⁸⁷ The New York Times, Febr. 1.
- ⁸⁸ The Washington Post. 1977, Apr. 19.
- ⁸⁹ Congressional Record, 1974, Apr. 11, p. S5742.
- ⁹⁰ Resources for Freedom. A Report to the President by the President's Material Policy Commission. Vols 1—4. Wash., 1952.
- ⁹¹ Ландсберг Г. Г., Фишман Л. Л., Фишер Дж. Л. Ресурсы США в будущем: Пер. с англ. М. 1965, т. 1, с. 37.
- ⁹² Galbraith J. K. Plain Lessons of a Bad Decade.— Foreign Policy, 1970/71, N 1, p. 37.
- ⁹³ Проблемы и противоречия американской экономики, с. 310.
- ⁹⁴ Varon B., Takeuchi K. Developing Countries and Non-Fuel Minerals.— Foreign Affairs, 1974, Apr., p. 505.
- ⁹⁵ Hoffmann S. Primacy or World Order: American Foreign Policy since the Cold War. N. Y., 1978, p. 126.
- ⁹⁶ Falk R. This Endangered Planet. N. Y., 1971, p. 420.
- ⁹⁷ Foreign Affairs. 1974, Apr., p. 504.
- ⁹⁸ Congressional Record, 1974, Apr. 11, p. S5743.

- ⁹⁹ Ibid., p. S5742.
- ¹⁰⁰ Ibid., p. S5743—5744.
- ¹⁰¹ Foreign Affairs, 1974, Apr., p. 499.
- ¹⁰² Congressional Record, Apr., 11, 1974, p. S5743.
- ¹⁰³ International Herald Tribune, 1978, Jan. 5.
- ¹⁰⁴ Intereconomics, 1978, N 1/2, p. 26.
- ¹⁰⁵ Congressional Record, 1974, Apr. 11, p. S5743.
- ¹⁰⁶ Varon B., Takeuchi K. Op. cit., p. 510.
- ¹⁰⁷ The Washington Post, 1976, Sept. 19.
- ¹⁰⁸ Newsweek, 1977, June 27, p. 4.
- ¹⁰⁹ Energy: The Imperative for a Trilateral Approach. A Report of the Trilateral Task Force on the Political and International Implications of the Energy Crisis to the Executive Committee of the Trilateral Commission, 1974; Energy: A Strategy for International Action. A Report of the Trilateral Task Force on the Political and International Implications of the Energy Crisis to the Executive Committee of the Trilateral Commission, 1974.
- ¹¹⁰ Seeking a New Accomodation in World Commodity Markets. A Report of the Trilateral Task Force on Commodities Issue to the Executive Committee of the Trilateral Commission, 1976.
- ¹¹¹ Ibid., p. VI.
- ¹¹² Ibid.
- ¹¹³ Partners in Development. Report of the Commission on International Development. N. Y., 1969.
- ¹¹⁴ World Politics and International Economics / Eds C. F. Bergsten, L. B. Krause. Wash., 1975, p. 135.
- ¹¹⁵ OECD. Development Cooperation: Efforts and Policies of the Members of the Development Assistance Committee. P. 1973, p. 189.
- ¹¹⁶ Johnson L. B. My Hope for America. N. Y., 1964, p. 94—95.
- ¹¹⁷ Department of State Bulletin, 1971, Mar. 27, p. 342.
- ¹¹⁸ Frank Ch. R., Baird M. Foreign Aid: Its Speckled Past and Future Prospects.— In: World Politics and International Economics, p. 133—167.
- ¹¹⁹ Ibid., p. 141.
- ¹²⁰ Ibid.
- ¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 414.
- ¹²² International Herald Tribune, 1971, Nov. 4.
- ¹²³ Frank Ch. R., Baird M. Op. cit., p. 142.
- ¹²⁴ Foreign Assistance and Related Programs Appropriations for 1980, pt 2, p. 186.
- ¹²⁵ Triangle Papers N 3. A Turning Point in North-South Economic Relations, 1974, p. 20—21.
- ¹²⁶ Foreign Affairs, 1977, Oct., p. 10.
- ¹²⁷ Foreign Assistance and Related Programs Appropriations for 1980, pt 2, p. 799.
- ¹²⁸ См.: Озадовский Л. А. США и Африка: Проблемы неокolonизма. М., 1977, гл. 7.
- ¹²⁹ Ibid., p. 798.

ГЛАВА III

РЫЧАГИ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СИЛЫ»

По мере того как процесс производства все более выступает, говоря словами К. Маркса, «не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как технологическое применение науки»¹, происходит серьезный пересмотр традиционных представлений о могуществе государства. Научно-техническое лидерство, обладание последними достижениями передовой технологии, суммарный научно-технический потенциал важны в современном мире не только как залог высокого уровня экономического и военно-технического развития, но и как важный резерв внешнеполитической силы государства.

Как подчеркивается в фундаментальном трехтомном исследовании «Наука, техника и американская дипломатия», выполненном под эгидой комиссии по международным отношениям палаты представителей конгресса США, наука и техника создают новые возможности для достижения важнейших целей американской внешней политики и «заслуживают большего внимания с точки зрения как краткосрочного, так и долгосрочного будущего Соединенных Штатов, чем любой другой элемент национальной политики, любой другой компонент национальных программ»².

Профессор Массачусетского технологического института Дж. Р. Киллиан, занимавший в конце 50-х годов пост советника президента США по науке, говорил, обращаясь к сотрудникам дипломатической службы США в январе 1965 г.: «Дипломатия должна использовать представившуюся возможность и ухватиться за мощный новый рычаг для продвижения наших национальных интересов на мировой арене»; «Соединенные Штаты,— продолжал он,— располагают исключительными техническими ресурсами, и этот факт понятен в мире всем — и развитым, и менее развитым народам. Эта научная и технологическая сила является одним из самых заметных, вызывающих наибольшее восхищение, наиболее убедительных свойств современной Америки... В этой технологии и в образовании, на которое она опирается, заложена уникальная дипломатическая возможность, если только мы сумеем овладеть сложными навыками и понима-

нием, необходимыми для того, чтобы реализовать эту возможность, чтобы создать такие условия, при которых эти навыки и понимание действительно привьются в органах, связанных с зарубежными делами. Мощь нашей науки и техники в решении национальных задач внутри страны и за рубежом указывает государственному департаменту на настоятельную необходимость проводить политику, рассчитанную на то, чтобы поддерживать и наращивать далее это ценное качество»³.

«Догоняющее развитие» научно-технических потенциалов Западной Европы и Японии, не говоря о впечатляющих успехах советской науки и техники, ослабили конкурентные позиции американского империализма, лишили его ореола «монополиста» в сфере новаторства и изобретательства*. Некоторые авторы говорят о том, что в рамках капиталистического мира складывается «полицентризм научно-технической мощи, дополняющий экономический и политический полицентризм»⁴. Это вносит дополнительную остроту и ожесточение в межимпериалистическое соперничество.

И тем не менее о смене лидера в области научно-технического прогресса в капиталистическом мире говорить не приходится. Как уже было подчеркнуто в гл. I, не следует преувеличивать масштабы нивелирования научно-технического уровня в главных «центрах силы» капиталистического мира. Абсолютные размеры американских затрат на НИОКР, масштабы самих НИОКР, ведущихся по всему фронту про-

---

* Как это ни парадоксально, падению американского престижа в немалой степени способствовали многочисленные алармистские заявления самих же американцев относительно утраты ими технологического лидерства. Типичным образчиком такой самоуничижительной риторики может служить, например, заявление Дж. Кука, президента Фонда Т. А. Эдисона, процитированное журналом «Тайм» в статье под также достаточно характерным заглавием «Печальное состояние изобретательства»: «В ходе минувшего десятилетия Америка теряла свое традиционное первенство в области научно-технических новинок. Складывается впечатление, что дух Эдисона, который был характерен для нас, исчезает, как исчезли газовые лампы» (Time, 1979, Oct. 22, p. 70). Причину повышенной склонности к упадочническим сентенциям со стороны достаточно компетентных американских специалистов, которые, казалось бы, должны высказываться более взвешенно, вскрыл в свое время Дж. Гэлбрейт, заметив: «Если удастся внушить предостережение, что страна отстала в своем техническом развитии, тогда как во всем мире развитие техники служит главным показателем процветания нации, то это может обеспечить капиталовложения в научные исследования и конструкторские работы» (Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: Пер. с англ. М., 1969, с. 384). Речь идет, таким образом, о своего рода «профилактическом пессимизме».

Движения науки и техники, эффективность исследований и их высокая концентрация, емкость рынка, качество подготовки кадров — все эти факторы, взятые в совокупности, определяют способность США концентрировать усилия не просто на наукоемких отраслях, а на тех из них, которые способны революционизировать широкие сферы хозяйственной деятельности в ближайшие десятилетия. США уступают позиции в производстве продукции малой и средней технической сложности, но лидируют в экспорте товаров повышенной технической сложности. Более того, США не только сохраняют, но и увеличивают свой технологический отрыв в наиболее перспективных, крайне капиталоемких и наукоемких сферах деятельности, которые пока мало доступны их конкурентам, таких, например, как освоение Мирового океана, космического пространства, разработка новых источников энергии, создание универсальных информационных систем, принципиально новые технологические процессы в промышленности и сельском хозяйстве.

В. Бэсюк совершенно справедливо указывает в своем анализе воздействия научно-технической революции на современные международные отношения, что НТР стимулирует усиление неравномерности развития государств; «государства, функционирующие на переднем крае технологического прогресса, получают в результате непропорционально большую долю экономических и политических преимуществ, — пишет он. — Те же, кто лишь немного отстает от них, вдруг обнаруживают, что производимая ими продукция оказывается на грани устарелости. И если эти страны не имеют какого-то иного коммерческого преимущества (например, дешевой рабочей силы или же сверхэффективной системы сбыта), они оказываются в весьма невыгодном положении на мировом рынке»⁵.

Именно потому, что 70-е годы были в целом периодом дальнейшего ослабления позиций американского империализма в мире, США сейчас сознательно и целенаправленно делают ставку на свой пока никем в капиталистическом мире не превзойденный научно-технический потенциал — не только как на средство удержания своего лидерства, но и как на мощное орудие для перехода в контрнаступление на партнеров-конкурентов. Если на нынешнем этапе научно-технической революции практически все капиталистические страны в той или иной мере получили возможность пользоваться плодами американских НИОКР, то на следующем этапе развития НТР можно ожидать, что Соединенные Штаты будут прилагать большие усилия для охраны своих «монопольных»

нововведений (хотя этому противодействуют интеграционные процессы, деятельность ТНК и другие факторы интернационализации хозяйственной и научной жизни), чтобы попытаться переложить на плечи партнеров производство необходимой и даже наукоемкой, но традиционной продукции, а свои интеллектуальные и материальные ресурсы сконцентрировать на немногих ключевых направлениях научно-технического прогресса, в максимальной степени сулящих технологическую гегемонию.

В американских правящих кругах, в академическом мире и в мире бизнеса к 80-м годам окончательно сложилось убеждение в том, что восстановление роли США в мире требует коренных изменений в структуре экономики, радикального ускорения научно-технического прогресса и агрессивного использования технологического отрыва для навязывания другим пародам американских целей и ценностей. Это нашло яркое выражение в послании президента Картера о науке и технике от 27 марта 1979 г.; стимулирование научно-технического прогресса, поощрение частнокапиталистической предприимчивости в сфере внедрения нововведений, несомненно, являются лейтмотивом экономической программы президента Рейгана, провозглашенной им в первый же год пребывания в Белом доме.

Научно-технические рычаги способствуют реализации американского влияния на другие страны в неявных, нередко замаскированных формах; Соединенные Штаты привязывают к себе партнеров невидимыми для непосвященных нитями технологической зависимости, однако от этого «привязка» не становится менее прочной.

Чаще всего в этой сфере установить прямые причинно-следственные связи и зависимости между технологией и внешней политикой нелегко. Однако иногда можно наблюдать откровенное до цинизма, ничем не прикрытое увязывание научно-технического «наказания» или «поощрения» с конкретным внешнеполитическим поведением того или иного государства. Среди наиболее ярких примеров такого рода — неоднократные попытки США «наказать» Францию за проведение самостоятельного, подчас антиамериканского курса; так, в частности, американское правительство с 1964 г. отказалось поставлять Франции обогащенный уран, который должен был использоваться в реакторе создававшейся тогда французской атомной лодки; в 1966 г. в качестве реакции на выход Франции из военной организации НАТО американское правительство запретило поставку из США в эту страну трех электронно-вычислительных машин, заказан-

ных французским комиссариатом по атомной энергии, что надолго задержало осуществление французской ядерной программы.

При этом надо отметить, что сами США в тех случаях, когда они сталкиваются с тем или иным проявлением научно-технического превосходства другой страны в какой-либо конкретной области, немедленно обращаются к административно-политическим «мерам пресечения». Именно так обстояло дело с франко-английским сверхзвуковым пассажирским самолетом «Конкорд»: в 1976—1977 гг. США под предлогом борьбы с шумом запрещали посадку этого самолета на американских аэродромах; был установлен длительный срок изучения последствий полета «Конкорда», что привело к отказу ряда стран от уже сделанных заказов на этот самолет и к остановке его серийного выпуска. Эти шаги были нацелены на то, чтобы помешать Западной Европе извлечь экономическую выгоду из своего технологического прорыва, но одновременно это была «и политическая проблема в самом высоком смысле этого слова», как заявил тогдашний президент Франции Жискар д'Эстэн в 1977 г., подчеркнув, что «доводы, которые были приведены с целью помешать приземлению самолетов „Конкорд“, несостоятельны, ибо ту же новую технику мир принял в других областях, в частности в военной авиации»⁶.

В этом же ряду следует упомянуть широко известные дискриминационные ограничения на торговлю наукоемкими товарами и научно-технические обмены с социалистическими странами — меры, которыми пыталась манипулировать демократическая администрация США во второй половине 70-х годов и которые были с готовностью подхвачены республиканцами, пришедшими в Белый дом в январе 1981 г.

Как известно, администрация Р. Рейгана ввела в декабре 1981 г. запрет на поставки в СССР оборудования для добычи и транспортировки нефти и газа и предприняла в июне 1982 г. попытку распространить этот запрет и на продукцию зарубежных филиалов корпораций США, а также и на иностранных компании, выпускающие такое оборудование по американским лицензиям. Этот шаг Белого дома не мог быть расценен иначе, как новый маневр в экономической конфронтации не только с СССР, но и с ближайшими капиталистическими партнерами США, причем последствия этого решения быстро сказались в области политических отношений между США и их ближайшими союзниками.

Бурное негодование и протесты, которые июньское решение Белого дома вызвало в западноевропейских столицах,

объяснялись отнюдь не одними лишь соображениями финансового ущерба, который понесли бы западноевропейские компании, если бы им действительно пришлось либо отказаться от поставок оборудования для трубопровода Уренгой — Ужгород и выплачивать Советскому Союзу значительную неустойку, либо изготавливать заказанное оборудование — с неизбежными модификациями — без использования американских лицензий.

Суть конфликта между США и Западной Европой состояла в том, что оказались затронутыми непосредственно соображения национального суверенитета западноевропейских государств, а не просто экспорта технологии. Фактически Белый дом предпринял попытку принудить союзников — под угрозой применения против нарушителей экономических и научно-технических санкций* — к выполнению решения американской администрации, идущего вразрез с политическим курсом правительств самих западноевропейских стран. Именно поэтому все лидеры западноевропейских стран выступили с резкими официальными протестами против решения Р. Рейгана, расценив его как опасный прецедент узурпации законных прерогатив национальных правительств стран-союзниц США в определении собственной внешней и внешнеэкономической политики. В силу такого подхода конфликт вокруг сделки «газ—трубы» приобрел дополнительный оттенок определенной проверки соотношения сил двух центров капиталистического мира.

Тот факт, что в конечном итоге Белому дому пришлось пойти на попятную и отказаться от реализации своих угроз, в большой мере объясняется позицией Советского Союза, твердо заявившего, что газопровод будет построен в срок, невзирая ни на какие «санкции» и запреты со стороны США, с использованием отечественной технологии. Однако и Западная

---

* Санкции, которыми США угрожали западноевропейским компаниям, включали в себя штрафы вплоть до 100 тыс. долл., запрет импортировать из США какие-либо товары и технологию, запрет экспортировать в США какую-либо свою продукцию и т. п. Нет нужды доказывать, что для многих фирм включение их в «черный список» на американском рынке было бы чревато тяжелыми, а в некоторых случаях и непоправимыми потерями. Именно поэтому правительства Англии, Франции, ФРГ и Италии были вынуждены взять ответственность на себя и прямо приказать компаниям продолжать выполнять свои договорные обязательства по отношению к Советскому Союзу (а правительство Франции, бросив тем самым прямой вызов Белому дому, пошло даже на такой шаг, как реквизиция компании «Дрессер-Франс» — дочерней компании американской корпорации «Дрессер индастриз», намеревавшейся подчиниться вашингтонскому запрету).

Европа в ходе конфликта не поддалась американскому нажиму и продемонстрировала значительную решимость отстаивать свое суверенное право на принятие самостоятельных политических и экономических решений, в том числе и в такой жизненно важной для себя сфере, как сфера отношений с социалистическими странами.

Что касается развивающихся стран, то в рамках мировой капиталистической системы научно-техническая революция увеличивает их зависимость от развитых капиталистических государств и транснациональных корпораций, усугубляет разрыв в уровнях экономического развития, в потреблении на душу населения и, что еще более важно, в долях мирового промышленного и сельскохозяйственного производства *. В докладе Независимой комиссии по проблемам международного развития под председательством В. Брандта было даже сказано, что есть основания считать отсутствие свободного доступа к современной технологии и ее неосвоенность не чем иным, как «главной слабостью» развивающихся стран, поскольку «овладение современной наукой и техникой необходимо не только для роста, но и для приобретения самой способности к таковому»⁷. В настоящее же время в «третьем мире» осуществляется лишь 3% мировых НИОКР⁸, а потому неудивительно, что промышленная технология развивающихся стран почти полностью контролируется через патентно-лицензионную систему корпорациями развитых капиталистических государств. В этой сфере весьма эффективно реализуется один из тех способов, которыми современные империалисты, как было отмечено на XXVI съезде КПСС, «пытаются привязать к себе эти страны, чтобы свободнее распоряжаться их природными богатствами, использовать их территории в своих стратегических замыслах»⁹.

В лице Советского Союза Соединенные Штаты впервые вступили во взаимодействие с партнером, с которым нельзя строить отношения, исходя из своего технического лидерства и используя это последнее как рычаг для оказания давления. Отношения с Советским Союзом могут строиться только на базе принципов равноправия и взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела друг друга, и эти принципы были четко и недвусмысленно зафиксированы в той серии соглашений о сотрудничестве в различных областях науки и техники, которые были заключены между США и СССР в первой половине 70-х годов (всего было заключено 11 соглашений — в Москве в мае 1972 г. в ходе встречи на высшем

* Подробно об этом см.: *Ульяновский Р. А. Современные проблемы Азии и Африки. Политика. Экономика. М., 1978, особенно с. 207—215.*

уровне было подписано первое в истории советско-американских отношений соглашение между правительствами СССР и США о сотрудничестве в области науки и техники, за ним последовали другие, специализированные соглашения о сотрудничестве: в области охраны окружающей среды, в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, в области медицинской науки и здравоохранения, сельского хозяйства, исследования Мирового океана, транспорта, мирного использования атомной энергии, энергетики, жилищного и других видов строительства, исследований и разработки искусственного сердца).

Не вдаваясь в анализ потенциальных возможностей и трудностей развития научно-технических контактов между США и СССР *, остановимся лишь на некоторых принципиальных вопросах подхода правящих кругов США к самой идее контактов с Советским Союзом в сфере науки и техники. Еще в 60-е годы видный американский общественный деятель и экономист Дж. К. Гэлбрейт в книге «Новое индустриальное общество» предлагал «сдвинуть» отношения соперничества между США и СССР, между капитализмом и социализмом из сферы военного строительства, чреватого «взрывами чудовищной силы», в широкую сферу конструктивного научного и технического соревнования в освоении космоса, «в широкой области теоретических научных исследований, в развитии скоростного наземного и воздушного транспорта, в изучении дна океанов и зон, расположенных под земной корой, в изменении климата к лучшему и худшему и во многом другом» ⁴⁰.

Гэлбрейт писал о благотворности советско-американского научно-технического *сотязания*; несколько позднее в американский политический оборот была введена мысль о возможности и даже полезности для Соединенных Штатов научно-технического *сотрудничества* с Советским Союзом. За расширение американо-советских контактов в области науки и техники высказывались многие компетентные американские ученые и специалисты; так, например, выступая в ходе слушаний в палате представителей конгресса США, Дж. Фиск, в тот момент президент исследовательской фирмы «Белл телефон лабораториз, инкорпорейтед», заявил: «Качество советских научных исследований во множестве областей представляется высоким, и тот ограниченный опыт сотруд-

---

* Подробно об этом см.: Шершнев Е. С., Шейдина И. Л. Советско-американские научно-технические связи: проблемы и возможности. М., 1974; Развитие научно-технических связей США — СССР. — В кн.: Глобальная стратегия США в условиях НТР. М., 1979, с. 355—412

ничества, который уже накоплен, говорит о технической ценности последнего для обеих сторон... На основе знакомства с общим уровнем советских работ во многих областях я пришел к выводу, что американские исследователи извлекают самые непосредственные технические выгоды из более тесного сотрудничества с советскими коллегами. Более того, я уже многие годы думаю о том, что область науки и техники дает уникальную возможность для развития конструктивного взаимодействия между США и социалистическими странами»¹¹. Такого рода настроения были суммированы в президентском послании о развитии науки и техники, направленном Р. Никсоном конгрессу США в марте 1972 г., в котором подчеркивалось, что «наука и техника могут также дать важное звено в цепи связей со странами, имеющими иное политическое устройство».

Однако конструктивному подходу, допускающему сочетание соперничества и сотрудничества в научно-технических контактах США с СССР, по сей день противостоит (а с начала 80-х годов — даже и преобладает) прямо противоположный подход, квалифицирующий любое сотрудничество с Советским Союзом не иначе, как «помощь противнику». (Заметим в скобках, что ревнители этого тезиса безуспешно спекулируют на той озабоченности, которая вызвана в США определенной утратой американского лидерства в некоторых сферах научно-технического прогресса, ухудшением американских позиций, в этих условиях не составляет труда подхлестнуть настроения «технологического шовинизма»). Кульминацией таких воззрений является концепция «технологической войны» против Советского Союза, в наиболее откровенной форме изложенная международниками С. Посони и Дж. Пурнеллом в книге «Технологическая стратегия. Победить в решающей войне». Авторы призывают к «военным действиям, не обязательно требующим кровопролития», т. е. к «сознательному и целенаправленному использованию национальной научно-технической базы... для достижения стратегических и тактических преимуществ». «Цель этого вида военных действий, как и любого другого, состоит в том, чтобы навязать противнику свою волю, заставить его изменить свои цели, стратегию и тактику, образ действий. Технологическая война в соединении с психологическими операциями может обеспечить позицию стратегического господства...»¹².

Кое-кто из американских теоретиков и практиков внешней политики выступает за развитие научно-технических контактов с Советским Союзом, но не иначе как для установле-

ния каких-то форм зависимости СССР от США, приобретения рычага политического давления. Тезис об использовании экономических и научно-технических связей для нажима на Советский Союз в целях «модификации» советской системы проходит красной нитью через такой, например, материал, изданный конгрессом США, как доклад советологов Дж. П. Хардта и Дж. Д. Холлидэя под широкоизвестным заглавием «Американо-советские экономические отношения: взаимосвязь экономики, передачи технологии и дипломатии»¹³. Вариацией на ту же тему является и концепция «дифференцированного подхода» к социалистическим странам, сформулированная еще в годы «холодной войны» и до сих пор имеющая в США широкое хождение. В соответствии с этой концепцией одной из главных задач развертывания экономических и научно-технических связей с социалистическими странами провозглашается подрыв единства социалистической системы за счет активного манипулирования дискриминационными ограничениями или, напротив, предоставлением преференций.

Красноречивы в этом отношении рекомендации, которые были даны еще в 1965 г. З. Бжезинским, советовавшим основывать американскую политику в отношении Восточной Европы на двух моментах: «в случае если какая-либо из этих стран либерализует свою внутреннюю политическую жизнь и увеличит степень независимости от советского контроля, она должна быть вознаграждена. В случае же проявления противоположной тенденции США должны быть готовы полностью прекратить торговлю с ней, подчеркнув при этом политическую мотивировку, в соответствии с которой принимаются подобные меры»¹⁴. Практическая деятельность администрации Дж. Картера не раз заставляла вспомнить эти и аналогичные советы Бжезинского и его единомышленников, оказавшихся непосредственно в вашингтонских «коридорах власти».

События конца 70-х — начала 80-х годов свидетельствуют о том, что в рамках общего ужесточения политики США в отношении Советского Союза и в технологической политике берет верх неконструктивный курс, отстаиваемый теми, кто все еще мыслит категориями американского диктата, американской односторонней выгоды. Вместо того чтобы ликвидировать КОКОМ, ставший, казалось бы, анахронизмом, Соединенные Штаты, напротив, активно используют его как инструмент для сдерживания западноевропейских и японских компаний, продолжающих развивать деловые связи с социалистическими странами. В последние годы США неод-

пократно ставили перед другими капиталистическими странами вопрос о необходимости выработки более четкой и согласованной стратегии Запада в области научно-технических связей с социалистическими странами (к чему ни Западная Европа, ни Япония большого интереса не проявляли); в частности, таково одно из важных направлений усилий Р. Рейгана — под откровенным нажимом со стороны США союзники дали согласие активизировать деятельность КОКОМ в области ограничения экспорта технологии в социалистические страны.

Что касается Советского Союза и других стран социалистического содружества, то они отвергают попытки оказать на них любое давление, в том числе и технологическое. Одновременно они исходят из того, что сегодня в области научно-технического прогресса пролегает один из главных фронтов исторического соревнования двух систем, однако это соревнование в марксистском понимании может и должно идти в конструктивных формах, далеких от блокад и дискриминации. Сфера научно-технического развития оставляет достаточный простор для соревнования и для сотрудничества. Интересы народов и мира в целом диктуют необходимость избежать превращения в арену силовой борьбы той сферы международных отношений, которая приобрела столь важное значение в результате научно-технической революции. Подлинная задача состоит в том, чтобы двигаться к созданию такой системы добросовестного международного сотрудничества, которая служила бы ускорению научно-технического развития всего человечества и одновременно укреплению мира и международной безопасности. В мире равноправных наций — а иной мир сегодня уже невозможен — Соединенные Штаты вряд ли могут рассчитывать в долгосрочном плане на успех курса, имеющего целью формирование международных отношений на основе насаждения односторонней технологической зависимости и ставки на принуждение.

1.

Передача нововведений и техники

В самом сжатом виде идеальные с американской точки зрения отношения между США и другими странами в сфере передачи технологии сформулированы З. Бжезинским в напущенной книге «Между двумя веками. Роль Америки в технотронную эру» как отношения «между новатором и подражателями» (причем особенность состоит в том, что «под-

ражатели» даже копировать не имеют права без разрешения)¹⁵. По мнению Бжезинского, разделяемому, кстати сказать, в различных слоях американского общества, когда-то, изначально, Соединенные Штаты Америки воздействовали на мир в силу того, что их «образ» ассоциировался со свободой; затем он стал ассоциироваться с материальными благами; теперь же «влияние Америки прежде всего носит научно-технический характер и является функцией от американского превосходства в области науки, техники и образования»¹⁶. Это мнение Бжезинского во многом разделяют и широкие слои рядовых американцев, и деловые круги страны, и ее политическое руководство. В марте 1976 г. — в год празднования 200-летия США — президент Дж. Форд, направляя конгрессу послание о политике в области научных исследований и опытно-конструкторских работ, прямо утверждает: «Желания и способность американского народа приобретать новые знания и применять их на практике были важнейшими элементами величия нашей страны на протяжении всей ее 200-летней истории». Будущее Дж. Форд изобразил в том же ключе: «Я полностью признаю, — говорится далее в послании, — что будущее нашей страны и всего человечества зависит от развития и использования творческой мысли представителей и представительниц нашей научной и технической мысли». Пока мы оставим в стороне «технологический американоцентризм» этого и подобных ему утверждений; сейчас нас интересует другой аспект — неуклонное стремление американского правительства при содействии, естественно, частного сектора сохранить и упрочить американское научно-техническое превосходство, а также увязать его с конкретной внешнеполитической деятельностью.

Распространение научно-технических знаний и производственно-технического опыта в мире принимает различные формы. Одна из старейших и наиболее распространенных — обмен публикациями, научной информацией, книгами, периодическими изданиями по различным проблемам науки и техники. Другая форма — контакты ученых и специалистов, международные научные форумы, симпозиумы, конференции, выставки. Третьей формой можно считать международное научно-техническое сотрудничество, осуществляемое на двусторонней или многосторонней основе, на уровне государственных учреждений, отдельных предприятий, организаций или частных фирм. Научно-техническое сотрудничество не только упорядочивает, делает более постоянными обмены научно-техническими достижениями, но и нацелено на

совместное «производство» научно-технических знаний, а не только на передачу уже накопленного багажа.

Передача научно-технических достижений, технологии и передового производственного опыта на коммерческих началах (лицензии, техническая помощь, оказание услуг в проектировании и строительстве, консультирование и т. п.) выделяется в четвертую форму международного научно-технического взаимодействия; сюда же можно отнести заграничное патентование — деятельность по закреплению в других странах исключительных прав на изобретение с целью их коммерческого использования.

В торговле современными машинами и оборудованием содержится большой элемент овестьствованных научно-технических знаний — эффективное применение сложной современной техники может быть обеспечено только в том случае, если покупатель получает все опробованные способы ее применения, накопленный производственный и технический опыт и т. п. Поэтому передачу научно-технических знаний, происходящую в международной торговле товарами так называемых наукоемких отраслей производства, тоже можно квалифицировать как еще одну форму научно-технического взаимодействия.

Наиболее развитой формой научно-технического взаимодействия является то, которое сопутствует долгосрочному промышленному сотрудничеству, поскольку промышленное сотрудничество не может быть ограничено лишь той продукцией, которая выпускается сегодня, оно должно учитывать темпы научно-технического прогресса, перспективу качественных изменений в средствах производства и т. п. Партнерам, объединяющим усилия для промышленного сотрудничества, приходится с самого начала вести совместные научные и технические исследования, опытно-конструкторские разработки (что требует детального уточнения правовых финансовых и организационных форм взаимодействия).

Однако в какой бы форме ни осуществляли Соединенные Штаты научно-техническое взаимодействие с зарубежными государствами, оно практически всегда было построено таким образом, что оказывалось значительно более выгодным для США и позволяло американским предпринимателям и федеральному правительству решать собственные задачи:

— подготовить с помощью научно-технических контактов плацдарм для экономического освоения нового зарубежного рынка:

— «выудить» за рубежом готовые изобретения и идеи для последующего внедрения в США (а при наличии аме-

риканской научно-технической базы на внедрение уходит гораздо меньше времени и средств, чем в других развитых странах, не говоря уже о развивающихся, т. е. в результате США получают дополнительную возможность увеличивать свой научно-технический отрыв от конкурентов);

— вовремя и с выгодой сбывать за рубеж технологию, которая если еще и не устарела, то стоит на грани устаревания, и использовать полученные средства для ускорения темпов разработки технологии или систем следующих поколений;

— создать систему научно-технических связей и структуру международных организаций, которые в наибольшей степени отвечали бы американским интересам, следовали бы американским образцам и тем самым закрепляли бы американское лидерство.

Именно на такой основе и удалось США создать научно-технические связи и с развитыми капиталистическими государствами, и с молодыми, развивающимися странами.

Говоря выше о технологическом разрыве, мы уже упоминали о том, что США обладают активным патентно-лицензионным балансом, т. е. действительно выступают в капиталистическом мире как источник нововведений*. По подсчетам американской исследовательской организации «Гелман рисерч ассошиэйтс», в 1963—1973 гг. на долю США ежегодно приходилось от 60 до 80% важнейших технических новинок, из общего числа зарегистрированных в развитых капиталистических странах.¹⁷ Например, в 1975 г. американские заявители получили за рубежом 37,5 тыс. патентов, в то время как в США иностранцам было выдано лишь 18,3 тыс. американских патентов, т. е. положительное сальдо американского патентного баланса составило 19,2 тыс. патентов¹⁸. Правда по сравнению с концом 60-х годов американский патентный баланс имеет заметную тенденцию к ухудшению (в 1966 г., например, это положительное сальдо составляло 36 тыс. патентов, т. е. за десятилетие оно сократилось на 47%)¹⁹. Однако абсолютное сокращение американского патентного актива не всегда свидетельствует

---

* По заданию Национального научного совета США было проведено изучение 500 крупнейших нововведений, сделанных в 1953—1973 гг. в шести ведущих капиталистических странах; анализ показал, что из этого числа нововведений на долю США приходится 64%, Англии — 17, ФРГ — 6, Японии — 6, Франции — 4%. Эти нововведения были разделены далее на три группы: улучшение существующей технологии, серьезные научно-технические достижения, радикальные сдвиги в технике. В каждой из этих трех групп США оставались лидером, имея показатели соответственно 81, 57 и 65%. См.: Science Indicators 1974. Wash., 1975, p. 164—165.

об утрате научно-технических позиций, поскольку патентная статистика сильно искажается из-за особо активизировавшейся в 70-е годы деятельности ТНК в сфере передачи технологии, а ТНК, в частности, патентуют свои нововведения за рубежом чаще всего не от имени американской головной компании, а от имени зарубежного филиала.

Что касается денежных поступлений от экспорта американской технологии, то они растут быстрыми темпами, опережая темпы роста поступлений от других видов внешнеэкономической деятельности США. Так, с 1966 по 1977 г. доходы от продажи научно-технических достижений за границу увеличились почти в восемь раз, в то время как экспорт промышленной продукции (в текущих ценах) — в шесть, а прибыли от прямых инвестиций за границей — в четыре раза (хотя в абсолютном выражении, конечно, доходы от «передачи технологии» пока не столь велики — например, в 1978 г. они равнялись 5,7 млрд. долл., что составляет чуть менее четверти доходов на прямые инвестиции за тот же год²⁰). Если для США к концу 70-х годов прибыли по статье экспорта лицензий, включая управленческие услуги и маркетинг²¹, соотносились с затратами на приобретение лицензий как 10 : 1, то для Японии, например, аналогичное соотношение выглядит как 1 : 5. Кроме того, если для американских корпораций международная передача технологии является многомиллиардным бизнесом, то сами США большую часть новинок получают из-за рубежа нетоварным способом; особенно большую роль тут сыграла «утечка умов» — в 30-е годы это была массовая эмиграция европейских ученых в США (после войны США получили дополнительную выгоду и за счет конфискации патентов фашистской Германии), в 50—60-е годы высокими темпами шла «утечка умов» из развитых капиталистических стран, из развивающихся — она продолжается до сих пор; ТНК разработали особые методы для мобилизации на местах интеллектуального потенциала в «принимающих странах» и т. п.*

---

* Исследуя масштабы продолжающейся «утечки умов» из развивающихся стран, группа правительственных экспертов по передаче технологии, работавших под эгидой ЮНКТАД, указала в своем докладе, что, например, всего за 10 лет (1961—1972) только в три страны Запада (США, Великобритания, Канада) выехали 230 тыс. квалифицированных работников из развивающихся стран; условно подсчитанная стоимость этого потока кадров (который трудно считать спонтанной утечкой, ибо речь скорее идет о вербовке талантливых людей) составила, по самым неполным данным, 50 млрд. долл., что на 4 млрд. долл. больше общего объема ассигнований этих стран на государственную помощь за тот же период, не говоря уже о том, что реальные потери

Причем, как отмечают специалисты, техническое опережение Соединенными Штатами других стран становится особенно наглядным по мере продвижения от изобретений к нововведениям в производстве; подсчитано, что расходы при переходе от исследований к конструкторским разработкам, а затем к налаживанию производства увеличиваются в пропорции 1 : 10 : 100, и потому решающим фактором в области массового освоения новой техники оказывается промышленно-финансовая мощь американских монополий, в целом превосходящих по масштабам деятельности западноевропейских и японских конкурентов²².

Именно за счет быстрого — опережающего другие страны — внедрения нововведений в промышленности и других отраслях экономики США и оказываются впереди; так, по количеству патентов, ежегодно регистрируемых в США и Западной Европе, возможности у них примерно равны, но по реализации этих возможностей — по внедрению — американские показатели примерно в восемь раз выше²³. Мощь уже имеющейся инфраструктуры делает для США более быстрым и гораздо более выгодным внедрение изобретений, родившихся за рубежом. Отсюда — и распространенность «закупки на корню» зарубежных изобретений, нашедшая в последние годы отражение в растущем объеме перекрестных продаж лицензий, когда в обмен на собственную, обычно уже отработанную технологию американские компании получают доступ к новейшей технологии своих контрагентов и нередко успевают внедрить ее раньше, чем те.

Экспорт технологии — не только первый шаг к экономическому освоению труднодоступных рынков, он представляется американским специалистам и сам по себе чрезвычайно удачной формой проникновения за рубеж, поскольку расширение борьбы за национальную экономическую независимость, недовольство засильем иностранного капитала как в развитых, так и в развивающихся странах создают «ненадежный инвестиционный климат», а договоры о передаче технологии, напротив, обеспечивают высоко котирующуюся стабильность. Привязка же к американскому поставщику технологии оказывается достаточно прочной: во-первых, покупатель заинтересован в сохранении дальнейшего доступа к НИОКР «следующего поколения» в интересующей его области; во-вторых, большинство лицензионных соглашений

не могут быть точно выражены в деньгах и являются вообще невозможными. См.: Доклад группы правительственных экспертов по передаче технологии в обратном направлении. ООН, 1978, с. 11.

имеют оговорку, обязывающую покупателя лицензии приобретать необходимую оснастку, технологические материалы у того же поставщика (такую оговорку имеют, например, 67% лицензионных соглашений между фирмами США и латиноамериканскими странами Андской группы).

Экспорт технологии имеет и еще одну, политическую грань: он используется как база для договоренности о разделе рынков между американскими и иностранными монополиями (истинные масштабы раздела рынков оценить трудно, ибо такого рода условия в соглашениях редко становятся достоянием гласности). По данным исследования, проведенного в начале 70-х годов японским агентством по науке и технике, в типичный год до 80% соглашений, заключенных японскими фирмами касательно импорта технологии, содержали положения об ограничении рынков сбыта (в том числе более половины технологического импорта Японии было оговорено отказом покупателя от сбыта товаров по лицензии в Соединенные Штаты); для развивающихся стран налагаемые ограничения еще более жестки — часто фигурирует полный запрет использовать приобретаемую технологию для производства на экспорт (такое условие имелось в начале 70-х годов в 92% лицензионных соглашений национальных фирм Андских стран с американскими корпорациями). Иногда в целях удорожания технологии лицензиар использует метод насаивания лицензий, добавляя дополнительную технологию как бы в нагрузку к той, в которой лицензиат действительно нуждается. Ограничительная практика в сфере передачи технологии чрезвычайно разнообразна и используется американскими монополиями очень широко*, обеспечивая им, с одной стороны, чисто коммерческие выгоды, ибо им удается регламентировать процесс конкуренции, а с другой, — помогая американскому капиталу сохранять прочные, а подчас доминирующие позиции в экономике развивающихся стран, да и в отдельных отраслях промышленности в развитых капиталистических странах**.

Нужда же в передовой технологии настолько велика, что лицензиаты часто идут на все ограничения, на невыгодные

---

* Подробно см. об этом: *Иванов И. Д.* Современные монополии и конкуренция. М., 1980, особенно с. 89—104.

** И. Д. Иванов приводит примеры использования передовой технологии непосредственно для овладения акциями зарубежных компаний; акции обычно требуются в частичную уплату за лицензии, и с каждой новой сменой технологии пакет акций лицензиата в руках американского лицензиара становится все значительнее, вплоть до приобретения полного контроля. См.: *Иванов И. Д.* Международные корпорации в мировой экономике. М., 1976, с. 70—72.

для себя условия, чтобы обеспечить себе определенную степень приобщения к лучшему мировому научно-техническому опыту. Надо отметить при этом, что, вступив однажды на путь массированного импортирования технологии, сойти с него нелегко, а этот путь чреват и отрицательными последствиями, которые накапливаются незаметно, исподволь, но в результате приводят к серьезным диспропорциям в отечественной инфраструктуре, в собственном научно-техническом потенциале, даже когда речь идет о высокоразвитой стране (постоянно испытывается нехватка специалистов различного профиля; недостает опыта; остается на низком уровне развитие материальной базы на ряде важнейших направлений; недостаточно качество управления научными исследованиями и разработками и т. п.). Хотя бы даже частичное выправление зависимого положения невозможно без резкого форсирования собственных научно-технических усилий, без значительного увеличения капиталовложений.

В этом плане показателен пример ФРГ, начавшей в 60-е годы активнее, чем ранее, стимулировать НИОКР и в результате сумевшей добиться некоторого ослабления одно-сторонней зависимости и сокращения дефицитного сальдо лицензионного баланса. ФРГ, разумеется, не ставила перед собой задачи добиться какой-то научно-технической автаркии. Цель была в том, чтобы лишь уменьшить перекося в отношении внутренних и внешних факторов научно-технического прогресса, поскольку было сочтено, что этот перекося отрицательно сказывается на хозяйственном развитии страны. Видимо, свидетельством успеха ФРГ может служить то, что она стала первой страной, добившейся в 70-е годы активного патентного баланса с США: количество патентов, выданных гражданам ФРГ в США, стало в полтора раза превосходить количество патентов, выданных американцам в ФРГ²⁴. Тем не менее это не привело к ослаблению научно-технической ориентации ФРГ на США, даже напротив: если в 1963 г. на долю заокеанского партнера приходилось 38% всех западногерманских затрат на приобретение лицензий²⁵, то в 1973 г. — 55%. У развивающихся стран аналогичный показатель, естественно, еще выше: например, в среднем по Латинской Америке он равен 80—90%, а в целом по всем развивающимся странам — 40,6%.

Причем когда объектом передачи технологии являются молодые освободившиеся государства, то этот процесс имеет серьезные последствия не только для технико-экономической структуры последних, но и воздействует на их социально-экономическое развитие в целом. Как справедливо указыва-

ется в монографии «Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции», «американский капитал стремится превратить передачу техники и технологии в „передачу“ частнокапиталистических отношений... используя усиливающееся в условиях научно-технической революции стремление развивающихся стран преодолеть экономическую отсталость путем ускоренного и широкого внедрения новейших достижений науки и техники, США идут на уступки во второстепенных вопросах передачи технологии в целях вовлечения этих стран в интегрированную, но по-прежнему эксплуатируемую часть мирового капиталистического хозяйства»²⁶. Об этом достаточно откровенно свидетельствуют и сами американские авторы. «Когда страна приобретает технические или научные знания (в форме патентов или управленческих услуг — *И. Ш.*), она одновременно импортирует и экономическую организацию, являющуюся зеркальным отражением западной,— пишет специалист по проблемам коммуникации М. Порат.— Это почти неизбежно. Управленческая организационная иерархия, экономические концепции эффективности производства, система цен, финансирования, техника маркетинга, управление спросом — это все корреляты западной технологии... Технологическая система производства, будучи единой установленной, становится весьма устойчивым культурным явлением»²⁷.

Яркой иллюстрацией служат предложения США в области передачи технологии, изложенные на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН и на IV сессии ЮНКТАД; США предлагают создать — в конечном итоге под своей эгидой — ряд международных центров по передаче технологии; разработать программы по использованию достижений науки и техники в области практического применения космической техники для улучшения связи, метеорологической и навигационной служб, для сельского хозяйства и транспорта, для развития водных ресурсов и использования Мирового океана (освоение сырьевых ресурсов, развитие системы аквакультур и рационального использования морских рыбных ресурсов) и т. п. Все эти предложения опять-таки отводят США и другим странам Запада роль консультантов, определяющих за развивающиеся страны, какая именно технология им нужна и т. п.

Говоря об американской деятельности на рынке новейшей технологии, нельзя не упомянуть ряд крупных проектов, разработанных в США и рассчитанных на экспорт, которые, по замыслу авторов, призваны обеспечить долгосрочную зависимость стран-импортеров от США. Довольно

широкую известность получил, например, подготовленный Национальной лабораторией в Оук-Ридже проект агропромышленных комплексов, работающих на ядерной энергии. Смысл проекта в том, чтобы в условиях морского или океанского побережья, где ощущается нехватка пресной воды (в районах типа побережья Карибского моря или Ближнего Востока), наладить опреснение воды для ирригации сельскохозяйственных земель в сочетании с интенсивным энергоемким промышленным производством, в частности производством удобрений или других химикатов, для которых главным исходным сырьем могли бы служить морская вода и воздух (остальное сырье — бокситы, фосфор и т. п. предполагалось импортировать). Особенность этого проекта — и целого ряда близких к нему по замыслу — состоит в том, что страна, которая взялась бы за его осуществление (а здесь явно имеются в виду развивающиеся страны), не смогла бы в одиночку обеспечить функционирование столь сложной и крупной научно-технической системы, как агропромышленный комплекс, и потому была бы на длительный срок ориентирована на тесное взаимодействие с Соединенными Штатами, которые возьмут на себя технологическое обеспечение проекта.

Если описанный выше тип агропромышленного комплекса замкнут на энергоемкую технологию опреснения воды, то к 80-м годам США разработали принципиально иную методику обессоливания воды с помощью чувствительнейших фильтров-мембран, пропускающих чистую воду лишь в одном направлении и отделяющих все примеси. Технология изготовления этих фильтров, используемые искусственные материалы, наладка комплекса — это все требует исключительно американского «ноу-хау» и к тому же крупных финансовых затрат; однако уже сейчас такие опреснительные установки запланированы в Африке, на Ближнем Востоке, строятся в Алжире, Венесуэле, в самих США²⁸.

Весьма своеобразной формой экспорта новейшей технологии стала в последнее время и продажа США оружия развивающимся странам. Качественная новизна экспорта оружия определяется сейчас несколькими факторами:

— США стали продавать не старое оружие, а новейшие военно-технические системы типа сверхзвуковых самолетов, подводных лодок, ракет (известны случаи, когда на экспорт идет оружие, которое даже еще не поступило на вооружение в американской армии);

— эти сложные системы приобретаются странами, которые не имеют специалистов для их обслуживания и вынуж-

дене полагаются на помощь извне, т. е. со стороны тех же США;

— в результате в этих странах появляются значительные контингенты людей, которых можно было бы назвать «наемниками в белых воротничках», — американских военно-технических специалистов, без участия которых приобретенная техника осталась бы мертвым грузом.

По определению бывшего заместителя министра обороны США У. Клеменса, «эти программы поставок оружия образуют важную смычку, перекидывают мостик к иностранным государствам»²⁹; Г. Киссинджер охарактеризовал торговлю оружием как «фундаментальный элемент общей структуры... внешней политики Соединенных Штатов»³⁰; известный американский международник Л. Гелб писал, что по своему значению и возможным последствиям соглашения о продаже новейшего оружия сейчас служат «функциональными эквивалентами» военных договоров³¹.

Действительно, экспорт новейшей военной техники вовлекает страну-импортера в отношения сложной зависимости от США. Именно на это делали ставку США в своих отношениях с Ираном — крупнейшим покупателем оружия в 70-е годы. С 1972 по 1976 г. шахский Иран закупил американской военной техники на 10 млрд. долл. и не планировал снижения темпов и масштабов закупок. Однако Иран, 63% населения которого неграмотно, не располагал ни инфраструктурой, ни подготовленными кадрами для обслуживания этой техники. В 1976 г. численность американского технического персонала в Иране, приглашенного для освоения и эксплуатации вооружений, составляла 24 тыс. человек, включая членов семей, а к 1980 г., по расчетам, могла даже достичь цифры 50—60 тыс. Авторы доклада сенатской комиссии по иностранным делам, составленного в 1976 г., с удовлетворением констатировали, что Иран так сильно зависит от американских советников и инструкторов, что в ближайшем будущем не сможет воевать «без ежедневной поддержки со стороны США»³².

Эти соображения преподносились как полностью отвечающие американским интересам: помимо прибыльности, продажа оружия странам типа Ирана соответствовала провозглашенному Америкой желанию переложить на союзников большую степень бремени расходов на вооружения, а также содействовать созданию дружественных региональных «центров силы», которые бы поддерживали местный военный баланс в соответствии с американскими стратегическими расчетами. Ирано-американская близость избра-

жалась в Вашингтоне прямо-таки как модель оптимальных отношений с государством «третьего мира», лояльным, дружественным, твердо следующим в американском кильватере, развивающимся вполне в духе американских положений*. Именно поэтому иранская революция, свержение шаха, воинствующий антиамериканизм Исламской республики не просто нарушили расчеты Вашингтона в отношении наличия на Ближнем Востоке надежного проводника американских интересов, но и ознаменовали крах модели «идеальных» отношений с развивающейся страной; несостоятельной оказалась и идея технологической «привязки» через американскую военную технику.

Однако, по всей видимости, урок оказался недостаточным для Вашингтона. В 1980—1983 гг. при двух администрациях — Картера и Рейгана — вновь была сделана ставка на экспорт новейшей военной техники в Саудовскую Аравию в расчете закрепить эту страну в роли регионального оплота США. По данным на 1981 г., объем военных сделок США с Эр-Риядом превысил 34 млрд. долл., из них поставки на сумму в 13 млрд. уже осуществлены (для сравнения: к моменту свержения шаха поставки США Ирану составили 10,5 млрд. долл.). Если до 1978 г. речь шла в основном о создании в Саудовской Аравии военной инфраструктуры (баз, дорог и т. п.), то после 1978 г. военное сотрудничество перешло в новое качество. Беспрецедентная по масштабам военная сделка 1981 г., общей стоимостью 8,5 млрд. долл., предусматривает поставки Эр-Рияду 5 самолетов новейшей авиационно-разведывательной системы АВАКС (в тот период ВВС США сами располагали всего 24 самолетами этого типа), более тысячи ракет класса «воздух-воздух» для истребителей F-15, проданных королевству в 1978 г., наземных радиолокационных станций, самолетов-заправщиков и т. п.³³ Поскольку Саудовская Аравия еще менее, чем Иран, способна обеспечить самостоятельную эксплуатацию всей этой новейшей техники, быстрыми темпами стало увеличиваться количество американских советников и вспомогательного персонала в этой стране; по данным 1981 г., в Саудовской Аравии насчитывается около 45 тыс. американцев (с членами семей), и если соотнести эту цифру с

---

* Г. Киссинджер в своих мемуарах описывает политику Ирана тех лет (а точнее — политику шаха Ирана) как абсолютно проамериканскую; по его словам, во всем мире у США не было более верного и преданного сторонника, чем шах. См.: *Kissinger H. A. White House Years*. Boston, 1979, p. 1258—1265.

численностью коренного населения пустынного королевства (всего около 5 млн. человек), то получается показатель, в семь раз превышающий относительную насыщенность Ирана американским присутствием в разгар деятельности шаха³⁴.

Анализируя причины и механизм втягивания Саудовской Аравии в военно-техническую зависимость от США, К. Ван Холлен, специалист по проблемам Персидского залива и Юго-Восточной Азии, в прошлом высокопоставленный чиновник госдепартамента США, пишет в журнале «Форин аферс»: «Спор вокруг АВАКСов привлекает внимание к проблемам, порождаемым симбиозом между американскими профессиональными военными и их коллегами из богатой нефтью страны с почти неограниченными финансовыми возможностями. ВВС США, очевидно, подталкивали саудовское военное руководство к приобретению чрезвычайно сложной воздушной радиолокационной системы, невзирая на отсутствие в Саудовской Аравии технических специалистов для ее эксплуатации. Высшее гражданское руководство США увидело в необходимости долгосрочной американской технической поддержки для АВАКСов средство расширения и углубления американского военного присутствия в Саудовской Аравии»³⁵.

Учитывая опыт Ирана и общую нестабильность ближневосточной ситуации, Ван Холлен предупреждает, что ставка на массированное присутствие советников и насыщенность военной техникой сверх всякой меры может в конечном итоге лишь повредить американским интересам в регионе. Однако, судя по тому, что сенат США в октябре 1981 г. одобрил, хотя и незначительным большинством голосов, законопроект, разрешающий продажу новейшей техники Саудовской Аравии, в правящих кругах США надеются на эффективность военно-технических уз, ибо не могут изобрести никакого иного средства для оказания воздействия на мало населенное и избыточно богатое королевство.

Относительное приближение стран Западной Европы и Японии к американскому уровню экономического и научно-технического развития и эффективности производства усугубляет, как уже отмечалось, остроту конкурентной борьбы между тремя центрами силы современного империализма, стимулирует действие центробежных тенденций в рамках капиталистического мирового хозяйства. И в то же самое время тот факт, что США продолжают сохранять лидерство в наиболее сложных, наиболее перспективных областях производства, служит залогом преобладающего на

сегодня действия центростремительной тенденции. Сопrotивляясь американскому технологическому гегемонизму, партнеры-союзники пытаются форсировать собственные исследования, объединяются друг с другом ради ускоренного выполнения НИОКР, но равнодействующая всех этих усилий пока такова, что передача технологии остается важным фактором американского влияния на все без исключения развитые капиталистические страны.

Говоря о тех областях, которые пока обеспечивают Соединенным Штатам такой перевес, следует прежде всего, видимо, назвать производство и использование электронно-вычислительной техники. По оценкам специалистов, к началу 1980 г. общий парк ЭВМ США (без микро-ЭВМ) насчитывал 280 тыс. штук, Японии — 45 тыс., ФРГ — 29 тыс., Франции — 24 тыс., Англии — 20 тыс. (причем с учетом быстрого действия отрыв США окажется еще большим). Равным образом США находятся вне конкуренции по числу используемых ЭВМ общего назначения в расчете на 1 млн. жителей (в США — 286 штук, в Нидерландах — 181, во Франции и Японии — по 174, в ФРГ — 172 и т. д.)³⁶. Это огромный резерв силы, с помощью которого США сейчас начинают переходить от ставшего традиционным использования ЭВМ для управления производством к полной компьютеризации проектирования и производства*.

США обладают технологическим преимуществом перед соперниками и в таких областях, как производство обычных и интегральных полупроводниковых схем, универсальных информационных систем, микро-ЭВМ, микропроцессоров,

---

* Американские компании, работающие в наиболее передовых отраслях машиностроения, стали внедрять новую систему, обозначаемую аббревиатурой CAD/CAM (Computer-Aided Design / Computer-Aided Manufacturing), позволяющую установить качественно новую связь между электронным мозгом и «механической рукой». На предприятиях создается единая сеть, соединяющая ЭВМ в конструкторских бюро и технологических отделах с автоматизированными станками и роботами непосредственно в цехах. Если пять лет тому назад в США не было ни единого предприятия с такого рода замкнутым циклом компьютеризации и автоматизации, то в 1981 г. в американской промышленности было закуплено оборудования для внедрения системы CAD/CAM на 750 млн. долл. (каждая система стоит от 100 тыс. до 1 млн. долл., в зависимости от масштабов и пужд производства); ожидается, что к концу 80-х годов не менее 25% всех американских предприятий внедрят такого рода системы. См.: Time, 1981, Nov. 2, p. 74—81. ФРГ и особенно Япония пытаются ускорить разработку аналогичных отечественных систем за счет массивированного государственного финансирования соответствующих НИОКР, но пока, по оценке специалистов, США располагают значительным временным преимуществом.

средств автоматизации, разнообразных измерительных приборов, оборудования для очистки воздуха и воды, новейшей химической продукции. Соединенные Штаты опередили другие развитые капиталистические страны в разработке технологии практического применения геной инженерии; уже сейчас речь идет об экспериментальном производстве в США с помощью методов геной инженерии таких лекарств, как интерферон, применяющийся для лечения многих вирусных заболеваний и в онкологической практике, или инсулин, жизненно необходимый для диабетиков. Методы геной инженерии уже не только среди ученых, но и в мире американского бизнеса рассматриваются как технологический прорыв, который повлечет за собой столь же революционные последствия, как и внедрение микроэлектроники³⁷.

Весьма важной сферой технологического разрыва между США и их конкурентами является сельскохозяйственное производство. Перевес США в масштабах исследований и реальных результатов в создании новых сортов и видов сельскохозяйственных растений и улучшении пород животных, а также в совершенствовании сельскохозяйственной техники служит базой для значительного превосходства в производительности труда и в объеме выпуска конечной продукции, к тому же более дешевой, чем в Японии и Западной Европе. Это находит свое отражение в продолжающемся увеличении объема экспорта американской аграрной продукции, возросшего с 6,3 млрд. долл. в 1968 г. до 35,4 млрд. долл. в 1979 г.³⁸

Еще один аспект американского технического превосходства, который отчетливее может проявиться в будущем, связан с энергетическими и сырьевыми проблемами. США располагают научно-техническим заделом, который должен позволить им раньше соперников перейти на промышленную разработку новых энергоносителей, на освоение бедных руд и тех месторождений полезных ископаемых, которые до сих пор были недоступны (например, залежи на дне морей и океанов) либо нерентабельны (например, запасы горючих сланцев или нефтеносных песчаников и т. п.); США будут стремиться сохранить лидерство в этих областях и поставить другие страны в зависимость от своей технологии и новых типов машин.

Некоторые исследователи американской политики обескураживают тот факт, что администрация Рейгана, с одной стороны, поставила цель обеспечить Америке «самую лучшую и самую передовую в мире» науку и технику, а с другой стороны, не только не наращивает расходы на НИОКР,

но и урезывает их по ряду направлений, не имеющих прямого военно-прикладного характера. Мы, однако, не должны забывать о том, что в Соединенных Штатах, невзирая на возросшую роль государства как подрядчика при выполнении исследований и разработок, львиная доля НИОКР — свыше $\frac{3}{4}$ общего объема — приходится на частный сектор. И в этом плане не следует упускать из виду, что ряд экономических мероприятий администрации Рейгана, в том числе в сфере налогообложения, прямо преследуют цель интенсификации научно-технической деятельности американских корпораций. В наши задачи не входит обсуждение того, в какой степени эффективны эти мероприятия, однако следует отметить, что они явно ускорили развитие такого нового феномена в экономической жизни США, как резкий скачок в начале 80-х годов объема «рискового капитала» — особой сферы финансирования перспективных научных разработок новационных компаний, концентрирующих свои усилия на разработке принципиально новых технических решений (сейчас такие фирмы в основном работают в сфере телекоммуникации, биотехнологии и лазерной техники)*.

Республиканская администрация Р. Рейгана, пожалуй, в еще большей степени, нежели ее предшественники, стоит за поддержание отрыва США от конкурентов в передовых областях науки и техники и за использование этого отрыва в политических целях, стремясь при этом максимально повысить «цену» за приобщение других стран к американскому научно-техническому потенциалу.

2.

Технология «глобального диапазона»

Важное место во внешнеполитической стратегии США отводится научно-техническим связям Соединенных Штатов с другими странами в рамках глобальных проблем, новых, открывшихся в результате научно-технической революции, областей и сфер международного взаимодействия, таких, как мирное использование космического пространства и освоение Мирового океана, мирное использование ядерной энергии, охрана окружающей среды и т. п.

---

* В 1969 г. общий объем «рискового капитала» в США оценивался в 171 млн. долл.; к 1975 г. он настолько сократился, что уже не превышал 10 млн. долл. И тем не менее в 1981 г. «рисковый капитал» составил 1,3 млрд. долл., т. е. вырос за шесть лет в 100 раз на фоне общего замедления темпов экономического роста США. См.: Time, 1982, Febr. 15, p. 36.

Более полувека тому назад крупнейший естествоиспытатель, создатель учения о биосфере В. И. Вернадский уже предвидел, что научные знания и техника, созданные человеком, превратятся, по его выражению, в «планетное явление» не только в том смысле, но и в том, что они быстро станут достойными всего человечества, но и в том, что они будут определять дальнейшие судьбы нашей планеты наряду с естественными силами природы. Убедительно доказав, что в результате развития науки и техники человеческая деятельность становится по своей мощи сопоставимой с геологическими факторами, Вернадский в то же время твердо верил в человеческий разум, в способность жителей Земли рационально подойти к вопросу «о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого»³⁹.

В наши дни мир вплотную столкнулся с глобальными проблемами развития техносферы, которые предвосхитил Вернадский. Казалось бы, такие области по природе своей призваны стать ареной сотрудничества между государствами, добросовестной кооперации усилий на благо всего человечества. Однако и здесь Соединенные Штаты стремятся использовать свои передовые позиции во многих областях науки и техники для того, чтобы обеспечить себе более выгодную, более influentialную позицию.

В этом плане обращает на себя внимание программный документ-доклад, явившийся итогом работы президентской комиссии по глобальным проблемам и увидевший свет в 1980 г. Главная рекомендация экспертов — членов комиссии на первый взгляд состоит в том, что эффективное решение всего этого круга проблем требует непрямого широкого сотрудничества в международном масштабе. «Требуемые изменения, — пишут авторы доклада, — выходят далеко за пределы возможностей и ответственности того или иного отдельного государства. Необходима эра беспрецедентного сотрудничества и самоотверженности»⁴⁰. Однако далее докладчики соскальзывают в проторенную колею американоцентристских представлений и трактуют «благородное и справедливое сотрудничество с другими государствами» в категориях, не оставляющих сомнения в том, что на деле они имеют в виду продолжение и укрепление американского гегемонизма. «...Существуют возможности и серьезные основания для того, чтобы Соединенные Штаты обеспечили свое лидерство среди всех наций... — доказывают они. — США, обладающие крупнейшим экономическим потенциалом в мире, могут ожидать, что их политика окажет значительное влияние на тенденции

глобального развития»⁴¹. Как мы увидим далее, именно обеспечение лидерства — в дополнение к приобретению экономических выгод — лежит в основе большей части американских усилий в сфере технологий «глобального диапазона».

Космическая программа Соединенных Штатов* практически с самого начала рассматривалась в неразрывной связи с внутренней и внешней политикой страны. Если президент Эйзенхауэр, при котором она была начата, связывал ее лишь с развитием американской военной мощи, то уже при Кеннеди на передний план вышли более широкие соображения политического, экономического, идеологического воздействия на другие страны, особенно идеологического, поскольку США после запуска первого советского искусственного спутника Земли ощущали особую нужду в укреплении своего престижа как технологического лидера капиталистического мира. В 70-е годы при сохранении в принципе высокого удельного веса разработки военно-прикладных космических систем США взяли курс на интенсивное использование уже имеющихся космических систем для решения практических задач и соответственно для вовлечения других государств, как развитых, так и развивающихся, в осуществление под американской эгидой проектов, имеющих непосредственное хозяйственное значение.

В 1978 г., когда по указанию президента Дж. Картера были запово проанализированы основные цели американской космической программы и объявлены перспективные направления на 10 лет, на видном месте в правительственном документе стояли задачи: «поддерживать американское лидерство в космических фундаментальных и прикладных исследованиях и технологии, способствовать реализации целей внутренней и внешней политики США», а как путь к решению этих задач указывалась практическая коммерческая эксплуатация существующих космических систем «в целях экономической выгоды и для укрепления технологических позиций США»⁴².

В середине 70-х годов США уже реализовывали более 250 двусторонних проектов по различным проблемам космических исследований партнерами по которым были более 90 стран. Космические исследования, как известно, в ряде случаев обеспечивают прямую экономическую выгоду за счет использования космических систем для решения практиче-

---

* Подробно о космической программе США см.: Глобальная стратегия США в условиях НТР, с. 256—290.

ских задач, таких, как совершенствование дальней связи, навигация, предсказание погоды, наблюдение за развитием сельскохозяйственных культур, поиска полезных ископаемых, контроль за состоянием водных ресурсов, за качеством окружающей среды и т. п. Поэтому естественно, что многие развитые капиталистические и развивающиеся страны проявляют интерес к космическим исследованиям, хотя сами и не имеют научно-технического потенциала для осуществления таковых. Это дает Соединенным Штатам возможность диктовать довольно жесткие условия, в том числе и финансовые, при заключении соглашений по той или иной проблеме космонавтики (в частности, $\frac{3}{4}$ общей стоимости совместных космических проектов приходится на долю партнеров США, не говоря уже о возможности для США использовать космодромы, станции слежения и другие наземные объекты на территориях многих стран, а также привлекать высококвалифицированные научные и технические кадры).

В начале 60-х годов западноевропейские страны в надежде утвердить свою научно-техническую независимость от США в осуществлении космических исследований создали две специализированные организации — Европейскую организацию по исследованию космического пространства и Европейскую организацию по разработке ракеты-носителя для решения практических задач, представляющих особый интерес для экономики стран-участниц. Однако в начале 70-х годов они были вынуждены не только предпринять формальную реорганизацию, заменив две европейские космические организации единым Европейским космическим агентством в составе 12 стран, но и пересмотреть свои цели, ограничив их осуществлением исследований с помощью искусственных спутников Земли. В 1973 г. Европейская конференция по космическим исследованиям приняла решение о подчинении Соединенным Штатам всей западноевропейской деятельности в данной области. Тем не менее, как свидетельствуют последующие события, ведущие страны Западной Европы не оставляют попыток ослабить — хотя бы на некоторых направлениях — те пути, которые проложены на них американскими монополиями.

Развитые капиталистические страны Западной Европы и Япония являются, таким образом, главными партнерами США по совместным космическим исследованиям. Канада также привлечена к такого рода сотрудничеству под американской эгидой — на нее возложено создание манипулятора для работы в космосе.

Работа над транспортным космическим кораблем многократного применения считается сейчас важнейшим направлением в американской космической программе, призванным открыть новый этап дальнейших исследований и освоения космического пространства. В течение 80—90-х годов намечается выполнить более 400 полетов на кораблях этого типа, способных длительное время находиться в эксплуатации, требующих — при большей надежности — гораздо меньших затрат, чем одноразовые ракеты-носители, улучшающих карди-

нальным образом условия транспортировки в космос людей и разнообразных грузов. Экипаж такого корабля сможет выводить в космос полезные грузы — спутники, автоматические станции, менять на них оборудование, осуществлять самостоятельные исследования, в том числе и такие, которые уже имеют практическую экономическую ценность. Орбитальная космическая станция — это лишь один из возможных вариантов космического комплекса с использованием корабля многократного применения*.

К сожалению, начало эксплуатации «Колумбии» стало поводом для активного муссирования определенными кругами США проблемы военно-прикладного использования «челночных» кораблей. Подобные планы противоречат положениям Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, под которым стоит подпись представителя Соединенных Штатов.

Хотя уровень развития космических исследований западноевропейских стран и не позволяет им самостоятельно продвигаться по всем направлениям, в некоторых сферах практического использования космической техники они все же стремятся помешать Соединенным Штатам сохранить за собой позицию монополиста. В свое время техническое преимущество США в разработке спутников связи позволило им организовать консорциум «Интелсат» — многонациональную коммерческую корпорацию по разработке и эксплуатации систем космической связи — по существу под своим полным контролем, поскольку корпорация «Комсат», представляющая там американские интересы, располагает контрольным пакетом акций (страны Западной Европы владеют лишь $\frac{1}{3}$ акций); теперь, когда возможности в области космической связи у Западной Европы возросли, когда ФРГ и Франция успешно эксплуатируют спутник связи «Симфония», «правила игры» в «Интелсате» изменить им все равно не удастся. Соответственно страны Западной Европы пытаются упрочить свои позиции в «Инмарсате» — международной организации по созданию системы морской спутниковой связи, а также в аналогичных организациях, которые могут быть созданы в будущем вокруг космических систем управления воздушным транспортом или исследования природных ресурсов и т. п.

Надо отметить, что среди действующих космических систем именно связь первой доказала коммерческую выгодность. Число членов консорциума «Интелсат» в 1977 г. превысило 100 стран, а морская спутниковая связь стала обслуживать нужды судоходства не только в Тихом и Атлантическом, но и в Индийском океане. В отношениях США с развивающимися

---

* Подробно об американской программе создания космического корабля многократного применения см.: *Исаченко И. И.* МКТС — перспективная космическая программа. — США — экономика, политика, идеология, 1976, № 10, с. 115—124.

странами спутники связи занимают особое место, котируясь чрезвычайно высоко как уникальное средство идеологического воздействия на массовые аудитории. Поэтому США продолжают исследования по использованию спутников на стационарной орбите для трансляции над тем или иным регионом (экспериментальные программы такого рода транслировались на 27 стран, включая Индию, Бразилию, Таиланд, Бангладеш, Пакистан, Йемен, Ливию, Судан, Марокко; по своему содержанию все эти программы были рекламой американской космической техники); однако свои наибольшие надежды в этой области Вашингтон связывает с разработкой непосредственного вещания со спутников на бытовые телевизионные приемники (пока что вещание идет через специальные приемные станции, сооружаемые, естественно, с согласия местных правительств).

Широкое международное применение нашли и американские метеорологические спутники: информацией, получаемой с них, пользуются метеослужбы 50 стран мира.

Однако наиболее активная внешнеполитическая роль отводится руководителями космической программы США спутникам для дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). (Так, в первый же год президентства Картера бывший тогда помощником президента по национальной безопасности З. Бжезинский специально обсуждал с руководителями Национального управления по авионавигации и исследованию космического пространства вопрос о возможностях более эффективного использования спутников «Лэндсат» в качестве орудия внешней политики США.) Именно с помощью этих спутников решаются на современном уровне развития техники такие важные народнохозяйственные задачи, как разведка полезных ископаемых, картографирование, наблюдение за развитием сельскохозяйственных культур на больших площадях, изучение кормовых ресурсов, рекомендации относительно оптимальных районов океанского рыболовства, изучение почв, эрозийной опасности, изыскание трасс путей сообщения и т. п.

Серия спутников «Лэндсат» дала Соединенным Штатам возможность поистине монопольного контроля за сбором и интерпретацией (анализом) информации, помогающей выявлению природных ресурсов других стран. В результате США получают всюду информацию первыми, а правительства соответствующих стран — во вторую очередь, что предопределяет возможность для Вашингтона в срочном порядке корректировать свои политические и экономические действия по отношению к «подопечным» странам. Доступ к системам ДЗЗ остро интересуется как развитые капиталистические, так

и развивающиеся государства; в том или ином виде американскими услугами с применением информации со спутников «Лэндсат» пользуются потребители в 100 государствах мира. Таким образом, Соединенные Штаты, контролируя ряд прикладных космических систем, получили в свои руки новый и весьма мощный рычаг воздействия на другие государства, позволяющий им ставить предоставление тех или иных научно-технических услуг в зависимость от устраивающего Соединенные Штаты курса того или иного государства в политической или экономической области.

Советский Союз является единственным государством, в отношениях с которым Соединенным Штатам приходится идти на истинно равноправную и взаимовыгодную кооперацию усилий в области космических исследований, и эта кооперация, осуществляемая пока в довольно небольшом объеме, может служить образцом потенциального международного сотрудничества на переднем крае научно-технического прогресса*.

Наиболее ярким свидетельством успеха научно-технического сотрудничества СССР — США был совместный полет

---

* Надо, справедливости ради, сказать, что и здесь американская привычка считать себя выше всех и вся тоже дает себя знать. Например, в ходе слушания в одной из комиссий конгресса по программе «Союз — Аполлон» из американских руководителей программы буквально выжимали — хотя и безуспешно — свидетельства «неравенства вклада» советских и американских ученых в реализацию совместного полета. Приведем отрывок из весьма показательного диалога между конгрессменом от штата Техас Р. Прайсом и д-ром Дж. Лоу, в тот момент заместителем директора НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства).

Прайс: «Мне представляется, что мы делимся своими знаниями со страной, которая не достигла нашего уровня и потому им удается узнать гораздо больше и получить от обмена гораздо больше преимуществ, чем нам». (Конгрессмен, как мы видим, не столько задает вопрос, сколько формулирует позицию, характерную для противников научно-технического сотрудничества.— *И. Ш.*)

Д-р Лоу: «Не думаю, что это верно, мистер Прайс. Я очень подробно обсуждал это с нашими техническими специалистами, в частности с теми, кто совместно с советскими учеными работал над механизмом стыковки космических кораблей (речь идет о подготовке к совместному космическому полету в 1975 г.— *И. Ш.*). Наши люди говорят, что они никак не могут приписать себе большие заслуги, чем другой стороне... Это работа на равных... Речь идет о сотрудничестве специалистов, которые с совершенной очевидностью обладают равной научно-технической компетенцией и достигли равного уровня в разработке соответствующих систем» (US — USSR Cooperative Agreements in Science and Technology. Hearings before the Committee on Science and Technology, House of Representatives, November 18—20, 1975. Wash., 1976, p. 186).

советских и американских космонавтов на кораблях «Союз» и «Аполлон», проведенный в июле 1975 г. в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях от 24 мая 1972 г. Менее бросаются в глаза, однако тоже очень значительны результаты сотрудничества в области космической метеорологии, изучения природной среды, исследования околоземного пространства (включая обмен образцами лунного грунта, научными данными и фотоснимками, полученными с Марса и Венеры), космической биологии и медицины. Как говорится в Соглашении о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, заключенном 18 мая 1977 г. на новый пятилетний срок, стороны будут принимать все необходимые меры для дальнейшего развития сотрудничества в научных и прикладных областях космонавтики, включая использование при совместных полетах совместимых средств сближения и стыковки, созданных на основе тех, которые были разработаны для экспериментального полета кораблей «Союз» и «Аполлон» (в том числе обсуждались и возможные совместные исследования и эксперименты с использованием советской орбитальной станции «Салют» и американского космического корабля «Спейс шаттл»).

Однако пока эти первые успехи в формировании международно-правовых основ для совместной деятельности государств в космосе, в реализации объединенных проектов по изучению космоса и использованию космической техники для решения земных проблем даются в нелегкой борьбе, поскольку в США сохраняются круги, которые предпочли бы сделать космос ареной политического соперничества, козырем в идеологической борьбе, новейшим плацдармом гонки вооружений.

Сказанное выше о космосе в значительной мере справедливо и в отношении исследования и освоения *Мирового океана* *. В последние годы в США и других капиталистических

---

* Подробно о политике США в этой области см.: *Писарев В. Д.* США и Мировой океан. М., 1977; *Мировой океан и политика США.*— В кн.: Глобальная стратегия США в условиях НТР. М., 1979, с. 310—331; *Сагриян А. А.* Международно-правовые проблемы освоения глубоководных ресурсов морского дна: эволюция позиции США.— США — экономика, политика, идеология, 1979, № 12, с. 26—37; *Любимов Л.* Мировой океан и интересы человечества.— МЭиМО, 1980, № 11, с. 31—56; *Hollick A. L., Osgood R. F.* New Era in Ocean Politics. Baltimore, 1974; *Barkenbus J. N.* Deep Seabed Resources: Politics and Technology. N. Y., 1979.

странах, в том числе и в правящих кругах, высказываются здравые суждения относительно того, что наиболее сложные проблемы освоения Мирового океана не могут быть решены ни одной страной в одностороннем порядке и требуют равноправного международного сотрудничества и учета справедливых интересов всех народов. Что касается СССР и других государств социалистической системы, то их подход к проблеме использования богатств Мирового океана давно основывался на принципах освоения Мирового океана в мирных целях на благо и в интересах всех стран и народов, при конструктивном согласовании существующих и вновь возникающих в этой области проблем межгосударственных отношений на общеприемлемой, недискриминационной основе, на базе развития взаимовыгодного международного сотрудничества в области изучения и охраны океана, рационального использования его экономического потенциала, совершенствования международного морского права.

Свидетельством того, что такой подход встречается в мире растущий отклик, является, например, заключение Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, принятие ряда международных конвенций по предотвращению загрязнений моря, разработка межправительственной океанографической комиссией ЮНЕСКО расширенной долгосрочной программы океанических изысканий и исследований. Важным событием 70-х годов стала Конференция ООН по морскому праву, начавшая работу в 1973 г. Большую роль в развитии международного сотрудничества в деле освоения Мирового океана сыграли советско-американские соглашения об ограничении числа пусковых установок баллистических ракет подводных лодок и количества подлодок — носителей этих ракет — в рамках Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений 1972 г. и Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним (также 1972 г.); совместные согласованные мероприятия по предотвращению загрязнения вод океана в рамках Соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды (1972 г.); межправительственные соглашения о морском судоходстве (1972 г.); и по вопросам регулирования рыбного промысла в Тихом и Атлантическом океанах (1973 г.), о сотрудничестве в области исследования Мирового океана (1973 г.).

Это, однако, не означает, что Соединенные Штаты не делают ставки на свои научно-технические ресурсы в обла-

сти освоения Мирового океана как на один из рычагов «технологической дипломатии». Напротив, именно в последнее десятилетие в условиях обострения сырьевой, и в том числе энергетической, проблемы Соединенные Штаты четко взяли курс на упрочение собственного лидерства среди капиталистических и развивающихся стран в деле освоения морских пространств и ресурсов и прилагают активные усилия для создания международно-правовой ситуации, которая благоприятствовала бы их экспансии, экономической и военной, в Мировом океане*.

Расчет США очевиден: они полагают, что им удастся на базе своего научно-технического лидерства обеспечить себе преимущественный доступ к прибрежным районам других государств и контроль за разработкой морских источников сырья, энергии и продовольствия (искусственно сдерживая при этом темпы освоения сырья, в первую очередь нефтегазового, возле своего побережья) в обмен на «содействие» другим государствам в деле обследования и освоения их прибрежных районов в сочетании с определенными отчислениями, которые будут выплачивать национальным правительствам американские промышленные компании, осваивающие минеральные ресурсы океана. Собственно, крупнейшие американские нефтяные корпорации («Галф ойл», «Мобил ойл», «Оксидентал», «Экссон», «Тексако» и др.) уже в течение многих лет ведут на морском дне не только разведку, но и добычу нефти и газа в прибрежных районах многих стран Азии, Африки и Латинской Америки; вообще же в работы по освоению и использованию Мирового океана и его ресурсов вовлечены более 3 тыс. американских фирм. Более того, в конце 60-х годов была разработана и ныне реализуется национальная программа освое-

---

* Элиот Ричардсон, специальный представитель президента США и глава американской делегации на Конференции ООН по морскому праву при администрации Дж. Картера, писал в статье «Сила, мобильность и морское право» в «Форин аферс» весной 1980 г., что США прежде всего заинтересованы в сохранении в неизменном виде «суверенного права морских коммуникаций».

«Несомненно, что классическое использование морской силы приобрело сейчас новую важность... Поддержка друзей, предупреждение потенциальных противников, нейтрализация аналогичного развертывания силы со стороны другой державы, воздействие на двусмысленную ситуацию, демонстрация решимости за счет развертывания значительных сил — все это задачи, которые может выполнить исключительно морская сила, и только она. Для достижения этих целей очевидно преимущества морской силы над наземной или воздушной» (Richardson E. L. Power, Mobility, and the Law of the Sea.— Foreign Affairs, 1980, Spring, p. 906).

ния Мирового океана, одной из важнейших задач которой является обеспечение научного и инженерно-технического уровня, который даст США возможность в 80-е годы быть в состоянии рентабельно эксплуатировать континентальный шельф и склон до глубины 600 м, а к 2000 г. — освоить океанские глубины в диапазоне до 6 км, составляющие 98% площади морского дна. На этой базе Вашингтон, очевидно, рассчитывает укрепить обширную сеть военных, политических и экономических союзов и соглашений, которые связывают США со странами, расположенными практически во всех важнейших районах Мирового океана. Помимо того, освоение глубоководных ресурсов обещает высокие доходы, американский государственно-монополистический капитализм явно рассчитывает, что освоение нового источника ресурсов существенно укрепит позиции США в отношениях со странами — экспортерами сырья, получаемого из наземных месторождений. По умеренным оценкам, США смогут уже к середине 80-х годов резко уменьшить свою зависимость от импорта стратегического сырья, а по более оптимистическим — стать даже экспортерами никеля, меди, кобальта.

Пока что ни одно из государств Западной Европы, равно как и Япония, не обладает финансовыми средствами, необходимыми для крупномасштабного охвата всего комплекса морских работ и потому не составляет серьезной конкуренции Соединенным Штатам в этой области. В капиталистическом мире США являются сейчас единственной страной, горно-рудные компании которой практически готовы в начале 80-х годов приступить к промышленной эксплуатации морского дна (в частности, к разработке железомарганцевых конкреций). По имеющимся данным, американский капитал будет представлен во всех шести международных консорциумах, созданных для разработки конкреций, причем три из них находятся полностью под американским контролем. Именно в силу этого на III Конференции ООН по морскому праву США пытались добиться выработки такого договора, который, говоря словами Э. Ричардсона, гарантировал бы «правопорядок, в рамках которого наше собственное понимание наших (т. е. американских.— *И. Ш.*) прав не будет по сути никем оспариваться»⁴³.

Однако на конференции события не пошли по американскому сценарию*; Соединенным Штатам пришлось согла-

---

* США выступали не просто против сильной международной организации, которая регулировала бы освоение ресурсов глубоководного морского дна, но и против того, чтобы в какой бы то ни было регулирующей инстанции дела решались по принципу «одна страна — один

шаться на компромиссные решения. В этих условиях, пользуясь тем, что до сих пор международное право не ограничивало разведки и разработки ресурсов морского дна, США стали предпринимать усилия для одностороннего захвата ресурсов морского дна (и приняли в июле 1980 г. закон, поощряющий американские компании в этом направлении). Нынешнее поведение США отчасти напоминает ситуацию, сложившуюся осенью 1945 г., когда президент Г. Трумэн провозгласил суверенное право США на все ресурсы морских пространств, примыкающих к берегам Соединенных Штатов, и эта односторонняя акция прервала многовековую традицию свободного доступа к прибрежным ресурсам и открыла путь к разделу их наиболее значительной части. Сейчас, однако, трудно ожидать, чтобы попытка раздела «по силе» ресурсов, провозглашенных Генеральной Ассамблеей ООН «общим наследием человечества», могла иметь успех.

Это понимают многие и в самих Соединенных Штатах. Так, Дж. Баркенбус, сотрудник Института анализа энергетических проблем в Оук-Ридже (штат Теннесси) пишет: «В конгрессе и вообще повсюду в США широко распространено заблуждение, будто бы США и в самом деле в состоянии решить все задачи, связанные с Мировым океаном, в одностороннем порядке. На самом деле США остро нуждаются в сотрудничестве с международной общественностью для создания упорядоченного и стабильного режима в океане. Американцы принимают участие в разнообразной деятельности в глобальном масштабе, включая коммерческое и военное мореплавание, морскую разведку и добычу нефти, рыбную ловлю, научные исследования. Если не будет существовать общепризнанного стабильного законного правопорядка, все эти многочисленные и важные виды деятельности окажутся под угрозой. Следует понять, что решительные односторонние действия с опорой на военную силу не могут сами по себе гарантировать стабильного правопорядка и в будущем могут дорого обойтись. Нет сомнения в том, что существуют пределы использования силы, за которыми подобного рода акции становятся вредоносными»⁴⁴.

голос», так как это заведомо лишало бы США возможности навязывать свои решения. Поэтому они отстаивали такую структуру принятия решений в международном органе, в которой пропорционально учитывались бы такие факторы, как размер капиталовложений в освоение океана, производство и потребление соответствующих ресурсов. См., например: *Barkenbus J. N. How to Make Peace on the Seabed.*— *Foreign Policy*, 1976/77, Winter, p. 211.

Однако в 1981 г. работа Конференции ООН по морскому праву была фактически блокирована в результате решения Вашингтона пересмотреть свое отношение к проекту конвенции по морскому праву — уникальному документу, являющемуся результатом семи лет сложных переговоров, тщательно сбалансированному, предусматривающему компромиссное урегулирование основных проблем Мирового океана. Односторонние действия Вашингтона поставили под угрозу срыва международный форум универсального характера и продемонстрировали пренебрежение Белого дома к интересам других наций. Вопрос фактически стоял так: либо международное сообщество получит конвенцию по морскому праву, которая, по мнению абсолютного большинства государств, хотя и имеет некоторые неудовлетворительные для них положения, но в целом устанавливает взаимоприемлемый порядок сотрудничества на морях, или же, наоборот, Мировой океан станет ареной односторонних, произвольных действий государств, источником разногласий и конфликтов. Последний путь отвергается абсолютным большинством членов мирового сообщества наций.

В декабре 1982 г. на заключительной сессии Конференции ООН по морскому праву (остров Ямайка) под новой международной конвенцией поставили свои подписи 119 государств. Этот документ войдет в силу через год после того, как его ратифицируют не менее 60 стран. Исходя из интересов американских монополий, по-прежнему делающих ставку на обеспечение своего господства в области эксплуатации сокровищ морского дна, представители США отказались подписать конвенцию и склонили к этому ряд своих союзников. Тем не менее трудно ожидать, чтобы ресурсы морского дна, провозглашенные ООН достоянием всего человечества, могли быть в современную эпоху подвергнуты разделу «по силе», как пытаются того добиться американские империалисты.

Проблема энергоснабжения в 70-е годы в силу ее чрезвычайной важности для функционирования мирового хозяйства также вошла в категорию глобальных. Как уже упоминалось, США форсировали усилия в области энергетических НИОКР, поставив целью добиться энергетической самообеспеченности страны*. Однако речь идет не только о само-

---

* Бюджет энергетических НИОКР после 1973 г. рос беспрецедентными темпами и к 1978 г. увеличился в 7 раз, достигнув 2,7 млрд. долл. (что ставит его на второе место — он уступает лишь ассигнованиям на военные НИОКР). См.: Energy Technology. A Special Report.— International Herald Tribune, 1978, Apr., p. 8S.

обеспеченности — новая энергетическая технология призвана вернуть Соединенным Штатам то лидирующее положение на мировом капиталистическом рынке энергоресурсов, которое они занимали до 60-х годов, и дать им мощный рычаг воздействия на импортеров энергосырья — возможность использовать избыточный потенциал по производству энергоресурсов в целях внешней политики. В 1975 г. президент США Дж. Форд прямо призывал к развитию энергетической технологии и энергетических ресурсов США таким образом, чтобы к концу столетия США были в состоянии в основном удовлетворять энергетические потребности не только свои, но и своих основных империалистических союзников⁴⁵.

О каких направлениях идет речь?

Это, во-первых, совершенствование технологии добычи и использования существующих топливно-энергетических ресурсов (в том числе извлечение ресурсов, которые раньше считались нерентабельными и не разрабатывались, например получение нефти из сланцев); во-вторых, развитие альтернативных источников энергии, включающих в себя новые, перспективные виды энергии (термоядерная, геотермальная, солнечная энергия, водородное топливо для двигателей внутреннего сгорания и т. п.), а также и традиционные (ветровая, гидроэнергия), но используемые на принципиально новой научно-технической основе. (К этому следует добавить еще и третье направление — использование науки и техники для совершенствования мер по экономии энергии.) В нашу задачу не входит сколько-нибудь систематическое рассмотрение энергетической программы США и всех направлений американской энергетики*, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми примерами, иллюстрирующими основной тезис.

Как известно, в начале 70-х годов прогнозировалось гораздо более быстрое развитие ядерной энергетики, чем это происходит в реальности. Причины в основном группируются в двух областях — трудности, связанные с повышением надежности защиты окружающей среды и с решением проблемы радиоактивных отходов, а также опасность дальнейшего распространения ядерного оружия.

К началу 1980 г. 106 стран из 150 государств — членов ООН стали участниками Договора о нераспространении ядерного оружия. Однако целый ряд так называемых околоядерных стран не присоединились по различным причинам к до-

---

* Об этом подробно см.: Новые явления в энергетике капиталистического мира. М., 1980; Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции, особенно с. 281—310.

говору, в том числе Израиль, ЮАР, Пакистан, Бразилия, Аргентина и др. Вне сферы договора остаются также Франция и Китай. По данным Международного института по исследованию проблем мира, к 1980 г. промышленными и экспериментальными ядерными установками стали обладать свыше 50 стран, в том числе и неприсоединившиеся к договору, а всего в мире накоплено, помимо запасов у ядерных держав, около 45 т плутония, причем для изготовления одной атомной бомбы типа хиросимской достаточно всего 5 кг этого вещества. Если к этому прибавить, что основная информация о том, как сделать бомбу, является сейчас достоянием десятков, если не сотен тысяч человек, то очевидно, насколько актуальна задача укрепления режима нераспространения ядерного оружия.

В этой области между СССР и США налажено взаимодействие. Его отражением, в частности, являются проходящие с 1975 г. закрытые совещания членов Лондонского клуба — 15 стран, экспортирующих ядерные материалы, технологию и оборудование, в рамках которых согласован ряд дополнительных мер, укрепляющих контроль над ядерным экспортом. Исключительно важное значение для укрепления режима нераспространения имело торжественное обязательство Советского Союза, провозглашенное в мае 1978 г. с трибуны первой Специальной сессии Генеральной Ассамблеи по разоружению ООН в том, что СССР никогда не применит ядерного оружия против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения такого оружия и не имеют его на своей территории; аналогичное обещание, хотя и в более расплывчатой форме, вынуждены были дать и Соединенные Штаты.

В 1982 г. Советский Союз еще раз подтвердил неизменность своего миролюбивого курса, приняв историческое обязательство вообще не применять первым ядерное оружие. Вопреки требованиям широкой международной общественности, в том числе и американской, администрация Рейгана не проявила никакого желания взять на себя аналогичное обязательство.

Определенный итог двухлетней работе по исследованию технических проблем, связанных с использованием ядерного топлива, был подведен в 1980 г. на конференции в Вене общей договоренностью 66 стран-участниц о введении более строгих мер предосторожности (в частности, в предварительном порядке предложено взять все запасы плутония под международный контроль).

Казалось бы, и политика администрации Картера развивалась в том же русле предотвращения расползания ядерного оружия (в частности, Белый дом принял решение отложить

на неопределенное время промышленную переработку и обогащение ядерного топлива в коммерческих целях, предусматривавшиеся в рамках действующих американских программ; затормозил программу реакторов-размножителей; сохранил эмбарго на экспорт оборудования и технологии по обогащению и химической переработке урана; ввел более жесткие гарантии в торговле расщепляющимися материалами и т. п.); однако позиция США все же объясняется и вполне эгоистическими мотивами — желанием сохранить, а там, где оно было утрачено, вернуть господствующее положение США на мировом капиталистическом рынке атомных энергетических установок и ядерного топлива, оттеснив своих империалистических партнеров-соперников.

Именно под этим углом многие расценили активное давление со стороны США на крупнейших экспортеров ядерного оборудования и технологии — ФРГ, Францию и Канаду — с целью помешать реализации уже заключенных ими сделок и предотвратить новые. (Причем давление это было небезуспешным: Франция пошла в 1978 г. на аннулирование уже заключенного контракта с Пакистаном; в 1979 г. Канада также пересмотрела свое соглашение с Аргентиной о поставке ядерного реактора и отказалась от него ввиду недостаточности гарантий со стороны Аргентины.) Одновременно в Вашингтоне подчеркивали, что США готовы компенсировать разрыв соглашений по ядерной технологии поставкой своего обогащенного урана «в достаточных количествах»; такого рода заявления рождали еще большие сомнения относительно того, какова была истинная роль эгоистических коммерческих интересов США как побудительной причины для оказания давления на конкурентов. Сомнения окончательно перешли в уверенность, когда летом 1981 г. президент Рейган заявил о решимости «восстановить ведущую роль США в международных проблемах, связанных с ядерной энергией» и в американской прессе появились сообщения о том, что администрация Рейгана намерена пересмотреть картеровское законодательство в сторону облегчения условий экспорта ядерной технологии.

Соединенные Штаты в целом пока еще лидируют на этом рынке, но удерживать позиции им становится все труднее, поскольку западноевропейские государства и частные концерны вступили на путь активного объединения усилий ради создания автономного потенциала, сопоставимого с американским. Кроме того, американская атомная энергетика была сильно скомпрометирована аварией на АЭС «Тримайл айленд» в марте 1979 г., с тех пор в США не был размещен ни один

заказ на атомный реактор (для сравнения: в 1972—1974 гг. в США было заказано 100 реакторов)⁴⁶. Правда, администрация Рейгана явно не собирается отказываться от дальнейшего увеличения доли атомной энергии в общем балансе энергопотребления США (в 1980 г. эта доля составила 11%, а по прикидкам на 1985 г. ожидается ее увеличение до 18%, если будут введены в строй все уже строящиеся АЭС)⁴⁷, однако можно считать, что США теряют преимущество в этой, ставшей уже более или менее традиционной области ядерной энергетики. С учетом данного обстоятельства Вашингтон прилагает особые усилия для того, чтобы заранее навязать союзникам максимально проамериканские «правила игры» на новейших направлениях энергетической технологии, в частности на направлении термоядерной энергетики.

Для Соединенных Штатов научные исследования в области термоядерной энергетики являются значительной статьей федерального энергетического бюджета: уже к концу 70-х годов на них ежегодно расходовалось более 700 млн. долл., а в октябре 1980 г. президент Картер утвердил законопроект об ассигновании на эти цели 20 млрд. долл. на предстоящие 20 лет⁴⁸ (для сравнения отметим, что аналогичная программа АЭС финансируется в пределах 100 млн. долл., а Японии — 90 млн. долл.), не считая скрытых в других статьях бюджета расходов Пентагона и военных лабораторий. Ведущую роль в осуществлении этой программы играет государство — в его руках не только общее управление и координация исследований, осуществляемых в рамках единого проекта, но и 80% НИОКР, выполняемых более чем в 60 федеральных научно-исследовательских центрах и крупных частных фирмах. Не будучи в состоянии конкурировать с Соединенными Штатами в том, что касается масштабов исследований и разработок и не желая при этом отстать в «термоядерных гонках», Западная Европа и Япония решили взять курс в долгосрочном плане на получение доступа к американской термоядерной технологии*.

В результате во второй половине 70-х годов проблемы управляемого термоядерного синтеза стали важной областью

---

* В свою очередь, США не замедлили использовать это решение, свидетельствовавшее об их научно-техническом лидерстве, как рычаг для извлечения ряда финансовых уступок. Как заявил руководитель американской термоядерной программы Э. Кинтер, «хотя США и стремятся к международному сотрудничеству в области термоядерного синтеза, не может быть и речи о том, чтобы Европе удалось за здорово живешь въехать в термоядерный век на запятках американской кареты» (Electrical Review, 1976, N 6, p. 35).

американских усилий на международной арене. В 1976—1977 гг. 77 членов МЭА подписали в Париже серию соглашений, которые предусматривают введение в рамках МЭА централизованного системного управления и долгосрочного программирования научных исследований и технико-экономических разработок термоядерных электростанций, а также, что особенно важно, регламентируют кооперацию усилий ведущих империалистических держав на стадии выхода термоядерных электростанций на коммерческий рынок. На практике эти соглашения имели своим результатом создание единой термоядерной программы, объединявшей усилия всего капиталистического мира под руководством США. В частности, соглашения предусматривают, что в процессе ознакомления других стран с отдельными аспектами американской термоядерной технологии США получают в свое распоряжение любое необходимое им число зарубежных специалистов без дополнительных финансовых затрат, более того, патенты и лицензии на изобретения, которые могут быть сделаны иностранными учеными в период работы в американских лабораториях, будут исключительной собственностью правительства США (и потом смогут быть использованы им для получения дополнительных коммерческих и некоммерческих выгод). Специальные разделы соглашений заранее регламентируют образование в рамках МЭА «общего рынка термоядерной технологии», полную ликвидацию таможенных и других протекционистских ограничений, что даст также очевидные преимущества американской стороне, ибо в экспортных потоках будет явно преобладать направление из США в другие страны.

Ожидается, что уже к 1985 г. все термоядерные исследования развитых капиталистических стран сольются в единый целевой механизм, дав Соединенным Штатам контроль над многократно расширенной и укрепленной научной, материально-технической и финансовой базой для ускоренного продвижения на этом важном направлении научно-технического прогресса. Сейчас в США рассчитывают, что демонстрационная термоядерная энергетическая установка будет создана к 2000 г.

Среди прочих альтернативных источников энергии все большее внимание в последние годы привлекает солнечная энергия — наиболее «чистая» и неиссякаемая. Технический прогресс в этой области шел во второй половине 70-х годов такими быстрыми темпами, что стоимость электроэнергии, полученной за счет солнечной радиации, стала вполне приемлемой для некоторых целей. В конце 70-х годов в Западной

Европе солнечная энергия начала широко применяться для подогрева воды, а в некоторых развивающихся странах (в частности, в засушливых районах Западной Африки) получили распространение водяные насосы, работающие на солнечной энергии. Однако в целом, по мнению специалистов, до конца века солнечная энергетика не получит широкого развития — за счет этого источника будет покрываться примерно 5% американских энергетических нужд и 3% нужд стран ЕЭС, если не начнут функционировать принципиально новые энергетические установки.

Среди возможных вариантов — идея космических энерго-сборщиков*, один из грандиозных проектов гелиоэнергетики, который до недавнего времени казался фантастическим, однако со второй половины 70-х годов в связи с проектами освоения ближнего космического пространства, в том числе на базе использования транспортного корабля многократного применения, США пришли к решению начать работу над таким проектом. По предварительным данным, НАСА заключила серию контрактов и приступила к выполнению программы, рассчитанной на 20 лет. В директиве президента Картера о гражданской космической программе от 11 октября 1978 г. отмечается, что США не могут взять на себя конкретные обязательства относительно создания спутниковой гелиоэнергетической станции, однако США считают необходимым начать экспериментальную проверку соответствующей технологии и потому приступают к выполнению «эволюционной программы»⁴⁹.

Само собой разумеется, что необходимость преодоления значительных технических трудностей, встающих на пути реализации такого рода проектов, потребует еще многократных экспериментов и длительных испытаний в космосе, прежде чем можно будет говорить о практическом исполь-

---

* Проект родился еще в середине 60-х годов. Идея состоит в том, что на геостационарной орбите с удалением от Земли на 30—36 тыс. км размещаются гигантские панели солнечных элементов. Собираемая энергия после преобразования в электрическую через специальную антенну узким лучом в микроволновом диапазоне электромагнитного излучения передается на Землю, поступает на соответствующую антенну, преобразуется в переменный ток промышленной частоты и идет в распределительную сеть. По варианту проекта, разработанному в известной научно-исследовательской фирме «Артур Д. Литтл», такая станция с площадью коллекторов солнечного излучения 64 км² способна обеспечить передачу на Землю мощности около 10 млн. кВт, что достаточно для города типа Нью-Йорк. Подробно см.: Aviation Week and Space Technology, 1976, Jan. 19, p. 36; Новые явления в энергетике капиталистического мира, с. 214—216.

зовании данного метода получения электроэнергии для применения ее на Земле в промышленных целях.

Если американцам действительно удастся реализовать такой проект по приемлемой цене, они станут монополистами в этой области энергетики, поскольку ни одна другая страна в капиталистическом мире не в состоянии самостоятельно решить эту проблему технически; «привязка» других стран к этому проекту была бы практически гарантирована*.

Еще одной новейшей областью научно-технического прогресса, активно работающей на внешнюю политику США и теперь также ставшей глобальной, является сфера *информационной технологии*. Потенциал информации как важнейшего «товара» в современном мире был быстро распознан американскими предпринимателями; Р. Сарноф, президент «Рэдио корпорейшн оф Америка», четко сформулировал такое понимание в своем выступлении на съезде Международной ассоциации связи в 1967 г.; он говорил о том, что уже недалеко то время, когда «информация станет товаром первой необходимости, равным по важности энергии», и что информация «будет функционировать как разновидность валюты в мировой торговле и будет повсеместно конвертироваться в другие товары и услуги»⁵⁰.

В том же 1967 г. американские законодатели провели специальное обсуждение вопроса «Современная связь и внешняя политика» (в рамках слушаний под характерным названием «Победить в холодной войне: идеологическое наступление США»); в итоговом докладе конгрессмены беспартийно утверждали: «Деятельность США будет в важной степени формировать складывающуюся международную систему коммуникаций... В очень большой степени другие страны будут имитировать наш опыт и будут присоединяться к тем институтам и системам, которые мы создадим... Учитывая нашу информационную технологию и информационные ресурсы, США явно могут стать центром всемирной коммуникационной системы»⁵¹.

Сбор, передача, обработка и хранение информации подверглись к концу 60-х годов радикальным изменениям, что отразилось в рождении термина «новая информационная

---

* Для американского мышления характерна вера в том, что для энергетической, как, впрочем, и для любой другой проблемы, можно найти быстрое техническое решение. Специалисты эту веру не разделяют; так, по словам Дейла Мейерса, который возглавлял американскую космическую программу пилотируемых полетов, а потом стал заместителем министра энергетики, «проблемы энергетических НИОКР далеко не так просты, как проблема доставки человека на Луну...» (Energy Technology. A Special Report.— International Herald Tribune, P. 1978, Apr., p. 8S).

технология». Новизна состоит прежде всего в том, что произошло слияние двух ранее самостоятельных направлений научно-технического развития — средств связи и электронно-вычислительной техники.

Выступая перед американскими сенаторами с разъяснением происшедшего, профессор Гарвардского университета, специалист по проблемам информации Э. Этингер говорил: «Научно-технические проблемы компьютеров и средств связи теперь неотличимы друг от друга. Нам надоело говорить „компьютеры и коммуникации“, поэтому мы создали новый термин — „комьюникации“. Общность проявляется в единстве основных компонентов — интегральных схем. Она проявляется и в основных принципах работы, таких, например, как цифровое кодирование, которое использовалось в компьютерной технологии со времени второй мировой войны и которое все шире применяется теперь в телефонных сетях для передачи как голоса, так и иных видов информации. ЭВМ и средства связи слились воедино, и речь идет не только о материально-технической стороне или методиках, но и об услугах как таковых, т. е. о функциях в широком смысле слова. Говорим ли мы о передаче, о хранении или о переработке информации, мы уже не можем провести грань между функциями средств связи и функциями ЭВМ»⁵².

«Новая информационная технология» создала предпосылки для подлинной глобализации информационных процессов: она породила принципиально новые системы информационного обеспечения — электронно-вычислительные сети, возникшие как раз на базе объединения ЭВМ со средствами связи. Если до 70-х годов американские компании имели главным образом изолированные информационные системы, строившиеся вокруг отдельных ЭВМ, и лишь начинали использовать возможности разделения машинного времени и телекоммуникаций, то с началом 70-х годов основная доля электронно-вычислительного потенциала промышленных фирм и многих других организаций была объединена в различные электронно-вычислительные сети, причем со второй половины 70-х годов активно пошел процесс концентрации электронно-вычислительного потенциала и создания «суперсетей», способных оказывать информационно-вычислительные услуги другим компаниям и правительственным организациям на коммерческой основе*.

---

* Подробнее об этапах развития электронно-вычислительных систем в США см.: *Мильнер Б. З., Кочетков Г. В. Крупномасштабные*

Информационно-вычислительные сети практически сразу же перешагнули за национальные границы США, ибо одними из первых, естественно, их стали создавать американские транснациональные компании для решения задач управления своими географическими удаленными друг от друга филиалами. Такая информационная система состоит из «суперцентра» — мощного вычислительного комплекса, расположенного либо в штаб-квартире компании, либо в ином удобном месте, связанного с помощью каналов дальней связи, абонируемых на постоянной или временной основе у соответствующих компаний или государственных организаций, — телефона, телеграфа, радио, телевизионных линий, спутников связи — с промежуточными, региональными — штаб-квартирами (вычислительными центрами меньшей мощности), а через них — с конечными устройствами (терминалами или ЭВМ).

Международные сети быстро нашли применение в деятельности туристских компаний, авиакомпаний (авиакомпания создали даже свой информационный пул — Международное общество аэрокосмической связи, обслуживающее 130 авиакомпаний), в сфере средств массовых коммуникаций (мощные информационные системы созданы, например, газетой «Нью-Йорк таймс», агентством ЮПИ); практически в глобальном масштабе действуют информационные системы таких американских корпораций, как ИБМ, ИТТ, «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Форд мотор», «Сперри рэнд», Ксерокс и т. д.

Кроме того, американские фирмы выступили и инициаторами создания специальных «сервисных» информационно-вычислительных сетей, охватывающих все основные деловые центры капиталистического мира и многих развивающихся стран, которые способны оказывать широкий спектр информационно-вычислительных услуг (на коммерческих началах) самым разнообразным клиентам — отдельным компаниям или учреждениям, целым государствам, региональным организациям. Крупнейшие системы подобного рода уже созданы компаниями «Дженерал электрик» («Марк-III»), «Контрол дэйта» («Сайбернет»), «Таймшеа» («Тимнет») и функционируют в Северной и Южной Америке, Западной Европе, Австралии и Японии.

Иллюстрацией может служить информационно-вычислительная сеть «Марк-III», действующая во всех перечислен-

---

системы информационного обеспечения. — США — экономика, политика, идеология, 1976, № 8, с. 103—113.

ных выше регионах. Основой сети является крупнейший в мире вычислительный центр, расположенный в США, в Кливленде (штат Огайо), где сосредоточено около 100 современных ЭВМ различной мощности; к этому центру в середине 70-х годов был добавлен второй аналогичный комплекс в Роквилле под Вашингтоном. Оба центра связаны всеми средствами связи, включая трансатлантическую кабельную связь и спутники связи, с двумя десятками региональных промежуточных центров, расположенных в США, Западной Европе, Австралии и Японии, которые, в свою очередь, имеют выход через мультиплексорные каналы связи непосредственно на потребителей (потребители могут иметь свои ЭВМ, а могут и вообще не иметь их; терминалы, которыми пользуются абоненты, различны — от специальных устройств до элементарного настольного телефона, до 90 % обычных телефонных аппаратов, установленных в США, пригодных для связи с системой «Марк-III»).

Абонент в любом пункте обслуживаемого региона за несколько секунд может связаться с центральным вычислительным центром, передать запрос и получить ответ или расчеты; скорость передачи или приема зависит лишь от устройства, которым он пользуется, и колеблется от 10 до 480 десятичных знаков или букв в секунду. В числе абонентов этой системы — более 5 тыс. компаний и организаций примерно в 400 городах США, Европы, Азии и Южной Америки; кроме того, соглашения с «Дженерал электрик» об использовании системы «Марк-III» заключили правительства многих стран, в том числе США, Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Норвегии, Швеции, Швейцарии.

«Дженерал электрик» предлагает своим клиентам широкий набор прикладных программ; в области производства это могут быть программы управления технологическими процессами, материально-техническим снабжением, программы производственного планирования и контроля, ремонта и технического обслуживания, контроля за качеством продукции, расчет, анализ и оптимизация графиков сетевого и программного управления проектами, проведение научных и технических расчетов, моделирование и исследование операций; в области экономики и финансов это могут быть расчеты стоимости продукции, расчет выплат и контроль за размером банковских фондов, автоматический перевод конвертируемых валют из одной в другую по рыночным ценам, расчет прибыли, финансовое прогнозирование, управление инвестированием и расчет оборачиваемо-

сти капитальных вложений, разнообразные бухгалтерские и статистические сводки на любой момент, анализ конкурентоспособности, решение вычислительных проблем.

Научно-исследовательские центры и университеты, правительственные организации нередко опираются на возможности Марк-III в целях накопления и экономико-математического анализа больших массивов официальной статистики — динамики ВВП, национального дохода, индикаторов циклического характера, показателей занятости, изменений на рынках, динамики изменения численности и миграции населения, данных об охране среды и использовании различного рода природных ресурсов, информации об общественном транспорте, городском управлении, основных тенденциях в социально-экономической жизни страны и ее отдельных регионов. Кроме того, клиенты могут работать и по собственным оригинальным программам, используя Марк-III лишь как техническую базу*.

Совершенно очевидно, что абонирование в подобного рода информационно-вычислительной системе представляет чрезвычайно широкие возможности для клиента, обладающего ограниченной компьютерной базой: его вычислительные возможности возрастают практически до неограниченных размеров; более того, абонент вообще может отказаться от создания собственных служб электронной обработки данных (и соответственно от подготовки кадров для таких служб), поскольку сервисная сеть функционирует как его «собственная» система, адаптируясь ко всем его потребностям. Кроме того, крупные компании, действующие в сфере переработки информации, непременно располагают большим штатом консультантов, готовых помочь абоненту, не имеющему специальных знаний, и в выборе программ, и в интерпретации данных. Таким образом, абонент получает, казалось бы, уникальную возможность «перешагнуть» через целый ряд проблем и получить возможность для принятия управленческих решений, политических и экономических, на уровне наиболее передового научно-технического обеспечения. Соединенные Штаты как бы временно сдают в аренду свой электронно-вычислительный потенциал, подменяют своей компьютеровооруженностью компьютеризацию друго-

---

* Подробно об этой и аналогичных системах см.: *Мильнер Б. З., Кочетков Г. В.* Указ. соч.; *Кочетков Г. В.* Индустрия переработки информации. — США — экономика, политика, идеология, 1979, № 12, с. 95—104; *Цылев Р. И.* Современная практика эксплуатации ЭВМ. — США — экономика, политика, идеология, 1974, № 12, с. 98—110.

го государства, не имеющего в инфраструктуре информационно-вычислительного потенциала.

Если учесть, что, по американским оценкам, около 50% валового национального продукта США и любой другой высокоразвитой страны непосредственно связаны с производством, распространением и переработкой информации⁵³, то очевидно, что информационно-вычислительный уровень непосредственно влияет и на темпы экономического развития, и на эффективность всего экономического механизма страны. Поэтому отказываться от предлагаемых квалифицированных информационных услуг зарубежным клиентам США невыгодно*.

И ничто не говорит о том, что они намерены отказываться; напротив, есть много свидетельств того, что электронно-вычислительные сети продолжают набирать силу. Однако одновременно американское засилье в сфере оказания информационных услуг стало вызывать определенную тревогу у других развитых капиталистических стран.

Невзирая на разработанные информационно-вычислительными фирмами системы кодов, паролей, идентифицирующих того или иного абонента сети, практически невозможно быть уверенным, кто, каким образом и в каких целях использует информацию, попавшую в вычислительную сеть. Таким образом, в случаях пересечения национальных границ не исключено, что могут «импортироваться» и «экспортироваться» конфиденциальные данные, ознакомление с которыми третьих лиц может нанести ущерб чьим-либо национальным политическим или экономическим интересам. (Причем это может произойти даже без всякого злого умысла со стороны служащих вычислительных центров.) Кроме того, уже сам факт обработки «чувствительной» для страны информации за границей не может не породить ощущения зависимости, опасений, что эта зависимость в какой-то момент будет использована к односторонней выгоде, экономической или политической, того, кто занимает доминирующее положение в сфере переработки информации. Наконец, растущий импорт информационно-вычислительных услуг имеет и непосредственно экономические негативные последствия: собственный информационно-вычислительный потенциал государства не растет или растет чрезвычайно медленно, отстают

---

* Как растет импорт информационно-аналитических услуг, видно на примере Канады, которая в 1978 г. импортировала таких услуг на 350 млн. долл., а к 1985 г. ожидается увеличение этой цифры до 1.5 млрд. долл. См.: США — экономика, политика, идеология, 1979, № 10, с. 71.

и процессы формирования национальных квалифицированных кадров, непропорционально мала доля валового национального продукта, производимого в информационном секторе, — одним словом, возникают диспропорции в национальной инфраструктуре, призванной обеспечить необходимые условия для высокоприбыльного функционирования капитала.

В Японии, ведущих странах Западной Европы, в Канаде стало быстро расти недовольство состоянием «информационной зависимости», вылившееся в требования разработки собственных национальных информационных ресурсов. В начале 70-х годов перспективный план развития собственных информационных ресурсов разработала Япония; во второй половине 70-х годов многие страны Западной Европы (Швеция, ФРГ, Франция, Норвегия, Дания, Австрия и др.) приняли законы, регулирующие внутренние потоки данных и информационный обмен с другими странами; Европейский совет взял на себя функции координации и унификации законодательств стран-членов в сфере информации и ведет подготовку международной конвенции, которая, с одной стороны, обеспечивала бы широкий обмен данными через национальные границы, а с другой — охраняла бы суверенитет стран-участниц. Уже были случаи, когда национальное законодательство в Западной Европе ограничивало передачу той или иной информации по каналам транснациональных корпораций (правда, не только американских).

Таким образом, как это было и в других сферах, Соединенные Штаты сталкиваются с протекционистскими тенденциями в политике союзников и стремятся максимально затормозить эти тенденции — прежде всего в интересах своих ТНК, которым возведение барьеров на пути информационных потоков грозит как увеличением затрат, так и — что еще важнее для них — определенной потерей гибкости в маневрировании ресурсами*. Интересам Соединенных Штатов

---

* Например, во Франции в первоначальном варианте информационного законодательства содержался пункт, требовавший обязательной регистрации в соответствующем французском ведомстве всех банков данных, принадлежащих корпорациям, в том числе, естественно, и транснациональным. Французский филиал американской корпорации ИБМ возглавил сопротивление этому законопроекту и сумел добиться изъятия «опасного» пункта на том основании, что это нарушало бы тайну коммерческих операций и в целом нанесло бы ущерб функционированию экономики страны. В других западноевропейских странах — Норвегии, Дании, Австрии — информационное законодательство оказалось более жестким, сильнее ограничило «информационную свободу» бизнеса, однако и здесь в законодательстве были сдела-

В гораздо большей степени отвечает глобализация информационных потоков, и они отстаивают именно такую линию в рамках ОЭСР, пропагандируя концепцию неограниченного международного обмена данными, основанного на унифицированной системе международных стандартов, на обеспечении скоординированности и совместимости в работе различных информационно-вычислительных сетей.

Следует одновременно учесть, что к концу 70-х — началу 80-х годов развивающиеся страны тоже постепенно становятся потребителями «новой информационной технологии», но при этом, наученные горьким опытом неравноправных отношений в других областях, едва ли не с самого начала выступают с требованием нового информационного международного порядка *. Соединенные Штаты стремятся «перехватить» эти требования и мотивируют свои призывы к «свободе информации» как раз тем, что введение какого-либо правового регламентирования лишь усугубит якобы разрыв между развитыми и развивающимися странами. В соответствии с теми же соображениями США и в рамках ОЭСР, и на широких международных форумах (например, по линии ЮНЕСКО, с 1972 г. уделяющей большое внимание проблемам информации) стремятся затушевать политические аспекты проблемы «новой информационной технологии» и выпятить чисто прикладные научно-технические вопросы, в решении которых они предлагают молодым государствам свое самое широкое содействие. О каком содействии идет речь, понять нетрудно — это опять-таки предложение американской техники и американских услуг по ее эксплуатации, т. е. способ продолжения и закрепления экспансии американских информационно-вычислительных компаний в новых регионах **.

ны оговорки, касающиеся скорее малого бизнеса, нежели крупных международных фирм.

* Подчас существует тенденция сводить это понятие, как и вообще понятие информации, исключительно к сфере массовой коммуникации и пропаганды, что представляется неверным. Опасно недооценивать жизненную важность обмена экономической, научно-технической и организационно-управленческой информацией, равно как и сам факт превращения индустрии переработки информации в важную инфраструктурную отрасль, без которой уже немислимо эффективное функционирование высокоразвитого хозяйственного механизма.

** Подчас американские рассуждения на этот счет отличаются удивительной откровенностью, особенно когда они рассчитаны на внутреннее потребление, а не на зарубежную аудиторию. Так, выступая в ходе уже упоминавшихся слушаний «Международные коммуникации и информация» в сенатской подкомиссии, У. Харли, почетный президент Национальной ассоциации образовательного вещания, гово-

Если на международных форумах США имеют тенденцию принижать значение политических аспектов проблемы информации, то у себя дома теории и практики американской внешней политики открыто отдают им должное. Сенатор Джордж Макговерн писал на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» в статье под заголовком «Век информации»: «Почти все, что производится в нашей стране, может быть изготовлено за рубежом. Сейчас существует мнение, в соответствии с которым величайшим экономическим и политическим ресурсом, сохраняющимся в наших руках, — и может быть, в будущем единственным ресурсом, от которого будет зависеть положительное или отрицательное сальдо нашего торгового баланса, — является продажа информации и ноу-хау»⁵⁴. Сенатор констатирует, что контроль над информацией может быть серьезным оружием в руках государства, и тут Соединенные Штаты не только сами владеют этим оружием, но и уязвимы для его применения со стороны других («Один из способов нанести удар по стране, которая, как США, очень зависит от информации и коммуникаций, состоит в том, чтобы поставить преграды на пути потока информации — перерезать связь между штабом и филиалами многонациональной компании; обложить высоким налогом информацию, передаваемую средствами дальней связи через национальные границы; возвести информационные стены вокруг той или иной страны»⁵⁵).

Действительно, в этой области, как и во многих других, Соединенным Штатам приходится сталкиваться с ситуацией взаимозависимости, когда не только они могут диктовать свою волю другим, но и сами зависят от неподконтрольных им решений, принимаемых другими государствами мира. Именно поэтому в Вашингтоне стремятся предупредить нежелательные для себя решения, создав у других «встречную заинтересованность» в сотрудничестве с США *. Науч-

---

рил в отношении американского содействия молодым государствам: «Не следует путать риторику с реальностью. В конечном итоге „третий мир“ будет вынужден обратиться за помощью к Западу. Мы обладаем техническими знаниями, финансовыми возможностями, возможностями помочь, указать им направление, поэтому в конце концов им придется сотрудничать с нами, если они хотят развивать свою инфраструктуру, свой собственный потенциал в области средств связи» (International Communications and Information, p. 58).

* Объясняя механизм насаждения такой заинтересованности, Дж. Мейджи, в то время президент весьма известной научно-исследовательской и консультативной фирмы «Артур Д. Литтл», говорил американским сенаторам: «Специфика оборудования и систем (речь идет об информационном и телекоммуникационном оборудовании.— И. Ш.)

но-техническое лидерство вообще, а в области «новой информационной технологии» в частности представляется им самым надежным способом для создания такой заинтересованности.

Отступая по многим традиционным показателям, направлениям соперничества с другими «центрами силы» капиталистического мира (уменьшение доли США в общем промышленном производстве капиталистического мира, во внешней торговле, в золотовалютных запасах), США возлагают большие надежды на новейшую технологию, которая, по их расчетам, могла бы позволить им взять на себя роль как бы «высшей нервной системы» капиталистического общества, подключив сюда и регион развивающихся государств. И надо признать, что для таких претензий у США есть серьезная материальная база. По оценкам советских специалистов, продолжает усиливаться превосходство США над другими промышленно развитыми странами в области больших ЭВМ, контрольно-измерительной аппаратуры, средств связи, систем автоматизированного управления производством и т. п.

Хотя существуют различные методики подсчетов количества ЭВМ в США и в других развитых капиталистических странах (официальная статистика числа ЭВМ в США отсутствует), специалисты сходятся в том, что параллельно с сокращением разрыва между США и другими развитыми странами по числу установленных малых и средних ЭВМ

такова, что первоначальная закупка почти неизбежно влечет за собой крупные последующие закупки, и таким образом доступ на данный рынок оказывается практически закрытым для производителей из других стран. Продажа телекоммуникационного оборудования за границей уникальна еще и в том отношении, что покупателями почти всегда являются правительственные ведомства, и это влечет за собой — в дополнение — подготовку местного персонала, который в процессе обучения знакомится с продукцией и культурой страны-поставщика...

Каждая продажа за рубеж американских наукоемких систем или систем тяжелой промышленности закладывает фундамент для последующих сделок в тех же или близких областях.

Каждая группа американских специалистов за границей обучает поколение зарубежных специалистов. Этот тип передачи технологии создает в дальнейшем непрерывный спрос на те же системы или системы, идущие им на смену.

Каждый заказ, который мы уступили другой стране, каждый американский специалист, который не выступил в роли «технологического посла», сокращает нашу внешнеторговую базу, сокращает рабочие места в Соединенных Штатах, не реализует возможности внушить понимание и уважение к американской культуре» (International Communications and Information, p. 239—241).

превосходство США в использовании наиболее сложных и быстродействующих машин еще более возрастает. Например, если в 1967 г. соотношение парка⁵⁶ малых и средних ЭВМ Западной Европы и США было 1:7, а больших ЭВМ — 1:9, то уже в 1972 г. соотношение для первой группы уменьшилось до 1:3, а для второй резко возросло до 1:28.

В американской литературе приходится иногда сталкиваться с мнением, что-де технологический разрыв, если таковой даже и существует сегодня, имеет все меньшее значение; коль скоро государство достигает определенного уровня экономического развития, уже неважно, опережает ли оно конкурентов или слегка отстает от них, потому что в целом все промышленно развитые страны вступают в полосу уравнивания, гомогенизации научно-технических потенциалов. Справедливо ли это? С одной стороны, бесспорно, что наука и техника интернациональны по характеру, что международное научно-техническое сотрудничество в современных условиях становится уже не просто благим пожеланием, а императивом дальнейшего продвижения вперед по многим направлениям научно-технического прогресса. С другой стороны, сама практика международных отношений — и об этом свидетельствует все изложенное выше — говорит о том, что лидер мировой капиталистической системы — Соединенные Штаты Америки как раз прилагают все усилия, чтобы избежать выравнивания научно-технических потенциалов, сохранить асимметрию в свою пользу и максимально использовать эту асимметрию как рычаг для политического и экономического давления на другие страны. Более того, чем больше США приходится терять позиции в других сферах международной жизни, тем большую ставку делают они на научно-техническое лидерство как на едва ли не последний резерв силы как в военной, так и в невоенных областях.

3.

Экспорт менеджмента

Одновременно с появлением на страницах печати термина «технологический разрыв» родился и его близнец — термин «управленческий разрыв». В Америке распространилось мнение, что научное превосходство само по себе играет, видимо, даже меньшую роль, чем наличие средств для реализации этого превосходства, каковыми являются эф-

Фективная система управления, рациональная организация исследований, быстрое внедрение новейших достижений науки в производство. Р. Макнамара, анализируя в свое время соотношение сил между США и Западной Европой, вообще поставил знак равенства между этими двумя «разрывами», сказав: «Технологический разрыв — это разрыв в управлении, в методах хозяйствования, «самого творческого из всех искусств, ибо это — искусство организовывать таланты»⁵⁷.

Буквально в самые последние годы американские управленческие теории (и практика) оказались в ряду таких инструментов внешнеполитического воздействия, как торговля, техническая и экономическая помощь, вывоз капитала.

Существует прежде всего экспорт управления в чистом виде, т. е. превращение менеджмента в такой же объект внешней торговли, как обычные товары, технология, информация. Американские компании все чаще заключают контракты на управление предприятиями за границей, на которые они не имеют прав собственности. Такие контракты имели или имеют многие из крупнейших американских корпораций типа ИБМ, «Вестингауз электрик», «Дженерал дайнэмикс», причем в роли клиентов выступают как развитые, так и развивающиеся страны, а сферы приложения самые разнообразные — сталелитейная, химическая, электронная промышленность, сельское хозяйство, коммерческая авиация, туризм, разведка и добыча полезных ископаемых.

Управляя предприятием по контракту, компания не несет никакого финансового риска, она получает прямую прибыль в виде оплаты своих услуг и, помимо нее, как правило, имеет еще и дополнительный гарантированный доход от продажи оборудования, необходимого для функционирования рекомендованной ею системы управления (надо сказать, что большинство компаний—экспортеров менеджмента в той или иной степени и сами заняты производством вычислительной или оргтехники и т. п.). Контролируя хозяйственную деятельность предприятия или группы предприятий, компания-менеджер получает уникальную возможность для детального изучения иностранного рынка и проникновения на него.

Что касается клиента, то его положение, несомненно, имеет ряд преимуществ по сравнению с тем, при котором американская фирма просто открывает свой филиал за рубежом: он сохраняет собственность на предприятие и привлекает иностранные ресурсы лишь на оговоренный контракт

срок. Правда, это обстоит столь просто лишь в теории, на практике разорвать отношения с американской корпорацией гораздо сложнее, это чревато многими неприятными последствиями, дезорганизирующими производство; поэтому, видимо, есть основания для высказываемых за пределами США опасений, что заключение контракта на управление с американской фирмой равносильно частичной утрате собственной свободы действий.

Еще один важный коммерческий канал распространения менеджмента — деятельность американских консультативных компаний. По разным подсчетам, в США сейчас функционируют от 2 тыс. до 3 тыс. консультативных фирм, причем примерно 100 из них — весьма крупные организации, оказывающие разнообразные услуги в решении управленческих проблем, в использовании новейших методов и техники переработки информации. О масштабах международной деятельности такого рода фирм позволяет судить уже то обстоятельство, что на протяжении последних лет три крупнейшие из них («Буз, Аллен энд Гамильтон», «Артур Д. Литтл» и «Маккинси энд Ко») ежегодно удваивают численность своих сотрудников в Западной Европе.

Одна из особенностей деятельности консультативных фирм состоит в том, что они работают по контрактам как с частными организациями, так и с правительствами зарубежных стран. «Артур Д. Литтл», например, примерно четверть общего объема работ выполняет по заказам зарубежных клиентов, как частных, так и правительственных; по контрактам корпорация содействовала Индии в создании оборонной промышленности, Чили — химической, Греции — пищевой; в Колумбии выполняла работы по налаживанию экспортных производств, в Ирландии — по совершенствованию местных авиалиний; для Голландии был разработан долгосрочный план рассредоточения городского населения и промышленности; десяткам стран АДЛ содействовала в организации иностранного туризма. Другими словами, фирма буквально ежедневно связана с разработкой комплексных перспективных планов развития целых регионов.

Помимо того что деятельность консультативных фирм приносит колоссальную выгоду им самим, она параллельно укрепляет американские позиции на зарубежных рынках в целом — и потому, что повышает престиж США, и потому, что чаще всего влечет за собой закупки американской техники. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что перед консультативной фирмой иностранному клиенту — будь то частная или государственная организация — приходится с большой

степенью откровенности обнажать собственные сильные и слабые стороны, ибо ей, как врачу, требуется точная информация для правильного диагноза и лечения. Таким образом повышается степень американской информированности о тех или иных явлениях или процессах в хозяйственной жизни иностранных государств, что само по себе иной раз может сыграть немаловажную политическую роль.

Еще одно чрезвычайно важное направление, связанное с менеджментом,— участие США в подготовке иностранных управляющих либо на территории самих США, либо непосредственно за рубежом. Эта работа ведется под эгидой американских университетов (более 200 высших учебных заведений США имеют такого рода программу для иностранцев), консультативных фирм (упоминавшаяся выше корпорация «Артур Д. Литтл», например, регулярно организует стажировку для менеджеров высшего и среднего звена из развитых и развивающихся стран), американских профессиональных и общественных организаций (типа Американской ассоциации управления, в которую входят более 60 тыс. коллективных и индивидуальных членов из 100 стран мира). Вся эта работа идет либо в рамках стационарных учебных центров с довольно длительными программами, либо в рамках краткосрочных курсов, конференций, семинаров и т. п. Цель всей этой деятельности — способствовать созданию престижного, достаточно высоко оплачиваемого, более или менее космополитического «пула» менеджеров, весьма жестко ориентированного на американские модели не только в том, как эффективнее использовать оргтехнику, или в новейшей методике принятия решений, но — и это главное — в мировоззренческом и культурно-этическом плане. Так формируется общность людей, которые призваны стать проводниками американского влияния, пропагандистами американского образа жизни, т. е. выполнять даже не столько хозяйственную, сколько политическую и идеологическую функции. Недаром именно этот аспект американской деятельности уже на пороге 70-х годов вызвал обвинение США в «управленческом империализме» со стороны Британского института управления⁵⁸.

В последние годы в Западной Европе и в Японии нарастало понимание того, что американское содействие в налаживании управления и в подготовке управленческих кадров подобно «троянскому коню», в связи с этим были предприняты попытки создать «свои» международные организации и центры по подготовке управляющих. Однако на практике все они опять-таки опираются на американский опыт, а нередко

и на финансовую помощь американских благотворительных организаций*.

На сегодняшний день американцам более или менее удалось «оседлать» волну интереса к проблемам управления в масштабах всего капиталистического мира, и они выступают в роли если не откровенных наставников, то советников и помощников в самых различных национальных центрах.

Здесь же следует отметить, что «управленческая экспансия» сказалась и на развитии американской науки об управлении, в последние годы в ней четко выделилась совершенно самостоятельная отрасль — управление международными операциями. В течение долгого времени американцы верили в абсолютную универсальность своих методов менеджмента, однако на практике убедились, что перенесение американского опыта имеет пределы, поэтому в 70-е годы появились первые труды по «сравнительному управлению». Правда, в значительной своей части они нацелены на решение чисто практической задачи — помочь американским компаниям, ведущим деятельность за рубежом, преодолеть «помехи», создаваемые иностранными государствами, и с максимальной эффективностью примениться к местным условиям.

Еще один чрезвычайно любопытный факт, имеющий отчетливую внешнеполитическую окраску, — рождение в США настоящего «управленческого миссионерства». Среди нескольких организаций такого толка выделяется Корпус междуна-

---

* Например, Фонд Форда субсидирует программы в области «деловой администрации» в Западной Европе — в Барселонском университете, в Европейском институте деловой администрации в Фонтенбло, в Институте по изучению методов управления предприятиями в Лозанне, в Высшем институте управления в Палермо, в Школе по изучению производительности в Генте, в Центре промышленных исследований в Женеве, в «школах бизнеса» в Лондоне и Манчестере; то же самое наблюдается в развивающихся странах; в Латинской Америке — Институт деловой администрации при университете Сантьяго в Чили, старейший на континенте учебный центр по подготовке менеджеров в рамках Монтерейского технологического института в Мексике, Институт высших знаний по администрации в Венесуэле, управленческие программы в Вест-Индском университете, в университете Вэллин-Кэли в Колумбии; в Азии наиболее крупные субсидии Фонда представляются Индии, где осуществляются несколько аспирантских программ и существуют институты управления в Ахмедабаде и Калькутте, созданные по модели американских «школ бизнеса»; кроме того, Фонд Форда содействовал созданию Сингапурского института управления, факультета деловой администрации Малайзийского университета, Института деловой администрации Стамбульского университета; в Африке размах работы Фонда несколько меньше, но и там у него прочные связи в Египте, где он субсидировал создание Института управления Египта и Центра управления при Александрийском университете, а также в Тунисе и Нигерии.

родных консультантов, созданный в середине 60-х годов по инициативе президента банка «Чейз Манхэттен» Д. Рокфеллера. Эта организация задумана для оказания помощи руководителям предприятий. Корпус располагает 1,5 тыс. добровольных консультантов и экспертов — профессиональных менеджеров высокой квалификации, которые совмещают периодические «шефские» визиты в развивающиеся страны со своей основной деятельностью (расходы корпуса главным образом покрываются за счет частных и общественных организаций США, однако некоторую их долю обязано возместить то иностранное предприятие или та организация, которые обращаются за помощью). География усилий корпуса довольно внушительна — Центральная и Южная Америка, Дальний Восток, Ближний Восток и Африка.

Существует и практика персонального приглашения крупных американских предпринимателей или менеджеров в качестве консультантов правительств развивающихся стран. Так, например, тот же Д. Рокфеллер весной 1976 г. согласился консультировать президента Египта А. Садата по вопросам привлечения иностранных капиталовложений.

Тот факт, что американская администрация ясно видит внешнеполитический потенциал экспорта менеджмента, подтверждается в официальных выступлениях сотрудников государственного департамента; в частности, на международной конференции Института наук по управлению, состоявшейся в Вашингтоне весной 1971 г., заместитель государственного секретаря США У. В. Макомбер подчеркивал, что США в будущих программах помощи развивающимся странам намерены делать акцент прежде всего на управлении, а уже потом на научно-технических знаниях.

Американский престиж в области управления зиждится, разумеется, не только на разработанности управленческой тематики в США, но и на том ореоле, которым окружены — особенно для многих развивающихся стран — экономическая мощь Америки и американская «деловитость». Кроме того, следует учитывать, что материальной базой для американского превосходства в области менеджмента является высокий уровень развития вычислительной техники и вообще методов переработки информации в США. В этом смысле положение США как монополиста в области производства ЭВМ (всего на долю американских фирм, включая их иностранные филиалы, в 1972 г. приходилось 89% парка ЭВМ всех капиталистических стран) представляет собой, естественно, мощный рычаг воздействия на всех потребителей вычислительной и оргтехники и систем управления,

Если экспорт технологии часто выступает как неявный инструмент американского воздействия, то экспорт управления позволяет иметь еще больше скрытых от невооруженного глаза каналов влияния. При этом политический потенциал экспорта управления, как представляется, едва ли не более значителен, нежели экспорта технологии, ибо тут речь идет об основах хозяйствования как на частном, так и на государственном уровне, о формировании управленческих структур, о системе подготовки руководящих кадров, т. е. об областях, неотделимых от принятой в государстве системы ценностей, иерархии национальных целей, от экономического строя.

-
- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 206.
  - ² *Science, Technology, and American Diplomacy. An Extended Study of the Interactions of Science and Technology with US. Foreign Policy.* Committee Print. US. House of Representatives. Wash., 1977, vol. 1, p. XVIII.
  - ³ *Killian J. R., Jr.* Science in the State Department: A Practical Imperative.— U. S. Department of State, Science, Technology, and Foreign Affairs. Report on the Seminar Held at the Foreign Service Institute. GPO. Wash., 1965, p. 5.
  - ⁴ *Кудров В. М.* Три центра империализма: тенденции соотношения сил. Научно-технические аспекты.— США — экономика, политика, идеология, 1981, № 10, с. 19.
  - ⁵ *Basiuk V.* Technology, World Politics, and American Policy. N. Y., 1977, p. 32—33.
  - ⁶ *Le Monde.* 1977, 14 avr.
  - ⁷ *North-South: A Program for Survival. The Report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt.* Cambridge. Mass., 1980, p. 194.
  - ⁸ *Ibid.*, p. 199.
  - ⁹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 14.
  - ¹⁰ *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество: Пер. с англ. М., 1969, с. 398.
  - ¹¹ *US — USSR Cooperative Agreements. Hearings before the Committee on Science and Technology, US House of Representatives, June 13—15, 21—22, 1972.* Wash., 1972, p. 65—66.
  - ¹² *Possony S., Pournelle T. E.* The Strategy of Technology. Winning the Decisive War. Cambridge, Mass., 1970, p. 1, 4.
  - ¹³ *Hardt T. P., Holliday G. D.* US — Soviet Commercial Relations: The Interplay of Economics, Technology Transfer, and Diplomacy. Wash., 1973.
  - ¹⁴ *Brzezinski Z.* Alternative to Partition. N. Y., 1965, p. 154.
  - ¹⁵ *Idem.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. N. Y., 1970.
  - ¹⁶ *Ibid.*, p. 25.
  - ¹⁷ *Science Indicators, 1976.* Wash., 1977, p. 199.
  - ¹⁸ *Ibid.*, p. 197.
  - ¹⁹ *Ibid.*, p. 20, 197.
  - ²⁰ *Артемьев И. Е.* Американский капитализм и передача технологии. М., 1980, с. 49.
  - ²¹ *Внеш. торговля, 1979, № 11, с. 11.*

- 22 Глобальная стратегия США в условиях НТР. М., 1979, с. 138.
- 23 *Brzezinski Z.* Op. cit., p. 28.
- 24 *Science Indicators*, 1973, p. 104—105.
- 25 МЭ и МО, 1975, № 4, с. 72.
- 26 Глобальная стратегия США в условиях НТР, с. 177—178.
- 27 *Porat M. U.* Global Implications of the Information Society.— *Journal of Communication*, 1978, Winter, p. 78.
- 28 *Economic Impact*, 1981, N 3, p. 7.
- 29 *Newsweek*, 1976, Sept. 6, p. 38.
- 30 *Ibid.*, p. 35.
- 31 *The New York Times*, 1976, Aug. 8.
- 32 *Newsweek*, 1976, Aug. 23, p. 25.
- 33 *Time*, 1981, Oct. 26, p. 29—33.
- 34 *Foreign Affairs*, 1981, Summer, p. 1069.
- 35 *Van Hollen Ch.* Don't Engulf the Gulf.— *Foreign Affairs*, 1981, Summer, p. 1070.
- 36 США — экономика, политика, идеология, 1981, № 10, с. 22.
- 37 См., например: *Economic Impact*, 1981, N 2, p. 55—60.
- 38 *Economic Report of the President*, January 1981, p. 348.
- 39 *Вернадский В. И.* Биосфера. М., 1967, с. 356.
- 40 *Entering the XXI Century. The Global 2000 Year Report to the President.* Wash., 1980, p. 4.
- 41 *Ibid.*, p. 40.
- 42 *Aeronautics and Space Report of the President. 1978 Activities.* Wash., 1979, Appendix F, p. 99.
- 43 *Richardson E. L.* Power, Mobility and the Law of the Sea.— *Foreign Affairs*, 1980, Spring, p. 906.
- 44 *Barkenbus J. N.* Deep Seabed Resources: Politics and Technology. N. Y., 1979.
- 45 *Weekly Compilation of Presidential Documents.* 1975, Jan. 20.
- 46 *International Herald Tribune*, 1981, Mar. 19.
- 47 *Ibid.*
- 48 *International Herald Tribune*, 1980, Oct. 11—12.
- 49 *Aeronautics and Space Report of the President. 1978, Activities.* Wash., 1979, p. 102.
- 50 Цит. по: *Schiller H. J.* Mass Communications and American Empire. N. Y., 1970, p. 7.
- 51 *Modern Communications and Foreign Policy. Report N 5. Subcommittee on International Organizations and Movements of the Committee on Foreign Affairs. 90th Congress, 1st Session.* Wash., 1967, p. 63.
- 52 *International Communications and Information. Hearings before the Subcommittee on International Operations of the Committee on Foreign Relations. US Senate. 95th Congress, 1st Session on the Implications of International Communications and Information.* June 8, 9, and 10, 1977. Wash., 1977, p. 35.
- 53 См.: *Porat M. U.* Global Implications of the Information Society.— *Journal of Communication.* 1978, Winter, p. 70—80.
- 54 *The New York Times*, 1977, June 9.
- 55 *Ibid.*
- 56 *Артемьев И. Е.* Указ. соч., с. 32.
- 57 Цит. по: *Servan-Schreiber J.-J.* The American Challenge. N. Y., 1968, p. 79.
- 58 *Business Week*, 1969, Nov. 29, p. 72.

ИНСТРУМЕНТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Во внешней политике любого государства всегда присутствует идеологический компонент, связанный с классовым характером государства. Однако во внешней политике США этот элемент бывал нередко гипертрофирован за счет традиционного американского мессианизма, веры в собственную исключительность, глубокого убеждения в необходимости, более того — обязательности навязывания американского образа жизни другим странам и народам. При этом, как ни парадоксально, само слово «идеология» в США чаще всего употребляется в негативном смысле и означает не совокупность взглядов и представлений относительно социальных явлений и процессов в своей стране и за рубежом в настоящем и в прошлом, не совокупность представлений о смысле и ценности тех или иных форм социальной жизни в целом, о добре и зле, о правах и обязанностях человека в обществе, не результат совокупного исторического опыта основных классов и страны в целом, а абстрактную, догматическую систему идей и принципов, навязываемую индивиду извне и как бы даже противопоставляющуюся практике, непосредственному опыту, неправомерно сужающую свободу действий индивида. Для более позитивного обозначения того же понятия чаще употребляются слова «идеализм», «морализм»; они, в свою очередь, противопоставляются прагматизму — подходу, который полностью диктуется конъюнктурными задачами и исключительно субъективным пониманием собственной выгоды, собственных интересов.

Генезис общего исторического опыта американцев с их воинствующим индивидуализмом, системой частного предпринимательства, с успехом как высшим нравственным критерием предопределяет наличие сильных элементов прагматизма в мировоззрении среднего американца, но одновременно американец привык считать себя «идеалистом», т. е., в его понимании и по его терминологии, человеком, имеющим идеалы; это в значительной степени объясняется и влиянием религии в ее специфически американских вариантах, и деятельностью американских просветителей (Б. Франклин, Т. Пейн и др.), и духовным наследием американской рево-

люции с ее лозунгами «свободы», «равенства», «счастья» всех людей. Такое сочетание «идеализма» и прагматизма не может не порождать противоречий. Противоречивость заложена уже в самих базовых константах американской внешней политики, оставленных в наследство последующим поколениям «отцами-основателями» американского государства, где мессианская концепция «высшего предназначения» Соединенных Штатов соседствовала с концепцией «просвещенного эгоизма», призывавшей руководствоваться не априорными идеями и не эмоциями, а исключительно «национальными интересами».

Возможно, именно в силу этой изначальной противоречивости для Соединенных Штатов так характерно огромное расхождение между двумя ипостасями внешнеполитической стратегии — публично-пропагандистской, традиционно облакаемой в патетическую и возвышенную фразеологию, и конфиденциально-реальной, откровенно циничной.

В XX в. американская внешняя политика была особенно отчетливо идеологизирована в годы «холодной войны»: в этот период, более всего в первое послевоенное десятилетие, правящие круги США взяли было на себя задачу создания с позиции силы «мира по-американски», в котором должна была найти свое воплощение мечта определенной части американской буржуазии о мировой гегемонии США. В качестве основного препятствия на пути реализации этой идеи теории и практики американской внешней политики рассматривали Советский Союз и другие страны социализма. В этот период, когда вслух говорилось о необходимости организации тотального «крестового похода» против социализма, политика США была практически во всех своих проявлениях подчинена идеологии воинствующего антикоммунизма. (Хотя, как это было наглядно подтверждено совсем еще недавним для того периода опытом сотрудничества США и СССР в антифашистской коалиции, «национальные интересы» США, даже в их классовой, буржуазной интерпретации, отнюдь не обязательно и не во всем совпадают с антикоммунизмом и антисоветизмом.)

Изменение соотношения классовых, политических, экономических сил в мире к концу 60-х — началу 70-х годов вызвало значительные изменения и в политическом мышлении правящего класса США, породило тенденцию к некоторому пересмотру целей и методов американской внешней политики, а также и ее идеологического обеспечения. Воинствующему антикоммунизму, изображавшему социалистические страны в категориях всеобщего зла, исключавшему возмож-

ность нормальных отношений с социалистическими странами, требовавшему если не развязывания войны против них, то, во всяком случае, нанесения им максимального ущерба и их изоляции на международной арене, стал противостоять более реалистический подход, сторонники которого осознали невозможность создания стабильной системы межгосударственных отношений без известного сотрудничества с СССР, без поисков взаимоприемлемых соглашений и компромиссов по ряду наиболее острых, кризисных проблем современности. (Кстати, в этот период Г. Моргентау и его единомышленники из числа американских международников-«реалистов» сыграли положительную роль в критике всепоглощающего морализаторства американской внешней политики и в привлечении общественного внимания к разумно трактуемым «национальным интересам».)

Это нашло отражение в выдвинутой республиканской администрацией Никсона на пороге 70-х годов доктрине, в которой одно из видных мест занял призыв к более трезвой оценке фактического состояния международной действительности и к переходу от конфронтации к переговорам. Комментируя этот поворот, видный американский политический деятель, бывший вице-президент США Г. Хэмфри подчеркивал: «В течение многих лет после второй мировой войны наша внешняя политика определялась воинствующим антикоммунизмом... Эта основа нашей внешней политики начала давать трещины во время вьетнамской войны, когда мы постепенно пришли к осознанию того, что догма антикоммунизма, которую мы столь слепо и некритически обожествляли, может быть, совсем не то божество, которое нам нужно, а в некоторых случаях она вообще может оказаться противоречащей нашим важнейшим интересам. Президент Никсон и государственный секретарь Киссинджер осознали это, когда они открыли путь к разрядке с Китаем и Советским Союзом»¹.

Высказывания главного идеолога внешней политики того периода Г. Киссинджера, не оставляли сомнений в том, что он призывает к отказу от позиции «морального абсолютизма», от чрезмерной идеологизации внешней политики и к повороту в сторону большего прагматизма и трезвой оценки фактов*.

---

* В работе «Внутренняя структура и внешняя политика» Киссинджер писал вообще о нежелательности внесения во внешнюю политику идеологического компонента, способного ее деформировать. См.: *Kissinger H. A. American Foreign Policy. Three Essays.* N. Y., 1969, p. 1—50.

При этом, надо сказать, ни Киссинджер, ни его коллеги и единомышленники никоим образом не подвергали сомнению ни главные традиции, ни «догматы веры», определявшие американскую внешнюю политику; не замахивались они и на антикоммунизм в целом (более того, сами были и остались его ревностными адептами), критикуя лишь его «крайности». Непроясненность, даже определенная двусмысленность такой идейной и нравственной позиции облегчила позднее, во второй половине 70-х годов, возврат к старым привычкам мышления и предрассудкам, поворот американской внешней политики вновь к традициям «холодной войны», к глобалистским, гегемонистским концепциям, к ставке опять преимущественно на военную силу и угрозу ею.

В ходе этого поворота вспять во внешней политике США вновь оказался на более видном месте идеологический компонент. При подготовке, принятии и проведении в жизнь внешнеполитических решений все чаще стали фигурировать апелляции к соображениям морали, к идеологическим стереотипам; предпринимались массированные идеолого-пропагандистские кампании.

Новая волна идеологизации официальной внешней политики Вашингтона была обусловлена многими причинами, и «адресовалась» она как вовнутрь страны, так и вовне. Здесь следует сделать некоторое отступление относительно того, каковы вообще могут быть направления идеологической деятельности, идеологической борьбы на мировой арене.

Разумеется, та роль, которую вопросы идеологии и идеологическая борьба стали играть в современных международных отношениях, связана прежде всего с расколом мира на две системы, с историческим событием, которое предопределило сущность главного противоречия международных отношений для всей нашей эпохи, придало ему характер столкновения и борьбы двух государственно оформленных классов — буржуазии, прежде всего монополистической, и рабочего класса.

Однако далеко не всегда идеологическая борьба на международной арене выражается в прямом, фронтальном столкновении двух цельных мировоззрений — пролетарского и буржуазного. Очень часто она идет вокруг различных конкретных, а потому и более локальных вопросов, будь то очередной кризис в международных отношениях, проблема разоружения, признание того или иного нового государства или режима и т. п.; причем сегодня чаще всего даже и локальные вопросы перерастают местные рамки и неизбежно воспринимаются как часть общей картины мира. Идею

противоборство между социализмом и империализмом является наиболее важным, решающим и принципиально отличным от идеологических коллизий, происходящих в рамках буржуазного общества. Тем не менее неправильно было бы сбрасывать со счетов другие направления идеологических конфликтов — между империалистическими державами и народами, освободившимися от колониального гнета и ведущими борьбу за независимое развитие, между крупными империалистическими державами и менее сильными капиталистическими государствами, наконец, между самими основными «центрами силы» современного империализма².

Поэтому следует учитывать, что идеологизация внешней политики Вашингтона, в особенности начиная с последней трети 70-х годов, была рассчитана на действие вроде бы «по всем азимутам», хотя острое ее по-прежнему направлено против Советского Союза.

Важной целью правящих кругов США является стремление улучшить «образ» своей страны в глазах мирового общественного мнения, поскольку в 70-х годах он был сильно подпорчен агрессивной войной в Юго-Восточной Азии, закончившейся к тому же столь бесславно для США, общим ослаблением международных позиций американского империализма, болезненными разоблачениями внутри страны — Уотергейт, коррупция в высших эшелонах власти, незаконная деятельность ФБР и ЦРУ и т. д. Обращаясь к темам морали и этики ради поднятия собственного престижа, руководители США стремились создать своего рода громоотвод для распространившихся в стране настроений неудовлетворенности, недовольства ходом событий внутри страны и на международной арене, сплотить американскую общественность вокруг нового руководства в Вашингтоне, искусственно муссируя мессианские идеи, настроения шовинизма и национализма.

Немаловажную роль в форсировании идеологическо-пропагандистской активности сыграл характер политического мышления пришедших в Белый дом в 1977 г. демократов, личность самого Дж. Картера, его склонность к морализированию и проповедям. Руководители администрации демократов явно были склонны винить во многих политических неудачах США «философские просчеты» своих республиканских предшественников — конъюнктурно-прагматический подход к международным делам, невнимание к «нравственным императивам»*, пессимистический взгляд на мировую роль

* Сам Г. Киссинджер к концу своего пребывания на посту госсекретаря, видимо, почувствовал, что он недооценил привычки американ-

США. Они вознамерились придерживаться иной «философии», иного общего подхода к мировым делам, более наполеоновского, широковещательного, идеологизированного, моралистского, пропагандистского. Еще выступая в ходе предвыборной кампании, Картёр характеризовал «структуру мира», к которой он стремится, как такую структуру, «в рамках которой наши собственные идеи постепенно смогут реализовываться в глобальном масштабе» (речь на завтраке, данном Ассоциацией внешней политики в Нью-Йорке 23 июня 1976 г.).

Сам президент Картёр и около двух десятков видных деятелей его администрации получили идейную закалку, участвуя в работе Трехсторонней комиссии — организации, созданной по инициативе деловых кругов США, Западной Европы и Японии специально для исследования перспектив дальнейшего развития капиталистического мира (З. Бжезинский был директором этой комиссии вплоть до своего перехода на работу в Белый дом). Трехсторонняя комиссия неизменно выступала как пропагандист идеологического контрнаступления Запада в ответ на «вызов социализма». В заключении одного из основных докладов комиссии говорится, что целью Запада «должна быть не только защита главных ценностей, на которых основана его система, и воплощение их в жизнь на собственной территории, но и стремление в целом повлиять на мировые события в направлении, которое благоприятствовало бы продвижению западных ценностей»³.

По замыслу организаторов идеологического наступления США разоблачение «недостатков» других стран как раз и должно было отвлечь внимание среднего американца от пороков самой американской системы с ее взяточничеством, коррупцией, насилием, социально-экономическим бесправием трудящихся и одновременно приобщить массы к официальному внешнеполитическому курсу Вашингтона, посеяв в их среде иллюзии влияния на формирование и осуществление внешней политики США, которая якобы начала только теперь учитывать идеалы и устремления простого человека. Последующие события во внутренней и внешней политике

цев к патетической риторике, и попытался подправить свою репутацию прагматика, введя в свои выступления тему «моральных императивов». См., в частности, такие речи Киссинджера, как «Моральный фундамент внешней политики» (Department of State Bulletin, 1975, Aug. 4), «Моральные пожелания и практические необходимости» (Department of State Bulletin, 1976. Nov. 5).

США обнажили не просто несостоятельность, а лицемерно-ханжеский характер «высокоморальных» претензий Дж. Картера, что, очевидно, сыграло определенную роль в сокрушительном поражении, которое он потерпел на президентских выборах 1980 г. Однако популистская фразеология, принесшая Картеру успех в 1976 г., вновь была пущена в ход — и опять успешно, учитывая результат, — кандидатом республиканской партии Р. Рейганом. Что касается непосредственно области идеологии, то, хотя обычно у демократов внимание к ней более обострено, в 1980 г. республиканцы тоже зафиксировали здесь свою позицию весьма недвусмысленно. В тексте платформы республиканской партии, принятой к президентским выборам 1980 г., говорилось: «Мы не пожалеем никаких усилий для публичного разъяснения всему миру различий между двумя системами и будем укреплять такие инструменты, как Управление международной связи, «Голос Америки», «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода...»⁴.

Во внешнеполитической области идеологическо-пропагандистская кампания Вашингтона имеет нескольких «адресатов». Как мы уже говорили, антисоветизм составляет ее центральный компонент. Учитывая большие успехи СССР, его растущее идейное и политическое воздействие на мир, вашингтонская элита хотела бы перехватить инициативу в области идейного противоборства двух систем. Недаром в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии подчеркивалось, что «проблемы идеологической борьбы все более выдвигаются на первый план»⁵.

Перед идеологической кампанией 70-х годов в Вашингтоне ставилась также задача воздействия и на американских союзников, начавших проявлять, по мнению Вашингтона, «чрезмерную самостоятельность». Именно поэтому усиленно муссируются тезисы о «новом сплочении Запада» перед лицом «советской угрозы», относительно «общности западной цивилизации», о судьбах буржуазной демократии и т. п.

Идеологи Вашингтона стремятся сегодня создать в мире «обновленный» образ не просто США, но капитализма в целом. Эта задача для них особенно актуальна в условиях социально-политических кризисных явлений в Западной Европе, усилении позиций левых сил, роста антикапиталистических настроений в развивающихся странах. Отсюда — попытки представить США защитником «общечеловеческих ценностей», реанимация идеалов и лозунгов американской революции.

Как явствует даже из приведенного выше краткого обзора, взаимодействие между идеологией и внешней политикой может исследоваться под различными углами зрения*.

Исследователь может поставить перед собой цель выявления реального — в отличие от пропагандистского — идейного содержания внешней политики, тех побудительных мотивов, ценностных ориентаций, идеологических концепций, которые предопределяют выбор как самого внешнеполитического курса, так и средств его осуществления. Важна и проблема идеологического обоснования и пропагандистского обеспечения конкретного внешнеполитического курса, которая также распадается на два направления исследования — проблему создания «внешнеполитического консенсуса» внутри страны и проблему создания благоприятного отношения за рубежом США к внешнеполитическому курсу и к самой стране в целом. Мы, однако, в данной работе выбираем иной аспект взаимодействия идеологии и внешней политики — мы рассмотрим те инструменты, средства идеологического воздействия на зарубежные государства, которые служат реализации внешнеполитических целей США и которые в 70-х годах приобрели дополнительное значение в попытках США компенсировать определенное ослабление их материальной мощи.

Арсенал этих средств со времен второй мировой войны неуклонно продолжал расти количественно и качественно. Он несколько не сократился в период некоторой прагматизации американской внешней политики, в период популярности концепции «деидеологизации» международных отношений. Здесь следует учитывать, что «деидеологизация» (в той мере, в какой она имела место в реальной политике, а не в пропаганде) касалась роли идеологии как мотивации выбора внешнеполитического курса США, но никоим образом не использования средств идеологического воздействия как ры-

---

* В советской научной литературе накоплен богатый опыт исследования взаимодействия идеологии и внешней политики, роли и места идеологической борьбы в современных международных отношениях. К фундаментальным работам в этой области следует отнести монографии: *Арбагов Г. А.* Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970; *Келин В. Н.* Внешняя политика и идеология. М., 1969; *Идеологическая деятельность современного империалистического государства* / Отв. ред. И. Д. Левин, В. А. Туманов. М., 1972; *Кунина А. Е.* Идеологические основы внешней политики США. М., 1973; *Разрядка международной напряженности и идеологическая борьба* / Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1981.

чагов американского влияния в мире. При республиканских администрациях в 70-е годы предпринималась попытка не столько действительно «деидеологизировать» американскую внешнюю политику, сколько в какой-то мере отделить дипломатию от идеологической экспансии, перевести дипломатию на более прагматический, «профессиональный» уровень, оставив идеологию самостоятельной и ничуть не усеченной по важности сферой проявления американской империалистической активности.

Аналогичным образом увеличение элементов морализма и мессианства во внешней политике администрации Дж. Картера в последней трети 70-х годов и администрации Р. Рейгана в начале 80-х годов вовсе не означало отказа от внешнеполитического прагматизма, когда такой представляется Вашингтону более выгодным. Вообще, говоря о морализме и прагматизме, следует учитывать склонность американцев к «навешиванию ярлыков» и соответственно относиться к этим «ярлыкам» с большой осторожностью и стараться независимо от них выявить истинную суть той или иной позиции*. Что же касается истинной сути, то водораздел среди американских теоретиков и практиков внешней политики проходит отнюдь не между «моралистами»** и «прагматиками», а между адвокатами интервенционистской империалистической политики и сторонниками действительно более реалистического и миролюбивого курса.

Если, например, взять вопрос о применении силы, в том числе и военной, то здесь трудно усмотреть принципиальное различие между «моралистами» и «прагматиками». «Прагматик», естественно, руководствуется в вопросе о выборе

---

* Объясняя нежелание американцев вникать в тонкости европейской политики, британский посол в США лорд Галифакс жаловался в начале 1945 г. У. Черчиллю: «Беда с этими людьми состоит в том, что они до такой степени являются жертвами ярлыков „силовая политика“, „сферы влияния“, „баланс сил“ и т. п. Как будто можно придумать более яркое воплощение идеи сфер влияния, чем доктрина Монро!» (цит. по: *Yergin D. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State.* Boston, 1977, p. 61). Действительно, для психологии американцев чрезвычайно характерно стремление прежде всего ввести какое-либо явление или понятие в рамки уже существующих в их представлении стереотипов-клише. Подчас этот процесс «раскладывания по полочкам» подменяет собой действительное осмысление объекта.

** Тут, разумеется, тоже надо отличать искреннюю приверженность высшим нравственным критериям и моральным нормам от морализма-маски, используемого как пропагандистское прикрытие гегемонистских амбиций.

средств исключительно представлением о том, насколько они эффективны для достижения его целей (кстати, он поэтому иногда более склонен к проявлению реализма в оценках). «Моралист» тоже не чуждается силовых концепций — от посылки об универсально пригодном американском опыте и необходимости распространить его на весь мир недалеко до того, чтобы приняться распространять его не только силой примера, но и — если это не удастся — силой оружия*. От «активистской концепции» американской миссии в мире, как писал патриарх американских политологов Г. Моргентау, «Америке оставался один шаг до принятия на себя решительного обязательства помочь менее удачливым народам, подпавшим под американское влияние, достигнуть того же счастья, каким наслаждались американцы. Территориальная экспансия Америки за пределы границ континента на рубеже века (XIX—XX вв.— *И. Ш.*) шла, таким образом, параллельно с самоуверенным и энергичным распространением американских принципов и государственности... Как миссионеры, распространяющие американский опыт, мы предлагали нашу помощь другим, и последние были вольны принять ее или отвергнуть. Как крестоносцы, мы стали навязывать ее остальному миру, если понадобится — огнем и мечом. Фактическими границами такого крестового похода оказывались пределы американской мощи, его потенциальными пределами — размеры земного шара. Американский пример переводился в формулу всемирного спасения, на которое правильно мыслящая нация должна соглашаться добровольно и к которому другие должны быть принуждены силой»⁶.

Сплав «морализма» с откровенными призывами к применению силы был типичен для периода «холодной войны» (он особенно ассоциируется с деятельностью и риторикой Дж. Ф. Даллеса и его единомышленников, ратовавших за «крестовый поход» против коммунизма). Одна из важных особенностей американской внешней политики в 70-е годы (независимо от того, о какой администрации идет речь) как раз и состояла в том, что идеологии отводилась роль не столько компаса, с помощью которого определялось бы направление внешней политики, сколько непосредственного инструмента на службе последней. Сочетание «морализма» и идеализма с силовым подходом особенно характерно и для реидеологизации

---

* Об исторической трансформации идеи «американской миссии» в моральное оправдание применения военной силы см.: *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1977, с. 38—43.

внешней политики Вашингтона в конце 70-х — начале 80-х годов. В целом анализ внешней политики США в послевоенные годы подтверждает, что именно сторонники гегемонистских, силовых решений чаще всего прибегают к идеологии как к дополнительному рычагу международного воздействия.

В американском подходе к использованию идеологических инструментов большая ставка делается на взаимодействие идеологии и общественной психологии как двух форм общественного сознания: идеологические установки постепенно превращаются в нормы, понятия, верования масс людей, а идеалы, моральные принципы переходят из общих установок в конкретное руководство к действию.

Однако весьма широкое распространение находит и другой подход, при котором идеологическое воздействие используется как рычаг непосредственного психологического давления, помогающий не столько модификации мировоззрения, норм и подобных категорий, сколько прямому изменению поведения объекта этого воздействия.

Вот что говорилось, например, по этому поводу в одном из докладов комиссии по иностранным делам палаты представителей США, подготовленных в ходе слушаний «Победить в холодной войне: идеологическое наступление США», состоявшихся в 1964 г.: «В течение многих лет военная сила и экономическая мощь, используемые по отдельности или в сочетании, служили столпами дипломатии. Сегодня они продолжают выполнять эту функцию, но недавнее увеличение влияния народных масс по отношению к правительствам, совпавшее по времени с ростом понимания народных чаяний со стороны лидеров и явившееся результатом стечения нескольких революций в XX в., породило новый аспект осуществления внешней политики. Некоторые внешнеполитические цели могут быть достигнуты скорее, если иметь дело с народами зарубежных стран, нежели с их правительствами. При помощи современных средств и методов связи сегодня стало возможно охватить своим воздействием значительные или влиятельные круги населения зарубежных стран — проинформировать их, повлиять на формирование их подхода, а иногда, возможно, даже и подтолкнуть их к определенному образу действий. Эти круги, в свою очередь, способны оказать заметное, вплоть до решающего, давление на свои правительства»⁷.

Чтобы было ясно, о каких именно «революциях» идет речь в приведенном выше пассаже, сошлемся на рассуждение известных американских теоретиков пропаганды Гордона, Фолка и Годатта в книге «Идеологические интервен-

ты» о «трех радикальных переворотах», происшедших, по их словам, сначала в «западном», а потом — в «восточном» мире:

«Первым из них было изобретение средств массовой коммуникации. Это означало дешевое и эффективное распространение слов и изображений среди большего числа людей, чем когда-либо в истории. И по мере того как каждое из таких средств совершенствовалось и поступало в массовое производство — от книгопечатания до кино, радио и телевидения, — росла и массовая аудитория.

Во-вторых, с начала XIX в. (как побочный продукт демократического идеала всеобщего бесплатного обучения) все большее число людей училось читать — во всяком случае читать достаточно для того, чтобы стать хорошей мишенью для человека, желающего что-то сообщить, если избранным им средством общения с другими людьми является печатное слово.

В-третьих, тоже как естественное следствие демократического идеализма, люди в своей массе становились все более важным фактором в качестве инструмента политической деятельности, как национальной, так и международной, и общественное мнение превращалось во все более существенный фактор в политических и дипломатических маневрах. Не имело ни малейшего значения, что думал о той или иной проблеме средневековый крепостной — он был политически инертным, не способным изменить силы, управляющие его судьбой в плане как национальных, так и международных событий. Когда крепостному дали образование и наделили политической властью, предоставив ему право голоса, когда его обучили идеям равенства и демократии, тогда то, что он думает, приобрело решающее значение и тогда же оказалось, что почти наверняка рядом есть кто-то, кто пытается думать за него»⁸.

В свое время молодое Советское правительство нарушило многовековую дипломатическую традицию, окружавшую тайной сферу внешней политики и делавшую ее недоступной для вмешательства широких масс. Принцип социалистической, открытой дипломатии был провозглашен в первом же внешнеполитическом документе Советского государства — Декрете о мире. Переход к открытой дипломатии, обращение не просто к правительствам, но и к народам других государств были встречены в штыки империалистической дипломатией и бюрократией. Однако этот поворот оказался необратимым, и империалистические державы вынуждены были к нему приспособиться; в частности, правительство США попыталось перехватить саму идею открытой дипломатии — не

в смысле честности в разговоре с мировой общественностью, а исходя из раз и навсегда усвоенного убеждения в необходимости изыскивать средства воздействия на эту общественность в благоприятном для США духе.

Об этом как нельзя лучше свидетельствует деятельность администрации Р. Рейгана, уделяющей с первых дней прихода к власти огромное внимание средствам идеологического воздействия не только на внутреннюю, но и на зарубежную аудиторию. В феврале 1983 г. в Вашингтоне с большой помпой была провозглашена специальная «Программа демократии и публичной дипломатии», нацеленная на то, чтобы активизировать усилия всех правительственных ведомств и неправительственных организаций, связанных с информационно-пропагандистской и культурно-образовательной работой за границей. Однако, если не считать создания нового координационного центра, который будет руководить осуществлением «публичной дипломатии», программа Рейгана не несет в себе никакой особой новизны. Ее основные направления — разворачивание «крестового похода» против коммунизма, провозглашенного Рейганом летом 1982 г.; воинствующая пропаганда индивидуализма в противовес коллективизму; апология опыта США и «американского пути» как универсального образца для всех стран и народов.

Важнейшим каналом воздействия на общественное мнение в современных условиях стали средства массовой информации — печать, радиовещание, телевидение (разумеется, роль последнего чрезвычайно возрастет с появлением в недалеком будущем прямого внешнего телевидения с помощью спутников). Эти средства дают возможность обращаться к населению другой страны непосредственно, через голову правительства и через национальные границы. Несомненно, большую идеологическую нагрузку несут все виды культурных и образовательных контактов. Активными форпостами идеологического проникновения в другие страны выступают в наши дни и те вроде бы «чисто экономические» организации, о которых мы говорили в предыдущей главе, — филиалы американских корпораций, профессиональные ассоциации менеджеров, консультативные фирмы и т. п. По существу можно говорить о том, что идеологизирована фактически любая фирма американского «присутствия» за рубежом, экономического, научно-технического, культурного или какого бы то ни было еще.

В сфере идеологии активно идут те же процессы, что и в экономической жизни США: возрастает роль федерального правительства, и в том числе лично президента США⁹, рас-

ширяются контроль и вмешательство государства в различные области политической и духовной жизни общества, в формирование общественного мнения как внутри страны, так и за ее пределами, сливаются воедино усилия государства и частного «идеологического бизнеса» (частных газетных трестов, кино-, радио- и телекомпаний и т. д.). В результате на новом техническом уровне, открываемом современными средствами массового общения и информации, американские политические реальности подтверждают известное положение марксизма: «Индивиды, составляющие господствующий класс... господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, они регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи»¹⁰.

Показательно, что К. Норр — один из самых серьезных теоретиков в США, разрабатывающих проблемы невоенных инструментов силы, объединяет экономические и идеолого-пропагандистские инструменты в общую группу инструментов «политического проникновения», ибо применение как тех, так и других нацелено на то, чтобы сузить свободу выбора государства, являющегося объектом воздействия, подтолкнуть его движение именно в том направлении, которое благоприятствует целям США¹¹. Представляется, что Норр справедливо считает инструменты идеологического воздействия способными решать конкретную внешнеполитическую задачу — сузить свободу маневра иностранного государства; именно это обстоятельство в соответствии с критерием, выдвинутым нами в гл. I, позволяет рассматривать их как инструменты целенаправленной силовой политики Соединенных Штатов, а не только как элемент долгосрочного культурно-психологического влияния США.

1.

Распространение новых идеологических стереотипов

Идеологические доктрины и стереотипы* меняются под влиянием развития общества, перемен в международной обстановке, изменений в экономическом положении государства и самого правящего класса, в его долгосрочных

---

* Понятие стереотипа было введено в социальные науки У. Липпманом в 1922 г. См.: *Lippman W. Public Opinion*. N. Y., 1922. Липпман определял стереотип как упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта, но обуславливающее за-

целях и интересах. Однако темп таких изменений оказывается отнюдь не столь быстрым, как это могло бы показаться на первый взгляд. Идеология, закрепленная в государственных институтах, праве, морали капиталистического общества, во времени меняется мало, поскольку неизменен основной принцип устройства этого общества — система частной собственности на средства производства и вытекающие из нее принципы неэквивалентного обмена, конкуренции, индивидуализма, стяжательства.

Инерционность, консерватизм идеологии настолько велики, что сдвиги, происходящие в материальной жизни общества в рамках одной социально-экономической формации, находят свое проявление не столько в переходе к совершенно новым доктринам и концепциям, сколько в приспособлении прежних — привычных и устоявшихся — установок к новым обстоятельствам путем обновления традиционных догм, чтобы продлить жизнь им и в конечном итоге тому классу, которому они выгодны.

Стереотип как элемент социальной психологии вообще обладает чрезвычайно высокой устойчивостью; именно эта устойчивость и позволяет стереотипам играть роль ориентиров при вынесении суждений о явлениях окружающей действительности в ходе осмысления последней. Стереотипы, подчеркивает С. И. Беглов, анализируя проблемы теории и практики внешнеполитической пропаганды, «способны служить даже созданию своего рода псевдодействительности. Процеживаемая через стереотипы информация дает возможность человеку приспособляться к реальной действительности, основываясь на псевдодействительности, существующей в его голове... Новость, информация могут вносить в эту картину коррективы, но в целом в силу избирательного подхода к информации человек и в дальнейшем остается зависимым от стереотипов в своем представлении о мире,

---

данное восприятие и понимание окружающей действительности. В современной науке социальный стереотип квалифицируется как схематическое, стандартизированное представление о каком-либо объекте или явлении, обычно обладающее эмоциональной окраской и большой устойчивостью. Если отвлечься от современной терминологии, то следует признать, что по существу социальные стереотипы были глубоко и тонко проанализированы Ф. Бэконом в «Новом органоне» еще в начале XVII в.— Бэкон назвал их идолами (или призраками) человеческого ума и выделил среди них врожденные (идолы рода), обусловленные воспитанием и предшествующим опытом (идолы пещеры), искусственно насажденные проповедниками и правителями (идолы площади и театра). См.: *Бэкон Ф. Сочинения*. М., 1972, т. 2, с. 12—29.

поскольку они помогают ему внести определенный порядок в хаос ощущений»¹².

Стереотип не может быть по природе своей полностью адекватен истине, ибо он выражает общее, упрощенное, огрубленное представление о ней. Однако расхождение между стереотипом и истиной может быть либо большим, либо меньшим; чем больше расхождение между стереотипом и истиной, тем более искаженно, превратно трактует действительность носитель стереотипа, ибо, в силу объективных особенностей человеческой психической деятельности, он подгоняет действительность под стереотипы, втискивает реальные факты, хотя подчас и с трудом, в прокрустово ложе своих априорных представлений. Именно таким образом устойчивый и одновременно ложно направленный стереотип становится базой для предвзятых мнений, предрассудков, предубеждений, иллюзий*. Стереотип не будит мысль, напротив, он как бы подменяет ее собой, вызывая непосредственно эмоциональную или однозначно оценочную реакцию.

«То, чему мы верим, становится реальной картиной,— писал в 1922 г. У. Липпман,— и мы обращаемся с ней, как будто она и есть окружающая действительность»¹³. Именно в силу этого в буржуазной системе пропаганды сознательное и целенаправленное создание стереотипов рассматривается как один из важнейших механизмов манипулирования взглядами и мнениями людей.

Важно подчеркнуть, что первым, кто указал на факт использования буржуазной пропагандой стереотипов для обработки масс в духе милитаризма, был В. И. Ленин. В том же 1922 г. В. И. Ленин писал: «Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует...»¹⁴.

---

* Об этом чрезвычайно выразительно писал Ф. Бэкон: «Разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял,— потому ли, что это предмет общей веры, или потому, что это ему нравится. Каковы бы ни были сила и число фактов, свидетельствующих о противном, разум или не замечает их, или пренебрегает ими, или отводит и отвергает их посредством различий с большим и пагубным предубеждением, чтобы достоверность тех прежних заключений осталась ненарушенной... Таково основание почти всех суеверий — в астрологии, в сновидениях, в повериях, в предсказаниях и тому подобном». (Бэкон Ф. Указ. соч., с. 21). «Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укоренились,— доказывал он,— так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, даже если вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преградят путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать, если только люди, предостереженные, не вооружатся против них, насколько возможно» (Там же, с. 18).

Владимир Ильич требовал не отделяться по отношению к этим «софизмам» дешевой и пустой фразой, вроде «мы войны не допустим», а аргументированно разоблачать их (и надо сказать, что такого рода разоблачение — преодоление стереотипа — требует чрезвычайно больших усилий от контрпропаганды).

Манипулятивное использование стереотипов, усовершенствованное в американских условиях рекламными агентствами, штабами внутренних политических кампаний, проводимых буржуазными партиями, служит и на международной арене важнейшим инструментом идеологического воздействия американского империализма. Становой хребет американской идеологии «на экспорт» составляют мифы, догмы, стереотипы, давно и прочно укоренившиеся в традиционном классовом мышлении и сохраняющие все ту же классовую и «национальную» суть, хотя они и модифицируются в соответствии с новой обстановкой, новым опытом, новой технологией и нередко выражены в совершенно новых терминах (последнее особенно характерно для США, где едва ли не каждый пишущий на философско-политические темы считает своим долгом попытаться ввести в обиход десятков-другой собственных терминов — неологизмов).

Так, на протяжении всей двухсотлетней истории США последовательно распространяется и насаждается стереотип Америки как прирожденного мирового лидера, мессии, призванного указывать другим народам на их ошибки и заблуждения и побуждать их к вступлению на единственно истинный путь — путь подражания «американскому образу жизни» и «американской демократии»*. Еще до получения североамериканскими колониями независимости, в 1765 г., Джон Адамс писал, что поселения в Америке являют собой «открытие великого замысла Провидения для просвещения невежественных и освобождения пребывающей в рабстве части человечества повсюду на земле»; Декларация независимости Соединенных Штатов изобилует ссылками не только на принципы справедливости, но и на божественное предустановление. И когда президент США Р. Рейган в 1981 г. в инаугурационной речи называет свою страну «образцом свободы и маяком надежды» или цитирует перед выпускниками Военной академии в Вест-Пойнте слова папы Пия XII о том, что-де «господь вручил Америке страждущее человечество», он действует строго в рамках американской идеологической тради-

---

* О генезисе концепции «явного предназначения» подробно см.: США: политическая мысль и история. М., 1976, с. 53—145.

ции, представляющей Соединенные Штаты как хранителя универсальных, общечеловеческих ценностей, как обладателя истины в последней инстанции, пригодной для всех времен и народов.

Американский мессианизм умеет рядиться в разные одежды. В первые послевоенные десятилетия он выступал в ипостаси воинствующего антикоммунизма и глобально-гегемонистской идеологии, получившей в самих США наименование «имперской». Банкротство политики «холодной войны», кризис примитивного антикоммунизма помог американским идеологам извлечь кое-какие уроки и направить свои усилия на модификацию скомпрометированных стереотипов. Ударным направлением современной американской идеологической кампании стала спекуляция на процессах, связанных с научно-технической революцией.

Иными словами, речь идет о том, чтобы попытаться закрепить в сознании мировой общественности стереотип, в соответствии с которым между США и другими странами невозможна другая модель отношений, кроме как отношения между новатором и подражателями¹⁵. Провозглашая научно-технический прогресс, с одной стороны, «основой цивилизации», а с другой — едва ли не исключительно американской собственностью (в том числе и научно-техническая революция нередко именуется у заокеанских авторов «третьей американской революцией»), эти идеологи пытаются представить претензии правящих кругов США на глобальное лидерство как совершенно неоспоримые в силу американского научно-технического превосходства¹⁶. Именно в кругу такой тематики заметнее, чем где-либо еще, насколько сильна и теперь мессианская струя в американской идеологии, только теперь это, в ногу со временем, мессианизм технологический (советский социолог Г. Х. Шахназаров называет такого рода техницистские утопии «техноидиллиями»¹⁷).

Среди международников на такого рода позициях стоят Э. Бжезинский, К. Хаскинс, Ю. Сколников, У. Кинтнер и многие другие американские авторы. С. Хантингтон, например, утверждает, что научно-техническое превосходство накладывает на США особое бремя — «бремя помощи остальному человечеству»¹⁸. Серьезный в принципе и вдумчивый социолог К. Болдинг вводит понятие «суперкультуры» — национальной, глобальной надстройки, порожденной прогрессом науки и техники («культуры аэропортов, скоростных автомагистралей, небоскребов, зерновых гибридов и искусственных удобрений, контроля рождаемости и университетов»), исходящей, как можно догадаться, от Америки¹⁹; другой

американский политолог, и тоже в принципе серьезный исследователь, В. Бэсюк, комментируя концепцию «суперкультуры», ничтоже сумняшея утверждает, что она не просто распространяется по всему миру из США, но и вытесняет традиционную культуру, попутно «снимая как устаревшие» все проблемы национальности, расы, вероисповедования и т. п.²⁰ «Таким образом, — завершает свою мысль Бэсюк, соединяя эти абстрактные рассуждения с конкретными внешнеполитическими целями США, — роль Америки как образца мировой цивилизации является средством обеспечения подходящего климата — как внутри страны, так и повсюду в мире, ибо эти понятия уже более неотделимы друг от друга, — для сохранения и дальнейшего распространения американских ценностей»²¹.

Справедливости ради надо сказать, что среди американских теоретиков есть не только традиция технофилии, но и антитехницистская линия. Ярким выражением этого направления была книга Л. Мэмфорда «Миф о машине»²², рисовавшая пугающую перспективу превращения всей цивилизации в чудовищную супер-машину, в которой люди будут низведены до самой ничтожной роли. Тревога по поводу непременного тупика, ожидающего человечество на пути превращения в «техническое общество», предвидение антигуманизма общества, в котором техника являет собой высшую ценность, пронизывают работы известного психолога и философа Э. Фромма²³. Не только гуманитарии — крупный математик, создатель теории игр Дж. фон Нейман, начиная с 50-х годов писал с глубочайшим беспокойством о возможностях выхода научно-технического прогресса из-под контроля общества, о внесении элементов нестабильности и непредсказуемости в международные отношения как о качественно новой и негативной характеристике современной эпохи. Но даже и эти концепции, хотя они как будто противостоят по своей сути технофильским, неизменно строятся в американоцентристских категориях и в конечном итоге не нарушают стереотипа, представляющего Америку как «общество будущего».

Теории «постиндустриального общества», «технотронного общества» и им подобные нацелены не только на то, чтобы «опровергнуть» марксистско-ленинское учение о развитии общества, не только на то, чтобы замаскировать принципиальные различия между капиталистическим и социалистическим обществом, но и на то, чтобы попытаться внушить широким массам — на «новом материале», так сказать, — что все же именно США являются моделью для будущего, прообразом

его для всех остальных народов, «социальной лабораторией мира»*.

Американские теоретики настойчиво рекламируют США как мировой источник нововведений и постоянного «революционного» обновления во всех сферах: социальной, научно-технической, культурной и т. п. Обращает на себя внимание тот факт, что, стремясь придать своим теориям максимально «товарный» вид, американские идеологи не только широко употребляют слова «революция», «революционный», но иной раз изображают самих себя чуть ли не наследниками в каких-то аспектах идей Карла Маркса. Д. Белл, в частности, писал об американских политологах: «Мы все стали пост-марксистами»²⁴.

Этот терминологический ажиотаж приводит на память замечание В. И. Ленина, сделанное по сходному поводу. «Злоупотребление словами, — писал В. И. Ленин, — самое обычное явление в политике. «Социалистами», напр., не раз называли себя и сторонники английского буржуазного либерализма («мы все теперь социалисты» — «We all are socialists now», сказал Гаркорт) и сторонники Бисмарка и друга папы Льва XIII. Слово «революция» тоже вполне пригодно для злоупотребления им...»²⁵

Направляя свои усилия по пути максимально конструктивной разработки перспектив буржуазного общества «как системы, открытой для будущего», современные американские идеологи хорошо разобрались в том, какую большую роль в столкновении идей играет обладание чувством исторического оптимизма. В формулировке американского политолога и футуролога Ф. Полака, «способность идеологии организовывать общество в значительной мере зависит от оптимизма и пессимизма ее представления о будущем и от того, считает ли она, что будущее может быть изменено человеческой деятельностью»²⁶. Именно такого рода соображениями была продиктована критика в адрес республиканских администраций (1969—1976), которые-де чересчур пессимистически оценивали будущую мировую роль Америки. Показательно, что и Г. Киссинджер — главный творец внешнеполитической «философии» при Никсоне и Форде, став уже частным лицом, в публичных выступлениях также

---

* Этот термин принадлежит З. Бжезинскому. См.: *Brzezinski Z. America in a Hostile World.* — *Foreign Policy*, 1976, N 23, p. 92; Об Америке как «мировой лаборатории» пишет и известный американский историк Д. Бурстин. См.: *Boorstin D. The Republic of Technology: Reflections on our Future Community.* N. Y., 1978.

критикует «утрату решимости», пессимизм и пораженчество и призывает Запад к преодолению «кризиса духа»*.

Если Картер — Бжезинский занимались тем, что критиковали и преодолевали пессимистические воззрения Киссинджера, то пришедшие в Белый дом в 1981 г. республиканцы во главе с Р. Рейганом заявляют, что и сам Картер на деле был недостаточно оптимистичным, сомневался в действительной силе Соединенных Штатов и тем самым навлек на страну унижение и дальнейшее ухудшение позиций. Отсюда — грабчащие с шовинизмом и джингоизмом призывы Рейгана к самоутверждению Америки, к ее «духовному возрождению» на базе веры в свою силу и в свое будущее; «эпоха сомнений позади, — заверяет он рядовых американцев, — мы перестали рассматривать свои болячки и вновь обнаружили, как много есть достойного любви в нашей благословенной стране... Пусть равно и друзья, и враги знают о том, какой дух царит теперь в нашей стране, потому что это означает, что мы готовы исполнить свои обязательства перед свободным миром...»²⁷.

Однако тема кризиса духа звучала в последние годы столь настойчиво, что возникает впечатление, что нынешний президент США, как и его предшественники, в своем стремлении к оптимизму руководствуется надеждой на действие волюнтаристского принципа «самооправдывающегося пророчества» (либо на эффективность психологического внушения).

Стремясь сохранить за собой роль идеологического лидера всего несоциалистического мира, США стараются иметь наготове разного рода теории и концепции, призванные в выгодном им духе истолковывать сложные и противоречивые явления современных международных отношений и научно-технической революции, причем как раз сама сложность и противоречивость этих явлений служит залогом

---

* См., например: Public Opinion, 1978, May-June, p. 3—8, 58—59. Одно из самых красноречивых описаний духовного кризиса, поразившего Америку, принадлежит не кому иному, как президенту Картеру, который говорил в одном из своих выступлений в июле 1979 г. о «кризисе веры... который затрагивает самое сердце, душу и дух нашей национальной воли». Президент перечислил симптомы поразившей страну болезни: «Впервые большинство нашего народа верит в то, что следующие пять лет будут хуже, чем последние пять лет. Две трети нашего народа даже не голосуют... Растет неуважение к правительству и церквям, школам, органам информации и другим институтам. Мы убедились в том, что накопление материальных ценностей не может заполнить пустоты жизни, в которой нет ни веры, ни цели». Рецептов для преодоления этого кризиса президент, правда, не дал.

того, что не слишком искушенному человеку легче проглотить приготовленный для него идейный полуфабрикат, нежели самому доискаться до истины (чем сложнее реальная действительность, тем дальше в сторону от нее уходит искажающий ее стереотип). Во множестве выдвигаемых сейчас американскими теоретиками концепции, подобные концепциям «мирового экологического кризиса», «нулевого роста», «мира ограниченных ресурсов», рассчитаны на то, чтобы, во-первых, создать впечатление, что США намного опередили другие страны в разработке ключевых вопросов современности, во-вторых, продемонстрировать, что они озабочены — более чем кто-либо другой — судьбами всего человечества.

Общая тональность американской научной и политической литературы по этому кругу проблем еще раз подтверждает правоту основоположников марксизма, когда они писали, что для полного или хотя бы частичного достижения своих целей господствующий класс должен сначала представить свои интересы как общечеловеческие, «придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые»²⁸.

Если этот круг идеологических стереотипов рассчитан, так сказать, на любого потребителя, «универсален», то можно выделить и иные, более «специализированные» направления американской идеологической кампании 70-х годов.

Как мы уже отмечали, острое идеологической кампании Вашингтона было в 70-е годы, как и всегда, направлено против Советского Союза. Это стало особенно очевидно с приходом в Белый дом администрации Дж. Картера. Если при этом сама администрация все же пыталась сочетать активизацию своей внешнеполитической идеолого-пропагандистской деятельности с декларациями о готовности в принципе продолжать процесс разрядки, то с энтузиазмом подключившиеся к этой кампании откровенно реакционные силы использовали ее прежде всего для нападков на политику разрядки и для насаждения откровенно воинствующего антисоветизма. На страницах американской печати вернулась риторика, весьма напоминающая фразеологию периода «холодной войны»; позднее, при Р. Рейгане, она уже полностью затопила американские средства массовой информации.

Например, П. Нитце, в прошлом член американской делегации на переговорах с Советским Союзом по ограничению стратегических вооружений, а ныне глава американской делегации на переговорах по ракетам средней дальности, стяжал в последние годы лавры одного из самых ретивых бор-

цов против договоренностей с Советским Союзом в рамках ОСВ; он, в частности, утверждал, выступая по американскому телевидению 5 октября 1978 г., что Советский Союз «стремится достичь превосходства — военного превосходства — не только над Соединенными Штатами Америки, но и вообще над всеми в вся за пределами самого Советского Союза»²⁹. Да и сам президент Рейган повторяет худшие образчики антикоммунистического красноречия образца 50-х годов, именуя коммунизм «абберацией, ненормальным образом жизни для человеческих существ»³⁰. Недаром журнал «Ньюсуик», комментируя стилистику новых обитателей Белого дома, процитировал слова одного чиновника госдепартамента (по понятным причинам не назвав его имени), который сказал, что иногда ему кажется, «будто единственная цель некоторых из этих людей состоит в том, чтобы гарантировать, что никто и никогда не сможет заподозрить их в симпатиях к коммунизму»³¹.

Кое-кто из противников разрядки сумел извлечь непосредственные выгоды из нового идеологического крестового похода. Тезис о «коммунистической опасности» и «советской военной угрозе» позволил военно-промышленному комплексу США не только получить новые ассигнования на военное строительство, в том числе на строительство крылатых ракет и подготовку производства нейтронной бомбы, но и замедлить ход переговоров по ОСВ-2 с СССР, а когда переговоры все же были завершены и договор ОСВ-2 был подписан в ходе венской встречи на высшем уровне в июне 1979 г., — фактически сорвать ратификацию договора в сенате, накалить в стране атмосферу недоверия к СССР, доходившую временами до антисоветской истерии. Воскрешение устрашающе-отталкивающих антисоветских стереотипов, еще вполне свежих в памяти американцев со времен «холодной войны», было, естественно, рассчитано на американского обывателя, но в еще большей мере оно использовалось как средство прямого психологического давления на западноевропейских союзников США — здесь тема «советской угрозы» использовалась уже не столько как средство идеологической борьбы, сколько средство прямого психического нажима для достижения вполне конкретных внешнеполитических целей.

Попытки подорвать доверие к СССР, посеять среди американской и мировой общественности сомнение в надежности его как партнера по перестройке международных отношений имели немалый успех, ибо на протяжении четверти века «холодной войны» общественное мнение Запада, и прежде всего США, неизменно воспитывалось на традициях антисоветиз-

ма и оживить десятилетиями формировавшиеся стереотипы не так уж трудно. Раздувая миф о «советской угрозе», американская пропаганда соответственно все более отрывалась от действительности, и этот процесс, опираясь на уже имевшиеся в сознании, ранее созданные той же пропагандой стереотипы, приобрел собственную инерцию и кое в чем даже рикошетом ударил по его инициаторам. Так, когда возникла реальная перспектива скорого завершения переговоров об ОСВ-2, администрации Дж. Картера пришлось столкнуться с тем, что развязанная ею же антисоветская кампания вышла из-под контроля и превратилась в помеху для ратификации соглашения*.

Надо сказать, что уроки истории по-своему не прошли для американских антикоммунистов даром. Наиболее одиозные и примитивные стереотипы, характерные для американской идеологии и пропаганды 50-х годов, в 70-е годы уступили место более изощренным приемам идеологической борьбы, более тонким подходам. Парадокс с идеологизацией внешней политики США в ходе «холодной войны» заключается в том, что, в то время как цели внешней политики США в этот период формулировались в основном в идеологических категориях, сами идеологические инструменты воздействия в отношениях с социалистическими государствами на практике использовались США относительно слабо, поскольку в те годы между США и социалистическими странами просто отсутствовали сколько-нибудь широкие контакты.

Успехи СССР и других социалистических стран в строительстве социализма, завоеванный ими престиж на мировой арене ограничивают возможности обыгрывания в американской пропаганде излюбленного в прошлом тезиса о «нежизненности» социалистического строя, системы социалистиче-

---

* В принципе можно без преувеличения сказать, что американские руководители не раз становились в большей или меньшей степени пленниками той фальсифицированной в соответствии с идеологическими установками, препарированной информации, потребность в которой была создана первоначально если не ими самими, то их ближайшими предшественниками. О возможности такого хода событий пишет советский исследователь внешнеполитических стереотипов Л. А. Зак, который проводит различие между дипломатическими стереотипами, создаваемыми правящими кругами одной страны о другой стране для себя, и пропагандистскими стереотипами, которые пытаются навязать народу находящиеся в распоряжении правящих кругов средства массовой информации. При этом, отмечает Зак, в определенных случаях правительство, создавшее тот или иной пропагандистский образ «противника», может стать пленником собственной пропаганды. См.: *Зак Л. А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы.* М., 1976, с. 123—127.

ской собственности и социалистического планирования. Взамен стала распространяться критика «отдельных аспектов» социалистической действительности, отдельных имеющихся недостатков и трудностей, причем американские идеологи и пропагандисты стремятся во внешнеполитической пропаганде (в резком отличии от внутренней!) вести разговор с «сочувственными» позиций, стараясь завоевать доверие аудитории и всячески демонстрируя свое желание «подправить». «улучшить», «демократизировать» социализм. Не выступая в таких случаях «в лоб» против социалистических начал и тенденций, они пытаются скорее опорочить их исподволь, противопоставляя им психологию индивидуализма, «полной свободы личности», частного предпринимательства, играя на национализме, религиозных настроениях и т. п.

Именно в таком ключе администрация Дж. Картера стремилась оркестровать кампанию по поводу «прав человека», начатую еще в ходе подготовки к президентским выборам 1976 г. Расчет был на то, что органы массовой информации сумеют захватить идеологическую инициативу и вложить в понятие «прав человека» толкование, отличное от принятого в социалистических странах, сместив акцент с проблем расового равенства, права на труд и других социальных завоеваний социализма на проблему «политических свобод личности», толкуемых в духе традиционного американского либерализма и буржуазного индивидуализма, на противопоставление частного интереса индивида его обязанностям перед обществом.

Большое место в расчетах правящих кругов США занимала деятельность отдельных отщепенцев в социалистических странах, так называемых диссидентов; они были призваны играть сразу две роли: с одной стороны, «пострадавших» или «свидетелей» якобы имеющих место нарушений гражданских прав в странах социализма, а с другой — канала распространения антисоциалистических измышлений как внутри социалистических стран, так и в странах капитализма.

Эта кампания была также призвана стать «обоснованием» для американских попыток вмешательства во внутренние дела Советского Союза, других социалистических стран.

Позднее эта кампания перешла из сферы идеологии в область «психологических акций», поскольку замысел состоял в том, чтобы с помощью тщательно управляемой активной идеолого-пропагандистской кампании создать напряжение в отношениях с СССР, которым можно будет манипулировать как рычагом для извлечения политических и идеологических уступок, «увязанных» с определенными ди-

дипломатическими и политическими акциями США. (В частности, администрация Дж. Картера пошла на привязывание позиций американской дипломатии в таких важных областях, как переговоры с СССР об ограничении стратегических вооружений, переговоры о взаимном сокращении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе, контакты в сфере торговли, научно-технического сотрудничества, непосредственно к задачам идеологической борьбы против СССР). Таким образом, американское руководство не только сделало объектами непосредственных межгосударственных отношений те проблемы, которые относились и относятся прежде всего к сфере идеологического противоборства двух систем, но и предприняло усилия, чтобы связать развитие советско-американских межгосударственных отношений с конкретными уступками со стороны СССР в вопросах идеологического и внутриполитического характера.

Известный специалист-советолог А. Даллин прямо констатировал в ходе слушаний в комиссии по международным отношениям палаты представителей конгресса США осенью 1978 г., что у Советского Союза есть все основания рассматривать пропагандистскую кампанию относительно «защиты прав человека» Вашингтоном «не просто как глобальную миссию, взятую на себя Соединенными Штатами, но как инструмент политической борьбы»³². Следует отметить, что такой подход встретил решительную критику со стороны многих авторитетных международных экспертов в самих США. В ходе тех же слушаний Р. Легволд, Дж. Кемпбелл называли гипертрофированной роль, которую кампания по правам человека стала играть в общем объеме внешнеполитических акций США на советском направлении. Дж. Кемпбелл особо подчеркивал, что эта пропагандистская шумиха оказывает негативное и дезорганизующее воздействие на развитие событий в остальных областях отношений США—СССР, в том числе и таких важных для США, как область ограничения стратегических вооружений³³.

Разумеется, было бы упрощением считать, что вся эта пропаганда была направлена исключительно против Советского Союза. Нет никакого сомнения в том, что кампания в области «прав человека» ставила своей целью подорвать массовую поддержку коммунистических и иных левых партий в Западной Европе, Японии и других странах, принадлежащих к мировой системе капитализма; имела она и задачу воздействия на общественное мнение в молодых освободившихся государствах, во-первых, в плане популяризации там либерально-индивидуалистической трактовки «прав чело-

века» и, во-вторых, в плане улучшения общего представления о самих США. Американские законодатели весьма откровенно признают, в чем для них главные достоинства кампании в области «прав человека»; об этом прямо говорил один из конгрессменов: «Наша политика помогла нам начать менять образ Соединенных Штатов. Слишком долго мы идентифицировали себя с режимами, которые подавляли права человека, нежели с теми, кто был лишен прав. Теперь я убежден, что эта новая политика поможет нам вернуться на позиции лидерства, позиции, которые более соответствуют традиционному представлению о Соединенных Штатах как о стране, которая на протяжении двух веков принимала к себе диссидентов»³⁴. Надо сказать, что в некоторых случаях новая линия США, по крайней мере на время, приносила им пропагандистскую выгоду.

Тем не менее у кампании по «защите прав человека» обнаружились со временем, как и следовало ожидать, негативные стороны, которые сделали ее не слишком выгодной для самих же США (например, когда в 1978 г. по инициативе государственного департамента США была созвана конференция по проблеме «Права человека и национальная внешняя политика», она, вопреки всем ожиданиям ее организаторов, обернулась осуждением администрации США как крупного нарушителя прав человека: представители женских организаций требовали истинного равноправия для трудящихся женщин, негры разоблачали продолжающуюся расовую дискриминацию, испано-американцы выступали против полицейской жестокости, индейцы возмущались лишением их законных прав на владение землями, богатыми природными ресурсами и т. д.)³⁵. Однако это не меняет того факта, что такого рода массированные пропагандистские кампании, видимо, останутся в арсенале идеологических средств американской внешней политики, хотя в основу их может быть положен какой-то иной стереотип. Администрация Р. Рейгана, например, с первых дней своего прихода к власти «сделала заявку» на борьбу против «международного терроризма»; в частности, государственный секретарь США А. Хейг не нашел ничего лучшего для объяснения нового американского наступления на государство и движения, борющиеся против неокolonизма, чем наклеить на освободительные движения и целые страны (?) ярлык «террористических организаций». Однако реальная политика Вашингтона, поддерживающего повсюду расистские и репрессивные режимы, многократно разоблаченная перед всем миром подрывная и террористическая деятельность ЦРУ превращают и эту пропагандистскую затею в очередной бу-

меранг, все сильнее ударяющий по международному престижу США.

Вашингтон, как это подтверждает и деятельность делегации США в 1980—1983 гг. на Мадридской встрече представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, посвященной рассмотрению практики претворения в жизнь Заключительного акта общеевропейского совещания, подписанного в 1975 г. в Хельсинки, явно будет пытаться продолжать не менее активно использовать идеологические рычаги, будет эксплуатировать в своих интересах и расширение контактов между капиталистическими и социалистическими странами, явившееся следствием разрядки, хотя такого рода действия сами объективно ведут к подрыву разрядки, сужению ее базы.

Поворот США в сторону более активного использования идеологических рычагов в 70-е годы начался в принципе еще при администрации Никсона, когда определенная группа деятелей в американском руководстве, почувствовав ослабление возможностей использования Соединенными Штатами экономических рычагов против своих капиталистических партнеров-конкурентов и уменьшение в условиях разрядки возможностей спекуляции на «советской военной угрозе», решила реидеологизировать политику США в отношении своих западных партнеров путем спекуляции на теме «единства западной цивилизации».

Апеллируя к «идеологическому единству» Запада, Киссинджер и другие тогдашние теоретики и практики внешней политики США фактически пытались играть на обостренной классовой чувствительности правящих элит капиталистических стран в условиях укрепления позиций левых сил. Обращаясь к правящим кругам Западной Европы, американские политики в сущности прямо говорили им: если вы будете продолжать фрондировать по отношению к США, в конце концов вас просто сметут левые силы; если вы не хотите этого, — давайте действовать солидарно. (Нельзя не отметить, что такого рода давление — наряду с осознанием правящими кругами Западной Европы в ходе энергетического, валютно-финансового и экономического кризисов своей относительной слабости по отношению к заокеанскому гиганту, невзирая на общее усиление экономических позиций Западной Европы и Японии, — привело к усилению центростремительных тенденций в капиталистическом лагере с середины 70-х годов, о чем свидетельствуют определенные нюансы в атлантической политике Франции, Италии, Испании, Португалии и других западноевропейских стран.)

Апелляция к солидарности и идейной близости капиталистических стран как к резерву силы, который поможет им выжить в беспокойном и подчас враждебном, как подчеркивали вашингтонские идеологи, международном окружении, была лейтмотивом идеологической кампании, начатой Г. Киссинджером и с еще большим пылом продолженной З. Бжезинским. Уже само по себе насаждение этого стереотипа «враждебного окружения»,³⁶ изображение развитых капиталистических стран как единственного «бастиона демократии», острова в бушующем море — это все тоже явные приемы идеологического и психологического воздействия на западноевропейских и японских партнеров США. Кстати, вся эта терминология без малейшего изменения переключалась в риторику Р. Рейгана — он тоже говорит о необходимости «защитить этот последний и величайший бастион свободы»,³⁷ о проблемах обеспечения Америке «безопасности во все более враждебном мире...»³⁸.

Во второй половине 70-х годов США на западноевропейском направлении стали чрезвычайно активно муссировать и тему «советской угрозы». Казалось бы, события 70-х годов не давали оснований для подъема подобной кампании: Европа продвинулась по пути разрядки больше, чем какой-либо другой регион мира; именно здесь были проведены наиболее значительные политические мероприятия, заключены соглашения, понижавшие угрозу войны (договор о нейтралитете Австрии, четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и т. п.). Советский Союз в эти годы, как и всегда, неизменно выступал с широкими важными миролюбивыми инициативами, в том числе и такими важными, как заявление о неприменении ядерного оружия против стран, не имеющих ядерного оружия на своей территории; с ноября 1973 г. СССР вместе с еще 18 государствами Восточной и Западной Европы, США и Канадой вел переговоры о сокращении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе. Этот перечень позитивных фактов европейской жизни может быть продолжен и далее.

В то же время Западная Европа в военном отношении усилилась; если же учесть развитие событий на Ближнем Востоке, а затем в районе Персидского залива и вообще Индийского океана, а также на Дальнем Востоке, то объективно речь могла идти скорее о возрастании угрозы Советскому Союзу, нежели наоборот.

Чем же объяснить, что именно на таком фоне была развернута столь интенсивная пропагандистская кампания США

о «росте советской военной угрозы»? Причина очевидна: США пытались использовать тему «советской угрозы» как рычаг давления на партнеров с тем, чтобы (а) не дать в условиях разрядки ослабнуть механизму НАТО и (б) напомнить о своей роли «старшего партнера» — гаранта западноевропейской безопасности. Таким образом, именно идеологический рычаг на западноевропейском направлении играл для США роль важного средства утверждения своего главенства в период, когда стали ослабевать иные рычаги: военные — за счет разрядки, а экономические — в результате относительного изменения расстановки сил в капиталистическом мире не в пользу США.

Весь этот период — особенно после 1977 г. — озаглавлен кампанией американского давления на союзников, чтобы подтолкнуть их к принятию на себя большего военного бремени, к форсированию программ модернизации сил НАТО, в том числе к размещению в Западной Европе нейтронного оружия, нового поколения «Першингов» и крылатых ракет. Представляется, что некоторые американские акции в этой кампании были специально рассчитаны уже не столько на идеологическое, сколько на психологическое воздействие на поведение западноевропейских партнеров.

Например, летом 1977 г., в разгар обсуждения проблем «евростратегического» оружия, произошла вызвавшая бурный резонанс в Западной Европе «утечка информации»: в американскую печать попали сведения из обзорного доклада по вопросам национальной безопасности, подготовленного для недавно пришедшей в Белый дом администрации демократов. В этом докладе, получившем широкую известность под названием «Президентский обзорный меморандум-10», будто бы постулировалась готовность США «в случае советского вторжения уступить Советскому Союзу треть территории ФРГ»³⁹.

Если учесть, что в Западной Европе и без этого были достаточно распространены настроения некоторого скептицизма в отношении надежности «ядерного зонтика» США на нынешнем этапе — этапе стратегического паритета между силами СССР и США, то ясно, что сведения о секретном докладе не могли не породить новых сомнений у союзников. Представители Белого дома и лично министр обороны США Г. Браун, правда, сразу же выступили с утверждениями, что-де в отрывочных цитатах из доклада искажена позиция США, что США неизменно верны официальной стратегии «обороны на передовых рубежах» и готовы использовать «весь диапазон возможных средств для возвращения любой

утраченной территории»; более того, в печати появились сообщения, что Г. Браун вообще был низкого мнения о «Президентском обзорном меморандуме-10» и т. д. и т. п. Однако вся довольно длительная возня вокруг этого документа, сопровождавшаяся разнообразными спекуляциями на тему о возможности «советской агрессии», заставляет предположить, что в принципе утечка подобной «информации» вполне могла быть сознательно инспирирована американцами для оказания психологического давления на западноевропейцев с целью подтолкнуть их к принятию более активных военных программ (и нейтронного оружия США).

Такое впечатление еще более усугубляется тем необычно откровенным интервью, которое чуть позже, в декабре 1977 г., дал английской газете «Санди таймс» генерал А. Хейг, в тот момент верховный главнокомандующий силами НАТО в Европе, а затем государственный секретарь США. Заявив, что «наращивание русскими своего военного потенциала носит наступательный характер», Хейг разъяснил далее, что Европа просто не сможет обойтись без нейтронного оружия: «Поскольку американские стратегические средства сдерживания теряют свое превосходство над русскими и, вероятно, в дальнейшем будут также нейтрализованы соглашением об ограничении стратегических вооружений, европейский театр военных действий становится гораздо более уязвимым и потому будет нуждаться в собственной сдерживающей мощи»⁴⁰. (Далее Хейг конкретизировал, что под «собственной сдерживающей мощью» для Западной Европы имеется в виду размещение там нейтронного оружия и крылатых ракет американского производства.)

Приведенный пример — не более чем эпизод в систематической идеологической кампании США, но он достаточно типичен с точки зрения уже десятилетиями отработанного использования того или иного пропагандистского мифа антисоветского характера для внедрения в сознание общественности ложных стереотипов, превратных представлений, которые в нужный момент могут быть «активизированы» и, как надеются в Вашингтоне, послужат базой для конкретного действия в желательном для США духе.

«Империализм, — как подчеркивалось на Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г., — не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов»⁴¹.

Американские идеологи в характерной для США традиции американоцентризма и шовинизма в 70-х годах продолжали развивать идеи «неравенства наций», связанного якобы не с объективно историческими условиями, порождающими неравномерность их развития, а с каким-то внутренне присущими каждой стране, органическими факторами. Причем эта идея накладывается ими на всю систему современных международных отношений и становится базой для выделения США (и всей группы развитых капиталистических стран) в некое привилегированное сообщество, не обязанное подчиняться «тирании нового большинства» государств, лишь недавно вступивших на арену мировой политики*.

Очевидно, что такого рода концепции еще могли фигурировать как база для попыток консолидировать Запад, но в условиях, когда значение развивающихся стран так повысилось и для самих же США, и для их союзников, такие идеи могли лишь дополнительно усилить тот подъем антиамериканизма, который и без того характерен для второй половины 70-х годов и продиктован тем, что для большинства развивающихся стран США олицетворяют неокOLONиализм, неравноправные экономические отношения, которые были навязаны молодым государствам после получения ими политической независимости**. Поэтому к концу 70-х годов все больше начинают распространяться в идеологических кампаниях на развивающиеся страны мотивы «взаимозависимости» — общности интересов молодых государств и «промышленно

---

* «Нам пора решительно заявить, что неравенство в мире может быть результатом не столько условий, сколько собственной деятельности», — писал в журнале «Комментарии» Д. Мойнихан, пытаясь обосновать тезис о том, что США не должны выступать за равенство, их кредо — свобода, равенство же вторично. См.: *Moynihan D. P. The United States in Opposition. — Commentary, 1975, Mar., p. 7—23.* Как позднее признавался Г. Киссинджер, именно после опубликования этой статьи президент Форд принял решение назначить Мойнихана на пост представителя США в ООН. О «неравенстве наций» см. также: *Morgensthan H. J. The Pathology of American Power. — International Security, 1977, Winter, p. 13—20; Tucker R. W. The Inequality of Nations. N. Y., 1977.*

** Настроения, распространенные в этих странах, выступающих против засилья монополистического капитала США — их крупнейшего эксплуататора, были ярко выражены лидером Ливийской революции М. Каддафи в интервью, которое он дал американской газете. «Все ненавидят Америку, все, а не только мусульманские страны, — говорил Каддафи. — Потому что все либо были угнетены, либо до сих пор еще угнетены Америкой, и рано или поздно восстанут против Америки — даже те страны, которые не являются мусульманскими» (*San Francisco Chronicle, 1979, Dec. 17.*)

развитых демократий». «Третьему миру»-де не удастся справиться с задачами развития и модернизации без помощи США и их ближайших капиталистических партнеров. Таким образом, развивающиеся страны и те, кто их эксплуатировал и продолжает эксплуатировать, изображаются как «сидящие в одной лодке» и, следовательно, никак не заинтересованные в ее «раскачивании» (это служит основанием для требования от развивающихся стран «умеренности», «реализма» и т. п.).

Разумеется, концепция взаимозависимости отражает объективную реальность — объем экономических связей США с развивающимися странами действительно велик (на них приходится, как отмечалось в гл. II, около половины ежегодных прямых инвестиций США и треть товарного экспорта), однако, если можно так выразиться, ее идеологическая роль выше непосредственно экономической. Изображая все государства несоциалистического мира как части единого хозяйственного организма, американские идеологи пытаются устранить, хотя бы внешне, элемент антагонистических противоречий, заложенных в отношениях между капиталистическими и развивающимися странами, подчеркивая общность целей, в реализации которых заинтересованы якобы все несоциалистические страны. (Недаром даже Д. Мойнихан в упоминавшейся выше статье «США в оппозиции» пишет о том, что все-таки Соединенные Штаты должны рассматривать себя и развивающиеся страны как членов единого «сообщества»; что же касается социалистических стран, то их он в это «сообщество» не включает, хотя и допускает возможность переговоров с ними.)

В идеологической деятельности США по отношению к развивающимся странам появились и некоторые другие новые мотивы. Так, наиболее дальновидные из американских теоретиков уже поняли, что для многих молодых государств оказывается привлекательным путь социалистической ориентации, путь широкой национализации народных богатств и централизованного экономического планирования, поскольку именно такие действия обещают ускоренную модернизацию. Соответственно попытки со стороны США огульного отрицания и охаивания социалистических начал и тенденций, в частности идеи государственного планирования, политических дивидендов принести не смогут, разве лишь увеличат пропасть отчуждения между США и молодыми независимыми государствами. Поэтому рекомендовано было противопоставить всему этому комплексу идей массивную пропаганду психологии индивидуализма, «свободы лич-

ности» в деловой и любой другой активности, успехов «свободного предпринимательства», «личной инициативы».

Именно так, заменив примитивные и негативные антикоммунистические лозунги на пропаганду «позитивных» идеалов индивидуализма, «Соединенные Штаты в конце концов вновь обретут свое моральное лидерство среди других стран мира — не силой своей экономической мощи и не силой оружия, но в силу достоинств своего идеологического примера»⁴², — писал Б. Мэннинг, в то время президент одной из наиболее престижных организаций американской элиты — Совета по международным отношениям.

Упор на «позитивные» индивидуалистические ценности западной цивилизации стал заметен уже при Форде—Киссинджере; он возрос при Картере, который пришел к власти, апеллируя к психологии популизма, выступая с широко-вещательными декларациями в духе традиционного американского индивидуализма. Упор на подобную пропаганду еще более усилился при Рейгане, хотя акценты сместились на критику негативного отношения к традиционным буржуазным ценностям в социалистических и многих развивающихся странах.

Говоря об усилиях США в сфере идеологии, нельзя не упомянуть, что в последнее время очень повысился удельный вес «социологической пропаганды» — пропагандирования не столько идей, сколько образа жизни, «овеществленной идеологии». Здесь в центре внимания — новости науки и техники, события культурной жизни, вопросы торговли, мода и т. п. В основе «социологической пропаганды» — точно дозированное сочетание действительно свежей и ценной информации с рекламой Америки опять-таки как образца для подражания.

«Американские средства массовой информации, — писал специалист по вопросам пропаганды проф. Шиллер, — составляют главный идеологический компонент общества изобилия — концепцию «хорошей жизни». Период накопления капитала в США, когда на первом плане были такие черты характера и нормы поведения, как осмотрительность, сдержанность, бережливость, накопительство, остался далеко позади. Развитое и избалованное общество, располагающее мощной рыночной экономикой, поощряет теперь совсем иную модель поведения, необходимую для функционирования этой самой экономики. Средства массовой коммуникации (в рекламе — откровенно, в развлекательных программах — чуть более замаскированно) информируют и наставляют аудиторию относительно желательных для рыночной экономики норм поведения. Что касается самих этих норм, то они уже доволь-

но давно — по меньшей мере три десятилетия — ориентированы на импульсивную трату денег и приобретение материальных благ, причем уже не по соображениям необходимости, а чаще из-за моды, престижа и т. п.»⁴³

На слушаниях по проблеме современных средств связи и внешней политики США в комиссии палаты представителей прямо подчеркивалось, насколько важно, чтобы американская пропаганда на зарубежные страны ставила перед собой задачу «показывать людям вещи, которых они жаждут, но которые для них недоступны... люди хотят видеть, что такое современный образ жизни, они хотят видеть наши товары, видеть, как мы живем, слышать нашу музыку»⁴⁴.

Изображая Америку «потребительским раем» и представляя «неограниченные возможности» потребления пределом человеческих мечтаний (а заодно и едва ли не синонимом духовной свободы, истинного раскрепощения личности), американские пропагандисты экспортируют психологический тип, который Э. Фромм назвал «homo consumens» — «человек потребляющий»⁴⁵, и этот вид экспорта далеко не безобиден с точки зрения воздействия на системы ценностей и национальные приоритеты других стран и народов.

Надо, однако, сказать, что реальная американская действительность все дальше отрывается от идеального образа США как «маяка цивилизации», рисуемого американской пропагандой. Экономические неурядицы последнего десятилетия, инфляция, безработица, усиление расизма, кризис городов, рост преступности и другие проявления социальной патологии — все это делает США в глазах осведомленной широкой общественности, в том числе и в развивающихся странах, не столько образцом для подражания, сколько предупреждением об опасности бездумного заимствования американского опыта.

2.

Информационно-пропагандистская экспансия

То значение, которое в Соединенных Штатах придается идеологическим инструментам международного воздействия, в какой-то мере непосредственно связано с совершенствованием материально-технических возможностей ведения идеологической борьбы в условиях быстрого научно-технического прогресса, с современными практически неограниченными техническими возможностями воздействия на людей во всех уголках земного шара. Прогресс в области средств связи, в том числе и в области использования космической связи

для радио- и телевещания, представляется американцам — с обычным для них техницистским фетишизмом — едва ли не гарантией успеха в обеспечении свободы экспорта американской идеологии в современных условиях *. Недаром уже упоминавшийся Г. Шиллер пишет, что в осуществлении своих имперских амбиций США опираются «на союз экономики и электроники, частично заменившей, хотя и не полностью, „железо и кровь“, которые были базой для более примитивных завоевателей»⁴⁶. О том же пишет в статье «Программа для Америки: свобода и внешняя политика» У. Кинтнер: «Глобальная революция, произошедшая в средствах связи, представляет собой идеальный инструмент для достижения и расширения свободы. Возможность завоевания умов людей с помощью электронных средств массовой информации либо уже существует, либо должна быть создана. Символично, что борьба между свободными и авторитарными обществами зависит от возможности поддерживать плюралистическую глобальную коммуникационную систему, включающую средства массовой информации, развлечения, культурный обмен и международные поездки»⁴⁷.

Собственно, сами по себе гигантские размеры официального аппарата внешнеполитической пропаганды, созданного в послевоенные годы, его разветвленность, разнообразие функций и звеньев уже служат красноречивым свидетельством того, какое значение придают американские правящие круги идеологической борьбе. Впервые централизованное ведомство внешнеполитической пропаганды появилось в США в годы первой мировой войны (это был Комитет общественной информации, созданный на правах специального правительственного ведомства и возглавленный личным другом президента Вильсона Дж. Крилем) и функционировало в тесном контакте с военной разведкой, стремясь изыскать средства влияния на действующую немецкую армию и на тылы противника, а также имея целью воздействие на американское общественное мнение в плане его мобилизации в поддержку военных усилий США. В период между двумя мировыми войнами государственного пропагандистского ведомства в США не было. Оно было учреждено 13 июня

---

* Нередко при чтении американских авторов вообще возникает впечатление, будто наука и техника создают такие возможности, что идеологической экспансии США просто невозможно противостоять. В этом плане несколько отрезвляюще звучит давно сделанное Г. Моргентау замечание, что та же наука и техника в случае нужды создают возможность преградить путь этому вторжению. См.: *Morgenthau H. Politics Among Nations*. N. Y., 1967, p. 25.

1942 г. и названо Управлением военной информации; к концу второй мировой войны в этом главном американском ведомстве пропаганды работало 13 тыс. человек⁴⁸.

После окончания войны и расформирования Управления военной информации аппарат государственной внешнеполитической пропаганды был сохранен и передан в ведение государственного департамента, однако организационное его оформление неоднократно менялось и устоялось лишь после реорганизации 1953 г., в основе которой лежала идея административного разграничения между информационно-пропагандистской и культурно-образовательной деятельностью.

Главным органом официального аппарата внешнеполитической пропаганды стало Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА), а в государственном департаменте было создано бюро по делам образования и культуры. Такая структура просуществовала четверть века и была изменена директивой президента Дж. Картера в 1977 г., в соответствии с которой было осуществлено объединение ЮСИА и бюро госдепартамента по делам образования и культуры в единый пропагандистский орган — Управление международной связи (УМС), начавший функционировать с апреля 1978 г.* Сам по себе организационный статус нового федерального ведомства, которое занимается и пропагандой, и сотрудничеством с другими странами в области образования и культуры, отражает желание Вашингтона добиться большей централизации и четкости управления пропагандистской деятельностью как инструментом внешней политики. В мае 1977 г., когда консультативная комиссия США по вопросам международной информации и отношений в области просвещения и культуры представила конгрессу доклад, в котором доказывалась настойчивая необходимость реорганизации пропагандистского аппарата США, главным мотивом перестройки была указана задача «вернуть себе инициативу на идеологической арене».

Реорганизационный план демократической администрации предусматривал комплексное и разностороннее использование различных каналов для пропагандистской работы. Официальные документы и материалы распространяются через посольства и посты Управления международной связи **; новости и пропаганда «американского образа жизни» —

---

* Подробно об этой реорганизации см.: США — экономика, политика, идеология, 1978, № 1, с. 64—69.

** Управление международной связи унаследовало от ЮСИА службу информационных центров, которая насчитывает более 200 амери-

через официальный канал радиопропаганды, радиостанцию «Голос Америки», представляющую якобы «весь американский народ»; идеи, ценности, нравы, привычки и формы поведения, свойственные буржуазному обществу, рекламируются одновременно через все каналы культурного и образовательного обмена, туризма, экономических и научно-технических связей и т. п.

«Голос Америки», который вещает около 900 часов в неделю на 39 языках народов мира, неизменно характеризуется в официальных документах как «важнейший компонент американской публичной дипломатии» или «жизненно важный инструмент в осуществлении американской внешней политики»⁴⁹; его бюджет, составлявший в середине 60-х годов около 30 млн. долл., в 1979 г. превысил 70 млн. долл. Советский Союз является самым важным объектом вещания «Голоса Америки»: из общего количества часов вещания около 30% передач рассчитаны на Советский Союз и ведутся на пятнадцать языках народов СССР⁵⁰.

Если «официальная» радиостанция — «Голос Америки» — в 70-х годах на какой-то период стала придерживаться, в связи с улучшением американско-советских отношений, более или менее корректного тона в своем вещании*, то это более чем компенсировалось деятельностью «Радио Свободная Европа» (РСЕ) и «Радио Свобода» (РС), специализирующихся в области откровенно подрывной пропаганды. Формально они принадлежат «частным», негосударственным организациям

канских пропагандистских постов в 126 странах, помимо библиотек и читален; информационные центры организуют также выставки (около 30 в год), лекции, концерты, демонстрацию американских фильмов, причем на последних, по американским данным, за год бывает до 350 млн. человек в 120 странах мира; в их обязанности входит и распространение 11 журналов, издаваемых УМС на 19 языках. См.: *Foreign Affairs*, 1981, Spring, p. 916.

* Этот тон стал немедленно объектом критики со стороны антисоветски настроенных кругов в США. Тогдашний директор ЮСИА Дж. Кью пытался оправдаться: «Разрядка внесла свои изменения в работу Информационного агентства Соединенных Штатов, — говорил он в интервью журналу «Тайм» в декабре 1974 г. — Руководители наших программ должны чутко реагировать на политику США в том виде, в каком ее понимают президент и государственный секретарь. А эта политика предусматривает, что мы не вмешиваемся во внутренние дела других стран. Мы не занимаемся провоцированием революций» (*Congressional Record*, 1975, Jan. 28, p. E-194). Это интервью вызвало еще более острые нападки: сенатор Джексон призвал «Голос Америки» «вернуться к своим обычным программам», конгрессмен Эшбрук назвал эту радиостанцию «жертвой разрядки» (*Congressional Record*, 1975, Jan. 28, p. E-194). В результате и Кью не задержался на посту директора ЮСИА, и «Голос Америки» в скором времени «исправился».

(«Свободная Европа» — созданному в 1949 г. для подрывной деятельности против европейских стран народной демократии Комитету Свободной Европы, а «Свобода» — Американскому комитету освобождения от большевизма, созданному в 1951 г. специально для пропаганды и подрывной деятельности, нацеленной против народов СССР). Однако на самом деле, как вынуждены были признать в США, «эти радиостанции, размещенные в Мюнхене, были организованы Центральным разведывательным управлением в 50-х годах, чтобы поощрять антикоммунистические настроения и внутренние политические разногласия»⁵¹.

В 1973 г. конгресс США впервые официально выделил на содержание этих радиостанций 38 млн. долл. (до этого их тайно финансировало ЦРУ), а к концу 70-х годов их бюджет удвоился. Увеличение средств сразу же сказалось и на повышении пропагандистского давления: если в 50-е годы — годы «холодной войны» — совокупный объем передач «Свободной Европы» на пять европейских социалистических государств составлял 10,5 часов в неделю, то в 1973 г. — в период разрядки — он достиг 540 часов в неделю; объем передач «Свободы» составляет 275 часов в сутки, мощность ее передатчиков, расположенных в районе Барселоны, увеличена за последние годы на 40%. В совокупности бюджет этих двух радиостанций равен бюджету «Голоса Америки» и составляет около 90 млн. долл. в год⁵².

Хотя вокруг деятельности этих радиостанций в последние годы не раз возникали скандалы, Вашингтон не только не отказывается от них, но, наоборот, рассчитывает использовать их еще более массированно. В 1977 г. Картер поддержал просьбу о выделении им дополнительно 45 млн. долл., чтобы удвоить возможности вещания; есть и более далеко идущие планы: поскольку деятельность подрывных радиостанций вызывает время от времени трения у США с правительствами государств, на чьей территории расположены релейные станции (Португалией, ФРГ, Испанией), Вашингтон предполагает построить на территории США сверхмощный передатчик на 2500 кВт, сигнал которого мог бы покрывать весь мир. Администрация Рейгана явно настроена активизировать использование пропагандистской машины, сам Рейган прямо обещал свою поддержку «усилению позиции» РС, РСЕ и «Голоса Америки». «По сравнению с другими расходами на нашу национальную безопасность, — подчеркивал он в одной из речей перед самыми президентскими выборами, в октябре 1980 г., — денежные затраты в этой области невелики. Главное, что необходимо, — убежденность»⁵³.

Придя в Белый дом, Р. Рейган приступил к выполнению своих обещаний: полностью обновлен руководящий состав пропагандистских служб (в 1981 г. в Управлении международной связи была проведена значительная чистка, коснувшаяся прежде всего сотрудников «Голоса Америки», который у консерваторов-республиканцев пользуется репутацией чрезмерно «либерального» органа; в откликах американской печати это мероприятие было расценено как рецидив маккартизма); увеличены ассигнования на нужды пропаганды (на 1982—1983 гг. УМС выделен 1 млрд. долл.), в том числе на создание дополнительных филиалов «Голоса Америки» для вещания на Африку и Азию; разработаны новые директивы по осуществлению «публичной дипломатии» в более наступательном и антикоммунистическом духе (в августе 1981 г. утверждена программа «Истина» — план разворачивания нового раунда антисоветской пропаганды).

В качестве образцов мероприятий, типичных для нынешнего пропагандистского бума в США, можно упомянуть злобно антисоветский четырехчасовой фильм «Третья мировая война», показанный по американскому телевидению в конце 1981 г. и живописующий «вторжение» Советского Союза на территорию США, или организованную по инициативе Белого дома и при личном участии президента телевизионную программу «Пусть Польша останется Польшей», посвященную оплакиванию неудачи «польского эксперимента» (этот спектакль был предназначен для ретрансляции по всему миру с помощью новейших технических средств, но, к разочарованию Вашингтона, не собрал ожидавшейся многомиллионной аудитории).

Деятельность ЮСИА, а позднее УМС включает в себя и посредничество в ретрансляции за рубежом американских телевизионных передач, и большое количество распространяемой по всему миру печатной продукции*. В качестве особой приманки ЮСИА посредничает в представлении той или иной стране возможности пользоваться американскими спутниками связи для телевизионного вещания, при этом транслируются общеобразовательные программы, подготовленные в США и в основном посвященные рекламе американской науки и техники**.

---

* ЮСИА еженедельно публиковало 400 тыс. листовок и брошюр на 47 языках для распространения в 115 странах; местная печать ежедневно получала от ЮСИА бюллетени новостей объемом в 12 тыс. слов.

** В частности, такого рода услугами в течение года пользовалась Индия, затем спутник связи был переведен для трансляции аналогич-

Значительную идеолого-пропагандистскую нагрузку несут и все разнообразные обмены и контакты, к которым имеют отношения УМС и госдепартамент. Радиопропаганда, хотя она и ведется разнообразно и изощренно, все же чаще всего несет на себе слишком заметную печать «сделано в США», поэтому в Вашингтоне теперь уделяют растущее внимание тем формам идеологического воздействия, которые, во всяком случае внешне, не несли бы откровенно классовую и грубо пропагандистскую нагрузку. Что касается СССР и других стран социализма, то здесь, по мнению буржуазных идеологов, пропагандистскую роль в значительной мере могло бы выполнять то экономическое, научно-техническое, культурное и прочее «присутствие» Запада в этих странах, которое вполне законно возрастает по мере нормализации отношений, роста контактов между государствами, принадлежащими к противостоящим социальным системам. Такие же соображения относятся и к развивающимся государствам.

Следует также иметь в виду, что значительная часть аппарата внешнеполитической пропаганды находится и в руках военного ведомства США: не говоря уже о том, что каждый род войск имеет собственную «службу психологической войны» и свои школы пропагандистских кадров (эти службы находятся как бы в резерве, когда нет военных действий), американские военные располагают 250 радио- и 34 телевизионными станциями, которые и сейчас транслируют для зарубежных стран собственные пропагандистские программы (подготавливаемые Службой радио и телевидения вооруженных сил), либо ретранслируют передачи «Голоса Америки» (по мнению американских специалистов, иностранная аудитория этой сети превышает в 20 раз внутреннюю, американскую). Пропагандистскую деятельность ведет и Центральное разведывательное управление, но, естественно, о ней открытые сведения практически отсутствуют*. Как

ных программ на Латинскую Америку, причем в процессе его перевода на новую орбиту несколько программ такого же рода были транслированы на африканские страны.

* Время от времени в прессе появляются кое-какие сведения о пропагандистской деятельности ЦРУ. См., например, статью в «Интернэшнл геральд трибюн» под красноречивым заглавием «ЦРУ тайно создало и эксплуатирует глобальную пропагандистскую сеть» (International Herald Tribune, 1978, Jan. 3). Чаще всего речь идет о том, что ЦРУ инспирирует различного рода материалы, появляющиеся, естественно, без ссылки на источник, в различных зарубежных изданиях (скандалы не раз возникали, когда эти материалы потом перекочевывали со страниц зарубежных изданий на страницы американских, именно это вызывает гнев в США, ибо американцам особенно обидно

пишет Г. Шиллер: «Насколько прочно международная общественность охвачена радио и телевидением США или существующими на американские деньги компаниями за границей, никогда не было полностью документировано. Любой перечень тут же устарел бы, поскольку использование американских материалов для вещания и американские капиталовложения в зарубежные вещательные предприятия расширяются быстро и неуклонно. Каждое новое достижение в области радиоэлектроники расширяет периметр американского влияния, а неделимость военной и коммерческой деятельности стимулирует еще большую экспансию»⁵⁴.

Однако при всем огромном значении правительственного механизма, который несет основное организационное и финансовое бремя внешнеполитической пропаганды США, нельзя недооценивать размах деятельности частного «идеологического бизнеса», развивающейся в том же направлении. Речь прежде всего идет здесь о деятельности монополий, господствующих в области средств массовых коммуникаций — печати, кино, радио, телевидения и т. д., а также и о монополистических организациях, специально занимающихся распространением информации и идей за рубежом*.

Хотя эти монополии извлекают из экспорта своей продукции большую коммерческую выгоду (и в немалой степени способствуют улучшению платежного баланса США), в их функции входит, естественно, далеко не только коммерция. «Все виды частной деятельности, имеющие отношение к общественному мнению за рубежом, связаны с пропагандой... — подчеркивается в изданном вскоре после войны сборнике «Общественное мнение и внешняя политика». — Хотя эта деятельность финансируется из частных источников, она является важной частью, а в некоторых странах и самой важной частью всего комплекса мероприятий, которые могут способствовать лучшему пониманию США за границей»⁵⁵. Именно

чувствовать себя обманутыми собственной пропагандистской машиной, предназначенной для обмана иностранцев). ЦРУ прямо либо косвенно связано с целым рядом радиостанций, о чем уже говорилось выше на примере «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода» и т. д.

* Экспансия американских монополий, в огромных количествах экспортирующих за рубеж идеологическую продукцию — фильмы, книги, газеты, журналы и т. п., подробно освещена целым рядом советских исследователей. См., в частности: *Беглов С. И.* Монополии слова. М., 1969; *Артемов В. Л.* Правда о неправде: критические очерки по империалистической антисоветской пропаганде 70-х годов. М., 1979; На службе монополий: Информационно-пропагандистский комплекс стран капитала. М., 1977; *Стрельников Р. В.* Империя кривых зеркал: Телевидение в идеологической экспансии империализма. М., 1978.

так рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью монополий в области массовой информации и коммуникаций всеми комиссиями конгресса США. (Например, в ходе слушаний «Международные коммуникации и информация» в 1977 г. как совершенно равноправные партнеры выступали директор ЮСИА Дж. Рейнхардт, председатель правления компании «Тайм, инкорпорейтед» Э. Хейскелл, президент Киноассоциации Америки и Американской ассоциации экспорта кинофильмов Дж. Валенти.)

Важными каналами «частной» пропаганды являются главные информационные агентства «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс интернэшнл», среди клиентов которых от трети до половины составляют зарубежные органы печати, радио и телевидения. Четыре крупнейших информационных агентства капиталистического мира — ЮПИ, АП, Рейтер и АФП — ежедневно передают более 45 млн. слов в 110 стран мира. Зарубежные издания имеют более ста американских журналов, издатели журнала «Тайм» считают, например, что их еженедельник читают 20 млн. американцев и 5 млн. читателей в зарубежных странах. (Кстати, корпорация «Тайм» занимается не только изданием журналов, а их она выпускает пять, но и экспортом телепрограмм, наиболее популярные из которых покупаются в 47 странах, а также книгоиздательской деятельностью на 26 языках.)

Далеко за пределы США простирается сфера влияния американских телекомпаний. Си-Би-Эс действует поистине в глобальном масштабе: ее продукцией и услугами пользуются клиенты в 100 странах, а через 72 зарубежных филиала она продает программы в 94 страны; ей принадлежат полностью несколько телестанций в Центральной и Южной Америке. Эн-Би-Си, принадлежащая гигантскому электронному конгломерату Ар-Си-Эй, сообщает, что ее продукция и услуги распространяются в 83 странах для 300 телестанций. Эй-Би-Си не отстает от конкурентов: ее программы покупают 86 стран, она имеет финансовый интерес в компаниях в Германии, Мексике, Англии; она создала специальную международную ТВ-сеть — Уорлдвидж, которая действует в 26 странах и способна вещать на 60% населения мира, не считая США. За год американские телевизионные компании поставляют в 115 стран мира до 200 тыс. часов материалов самого разного характера — от новостей до развлекательных многосерийных фильмов.

Особенно впечатляющи усилия американского бизнеса в области экспорта кинофильмов — это и в коммерческом плане мощное предприятие, обеспечивающее Соединенным Штатам

чистой прибыли 400 млн. долл. в год (американские кинокомпании получают от зарубежных государств за прокат теле- и кинофильмов 700—730 млн. долл. в год). Американская ассоциация экспорта кинофильмов располагает, по словам ее президента Дж. Валенти, «собственным маленьким государственным департаментом»: эта ассоциация объединяет 9 крупнейших монополий по производству и прокату кинофильмов, и для обслуживания их совокупных экспортных потребностей функционируют 10 крупных центров и более мелкие представительства ассоциации в 42 странах. Американский капитал широко финансирует кинопромышленность других стран, особенно европейских. Например, обзор положения дел в английской кинопромышленности показал, что около половины фильмов, снятых в Великобритании в конце 60-х годов, делались либо филиалами американских компаний, либо английскими режиссерами, но на американские деньги. Большая часть ассигнований в английскую кинопромышленность черпается из американских источников. Свыше половины показываемых в Великобритании фильмов поступают в прокат из американских фирм или компаний со значительными американскими капиталами.

Государство не просто координирует действия всех этих монополий с правительственными программами*; американское законодательство предусматривает также целую серию экономических льгот для монополий, осуществляющих идеологическую экспансию, равно как и стремится оказывать им дипломатическую поддержку, борясь — и на уровне двусторонних отношений с зарубежными правительствами, и на всех международных форумах — за «свободу информации», т. е. свободу проникновения, такую беспрепятственную экспансию американских средств массовой информации и коммуникаций, которую сами же американские исследователи приравнивают к доктрине «открытых дверей» в области торговли.

Однако «американизация» средств массовой информации в других странах зашла так далеко, что это вызывает бурные протесты общественности, а под давлением этих протестов принимаются и на правительственном, и на законодательном

---

* Закон предписывает правительству США проявлять заботу о прибылях этих компаний и сокращать государственную пропагандистскую деятельность в случае, если она вступает в конкуренцию с деятельностью частных фирм. Это было, кстати, предусмотрено еще в первом американском законе о создании правительственного пропагандистского аппарата в мирное время — законе Смита—Мундта, принятом в 1948 г.

уровнях некоторые ограждающие меры *. Канада, например, установила, что телевидение должно передавать не менее 55 % отечественных программ, позже был введен еще и дополнительный 15-процентный налог на импортные программы для кабельного телевидения; Бразилия подготовила законодательство, предусматривающее, чтобы импортируемые программы, передаваемые как по радио, так и по телевидению, занимали не более 30 % вещательного времени; ограничила трансляцию зарубежных программ Англия; Япония установила «потолок цен» на покупку зарубежных программ, сделав свой рынок менее выгодным для иностранных компаний, и т. п. Упомянувшийся уже Дж. Валенти, выступая перед комиссией конгресса, жаловался на недоброжелательное отношение общественности к американской кинопромышленности во многих странах; антиамериканизм, говорил он, «ворчит повсеместно в мире, как спящий вулкан, и время от времени повсеместно происходят извержения в той или иной форме»⁵⁶.

Если развитые капиталистические страны — Канада, Англия, Япония и другие — протестуют против американского культурно-идеологического вторжения, то что же говорить о развивающихся странах? По данным ЮНЕСКО, развивающиеся страны, в которых живет около половины человечества, пока очень плохо обеспечены собственными средствами массовой информации: на их долю приходится лишь 4 % действующих в мире телевизионных передатчиков, 17 % выпускаемых книг, около четверти общего количества радиостанций. Разрыв с развитыми странами в этом отно-

---

* На состоявшемся в Канаде симпозиуме под красноречивым названием «Американское телевидение: что ты с нами сделало?» один из его участников, Генри Комор, весьма выразительно заявил: «Канада находится в тесном контакте с Соединенными Штатами вдоль протяженной и незащищенной границы, и в процессе осмоса (оратор проводит образную аналогию с физическим явлением *просачивания* растворителя в раствор через разделяющую их тонкую перегородку.— *И. Ш.*) Америка разрушает не только наше телевидение, но и наши ценности и саму нашу культуру... Американское телевидение сделало практически невозможным развитие канадской культурной самобытности... Американцы разрушили телевидение как искусство. Канадцам часто говорят, что их потенциальными врагами являются Россия и Китай. С моей точки зрения, США являются гораздо более опасным врагом...» (цит. по: *Schiller H. Op. cit., p. 79*). Конечно, тут бороться почти невозможно — три пятых территории Канады находятся в радиусе прямого приема американских телепередач. Это уже не просачивание, а сатурация, ведущая к перенасыщению.

шении не только не сокращается, но и растет. Пользуясь этим разрывом, американские средства массовой информации пытаются выступать в «третьем мире» как замена местных или дополнение к ним. В результате даже о событиях в собственной стране или в соседних странах, не говоря уже о событиях в других частях мира, молодые государства чаще всего узнают из информации, препарированной в соответствии с американскими канонами; четыре крупнейших информационных агентства капиталистического мира — АП, ЮПИ, Рейтер и АФП передают на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки в сто раз больший объем информации, чем тот, который идет в обратном направлении. В 70-е годы понимание идеологической и информационной зависимости от США стало все шире распространяться в развивающихся странах, вступивших в новую стадию борьбы за полную независимость — этап непосредственного противодействия неокOLONиализму. Освободившиеся государства в 70-е годы активно выступают против засилья империалистических информационных монополий, выдвигая концепцию нового международного порядка в области информации.

Для части американских специалистов по проблемам информации это требование представляется вполне закономерным. Например, У. Харли, специалист в области образовательных программ радиовещания, следующим образом излагал сложившуюся ситуацию комиссии конгресса США в 1977 г.: «Начиная с 70-х годов в развивающихся странах росло ощущение, что не может быть истинно свободного потока информации, если этот поток односторонний. По мнению этих стран, средства массовой информации индустриальных стран настолько всепроникающи, что ставят под угрозу их собственные национальные цели, культуру и политические институты. Они утверждают, что события, происходящие у них, никогда не освещаются справедливо или сбалансированно международными информационными агентствами и средствами массовой информации и что позитивные аспекты их жизни вообще освещаются редко, зато трудности — всегда. Страны «третьего мира» действительно полагаются главным образом на четыре западных информационных агентства — АП, ЮПИ, Рейтер и Франс-Пресс — в том, что касается новостей друг о друге и об остальном мире. Национальная принадлежность этих глобальных информационных агентств предопределяет как направление, так и содержание информационного потока, который с неизбежностью имеет тенденцию к отражению точек зрения и

ценностей промышленно развитых стран, в которых расположены их главные штабы»⁵⁷.

Действительно, получатель информации, даже если она носит максимально фактологический характер, неизбежно зависит от ее поставщика, который регулирует в соответствии с собственными соображениями и отбор информации, и эмоциональную окраску ее подачи, не говоря уже об интерпретации. Таким образом, тот, кто имеет монопольное право на распространение информации, в сущности получает рычаг мощного воздействия на формирование мнений у потребителей информации, тем самым существенно ограничивая их свободу суждений в выгодном для себя направлении. Именно это и делает информацию столь важным фактором силы, о чем прямо говорил в своем выступлении в ходе тех же слушаний У. Колби, занимавший в 1973—1976 гг. пост директора Центрального разведывательного управления США. Констатируя, что проблема информации имеет скорее философский, нежели узко технический характер, Колби подчеркнул, что «информация — это сила, и по традиции страна или частное лицо, которое контролирует ее в одностороннем порядке, получают преимущество перед своими собратьями и противниками», что и диктует необходимость для Соединенных Штатов информировать, а подчас и «индоктринировать» общественность в соответствии с логикой национальной политики⁵⁸.

Однако если для внутреннего потребления представители американского правящего класса откровенно говорят о необходимости использовать информацию как инструмент влияния, что с неизбежностью подразумевает «направленность», т. е. соответствующую обработку этой информации, то перед внешним миром неуклонно отстаивается лозунг «полной свободы информации» или «свободного потока идей». Согласившись с принятием ЮНЕСКО в 1978 г. «Декларации об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне», США продолжают бороться против заложенной в этом документе идеи ответственности государства за общую идейную направленность деятельности национальных средств массовой информации, противопоставляя ему тезис «ничем не ограниченной свободы распространения информации»*. В современных

* Фальшивый характер этого лозунга (и несостоятельность обычно сопутствующей ему ссылки на принцип свободы слова, зафиксированный в американской конституции) был вскрыт много лет тому

условиях «перевеса» аппарата внешнеполитической пропаганды империалистических стран над национальными средствами массовой коммуникации в странах «третьего мира» этот подход равнозначен продолжению безудержного информационно-пропагандистского засилья западных, и прежде всего американских, служб и монополий (что, кстати сказать, было четко зафиксировано в представленном 21-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 1980 г. заключительном докладе работавшей три года Международной комиссии по изучению проблем массовой информации в составе видных журналистов из 16 стран во главе с ирландским дипломатом и публицистом, известным международным деятелем Шоном Макбрайдом).

Соединенным Штатам без «потери лица» не удалось бы возражать против еще одного направления деятельности ЮНЕСКО — против содействия развивающимся странам в создании собственных систем массовой информации (в 1980 г. ЮНЕСКО учредила соответствующую Международную программу развития информации, предусматривающую мобилизацию для этой цели финансовых средств, предоставление оборудования, стипендий, консультантов и т. п.); поэтому США, соглашаясь участвовать в международных усилиях, тем не менее параллельно стремятся «разъяснить» развивающимся странам, что отнюдь не ЮНЕСКО, а лишь индустриальные страны Запада могут оказать им действительную помощь в развитии собственных систем массовой информации, а из стран Запада для этой роли более всего пригодны сами США, как обладатели «самой совершенной системы массовой информации в мире».

А параллельно опять-таки социально-политические, культурные аспекты информации подменяются в американских

назад, вскоре после окончания войны, американскими специалистами по проблемам информации, работавшими в составе комиссии по проблемам свободы печати: «Лучший способ борьбы с невежеством и обманом состоит в самом широком обмене информацией, объективно соответствующей реальному положению дел, — говорилось в докладе комиссии, — речь идет об истинности информации, не просто об увеличении ее объема. Об истинности информации, а не просто о неограниченном ее потоке, как нам подсказывают те, кому хотелось бы прямо вписать текст первой поправки (к конституции США. — *И. Ш.*) в международное право! Есть все основания считать, что простое количественное увеличение потока слов и образов, пересекающих национальные границы, способно заменить невежество предрассудками и искажениями, а отнюдь не ростом понимания» (*White L., Leigh R. Peoples Speaking to Peoples: A Report on International Mass Communications from the Commission on Freedom of the Press. Chicago, 1946, p. 2.*)

рассуждениях абсолютизацией технической стороны дела, проблемой способов, каналов распространения информации. Броский афоризм канадского социолога, главного буржуазного теоретика современных средств массовой коммуникации, ныне покойного М. Маклюэна «media is the message» — «средство информации и есть суть информации» — преобразуется у З. Бжезинского в утверждение, будто структура и содержание общественного сознания прямо зависят от технических средств распространения информации⁵⁹. Соответственно вся проблема информации растворяется в технических деталях особенностей того или иного канала ее распространения, хотя на самом деле новые способы и каналы распространения информации служат лишь для ускорения и расширения масштабов ее действия и играют подчиненную роль по сравнению с качественной стороной дела, с духовным содержанием, с социально-политическим характером информации. Применение современных технических средств может способствовать истинному просвещению, духовному росту, расширению кругозора и т. п., а может — и ускоренному распространению невежества. Это справедливо подчеркнул — тогда еще на ином техническом уровне средств массовой коммуникации — К. Маркс, который писал в 1871 г.: «Ежедневная пресса и телеграф, который моментально разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикуют больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие»⁶⁰.

3.

«Корпус мира» — социальное миссионерство

Мысль об использовании американской молодежи для усиления культурно-психологического влияния на народы развивающихся стран обычно приписывается Дж. Ф. Кеннеди. Это не совсем так: подобная идея, что называется, носилась в воздухе в конце 50-х годов в США; в частности ее не раз высказывал видный деятель демократической партии Г. Хэмфри (и даже предлагал назвать новую организацию «Молодежный корпус мира»); в июне 1960 г. он пытался заинтересовать этой идеей конгресс⁶¹. Однако предложение о создании «Корпуса мира» встретило действительно широкий отклик лишь после того, как его сформулировал Дж. Кеннеди во время предвыборной кампании

1960 г.* Едва вступив в Белый дом, Кеннеди быстро перешел к практической реализации своего замысла. Провозглашая создание «Корпуса мира» в специальном послании конгрессу от 1 марта 1961 г. (а фактически уже создав эту организацию, не дожидаясь даже санкции конгресса: осенью, когда был формально принят закон о создании «Корпуса мира», первые добровольцы уже были на пути к месту своего назначения), Кеннеди говорил, что эта организация призвана помочь молодым развивающимся государствам решить острую проблему — проблему нехватки квалифицированных кадров: врачей, медсестер, преподавателей, агрономов, техников. «Эта организация, — подчеркивалось в послании, — будет отличаться от существующих программ помощи тем, что ее члены дополняют штат технических советников и предоставят развивающимся странам конкретные профессиональные навыки, без которых нельзя реализовать рекомендации технических экспертов. Они помогут обеспечить квалифицированную рабочую силу, которая нужна для осуществления проектов, запланированных местными правительствами, эти люди будут действовать непосредственно на рабочем уровне и обрекут себя на серьезные лишения»⁶².

Главная задача, однако, состояла не в профессиональной деятельности молодых энтузиастов, а в том, что самим фактом своего присутствия «в глубинке» развивающихся стран они должны были, как писал Т. Соренсен, сломать «стереотипное представление об американцах»⁶³, а вернее, — создать новый, положительный стереотип. И эта задача решалась как бы сама собой, поскольку Кеннеди действительно верно угадал тягу части американской молодежи к поискам более осмысленной и общественно полезной жизни, ее разочарование в потребительском рае материального благополучия, готовность идти на жертвы ради благородной цели, идеализм в лучшем

---

* Выступая 14 октября 1960 г. перед студентами Мичиганского университета, Кеннеди призвал создать «Корпус мира» — организацию, которая направляла бы добровольцев — врачей, медсестер, учителей, агрономов — для работы в развивающихся странах. «Кто из вас собирающихся стать докторами, хотел бы провести какое-то время в Гане? — говорил Кеннеди. — Техники и инженеры, кто из вас хотел бы работать на заграничной службе и провести жизнь, путешествуя по миру? От вашего желания посвятить часть вашей жизни той или иной стране будет, на мой взгляд, зависеть, удастся ли нам, как свободному обществу, быть конкурентоспособными» (Peace Corps. 5th Annual Report, 30 June, 1966, p. 33).

смысле этого слова *. Именно энтузиасты добрых дел и стали первыми добровольцами «Корпуса мира».

«Корпус мира» был, в сущности, создан как своеобразная миссионерская организация, только это было миссионерство не религиозное, а социальное **. Надо сказать, что в истории социальной жизни США у этой организации были прототипы — например, существовавшие в 30-е годы «Корпус гражданской кооперации» или «Национальная администрация молодежи». Идея мобилизации молодежи для работы в экономически отсталых странах в трудных условиях была высказана еще раньше известным американским психологом и философом, одним из главных теоретиков прагматизма Уильямом Джеймсом, который увидел в такой деятельности «моральный эквивалент войны» *** (а некоторые американские специалисты утверждают, что на самом деле автором идеи был губернатор Филиппин, а позднее президент США У. Тафт, который в 1901 г. призвал молодых учителей «осваивать» недавно оккупированные Филиппины) ⁶⁴. Разумеется, традиция религиозного миссионерства также сыграла свою роль в формировании идей Кеннеди (это прямо подтверждает и Соренсен, хорошо знакомый с ходом мыслей президента) ⁶⁵. Однако одновременно, по свидетельству такого близкого к президенту Кеннеди человека, как А. Шлезингер-младший, Дж. Кеннеди часто с одобрением и даже завистью отзывался о способности социалистического общества мобилизовывать потенциал молодежи для разного рода добровольной общественной работы. И в одном из своих предвыборных выступлений, говоря о «Корпусе мира», он прямо призвал американскую молодежь «продемонстрировать» всему миру способность работать с таким же энтузиазмом, «с каким работают в своей системе коммунисты» ⁶⁶.

---

* Заодно решалась еще одна — уже внутренняя — задача: из страны на время убиралась часть социально активной молодежи, в которой шло какое-то брожение, ощущалась неудовлетворенность, что могло дать о себе знать в нежелательных для правительства формах.

** С. Шрайвер, зять президента Кеннеди и первый директор «Корпуса мира», писал: «Источники всех политических процессов нужно искать в умах и сердцах людей. Именно в городах, деревнях, на фабриках, в профсоюзах и школах, где люди живут и работают, разговаривают, учатся, начинается мировая политика» (*Shriver S. Point of the Lance*. N. Y., 1964, p. 8).

*** Это выражение Джеймса приобрело в Америке такую популярность, что именно его употребил в 1977 г. президент Картер, говоря о том, чем для США должна стать борьба за разрешение энергетической проблемы.

Несмотря на высокую стоимость программы для американского правительства, оно энергично осуществляло ее и оцлагало, что затраты окупятся сторицей путем создания очагов американского культурно-идеологического влияния в тех далеких уголках планеты, куда мало доходит американская пропагандистская деятельность в ее стандартных формах. В разгар деятельности «Корпуса мира» в 1967 г. в нем служили около 15 тыс. добровольцев (90% из них в возрасте моложе 30 лет), действовавших в 70 странах Азии, Африки и Латинской Америки, а всего через «Корпус мира» за первые 16 лет его существования прошли свыше 100 тыс. человек⁶⁷. Потом, когда за ними туда попадали американские дельцы, военные или пропагандисты, они встречали более благожелательное отношение населения к американцам вообще — добровольцы успешно решали поставленную перед ними задачу «приобретать друзей для США». Очевидно, что таким образом решалась прямая внешнеполитическая задача (собственно, о внешнеполитической нацеленности говорил сам статус «Корпуса мира» — полуавтономного агентства при государственном департаменте, которому вменялось в обязанность работать в тесном контакте также с Управлением международного развития и ЮСИА). Молодых людей, отслуживших в «Корпусе мира», охотно принимали на работу в госдепартамент, в ЮСИА, в международные организации. Например, в 1968 г. 52% вернувшихся домой добровольцев (3,4 тыс. человек) были взяты на государственную службу (12% — непосредственно во внешнеполитические ведомства)⁶⁸.

Добровольцы проходили определенную подготовку, включая изучение языка той страны, куда они направлялись, и выезжали на работу на два-три года, причем отправка производилась только после получения запроса от правительства той или иной страны, желавшей принять у себя добровольцев. В соответствии с законом о создании «Корпуса мира» все изъявлявшие готовность служить в этой организации, проходили довольно жесткую политическую проверку на благонадежность, в результате в 60-х годах ежемесячно отсеивалось 30% добровольцев⁶⁹.

Вначале подготовка осуществлялась на базе университетов и колледжей, но вскоре выяснилось, что нужны более основательная языковая подготовка и определенные навыки жизни в специфических условиях горных районов, джунглей и т. п. Тогда были созданы специальные школы-лагеря в Пуэрто-Рико, на Виргинских островах, в индейских резервациях и т. п. Добровольцы в совокупности владели 200 специальностями, но более всего — почти половина — среди них

было тех, кто должен был заниматься преподавательской деятельностью; большой процент составляли те, кто работал в области благоустройства быта, распространения навыков санитарии и гигиены; «Корпус мира» разработал и осуществил широкую программу «здоровья без докторов», используя преимущественно средний медицинский персонал или окончивших краткосрочные курсы. География распределения добровольцев «Корпуса мира» была довольно разнообразна, но главным образом с упором на Африку и Латинскую Америку (это и неудивительно, поскольку в Азии, начиная с 1961 г., развернулась деятельность по реализации еще одной новации президента Кеннеди в порядке борьбы с национально-освободительными движениями — контринсургенции; именно с использования специально подготовленных контринсургентских частей США — «зеленых беретов» — и началась прямая американская интервенция во Вьетнаме).

К концу 60-х годов в деятельности «Корпуса мира» появились некоторые трудности. Во-первых, ряд правительств выразил недовольство работой волонтеров; во-вторых, и это главное, все чаще деятельность «Корпуса мира» стали связывать с ЦРУ, хотя в самом начале Кеннеди категорически говорил о решимости не смешивать эти ведомства. Так, в Чили в августе 1969 г. Комиссия по иностранным делам палаты депутатов Национального конгресса создала специальную комиссию для расследования деятельности «Корпуса мира» в стране; примерно в то же время от услуг корпуса решили отказаться Пакистан, Цейлон (позднее Шри Ланка), Индонезия, Кипр, Габон, Сомали, Мавритания.

Надо сказать, что и внутри США в эти годы изменились настроения в молодежных кругах: война во Вьетнаме подрывала престиж всего, что было связано с американским правительством и официальной политикой, молодежь включалась в антивоенное и антиправительственное движение и не желала иметь отношение к федеральным ведомствам*.

---

* Р. Холланд, ведавший набором в «Корпус мира» в 1968 г., признавал, что по всей стране количество заявлений с просьбой о приеме упало не менее чем на треть, и объяснял это «растущим нежеланием молодых людей иметь дело с правительством США, которое ведет войну, противоречащую их принципам» (The Nation, 1968, Febr. 26, p. 283). По словам бывшего директора «Корпуса мира» Дж. Блетчфорда, эта организация едва не пала «жертвой вьетнамской войны» и была с трудом сохранена. См.: Peace Corps: Purpose and Perspective. Hearings before the Subcommittee on International Development of the Committee on International Relations, House of Representatives. Wash., 1977, p. 78.

Тем не менее США продолжали считать «Корпус мира» отвечающим их внешнеполитическим целям. Как подчеркивал тогдашний лидер республиканского меньшинства палаты представителей США Дж. Форд, выступая по вопросу об ассигнованиях на деятельность корпуса на 1970 г., США «получают гораздо больший доход от тех долларов, которые вложены в эту программу, чем от других видов помощи, осуществляемой Соединенными Штатами»⁷⁰. Характерно, что американский пример показался достойным подражания и другим странам — ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Швеция, Дания, Япония, Австралия также создали аналогичные организации.

И все же к началу 70-х годов «Корпус мира» захирел и потерял свое лицо (отчасти это может быть объяснено и организационной перетасовкой: его включили в состав более крупного федерального ведомства под названием «Экшн» — «Действие», которое ведает различного рода добровольной деятельностью и внутри США).

С приходом в Белый дом администрации Дж. Картера и с повышением роли идеологического компонента во внешней политике, как и следовало ожидать, о «Корпусе мира» вспомнили снова и были предприняты меры по оживлению его деятельности. В 1977 г. бюджет «Корпуса мира» превышал 80 млн. долл. (для сравнения: в 1962 г. его бюджет составил 30 млн. долл., а в 1966 г. при Джонсоне достиг наивысшей цифры — 114 млн. долл.); однако число добровольцев значительно понизилось — с 15 тыс. до 6 тыс. человек, хотя они и работали по-прежнему в 68 странах мира⁷¹.

Развернулись обсуждения в конгрессе, был опубликован специальный доклад Аспеновского института гуманитарных исследований, подготовленный по заказу «Экшн» и названный «Будущее Корпуса мира» (автор его — Харлан Кливленд, видный дипломат, в прошлом посол США в НАТО, позднее занявшийся академической деятельностью).

Практически все участники обсуждений подчеркивали, что в конце 70-х годов «Корпус мира» может быть еще более необходим, чем в момент его создания, и прежде всего именно как средство идеологического воздействия. Как говорилось в докладе Кливленда, «главный довод в пользу оживления деятельности „Корпуса мира“... состоит в том, что он представляет собой яркое выражение американских ценностей. Мы имеем право чувствовать, что американские ценности выражаются различными способами. В то время как доходы, торговля, капиталовложения, шпионаж, ядерные боеголовки, прагматическая дипломатия также являются важными ас-

пектами национального интереса США, они не могут не казаться многим американцам и неамериканцам менее приемлемыми и менее «моральными». Поэтому наша деятельность, через наше правительство, неизменно должна отражать в более универсально приемлемых категориях, что, по нашему мнению, мы собой представляем»⁷².

Если в 60-е годы руководители политики США могли полагаться на то впечатление в развивающихся странах, которое там произведет само по себе появление «в глубинке» молодого американца независимо от того, располагает он или нет какими-либо остро необходимыми профессиональными навыками, то в конце 70-х годов стало совершенно очевидно, что отправка таких «посланцев доброй воли» уже недостаточна; неудовлетворенность в развивающихся странах вызывало и то обстоятельство, что более половины волонтеров были преподавателями английского языка: обучение английскому языку не казалось молодым государствам задачей номер один, особенно учитывая то обстоятельство, что США постепенно стали возлагать на приглашающие правительства не менее 10% расходов, а то и все расходы по пребыванию членов «Корпуса мира» в стране⁷³. Именно поэтому одна из первых рекомендаций Кливленда и его единомышленников состояла в том, что волонтеры должны быть непременно технически грамотными специалистами, в частности они должны быть в состоянии помочь молодым государствам на местах научиться правильно пользоваться тем, что им дает американская же техника — метеослужба, спутники связи, обработка данных по разведке полезных ископаемых из космоса.

Констатируя отход от принципа первоочередного направления в молодые государства преподавателей английского языка, директор «Экспн» С. Браун назвал важнейшими областями дальнейшей деятельности «Корпуса мира» проблемы здравоохранения, обеспечения продовольствием и водоснабжения. По его свидетельству, наиболее удачными, популярными долгосрочными проектами оказались те, которые были связаны с проблемами земледелия в условиях пустынь⁷⁴. От имени руководства корпуса С. Браун подчеркнул обязательство не навязывать собственных рекомендаций и персонала развивающимся странам, а, напротив, исходить из их запросов при подборе специалистов. Такой подход — выдвижение на первый план принципа удовлетворения «основных человеческих нужд», как уже отмечалось ранее, характерен для предпринятой после 1973—1974 гг. перестройки программы американской помощи в соответствии с «новыми направ-

лениями», поэтому вполне естественно, что перед нынешним «Корпусом мира» ставится задача более тесного сотрудничества с другими ведомствами, типа Управления международного развития, с тем чтобы наладить между ними взаимодополняющие отношения.

Выступая на слушаниях в одной из комиссий конгресса по вопросу о будущем «Корпуса мира», бывший волонтер, а теперь президент корпорации «Бенчмаркс», консультативной фирмы, специализирующейся на международных проектах социального развития, Т. Скэнлон категорически утверждал: «По моему мнению, сегодня необходимость убедить народы развивающихся стран в том, что мы не являемся их „врагом“, еще острее, чем тогда, когда Джон Кеннеди предлагал создать „Корпус мира“... Я считаю, что „Корпус мира“ в предстоящие двадцать лет способен внести еще более важный вклад, чем в прошлом, „Корпус мира“ — это не та идея, время для которой приходит и уходит. Это идея, время которой еще только настает...»⁷⁵.

Любопытно, что слушания последних лет проникнуты лейтмотивом доказательства необходимости «Корпуса мира» для США совсем с иной еще точки зрения — как кузницы кадров для государственной машины и частного предпринимательства, которому надо учиться строить свои отношения с молодыми государствами во «взаимозависимом мире» не сверху вниз, как привыкли американцы (за что их и не любят другие), а каким-то более конструктивным образом, на базе лучшего знания и понимания зарубежной действительности. Об этом очень настойчиво говорили и Скэнлон, и Кливленд, и другие. Как выразил эту мысль еще один бывший волонтер, Дж. Соммер, «чтобы вернуть себе уникальную репутацию лучшего американского посла, „Корпус мира“ должен отойти от патернализма, заложенного в его традиционной роли технического содействия, и перейти к созданию более равноправных отношений с сотрудничающими с ним группами и отдельными людьми в разных странах. Одновременно „Корпус мира“ должен осознать в большей степени, чем ранее, свою способность внести вклад в попытки Америки разработать усовершенствованный и более практический подход к проблемам взаимозависимости и новому стилю жизни на будущее»⁷⁶.

Однако фронт «добровольческой деятельности за рубежом» не ограничивается только работой «Корпуса мира». Если корпус ослабил свое «присутствие» — вернее был вынужден сделать это — в сфере образования, то в целом США просто нашли другие пути, другие способы, тоже на первый взгляд

идушие по линии общественно-добровольной, а не государственной, чтобы восполнить данный пробел. Недаром вашингтонский педагогический журнал «Хайер эдьюкейшн» («Высшее образование») писал: «Мы обнаруживаем сейчас целый ряд признаков, которые говорят о том, что образование начинает использоваться как важное средство для достижения наших международных целей»⁷⁷.

Речь здесь идет не только о том, что в США обучается довольно большой контингент молодежи из развивающихся стран (более 100 тыс. человек). США стремятся самым широким образом включиться в процесс подготовки преподавательского состава из местного населения, предоставляя такого рода учебным центрам дотации, направляя туда на период летних каникул добровольцев — профессоров и преподавателей американских колледжей и университетов для проведения специальных семинаров и курсов; поощряется развитие «шефских» связей между американскими университетами и учебными заведениями развивающихся государств (шефская помощь американских учебных заведений состоит в том, что они на добровольной основе участвуют в разработке учебных курсов и пособий по различным дисциплинам, оказывают помощь учебниками, консультируют и т. п.) *. Интересно, что в 70-е годы такого же рода контакты стали поощряться и на уровне средних учебных заведений. Президент Л. Джонсон в свое время откровенно говорил о ценности международных программ Вашингтона в области просвещения: «Многие студенты из развивающихся стран, ныне обучающиеся в США, будут когда-нибудь играть ведущую роль в своих странах. Мы должны обнаружить этих потенциальных лидеров и помогать им»⁷⁸.

Гораздо позднее К. Эдельман, участник «переходной команды» Рейгана в государственном департаменте, призывая к увеличению ассигнований на обмены в области образования, подчеркивал, что именно в рамках таких программ в тот или иной период в США побывали 35 человек из числа тех, кто ныне занимает посты президента или премьер-министра в различных странах мира⁷⁹.

Следует сказать, что и религиозное миссионерство в США продолжает быть достаточно массовым; по данным 60-х годов, за рубежом находились около 30 тыс. американских миссионеров (причем особенно большое количество — в Африке),

---

* Подробно о такого рода деятельности в странах Африки см.: *Озадовский А. А. США и Африка: проблемы неокOLONIALИЗМА*. М.: 1977, особенно с. 221—242.

которые вели не только, а подчас даже не столько религиозную работу, сколько занимались образованием, распространением медицинско-гигиенических знаний и т. п.⁸⁰

Совершенно особую роль в этой же сфере играют американские частные «благотворительные» фонды, массированно финансирующие разного рода проекты и программы американского содействия развивающимся государствам в области образования, а также оплачивающие пребывание и обучение в США студентов из стран «третьего мира».

Деятельность «филантропических» фондов (а их в США около 30 тыс., и их ежегодные расходы достигают 2 млрд. долл.) после второй мировой войны вообще стала весьма важным компонентом американского воздействия на другие государства, особенно на развивающиеся. От трети до половины субсидий фондов реализуются в сфере образования, к этому добавляются еще примерно 15%, ассигнуемые специально на развитие «международных связей».

В свое время Ф. Энгельс писал в «Положении рабочего класса в Англии», рассматривая вопросы благотворительной деятельности капиталистов, что «буржуазия занимается благотворительностью в собственных интересах; она ничего не дарит», а то, что выглядит как дар, на самом деле рассматривается как определенная деловая операция⁸¹. Действительно, помощь фондов, на первый взгляд не влекущая за собой никаких обязательств для принимающего ее (в отличие от государственной помощи, или займов, или прямого инвестирования), дает Соединенным Штатам немалые социально-политические и идеологические плюсы.

Разумеется, это средство лишь косвенного влияния. Однако подчас и такое влияние оказывается решающим. Были, например, случаи, когда страны — Конго, Нигерия, Бангладеш, АРЕ и другие — находились с США в конфликтных отношениях и не имели никаких других каналов общения, кроме тех, которые сохранялись благодаря непрекращавшейся деятельности «филантропических» фондов.

Деятельность фондов способствует созданию благоприятного инвестиционного климата; нередко они консультируют непосредственно правительства освободившихся государств при решении различных хозяйственных вопросов, при разработке государственных планов к их содействию прибегают охотнее, чем к помощи официального американского аппарата. Особое внимание фонды уделяют созданию научных центров, учебных заведений. Фонды Форда и Рокфеллера, например, сыграли значительную роль в «зеленой революции»: они финансировали в Азии работу над выведением но-

вых сортов риса; в частности, с их помощью при Филиппинском университете был создан Институт риса, преобразованный позднее в Международный центр исследований по рису*.

Опять-таки фонды Форда и Рокфеллера финансировали сходный проект и в Африке — создание Международного института тропического сельского хозяйства в Ибадане (Нигерия)**. Советский исследователь Э. А. Журихин подробно рассматривает механизм влияния фондов на социально-политическую и экономическую жизнь развивающегося государства на примере Индонезии, где, как он пишет, американским неправительственным организациям удалось «сформировать политику нового режима», благоприятную для США, после государственного переворота в 1965 г.⁸²

Вся эта деятельность, не носящая характера краткосрочной политической кампании, но проводящаяся неуклонно и постоянно уже на протяжении десятилетий (причем все менее и менее рекламируемая теми, кто в ней участвует), преследует действительно долгосрочные и стратегические цели — повлиять на процессы создания интеллигенции в молодых государствах. При этом особое внимание США привлекают, естественно, те, кто может войти в состав национальных бюрократических и технократических групп; именно их американцы стремятся привлечь к себе таким образом, чтобы сделать проводниками собственной идеологии, чтобы на них можно было опереться в борьбе против прогрессивных движений, чтобы обеспечить себе с их стороны социальную солидарность, поощряя в этой среде космополитические тенденции, тягу к западному образу жизни, потребительские настроения и т. п.

---

* Заодно были извлечены некоторые коммерческие выгоды для «родительской организации» — налажены прямые контакты фирмы Рокфеллеровской группы — ЭССО — с соответствующими филиппинскими организациями; в частности, ЭССО заключила договор с сельскохозяйственным колледжем Филиппинского университета, в котором было оговорено, что в случае каких-либо нововведений или усовершенствований, сделанных сотрудниками или студентами колледжа в работе над совместными проектами, колледж согласен предоставить ЭССО безвозвратный, безгонорарный патент на использование этих нововведений в любой стране мира. См. подробно об этом: *Журихин Э. А.* «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. М., 1978, с. 144—145.

** Хотелось бы подчеркнуть здесь внимание фондов именно к вопросам сельского хозяйства — оно идет в общем русле поворота и американской помощи, и деятельности «Корпуса мира» к «новым направлениям», разработанным в середине 70-х годов.

- 1 Congressional Record, 1975, June 3, p. 39436.
- 2 См.: *Арбагов Г. А.* Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970, с. 32—48.
- 3 An Overview of East-West Relations. Report of the Triateral Task Force to the Trilateral Commission. 1978, p. 65.
- 4 Congressional Record, 1980, July 31, p. S10397.
- 5 Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 10.
- 6 *Morgenthau H. J.* A New Foreign Policy for the United States. N. Y., 1969, p. 79—81.
- 7 Committee on Foreign Affairs. Report N 2 on Winning the Cold War: The US Ideological Offensive. 88th Congress, House Report N 1352, Apr. 27, 1964, p. 6—7.
- 8 *Gordon G., Falk I., Hodapp W.* The Idea Invaders. N. Y., 1963, p. 20—21.
- 9 Подробно об этом см.: США: внешнеполитический механизм / Под ред. Ю. А. Шведкова. М., 1972, с. 211—253.
- 10 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 46.
- 11 *Knorr K.* The Power of Nations. The Political Economy of International Relations. N. Y., 1975, p. 17.
- 12 *Безлов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда: Очерк теории и практики. М., 1980, с. 87—88.
- 13 *Lippmann W.* Public Opinion. N. Y., 1922, p. 319.
- 14 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 319.
- 15 *Brzezinski Z.* Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. N. Y., 1970, p. 31.
- 16 См., например: *Boorstin D.* The Republic of Technology: Reflections on Our Future Community. N. Y., 1978.
- 17 *Шахназаров Г. Х.* Фiasco футурологии (Критический очерк немарксистской теории общественного развития). М., 1979, с. 10—57.
- 18 *Huntington S.* Transnational Organizations in World Politics.— World Politics, 1973, Apr., p. 345.
- 19 *Boulding K. E.* The Emerging Superculture.— Values and the Future / Eds K. Baier, N. Resher. N. Y., 1969, p. 347.
- 20 *Basiuk V.* Technology, World Politics, and American Policy. N. Y., 1977, p. 34.
- 21 *Ibid.*, p. 326.
- 22 См.: *Mumford L.* The Myth of the Machine. N. Y., 1966.
- 23 См.: *Fromm E.* The Revolution of Hope: Toward Humanized Technology. Toronto, 1968; *Idem.* May Man Prevail? N. Y., 1961; *Idem.* Escape from Freedom. N. Y., 1941.
- 24 *Bell D.* The Post-Industrial Society: Evolution of an Idea.— Survey, 1973, Spring, p. 107.
- 25 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 118.
- 26 Цит. по: *Boulding K.* The Meaning of the 20th Century: The Great Transition. N. Y., 1965, p. 164.
- 27 The New York Times, 1981, May 28.
- 28 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 47.
- 29 Цит. по: Perceptions: Relations Between the United States and the Soviet Union. U. S. Senate, Committee on Foreign Relations. Wash., 1979, p. 313.
- 30 The New York Times, 1981, June 17.
- 31 Newsweek, 1981, Apr. 6, p. 41.
- 32 United States — Soviet Relations, 1978. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on International Relations, House of Representatives, 95th Congress, 2nd Session. Wash., 1978, p. 119.

- ³³ *Ibid.*, p. 49, 50.
- ³⁴ Human Rights and the United States Foreign Policy: A Review of the Administration's Record. Hearings before the Subcommittee on International Organizations of the Committee on International Relations, House of Representatives, 95th Congress, October 25, 1977. Wash., 1978, p. 6.
- ³⁵ См.: *Vogelgesang S.* What Price Principle? US Policy on Human Rights.— *Foreign Affairs*, 1978, July, p. 832.
- ³⁶ *Brzezinski Z.* America in a Hostile World.— *Foreign Policy*, 1976, N 23, p. 65.
- ³⁷ *The New York Times*, 1981, Jan. 21.
- ³⁸ *Ibid.*, 1981, May 28
- ³⁹ См.: *The PRM-10 Uproar*.— *Armed Forces Journal*, 1977, Sept., p. 27.
- ⁴⁰ *The Sunday Times*, 1977, Dec. 18.
- ⁴¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 78.
- ⁴² *Manning B.* Goals, Ideology, and Foreign Policy.— *Foreign Affairs*, 1976, Jan., p. 283—284.
- ⁴³ *Schiller H. J.* *Op. cit.*, p. 2.
- ⁴⁴ Modern Communications and Foreign Policy. Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 90th Congress, 1st Session, May 4, 1967. Wash., 1967, p. 63—64.
- ⁴⁵ *Fromm E.* The Psychological Aspects of the Guaranteed Income.— In: *The Guaranteed Income*/Ed. R. Theobald N. Y., 1966, p. 179.
- ⁴⁶ *Schiller H. J.* *Op. cit.*, p. 5.
- ⁴⁷ *Kintner W.* A Program for America: Freedom and Foreign Policy.— *Orbis*, 1977, Spring, p. 151.
- ⁴⁸ *Арбаров Г. А.* Указ. соч., с. 220—247; *Sorensen Th.* The Word War. The Story of American Propaganda. N. Y., 1968.
- ⁴⁹ См., например: International Communications and Information. Hearings before the Subcommittee on International Operations of the Committee on Foreign Relations. US Senate. 95th Congress, 1st Session on the Implications of International Communications and Information. June 8, 9, and 10, 1977. Wash., 1977, p. 224—225.
- ⁵⁰ *Foreign Affairs*, 1981, Spring, p. 920, «Литературная газета», 1983, окт. 5.
- ⁵¹ *The New York Times*, 1977, Apr. 1.
- ⁵² *Foreign Affairs*, 1981, Spring, p. 921.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 923.
- ⁵⁴ *Schiller H. J.* *Op. cit.*, p. 80.
- ⁵⁵ *Public Opinion and Foreign Policy*/Ed. L. Markel. N. Y., 1949, p. 180.
- ⁵⁶ *International Communications and Information*, p. 210.
- ⁵⁷ *Ibid.*, p. 20—21.
- ⁵⁸ *Ibid.*
- ⁵⁹ *Brzezinski Z.* *Between Two Ages*, p. 40.
- ⁶⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 215.
- ⁶¹ *Schlesinger A. M. Jr.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. L., 1965, p. 527.
- ⁶² *Kennedy J. F.* To Turn the Tide. N. Y., 1962, p. 152.
- ⁶³ *Sorensen Th.* Kennedy. L., 1965, p. 642.
- ⁶⁴ См.: *Montgomery J. D.* Foreign Aid in International Politics. Englewood Cliffs, 1967, p. 11.
- ⁶⁵ *Sorensen Th.* *Op. cit.*, p. 209.
- ⁶⁶ *Schlesinger A. M. Jr.* *Op. cit.*, p. 528.
- ⁶⁷ Peace Corps Authorization. Hearings before the Committee on Foreign Relations. US Senate, 95th Congress, 1st Session, May 6, 1977. Wash., 1977, p. 18.

- ⁶⁸ *Hoopes R.* The Complete Peace Corps Guide. N. Y., 1970, p. 177—178.
- ⁶⁹ Representation of the United States Abroad / Ed. B. Barnet. Wash., 1966, p. 41.
- ⁷⁰ Congressional Quarterly Weekly Report, 1969, N 37, p. 1706.
- ⁷¹ Peace Corps: Purpose and Perspective. Wash., 1977, p. 42, 19, 114.
- ⁷² *Ibid.*, p. 135.
- ⁷³ Peace Corps Authorization Act, p. 19.
- ⁷⁴ *Ibid.*, p. 17.
- ⁷⁵ Peace Corps: Purpose and Perspective, p. 41.
- ⁷⁶ *Ibid.*, p. 52.
- ⁷⁷ Higher Education, 1960, Apr., p. 13.
- ⁷⁸ Public Papers of the Presidents of the United States. Lyndon B. Johnson. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President. Wash., 1967, p. 132.
- ⁷⁹ *Adelman K. Z.* Speaking of America: Public Diplomacy in Our Time.— Foreign Affairs, 1981, Spring, p. 935.
- ⁸⁰ *Montgomery J. D.* *Op. cit.*, p. 9.
- ⁸¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 499.
- ⁸² *Журихин Э. А.* «Филантропические» фонды США в системе власти монополий, М., 1978, с. 148—155.

ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

В первые десятилетия существования США, когда их экономический и военный потенциал был еще невелик, американское государство на международной арене широко — и небезуспешно — пользовалось политическими и политико-психологическими инструментами влияния*. С переходом в стадию империализма США стали все более активно полагаться на военно-силовые способы действия на международной арене.

После окончания второй мировой войны Соединенные Штаты, получившие на какой-то период монополию на ядерное оружие, в приливе «самонадеянности силы» сочли, что одной угрозы применения этого «абсолютного оружия» будет достаточно, чтобы обеспечить решение любой мировой проблемы на сугубо американских условиях.

---

* Само рождение Соединенных Штатов стало, по существу, возможным благодаря умелому политическому использованию со стороны руководства восставших североамериканских колоний противоречий между главными державами Европы, имевшими интересы в Северной Америке, — Великобританией и Францией. «В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал... — по словам В. И. Ленина, — „соглашения“ с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 56). Да и в течение следующего полувека история внешних сношений молодой республики демонстрирует умелое использование политических и политико-психологических средств для маневрирования между Великобританией, Испанией и Францией — основными европейскими конкурентами, имевшими обширные колонии в Новом Свете и потому потенциально представлявшими угрозу интересам США. США уделяли большое внимание еще одной европейской державе — России, однако тут текущие интересы никоим образом не сталкивались, отношения, как правило, сохраняли дружественную окраску, и американские правительства не раз прибегали к посредничеству России для поддержания равновесия в своих отношениях с другими европейскими державами и при урегулировании споров. Об этом периоде подробно см.: Россия и США: становление отношений, 1765—1815 (совместный советско-американский сборник документов) М., 1980; Болзовитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966; Он же. Русско-американские отношения, 1815—1832. М., 1975; Он же. Россия и война США за независимость, 1775—1783. М., 1976.

В документе СНБ-68, о котором уже шла речь выше, отмечалось, что возможности США в области политического и психологического давления являются лишь «потенциальными». Более реальные и более используемы инструменты экономической и прежде всего военной силы. «Один из наиболее важных ингредиентов мощи,— говорится в документе,— военная сила... Без превосходящей совокупной военной силы, находящейся в боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика „сдерживания“, которая фактически является политикой преднамеренного и постепенного принуждения, является не более чем политикой блефа»¹.

В условиях «холодной войны» дипломатии как таковой отводилась весьма второстепенная роль, по существу дипломатия вообще трактовалась как «удел слабых». Ни теоретики, ни практики внешней политики США не уделяли особого внимания разработке принципов урегулирования кризисных ситуаций, внешнеполитического компромисса, переговоров и т. п., ибо им казалось, что США в состоянии обеспечить на многие годы вперед решение любой международной проблемы исключительно своими силами и исключительно исходя из собственных интересов.

Как писал в те годы известный политолог Р. Осгуд, выражая мнение подавляющего большинства своих коллег, «насилие или угроза насилия являются незаменимым инструментом национальной политики... Задача дипломатии — этого „мозга силы“ — состоит в том, чтобы использовать насилие или его угрозу с максимальной эффективностью»². И даже гораздо позднее государственный секретарь США Д. Раск, по свидетельству Дж. Гэлбрейта, тоже считал дипломатию полностью подчиненной военным целям страны³.

Таким образом, из трех групп средств, выделенных старейшиной американских международников Г. Моргентау в арсенале дипломатии — а он выделял убеждение, компромисс и угрозу силой,— в годы «холодной войны» американская дипломатия сознательно лишала себя двух, решив полагаться лишь на последнюю.

Более того, США в этот период вообще встали на позицию замены традиционных дипломатических сношений с «потенциальным противником» и переговоров с ним «передачей сигналов», не требующих вступления с последним в непосредственный контакт. Вместо общепринятых методов доведения своих намерений или опасений до другой стороны через дипломатические каналы американские руководители сочли для себя достаточным язык силовых жестов — таких, как строительство новой военной базы в той или иной стра-

не, передислокация войск США за рубежом (особенно передвижения флотилий ВМС), наложение эмбарго на ту или иную торговую сделку и т. п. Особое место в арсенале Вашингтона заняло политическое использование вооруженных сил*. В рамках этого подхода, не учитывающего применение этих сил в чисто военных целях, «нормального» размещения американских подразделений на военных базах, заранее запланированных маневров, визитов, и т. п., специалисты Брукингского института насчитали 215 недвусмысленных случаев такого использования Соединенными Штатами своих вооруженных сил с 1 января 1946 г. по 31 октября 1975 г.⁴, причем «пики» пришлись на 1946—1948 и 1958—1964 гг.

Именно такой тип использования вооруженных сил и был охарактеризован Дж. Ф. Даллесом как «балансирование на грани войны». «Некоторые говорят, что мы были на грани войны, — говорил Даллес, определяя американскую политику в получившем широкую известность интервью для журнала «Лайф» в 1956 г. — Конечно, мы были на грани войны. Способность оказаться на грани войны, но не вступить при этом в войну — вот необходимое искусство. Если же вы попытаетесь спастись бегством, если вы боитесь подойти к этой грани, — вы погибли»⁵.

Т. Шеллинг то же самое называл «дипломатией насилия» и пояснял: «Угроза нанесения ущерба или расширения масштабов такового способна заставить другую сторону уступить или сдаться. Именно с помощью подразумеваемого насилия можно повлиять на чей-либо выбор — насилия, которое все еще может быть либо предотвращено, либо осуществлено, а вернее, о котором жертва думает, что оно может быть либо предотвращено, либо нет... Идет ли речь об откровенном террористическом применении силы для извлечения иррациональной (эмоциональной) реакции либо о хладнокровном, заранее обдуманном применении насилия, рассчитанном на то, чтобы продемонстрировать кому-

---

* По определению сотрудников Брукингского института Б. Блехмана и С. Каплана, авторов обширного исследования по этому вопросу, «политическое использование вооруженных сил имеет место тогда, когда одним или несколькими компонентами регулярных вооруженных сил предпринимается физическое действие в качестве умышленной попытки государственной власти оказать влияние или подготовиться к оказанию влияния на конкретное поведение индивидуумов в другой стране без вовлечения этих сил в продолжительное столкновение» (*Blechnan B. M., Kaplan S. S. The Use of the Armed Forces as a Political Instrument. Wash., 1977, p. 1—4*).

либо свою серьезность и готовность вновь прибегнуть к силе, в любом случае главное состоит в оказании воздействия на чье-либо поведение. Именно ожидание применения еще большего насилия способно обеспечить жалаемое поведение... Различие между принуждением и простым применением военной силы часто сводится не столько к различию в инструментах, сколько к различию в намерениях. Например, охота за индейцами-команчами и истребление их было проявлением грубой военной силы; нападения же на их поселения с целью заставить их вести себя подобающим образом представляли собой дипломатию принуждения...»⁶. (Далее, правда, Шеллинг все же соглашается, что для гибнущих индейцев не имело большого значения, ради чего именно их убивали, но все-таки он настаивает на необходимости делать такое различие в целях стратегического анализа.)

Шеллинг фактически ставит знак равенства между военной стратегией и дипломатией — дипломатией в его весьма специфическом понимании: «Военная стратегия,— пишет он,— уже не представляет собой, как это было в некоторые эпохи в некоторых странах, науку военной победы. Это теперь в равной, если не большей степени искусство принуждения, устрашения и сдерживания. Инструменты войны способны скорее карать, нежели приобретать. Военная стратегия, нравится нам это или нет, превратилась в дипломатию насилия»⁷.

Хотя Шеллинг и использует здесь термин «дипломатия», все же его выкладки вряд ли уместаются в рамки того, что принято понимать под этим термином. Поэтому многие американские специалисты справедливо пишут о том, что в годы «холодной войны» во внешней политике США истинно политико-дипломатическим инструментам просто не оставалось места. «Альтернативой дипломатии стала постоянная военная готовность»,— пишет Д. Ергин, автор фундаментального исследования американской внешней политики в годы «холодной войны»⁸.

Некоторые американские политологи в послевоенный период вообще отрицали роль дипломатии как самостоятельного средства внешней политики⁹. В результате до тех пор, пока США продолжали считать себя «всемогущими и вездесущими», они вроде бы и не нуждались в совершенствовании политико-дипломатических средств влияния (в том числе и в теоретической их разработке), за исключением психологической угрозы, и действительно, единственный аспект, чрезвычайно детально разработанный в США

в этот период, и был не чем иным, как «теорией угрозы» или, по сути, теорией шантажа. Тут американские теоретики выступили поистине новаторами. Т. Шеллинг, Г. Кан, Ф. Иккл и другие создали целую «отрасль науки» с весьма изощренным понятийным аппаратом¹⁰.

Ситуация изменилась только к 70-м годам, когда стало полностью очевидно, что послевоенная внешняя политика США зашла в тупик и не дает ответа на новые реальности международной жизни. Теоретики и практики американской внешней политики осознали, что миновало — и, видимо, безвозвратно — то время, когда ставка на грубую силу по существу подменяла собой всю американскую внешнюю политику. Одновременно пришло понимание необходимости большей политической гибкости, активной дипломатии, маневрирования, варьирования всего арсенала средств внешнеполитического воздействия — экономических, идеологических, политико-дипломатических. Политико-дипломатические средства влияния заняли видное место в планах Вашингтона.

1.

Альтернативные модели поведения США

Американцам — по их психологическому складу — свойствен максимализм в определении целей. Поэтому им импонируют рассуждения, построенные вокруг принципа «победа или поражение», «пан или пропал», причем вошедшая в привычку «самонадеянность силы» проявляется в том, что для собственной страны постулируется, естественно, первый вариант альтернативного исхода.

Анализируя социально-исторические корни «прагматического» и «морального» подходов во внешней политике США, советский исследователь Ю. А. Замошкин убедительно пишет о тесной генетической связи современной господствующей идеологии и психологии США с историей американского капитализма, особенно в том, что касается специфической модели успеха любой практической деятельности. Конкурентная борьба, пишет Замошкин, в тех ее относительно свободных, интенсивных и динамичных формах, которые получают развитие в истории американского капитализма, становится для прагматика-активиста основной моделью отношений во всех областях практики, в том числе и во внешней политике, в области международных отношений. Соответственно и степень достигаемого частного успеха измеряется по шкале, задаваемой динамикой конкурентной

борьбы. На одном полюсе этой шкалы — победа над конкурентами; на другом — поражение. Надежда на победу и страх перед поражением прежде всего определяют и решение действовать, и само действие. Это значит, что успех ассоциируется не просто с благосостоянием, независимостью, властью, статусом и престижем, а с уровнем благосостояния, большим, чем у любых реальных или потенциальных конкурентов, и соответственно с **бóльшей независимостью и властью, более высоким социальным положением и престижем.** Таким образом, целью деятельности оказываются максимально возможные, максимально достигаемые благосостояние, независимость, власть, статус, престиж*.

Насколько это справедливо, подтверждает следующее рассуждение Моргентау: «Все государства, активно вовлеченные в борьбу за силу, должны в действительности стремиться не к балансу, т. е. равенству сил, а к превосходству силы в свою пользу. И поскольку ни одно государство не может предвидеть, как велики окажутся его просчеты, оно должно в конечном счете добиваться максимума силы, достижимого для него...»¹¹.

Само понятие гегемонии привлекает к себе внимание американских международныхников: в их традициях модель гегемонии считается оптимальной для США (хотя, как с огорчением констатирует большинство, уже и недостижимой).

Для страны, располагающей гегемонией, нет нужды задумываться над тем, какими средствами обеспечить себе благоприятную международную среду: «Когда возникает нужда в перестройке, гегемон не меняет своей политики — он меняет правила», — пишут Бергстен, Кохейн и Най¹². Гегемон сам создает «правила поведения», — и в то же время для него самого они не являются обязательными. Вот как те же авторы расшифровывают свое понимание гегемонии: «Некоторые авторы используют этот термин, чтобы обозначить диктат одного государства по всем вопросам. Другие, впадая в противоположную крайность, прилагают это понятие к любой ситуации, в которой одно государство просто обладает бóльшим влиянием, чем другие. Мы же называем гегемонистской систему, в которой одно государство обладает возможностью и готовностью определять и поддерживать основные правила поведения, регулирующие отношения между государствами. Государство-гегемон может не только

---

* См.: *Замосшкин Ю. А.* Личность в современной Америке. М., 1980, с. 14—32.

отменять действующие правила или предотвращать принятие не устраивающих его правил, но оно также может играть доминирующую роль при формулировании новых правил. Таким образом, отличительной чертой гегемонистской системы является то обстоятельство, что доминирующее государство располагает как положительной, так и отрицательной силой»¹³.

Если принять это определение как рабочее, то одним из последних случаев проявления американской гегемонистской власти в рамках капиталистического мира можно считать отказ США в 1971 г. от золотого паритета, сломавший бреттон-вудские правила поведения.

В рамках бреттон-вудских принципов важнейшими определителями политической силы государства были сила или слабость валюты (в сравнении с ее номинальной ценностью) и размеры валютных активов. Функционируя в рамках установленного в Бреттон-Вудсе режима, США в 60-е годы неуклонно теряли позиции, пытаясь отразить наскоки на доллар и избежать девальвации. Страны-кредиторы, накопившие большие валютные запасы, ФРГ и Япония, автоматически оказывались — в соответствии с бреттон-вудскими правилами — на все более сильных позициях. США стремились помешать конкурентам воспользоваться той силой, которую им давали эти валютные резервы.

Однако чем больше становились валютные, в первую очередь долларовые, резервы ФРГ и Японии (и чем большей потенциальной силой они обладали в рамках бреттон-вудской системы, подразумевавшей возможность свободного обмена долларов на золото по фиксированной цене), тем более уязвимы становились сами же эти страны по отношению к возможной девальвации доллара, ибо она резко сократила бы ценность их долларовых накоплений. Это отмечалось экономистами: «несомненно, влияние кредиторов на Соединенные Штаты, — писал в 1969 г. Г. Обри, — основывается исключительно на готовности американцев вести игру в соответствии со старыми представлениями и правилами. Если бы США решили серьезно поставить их под вопрос, игра приняла бы совершенно иной вид»¹⁴.

Сломав правила бреттон-вудского режима, США в 1971 г. сумели избавиться от тех ограничений, которые этот режим в создавшихся условиях налагал на использование американской экономической мощи для оказания воздействия на международную валютную политику. И это дало США возможность ввести в игру их главные экономические «козыри» — сильную экономику, низкое процентное отношение

внешней торговли к национальному продукту, сам по себе размер американского хозяйства, не говоря уже об американском военном и политическом влиянии, и использовать эти козыри для изменения правил поведения в сфере международных финансов. Отказавшись от золотого паритета, США уже не были связаны требованиями конвертируемости и приобрели после августа 1971 г. для себя более сильные позиции.

Такое прочтение ситуации может на первый взгляд показаться спорным. И все же оно вносит некоторую важную деталь в понимание расстановки сил между основными центрами капиталистического мира. Действительно, в конкретной валютно-финансовой сфере позиции США в сложившейся ситуации были слабее, чем у соперников. Поэтому верно, что отказ от золотого паритета был, как об этом и писали многие специалисты, проявлением американской слабости в сравнении с Западной Европой и Японией. Но если взять более широкий контекст, то станет ясно, что позиции США были гораздо прочнее в целом, чем позиции их конкурентов. В начале 70-х годов на долю США по-прежнему приходилось 25—30% производимой в мире продукции (а на долю, скажем, Японии — 7—8%); доля США в мировой торговле хоть и сократилась, но не очень значительно — с 16,6% в 1957 г. до 14,4% в 1972 г.; внешняя торговля как таковая для США не имела столь большого значения, как для других развитых капиталистических стран, т. е. в целом США были несравнимо менее уязвимы для разного рода потрясений и неурядиц в мировой экономике, нежели их партнеры.

Будь американская позиция действительно столь ослабленной, как казалось тогда некоторым, США вряд ли смогли бы осуществить такой резкий переворот в системе капиталистических финансов, как это им удалось в 1971 г.; и уж тем более они не смогли бы реализовать свои преференции и добиться наиболее выгодного для себя исхода долгих переговоров в рамках МВФ, завершившихся в 1976 г. устраивающей США модификацией принципов деятельности этой организации. В результате на начало 80-х годов $\frac{3}{4}$ сделок в несоциалистическом мире по-прежнему совершаются в долларах¹⁵.

В этом конкретном случае США действительно сумели продемонстрировать и отрицательную, и положительную силу, «удовлетворив», так сказать, требованиям, предъявляемым к государству-гегемону. Но в принципе изменения, происшедшие в международных отношениях в последние

два десятилетия, — рост мощи Советского Союза, подъем других «центров силы» в капиталистическом мире, приобретение молодыми, освободившимися государствами все большей роли в мировых делах — настолько изменили общую ситуацию, что США все более утрачивают свои былые возможности влияния, во всяком случае в том, что касается положительной силы — навязывания новых правил, выгодных для себя. Отрицательная сила, т. е. возможность блокировать нежелательное для себя, но желательное для соперника развитие событий, пока еще остается более доступной США. Это, однако, слабое утешение, ибо по существу «сила с отрицательным знаком» в лучшем случае может помочь предотвратить дальнейшее ухудшение позиций, но никак не может гарантировать их укрепления.

В политической и научной литературе сейчас приходится встречать сравнение «упадка Америки» с упадком Британской империи. При всей соблазнительности подобных исторических параллелей они иногда маскируют важные различия и новизну сложившихся исторических ситуаций. В отличие от Великобритании США по силовым ресурсам в их абсолютном выражении все еще значительно опережают соответствующие показатели своих капиталистических соперников (даже и в относительном выражении, как уже отмечалось в гл. I, падение не было столь резким, как иногда рисуют, ибо непропорционально огромная доля Америки в мировом производстве в 50-е годы объяснялась не столько силой Америки, сколько патологической слабостью измотанных войной Западной Европы и Японии).

Эти силовые ресурсы в принципе обеспечивают Америке достаточное количество рычагов влияния на любую *отдельно взятую* страну капиталистического мира. Однако в том, что касается силы как способности «контролировать исходы», эрозия американской мощи очень значительна. И причина этой эрозии кроется не столько в ослаблении США, сколько в коренном изменении системы международных отношений, в огромном увеличении числа субъектов международных отношений, гигантском расширении и усложнении всей проблематики, которая стала предметом межгосударственного взаимодействия. И рычагов воздействия на *всю систему* международных отношений у США, действительно, становится все меньше и меньше, в одностороннем порядке США уже не могут навязать выгодные лишь для себя принципы международного общежития и взаимодействия.

Многие американские международники и политики это отчетливо понимают. «...Все это означает, — пишет С. Хофф-

ман,— что приходится отказываться от мечты о гегемонии». И, как он признает, психологически это чрезвычайно трудно сделать *, поскольку не произошло соответствующего сокращения американских возможностей¹⁶. США, как и Советский Союз, обладают достаточными резервами силы для того, чтобы быть менее зависимыми от внешних событий, чем многие другие государства; США по-прежнему сохраняют способность более сильно влиять на других (как своими преднамеренными действиями, так и своими ошибками) и испытывать меньшее влияние со стороны последних. «Это продлевает жизнь иллюзиям — не только иллюзии относительной неуязвимости, но и иллюзии господства. И все же,— заключает Хоффман,— в конечном итоге в не столь отдаленном будущем обе эти иллюзии станут несостоятельными»¹⁷.

Американские специалисты-международники, а за ними и политические лидеры во внешнеполитических оценках в 70-е годы стали ориентироваться на то, что мир движется от политико-военной системы «биполярного» противостояния двух социально-экономических систем и фактически двух монолитных блоков к системе «многополярной», где существуют несколько глобальных «центров силы» и возможно появление новых, относительно самостоятельных региональных «центров силы».

По сути дела, само это постулирование «многополярности» ** означало де-факто признание Вашингтоном невозмож-

---

* Иллюстрацией инерционности гегемонистской психологии американских политических лидеров может служить эпизод, описанный в книге М. и Б. Калбов «Киссинджер». По свидетельству авторов, во время бурной пресс-конференции по Вьетнаму в феврале 1968 г. тогдашний государственный секретарь Д. Раск, выведенный из себя намерениями на неспособность США добиться желательного исхода, раздраженно бросил журналистам: «Если США где-то надавят, где угодно, никто не устоит» (*Kalb M., Kalb B. Kissinger. Boston, 1974, p. 65*). Ныне покойный крупный английский ученый-международник А. Бакен снисходительно писал о болезненности психологической ломки, сопутствующей превращению Америки в «обыкновенную великую державу». См.: *Buchan A. Tomorrow's America.— Orbis, 1976, Spring.*

** «Многополярность» — термин, широко употреблявшийся в начале 70-х годов Г. Киссинджером и окончательно закрепленный в американском политическом лексиконе с его легкой руки. Главный внешнеполитический идеолог администрации Картера З. Бжезинский предпочитал другой термин — «международный плюрализм», однако, раскрывая его смысл, он не оставлял сомнений в том, что речь идет все о том же — о возникновении ряда «центров силы» в мире, о выходе на международную арену многих новых «актеров», которые могут претендовать на важные роли если не на глобальном, то на региональном уровне.

ности для США далее сохранять роль бесспорного гегемона в капиталистическом мире, но оно никак не означало отказа от закрепления за собой лидирующей роли. Однако для того чтобы сохранить и закрепить за собой эту лидирующую роль, Соединенным Штатам, по мнению этой школы идеологов внешней политики США, придется усвоить непривычные для себя принципы поведения, позволяющие максимизировать те силовые возможности, которыми США располагают. Главное же в этих принципах то, что Америка, говоря словами Хоффмана, вступила «в век непременного торга и компромисса»¹⁸.

Первой попыткой американского руководства выработать новую модель поведения для Соединенных Штатов — «гибкое балансирование в многополюсном мире» — был подход, вначале провозглашенный на грани 70-х годов республиканской администрацией в виде «Гуамской доктрины» («доктрины Никсона»), а затем подробно развитый в выступлениях и посланиях самого президента и его ближайшего окружения. Самым главным в новой доктрине было именно стремление найти основу для политического действия в многополюсном мире, в котором США уже не могут претендовать на всемогущество и гегемонизм.

Основа эта представлялась республиканским теоретикам и практикам американской внешней политики в виде возврата к концепции, бывшей традиционной для Америки на протяжении большей части ее истории, — к концепции «баланса сил».

В интервью журналу «Тайм» в январе 1972 г. президент Никсон говорил: «Мы должны помнить, что единственным временем в истории Земли, когда на протяжении какого-то длительного периода мы имели мир, было время баланса сил. Лишь тогда, когда одна из стран становится несоизмеримо более мощной по сравнению с ее потенциальным конкурентом, возникает угроза войны. Так что я верю в мир, в котором Соединенные Штаты являются более могущественными. Я думаю, что наш мир был бы более безопасным, более совершенным миром, если бы мы имели сильные, здоровые Соединенные Штаты, Европу, Советский Союз, Китай, Японию, и притом каждое государство уравновешивало бы другое, а не играло бы одно против другого, если бы мы имели равный баланс»¹⁹.

Из последующих документов американского руководства становилось ясно, что новый подход был рассчитан на то, чтобы на базе как военных, так и невоенных «факторов силы» попытаться обеспечить Соединенным Штатам роль «суперарбитра» по отношению ко всем другим «полюсам

силы», причем американской силе в этой схеме отводилась роль «решающего довеска», способного склонить чашу весов в конфликтных ситуациях, безусловно, в пользу США и дедавшего США, в «балансовой» терминологии, «держателем баланса» *. Этот вопрос был исчерпывающе ясно изложен во внешнеполитическом послании президента конгрессу в 1971 г.: «Мы будем продолжать обеспечивать элементы военной силы и экономических ресурсов, соответствующие размерам нашей страны и нашим экономическим интересам. Но в нынешний век уже неестественно и невозможно доказывать, что безопасность или развитие повсюду в мире являются прежде всего заботой Америки... США могут и будут участвовать там, где это диктуется нашими интересами, но только в качестве одной из гирь, а не главной гири на весах» ²⁰.

В такой прямолинейной формулировке обращение к концепции «баланса сил» тут же вызвало в самих Соединенных Штатах серьезную критику — идея баланса содержит в себе неперемное условие периодической корректировки его в соответствии с меняющимися «весами» государств — участников баланса, т. е. функционирование баланса как такового неотделимо от «проб сил», иными словами — от конфликтов. В современных условиях «пробы сил» с участием крупнейших государств, какими бы «невинными» они ни казались на первый взгляд, всегда чреваты перерастанием во всеобщую ядерную войну, а потому строить международные отношения в соответствии с механизмом «баланса сил» — значит подвергать чрезмерному риску судьбу всеобщего мира, и в том числе судьбу самих Соединенных Штатов. Как известно, даже в XIX в. в тот самый период, который считают чуть ли не идеалом с точки зрения функционирования системы «баланса сил», в Европе произошло несколько крупных войн — Крымская война, франко-прусская, итальянская и т. п.

С учетом такого рода критики была предпринята попытка несколько смягчить изложенную ранее официальную концепцию. Соответственно в четвертом внешнеполитическом послании президента конгрессу в 1973 г. говорилось: «Мы стремимся к стабильной структуре, а не к классическому балансу сил. Безусловно, национальная безопасность должна основываться на некотором равновесии между потенциальными соперниками. США не могут вверять свою судьбу целиком или даже в большой степени доброй воле других...

---

* Подробно о «балансе сил» как основной рабочей концепции стратегии США начиная с войны за независимость см.: *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1976, с. 43—56.

Но это не господствующая (всеподавляющая) концепция нашей внешней политики. Прежде всего наш подход отражает реальность ядерного века. Классическая концепция баланса сил включала в себя непрерывное маневрирование в целях получения второстепенных преимуществ над другими. В ядерную эпоху это и нереалистично, и опасно. Это нереалистично потому, что, когда обе стороны обладают такой колоссальной мощью, небольшие дополнительные улучшения в позиции не могут быть переведены в осязаемые реальные преимущества или даже в используемую политическую силу. И это опасно потому, что попытки добиться каких-либо тактических выгод могут привести к конфронтации, каковая могла бы закончиться катастрофой»²¹.

Мы сознательно привели столь обширные выдержки из официальных документов, формулировавших американскую внешнюю политику в начале 70-х годов, чтобы проиллюстрировать эволюцию правящих кругов США от гегемонистских постулатов первых послевоенных десятилетий, рассчитанных на приспособление реальности к своим целям, к известной девальвации самих этих целей, подразумевающей теперь уже приспособление последних к реальности, а не наоборот.

Элементы реализма в позиции Вашингтона в этот период совершенно очевидны; речь теперь явно шла не о приобретении абсолютно доминирующих позиций в мире, а о сохранении «динамичного статус-кво» путем поддержания «равновесия сил» между основными участниками международной системы, некоего глобального «модус вивенди», регулируемого главным образом дипломатическими средствами и подкрепленного, как писал видный теоретик американской внешней политики Р. Осгуд, «сетью соглашений и взаимопониманий, соединяемых вместе связями взаимных компромиссов»²².

Еще один чрезвычайно важный элемент реализма состоял в том, что в правящих кругах США, видимо, осознали недосыгаемость «абсолютных»; вечных решений, связанных с преобразованием окружающего мира — единожды и навсегда — в соответствии с «американской мечтой», после чего Соединенные Штаты-де уже никогда не будут сталкиваться ни с враждебностью, ни с оппозицией своим ценностям. Об этом с явной горечью говорил Г. Киссинджер в интервью журналу «Тайм» в 1972 г. «Мы живем в один из самых сложных периодов. Некоторые видят причину нашего раскола во Вьетнаме, другие винят в этом внутренние разногласия по иным вопросам. Я же считаю, что причины наших духовных страданий глубже... Отчасти благодаря тому, что мы

здесь, в Америке, достигли многого, мы одно время стали склоняться к мысли, что каждая проблема должна иметь решение и что хорошие намерения должны каким-то образом обеспечить соответствующие результаты. Утопия воспринималась не как мечта, а как конечная станция назначения, если только мы будем придерживаться правильного пути. Наше поколение первое, которое обнаружило, что путь бесконечен»²³.

Тема «бесконечности пути», отсутствия финальных решений, необходимости применяться к постоянно меняющейся обстановке (параллельно, разумеется, стремясь воздействовать на направление этих изменений всеми имеющимися у США силовыми резервами) с тех пор регулярно звучала в выступлениях Г. Киссинджера. Она была еще более четко сформулирована им в программном внешнеполитическом выступлении в Сан-Франциско в 1976 г.: «...впервые за нашу историю, — говорил государственный секретарь США, — мы сталкиваемся с неумолимой реальностью того, что бросаемые нам вызовы не имеют конца, что не существует легких, а тем более окончательных ответов, нет автоматических решений. Мы должны научиться осуществлять свою внешнюю политику так же, как это делали в течение многих веков другие страны, — не имея возможности уйти от действительности или сделать передышку, зная, что достижимое далеко от идеального, все время помня о необходимости самосохранения и отдавая себе отчет в том, что наша национальная цель имеет свои пределы»²⁴.

Разумеется, как справедливо подчеркивали в тот период исследователи американской внешней политики и внутри США, и за их пределами, это не означало отказа от лидирующей роли США в мире, но означало осознание необходимости модифицировать поведение для осуществления лидерства (и притом теперь уже лидерства, а не гегемонии). Таким образом, Вашингтон в начале 70-х годов как будто пришел к выводу о необходимости отказа от универсальных глобалистских схем и более прагматической разработки конкретных внешнеполитических курсов в зависимости от обстоятельств.

Это, правда, не было никоим образом равносильно отказу от поисков и накапливания каких-то частичных, «маргинальных» выгод и преимуществ (прежде всего политико-дипломатического характера) в расчете дожидаться благоприятного момента и перевести такие преимущества в какой-то более осязаемый общий перевес соотношения сил в мире в американскую пользу. Об этом недвусмысленно свидетельствуют практические действия Соединенных Штатов в тот же самый

период на Ближнем Востоке, в Азии, в Африке и т. д.

Однако все же сама концепция «баланса сил» как оптимальной для продвижения американских интересов модели поведения в современном мире не встретила полной поддержки во внешнеполитической элите США. «Структура мира» не может быть построена путем воссоздания давно канувшей в Лету эпохи», — писал С. Хофман, специально анализируя проблемы «баланса сил» в 70-е годы²⁵. Перечисляя причины, делающие невозможной в современную эпоху «игру» по правилам классического баланса, Хофман отмечал, что постулируемый американским внешнеполитическим руководством пятиполюсный мир (пять «центров силы», о которых говорилось выше, — США, СССР, КНР, Западная Европа и Япония) состоит из государств, слишком неравных по своим военным и экономическим потенциалам. Если в прошлом «баланси́рование» осуществлялось почти исключительно с помощью войн, то теперь, писал Хофман, «использование ядерного оружия совершенно очевидно не может быть техникой баланси́рования»²⁶. В то же время в военном отношении мир все еще биполярен, учитывая громадное превосходство военных потенциалов СССР и США по отношению к другим государствам. Хофман отвергал также и распространившееся среди части американской элиты мнение, будто бы Советский Союз «выражает готовность играть в международных отношениях по правилам Никсона»^{*}; он указывал на «асимметрии между идеологией коммунистов и нашими концепциями, которые предусматривают порядок как самоувековечивающееся статус-кво, как паутину процедур и норм, а не как все время меняющийся результат социальной борьбы»²⁷. Эти и другие факторы, по мнению Хоффмана, не позволяют рассчитывать на то, что «баланс сил» может быть эффективной рабочей концепцией внешней политики США в современную эпоху.

Весьма активной линией критики официальной внешнеполитической концепции были возражения против концепции баланси́рования на том основании, что Никсон—Киссинджер-де ставят «на одну доску» союзников и потенциальных противников. В частности, З. Бжезинский, в то время директор Института по проблемам коммунизма Колумбийского университета, писал, комментируя установки тогдашней рес-

---

^{*} См., например: *Osgood R. Op. cit.*, p. 15. В трактовке Осгуда и его единомышленников получалось, что вроде бы не Соединенным Штатам пришлось в конце концов подписаться под неизменно отстаиваемыми Советским Союзом принципами мирного сосуществования, а, наоборот, Советский Союз-де принял навязанные ему Соединенными Штатами устраивающие их правила «джентльменского поведения».

публиканской администрации: «Концептуальная база никсоновской внешней политики включает в себя в основном традиционный подход с позиции баланса сил, но более бисмарковский, нежели меттерниховский... В отличие от статического меттерниховского баланса, опирающегося на консервативное идеологическое единообразие, бисмарковский баланс был основан на движении и гибкости, на том, чтобы застичь врастлох как друзей, так и врагов»²⁸.

Кстати, этот же тезис вызывал со стороны ряда других критиков обвинение внешней политики Никсона—Киссинджера в «аморальности» и «цинизме»; однако подоплекой для такого рода обвинений были не столько моральные соображения, сколько неприемлемость для элиты, а равно и для среднего американца, самой постановки вопроса, при которой США как бы приравнялись — пусть и с оговорками — к другим государствам, т. е. умахались и принижались в восприятии человека, воспитанного в традиционном американоцентристском духе. Именно этого и не смогли простить Никсону—Киссинджеру многие представители внешнеполитической элиты, что и не дало возможность республиканской администрации сформировать в правящих кругах соответствующий консенсус в отношении новой внешнеполитической стратегии США.

Наиболее серьезные — причем уже не столько теоретические, сколько практические — претензии к официальной внешнеполитической концепции США первой половины 70-х годов были сформулированы Э. Бжезинским в статье «Внешняя политика США: поиски фокуса», и состояли они в том, что, во-первых, в модели «баланса сил» не было места для проблемы отношений США с развивающимися странами, что в глазах Бжезинского заведомо делало эту модель несостоятельной, а во-вторых, поведение, соответствующее «балансовой игре», подрывало самые основы американских отношений с ближайшими союзниками, ибо союзники, теряя веру в надежность своих связей с Соединенными Штатами, вполне способны начать «балансиловать» против США («таким образом, — пишет Бжезинский, — мысль о том, что не следует иметь ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, может оказаться заразительной и может бумерангом ударить по США раньше, чем кто-либо ожидает»²⁹).

В результате именно Э. Бжезинский выдвинул теоретическую схему, альтернативную концепции «баланса сил» и постулировавшую несколько иные принципы поведения США на мировой арене в условиях утраты американской гегемонии. Собственно, те или иные варианты этой схемы

Бжезинский разрабатывал в течение довольно длительного времени, и к тому моменту, когда ему представилась возможность попытаться воплотить их в конкретный внешнеполитический курс администрации президента Дж. Картера, он предполагал весьма рафинированной и внутренне логичной моделью — но моделью чисто кабинетной, умозрительной и, как выяснилось впоследствии, не выдержавшей столкновения с реальной международной действительностью.

Отчасти мысль Бжезинского тоже развивалась в общем русле «балансовых» построений, ибо его замысел основывался на частном варианте формирования силовой коалиции — сплоченного блока капиталистических государств («западных демократий»), противостоящего как развивающимся странам, так и социалистическим.

На начальном этапе разработки своей концепции Бжезинский предполагал, что путем давления — за счет «совокупной силы» капиталистических стран — СССР и другие социалистические страны могут быть подключены на деидеологизированной основе к «директории» индустриально развитых государств. Такой подход нашел детальное воплощение в книге Бжезинского «Между двумя эпохами. Роль Америки в технотронную эру», появившейся еще в 1970 г. «Движение в направлении такого сообщества, — писал он, — по всей вероятности, реализуется в виде двух больших этапов, налаживающихся друг на друга. Первый из них включал бы создание тесных уз между Соединенными Штатами, Западной Европой и Японией, равно как и другими развитыми странами (например, Австралией, Израилем, Мексикой). Второй этап включал бы распространение этих связей на наиболее развитые из коммунистических стран. Некоторые из них, могут двигаться к более тесному международному сотрудничеству быстрее, чем другие, а потому два этапа не обязательно строго разграничиваются во времени»³⁰. Причем если непосредственно с Советским Союзом «тесное сотрудничество представляется крайне маловероятным в ближайшее десятилетие»³¹, то в отношении социалистических стран Восточной Европы Бжезинский пишет уже даже не о сотрудничестве, а едва ли не о «присоединении Восточной Европы к большому европейскому сообществу»³².

Первой попыткой Бжезинского претворить в жизнь разработанную им концепцию стала его деятельность на посту директора Трехсторонней комиссии (которая, собственно, и оказалась для него трамплином для продвижения в Белый дом). Бжезинский вместе со своими многочисленными единомышленниками из кругов ученых, общественных деятелей,

бизнесменов США, Западной Европы и Японии активно пропагандировал идею «коллективной гегемонии» развитых капиталистических стран как единственной перспективной движущей силы мирового развития на обозримое будущее. «Без тесного американско-европейско-японского сотрудничества крупнейшие проблемы современности не могут быть эффективно решены... — писал он в упоминавшейся выше статье «Внешняя политика США: поиски фокуса», критикуя «балансовый» подход республиканской администрации, — *активное развитие такого трехстороннего сотрудничества должно теперь стать центральным приоритетом политики США*» (выделено курсивом у автора. — *И. Ш.*)³³.

Когда в 1976 г. в американской печати появились главы из новой книги Бжезинского *, стало очевидно, что события первой половины 70-х годов, особенно, видно, нефтяной кризис и другие осложнения в отношениях США с развивающимися странами, несколько сместили акценты в его концепции в направлении еще большего увеличения роли развивающихся стран. Эти публикации и последующие многочисленные выступления Бжезинского уже в качестве высокопоставленного должностного лица рисуют следующую схему целей и действий США.

Соединенные Штаты действуют ныне в основном во враждебном им мире — в обстановке глубоких социальных переворотов и катаклизмов, которые эксплуатирует в свою пользу, если не прямо направляет, Советский Союз, социализм в целом. Глобальное распределение силы начинает склоняться в пользу политических систем, которые в философском, культурном, этническом и расовом отношениях чужды американскому историческому опыту. Если такую тенденцию не удастся остановить, то дело может дойти до «капитализма в одной стране», писал Бжезинский, обыгрывая марксистскую терминологию.

Развивающиеся страны — вот основное «поле битвы» между социализмом и капитализмом; от исхода соперничества двух систем в регионах развивающихся стран зависит историческая судьба капитализма. Именно это требует, по убеждению Бжезинского, чтобы «индустриальные демокра-

---

* Эта книга под названием «Америка во враждебном мире» была уже подготовлена к печати в издательстве «Бейсик букс», но именно в это время Бжезинский был приглашен новым президентом на работу в Белый дом, и публикация книги была отложена. Однако журнал «Форин Полиси» успел опубликовать фрагмент книги в виде статьи под тем же названием. См.: *Brzezinski Z. America in a Hostile World.* — *Foreign Policy*, 1976, N 23, p. 65—96.

тии», преодолев внутренние разногласия и сплотившись, совместными усилиями «решили проблемы с развивающимися странами», т. е., говоря другими словами, нашли способ закрепить основную массу развивающихся стран в сфере влияния Запада. Причем это закрепление представляется качественно отличным и от периода колониализма, и от периода неоколониализма — речь идет о формировании органической общности, симбиоза развитых и развивающихся стран, о том, чтобы развивающиеся страны не просто были придатками капиталистической системы, но сами стали ее членами (при сохранении, естественно, лидерства за Западом). И только после завершения этой задачи Запад или США как его лидер обратятся — с позиции вновь обретенной силы — к Советскому Союзу, другим странам социалистического содружества и поставят перед ними ультиматум, который Бжезинский весьма самонадеянно сформулировал следующим образом: «либо Советы сотрудничают с нами, либо они рискуют оказаться исторически непричастными к великим проблемам нашего времени»³⁴.

Если модель «баланса сил», невзирая на все оговорки о ее динамизме, по самой сути своей все же является моделью сохранения статус-кво, то модель Бжезинского как будто делала шаг вперед, признавая, что сохранение статус-кво в современном мире невозможно, как бы ни хотелось этого Соединенным Штатам, ибо мир находится в процессе перемен, и этот процесс необратим.

Однако из этой реалистической посылки делался совершенно волюнтаристский вывод относительно того, что США могут и должны дать этим переменам «правильное», т. е. благоприятствующее Соединенным Штатам, направление. «Вместо того чтобы добиваться сохранения статус-кво на основе равновесия сил, — говорил Бжезинский, — мы стараемся воспринимать глобальные перемены как факт реальной действительности, но пытаемся придать им конструктивное направление, которое было бы совместимо с американскими принципами и американскими интересами и соответствовало бы им»³⁵.

Таким образом, внешняя политика США возвращалась стратегами американского империализма «на круги своя» — от идеи приспособления к внешнему миру, определенного «понижения профиля» и т. п. к авантюристическому курсу на «дирижирование» мировыми процессами, на формирование внешней обстановки в соответствии с американскими планами и схемами. И в этом смысле выдвинутая Бжезинским альтернатива политике «баланса сил» сводилась к тому,

что ревизовала некоторые, как раз наиболее реалистические моменты республиканской доктрины, не сокращала, а, наоборот, подновляла и расширяла гегемонистские притязания США.

На практике со «схемой Бжезинского», как и бывает с умозрительными схемами, основанными на априорных идеях, а не на анализе реальной действительности, произошло неминуемое: она оказалась попросту нереализуемой.

Прежде всего не произошло сплочения «индустриальных демократий». Соединенные Штаты, формально декларировав отказ от поведения по правилам «баланса сил», на самом деле практиковали именно «балансовый» подход к развитию своих отношений со странами Западной Европы и Японией, противопоставляя союзников друг другу, стремясь к тому, чтобы отношения Америки с каждой из двух других «вершин треугольника» были лучше, чем у этих двух «вершин» между собой. Кроме того, на фоне общих деклараций о «коллективном лидерстве» стало совершенно очевидно, что США ни в коей мере не желают поступиться своими прерогативами и делегировать хотя бы какие-то элементы «лидерства» союзникам. В результате вместо гармонизации отношения США с их капиталистическими партнерами приобрели небывалую остроту.

Еще сложнее оказалась ситуация с развивающимися странами. Бжезинский не учел, что основные движения и процессы в регионах развивающихся стран успели превратиться из антиколониальных (на сочувствии которым США пытались играть еще и в 60-е годы) в революции против неоколониалистской эксплуатации, а, как уже неоднократно подчеркивалось выше, главным эксплуататором-неоколониалистом, продолжающим держать развивающиеся страны в отношении экономической и политической зависимости, являются именно сами Соединенные Штаты. Соответственно современное движение молодых государств против внешней зависимости, за подлинную самостоятельность есть прежде всего и по преимуществу движение против американского неоколониализма.

Все те государства, которые, по расчетам Вашингтона, были призваны стать ключевыми опорами политики США в различных регионах развивающихся стран, в большинстве своем оказались в оппозиции по отношению к Соединенным Штатам. Мексика обвиняет США в том, что их подход к ней — это «смесь корыстных интересов, пренебрежения и страха», и требует от США проведения политики «мирного сосуществования»³⁶. Бразилия в 1977 г. демонстративно рас-

торгла все военные соглашения с США, дав понять, что не желает подчиняться американскому диктату. Аргентина недвусмысленно продемонстрировала свое негативное отношение к политике Вашингтона, отказавшись присоединиться в 1980 г. к решению США прекратить продажу зерна Советскому Союзу. Индия, Индонезия, Нигерия — все эти «новые центры влияния», если применять терминологию Белого дома, поддерживающие нормальные отношения с США, в той или иной форме недвусмысленно отмежевываются от многих внешнеполитических акций Вашингтона.

Даже Саудовская Аравия, которую Вашингтон стремится привязать колоссальными поставками современной военной техники, как ранее Иран, и та то и дело стремится продемонстрировать свою независимость от США, не говоря уже о таких странах, как Иран или Эфиопия, где доминирующим лозунгом происходивших там революций был антиамериканизм.

Более того, такие «родственные» страны, как Канада и Австралия, во многих спорных вопросах между США и развивающимися странами встали на сторону последних.

Что касается утверждений Бжезинского, что отношения с коммунистическим миром «могут не быть более центральной проблемой» внешней политики США³⁷, а затем и официально декларированной администрацией Картера передвижки американо-советских отношений на третье или даже четвертое место в системе внешнеполитических приоритетов США, то здесь декларации резко разошлись с действительностью. На деле начиная с 1977 г. всепоглощающей заботой стратегов Белого дома было стремление осуществить ту или иную «ограниченную пробу сил» с СССР, которая, с одной стороны, была бы не очень опасного свойства, а с другой — позволила бы Вашингтону продемонстрировать свою «решительность» и «твердость».

Такого рода попытки были предприняты вначале в связи с событиями на Африканском Роге, когда разносторонняя помощь, оказанная Советским Союзом и Кубой Эфиопии в отражении агрессии Сомали, была использована для того, чтобы искусственно раздуть антисоветскую кампанию; затем США пошли на обострение американо-советских отношений, нарушив советско-американское взаимопонимание по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г. и начав проталкивать сепаратную египетско-израильскую сделку под своей эгидой; позднее для антисоветской агитации была использована иранская революция, превратившая Иран из форпоста США в антиамериканскую силу в районе Персид-

ского залива; осенью 1979 г. вновь имело место резкое обострение в связи с инсинуациями относительно пребывания «советской военной бригады» на Кубе; в конце 1979 г. события в Афганистане были использованы вашигтонским руководством для окончательного оформления развернутой долгосрочной милитаристской программы — «доктрины Картера», в центре которой было обострение противостояния с Советским Союзом.

Собственно говоря, само по себе принятие «доктрины Картера» говорит о несостоятельности схемы Бжезинского, о разочаровании Вашингтона в пропагандировавшейся им линии поведения для США. В результате не только Дж. Картер в конце своего президентства, но и вступившей в должность в январе 1981 г. Р. Рейган в той или иной степени вернулись к трактовке международных отношений в терминах «биполярного противостояния», снова начав рассматривать практически любую внешнеполитическую акцию сквозь призму ее влияния на соотношение сил между СССР и США.

Происшедший на пороге 80-х годов сдвиг в сторону возвращения к привычному для США внешнеполитическому поведению — к усилению угрозы силой и повышению с этой целью военно-силовых возможностей США путем массивных военных приготовлений, свидетельствует о том, что потерпел крах — по крайней мере временно — и один из немногих реалистических элементов, содержавшихся в концепции Бжезинского, — упор на невоенные, прежде всего научно-технические, резервы американской силы.

При первом же соприкосновении с реальными процессами перемен в развивающихся странах — с революционным процессом в Иране — не кто иной, как сам Бжезинский, по свидетельству тогдашнего посла США в Иране У. Салливана, призывал шаха, а позже иранских военных подавить революцию силой³⁸.

Убедившись в том, что на данном этапе они не в состоянии остановить с помощью невоенных методов и средств развитие революционной борьбы народов, направленной против американского неокOLONиалистского засилья, Соединенные Штаты в конце 70-х — начале 80-х годов вновь делают явную ставку на методы военного нажима и давления — так родилась «доктрина Картера», так родились призывы Р. Рейгана и его окружения к возвращению Соединенным Штатам «позиции силы»; эта линия из риторики перешла в конкретное военное строительство. Об этом свидетельствуют и колоссальные средства, отпускаемые военно-промышлен-

ному комплексу на цели перевооружения, и курс на форсированное наращивание ядерных вооружений США, усиление ВВС и ВМС, увеличение численности обычных вооруженных сил, ускоренное формирование корпуса «быстрого развертывания», части которого уже появились на Ближнем Востоке, на приобретение новых военных баз и расширение имеющихся, на подстегивание военных приготовлений союзников и клиентов Вашингтона и т. д.

И вновь, как в годы «холодной войны», инструменты дипломатии оказываются отодвинутыми администрацией Рейгана почти на последнее место в арсенале внешнеполитических средств Вашингтона. В свое время многие американские международники критиковали архитекторов политики «сдерживания» за пренебрежение дипломатией; сейчас, по выражению С. Хоффмана, вновь можно говорить о том, что «дипломатия либо отсутствует, либо сводится к продолжению (холодной) войны иными средствами»³⁹. Собственно, такое положение с неизбежностью проистекает из общего видения мира, характерного для консерваторов-республиканцев: их миропонимания (а вернее — непонимания), окрашенного прежней верой в американскую исключительность, из демонологической трактовки «советской угрозы», убежденности в праве — и обязанности — Америки играть доминирующую роль в мобилизации всех стран и народов для «тотального противоборства» с Советским Союзом.

Результатом такого подхода является узкий, эгоистический взгляд на международные политические и экономические отношения, склонность к односторонним действиям, не принимающим в расчет интересов других государств, в том числе даже близких союзников. Если предыдущей, демократической администрации было все же присуще понимание того обстоятельства, что США ныне действительно вступили в век взаимозависимости, если демократы в долгосрочном плане ставили состояние американской экономики в зависимость от общего положения дел в мировом капиталистическом хозяйстве, то теперь проповедуются прямо противоположные идеи. Выступая в Канкуне на встрече «Север—Юг» 22 октября 1981 г., Рейган мимоходом признал наличие «взаимной зависимости», но тут же подчеркнул, что «превыше всего — индивидуальная ответственность». И в этом выступлении, и во многих других он настойчиво внушает, что здоровая экономика США является ключом к здоровью экономики других стран, а потому должна «оздоравливаться», в том числе и за счет

последних; касаясь таких проблем, как политическая нестабильность в регионах развивающихся стран и экспроприация орудующих там американских монополий, президент США квалифицирует их всего лишь как «помехи для развития (американских. — *И. Ш.*) капиталовложений и торговли», каковые США «будут стремиться устранить» (речь в Филадельфии 15 октября 1981 г.).

Несомненно, что такой подход, диктуемый ностальгией по «простым решениям» и американскому всемогуществу 50-х годов, не сулит нынешней администрации США дивидендов — причем не только в отношениях с мировым социализмом, но и с развивающимися государствами, и с собственными союзниками. Он не является и не может являться базой для реалистической внешней политики; изначальные установки нынешней администрации трудно, а порой и невозможно претворить в жизнь в современном мире — в условиях изменившейся глобальной расстановки сил, новых норм и принципов межгосударственных отношений, уже вошедших в международное право и международную практику. Это понимают не только те, кто активно критикует курс Рейгана, это начинают на практике ощущать (хотя, видимо, не всегда еще осознают) сами творцы нынешней американской политики. Это порождает дополнительную противоречивость, непоследовательность поведения Вашингтона на международной арене, при одновременном сохранении однозначно воинственных силовых установок. Неспособность примениться к фундаментальным сдвигам в мире ведет к продолжающемуся глубокому кризису внутренней и внешней политики США, и этот кризис является наглядным примером и подтверждением дальнейшего обострения общего кризиса капитализма, отмеченного на XXVI съезде КПСС.

Следует, однако, учитывать, что в том общем пуле идей, которые циркулируют в американской внешнеполитической элите, исподволь прорабатывающей внешнеполитические альтернативы, которые позднее могут выкристаллизоваться в будущие политические платформы и лечь в основу практической политики, продолжают достаточно активно разрабатываться и иные варианты, предлагаются иные модели поведения, более соответствующие, по мнению их авторов, национальным интересам США в современных условиях «взаимозависимого мира».

Было бы совершенно необоснованным думать, что группа теоретиков, которых мы выше условно называли глобалистами-интеграционистами, в чем-то намерены поступаться

фундаментальными внешнеполитическими целями США. Они, пользуясь словами С. Брауна, «стремятся обеспечить Америке мировое окружение, которое благоприятствовало бы выживанию американского общества»⁴⁰ (и, можно добавить, максимально *не* благоприятствовало бы соперникам США). Однако в соответствии с их видением мира принципы поведения, которые они рекомендуют американскому правящему классу как оптимальные, значительно отличаются от бытовавших до сих пор. Чем быстрее Соединенные Штаты осознают реальности «взаимозависимого мира», тем больше шансов, что они сумеют не просто приспособиться к ним, но и оседлать гребень новой волны, обратить ее себе на пользу. Об этом, например, пишут Р. Кохейн и Дж. Най, призывая США «научиться жить в условиях взаимозависимости и использовать их для обеспечения себе лидерства»⁴¹.

Под воздействием глобалистов-интеграционистов в американской академической литературе вновь оживились попытки применить для анализа международных отношений если не сами теоретико-игровые концепции, то во всяком случае их понятийный аппарат*. Теперь, однако, речь идет

---

* «Генеалогическое дерево» теории игр как математической дисциплины уходит своими корнями в XVII в. — именно тогда математики такого калибра, как Галилей, Паскаль, Ферма, Гюйгенс, заинтересовались анализом азартных игр, где определяющим является фактор случайности (типа игры в кости) и комбинаторных игр (типа игры в шахматы), где источником неопределенности исхода является чрезвычайное многообразие стратегий игроков и сочетаний их позиций. Третий тип игр — стратегические игры, в которых источником неопределенности служит незнание образа действий соперника, — стал разрабатываться лишь в XX в. и был поставлен на твердую математическую почву немецким математиком Дж. фон Нейманом, который с 30-х годов и до своей смерти в 1957 г. жил и работал в США. Если прикладные применения теории стратегических игр в области техники, кибернетики, экономики принесли существенные результаты, то попытки применения ее для анализа кризисных и конфликтных ситуаций в общественном развитии натолкнулись на серьезные трудности, главным образом методологического характера, в результате чего наступило определенное разочарование и охлаждение (в частности, от теории игр отошли первоначально с энтузиазмом пропагандировавшие ее в США Г. Кан, А. Уолстеттер и др.). Отчасти это разочарование связано с тем, что теория игр хорошо разработана пока лишь для игры двух лиц со строгим соперничеством (эти игры называют еще играми с нулевой суммой, ибо в них интересы сторон противоположны и непримиримы и победа одной стороны равна проигрышу другой). Попытки анализировать международные отношения, и прежде всего советско-американские военно-политические отношения, в категориях игр с нулевой суммой, исключающих возможность каких бы то ни

не о скомпрометировавших себя в политическом плане играх с нулевой суммой (или со строгим соперничеством), а о тех разновидностях игровых моделей, которые в начале 60-х годов были названы Т. Шеллингом «играми с торгом», или «играми со смешанными мотивами»*; их также называют и «кооперационными играми».

Трактовка современных международных отношений в категориях кооперационных игр позволяет наглядно убедиться, в чем именно видится американским теоретикам новизна тех процессов, которые идут и будут идти в международных отношениях. Для «старой», традиционной логики поведения в системе международных отношений характерен принцип «мой выигрыш равен твоему проигрышу» в конечном итоге, даже если на какое-то время принимается «смешанная стратегия», подразумевающая существование общности интересов. Главное, рано или поздно может наступить момент, когда тот выигрыш, к которому стремится одна из сторон, будет воспринят другой стороной как неприемлемый проигрыш; это момент, когда происходит «проба сил»: проигрывающая сторона прибегает к «проверке», хотя бы и рискованной, если она все же имеет какую-то надежду «переиграть» ситуацию. Таким образом, в игре с нулевой суммой идет постоянное взвешивание баланса сил, существует постоянная нацеленность на некую конечную, решительную пробу сил. Каждая из сторон стремится либо не дать сопернику выиграть, либо свести его выигрыш к минимуму, либо — на самый худой конец, если не чувствует за собой сил оспорить исход, — пытается выторговать хотя бы уступку за то, что мирится с выигрышем соперника без войны. Каждая из сторон вынуждена считаться с соперником только из-за того, что соперник способен причинить

было компромиссов, совпадения интересов сторон и иных точек соприкосновения, хотя и импонировали профессиональному мышлению части американских военных, все же быстро доказали свою научную несостоятельность. Подробно об этом см.: *Шейдина И. Л.* США: «фабрики мысли» на службе стратегии. М., 1973, с. 63—80.

* Поясняя, что он имеет в виду под «играми с торгом», или «играми со смешанными мотивами», Т. Шеллинг писал: «Слова „смешанные мотивы“ относятся, разумеется, не к тому, что у игрока нет ясного представления относительно собственных предпочтений, они связаны с противоречивостью взаимоотношений игрока с партнером — со смесью взаимной зависимости и конфликта, партнерства и состязательности» (*Schelling Th. C. The Strategy of Conflict. L., 1960, p. 89*).

ей ущерб,— для нее самой лучше всего было бы, если бы соперник не существовал вообще*.

«Новая» логика не исключает ни конфликта, ни соперничества, ни целенаправленности действий в ущерб партнеру. Элементы игры с нулевой суммой сохраняются. Но все рассматривается через призму не конечной пробы сил, а конечной зависимости «актеров» друг от друга: если одна сторона стремится нанести другой слишком большой ущерб, это может бумерангом ударить по ее же собственным интересам (таких примеров много, особенно в области экономических отношений, в частности именно таковы были последствия решений ряда стран «экспортировать» к соседям инфляцию, спад и т. д.). Поэтому проигрыш одной стороны перестает непременно быть выигрышем другой — обе стороны могут проиграть (или выиграть) одновременно.

Употребление термина «кооперация», «кооперационные игры» отнюдь не означает ликвидации элемента конфликта; оно означает лишь, что все участники игры — субъекты международных отношений — находятся в таком состоянии взаимной вовлеченности, что независимо от их желания существуют области отношений, где просчет или ошибка одного игрока неминуемо чревата серьезными негативными последствиями для всех остальных. Поэтому действуя в пределах таких областей, участники кооперационной игры вынуждены идти на компромисс, соглашаться на относительно (а не максимально) благоприятные для себя решения с определенным учетом интересов партнеров; разумный участник кооперационной игры не избирает для себя стратегию, гарантирующую на первый взгляд ему львиную долю преимуществ, ибо он понимает иллюзорность таких гарантий,— они явно не будут приемлемы для партнеров, в результате решение проблемы как таковое будет торпедировано, и это поставит его же самого (а не только остальных) в неблагоприятное положение.

Дополнительную тонкость подходов к выбору стратегии во «взаимозависимом мире» диктует то обстоятельство, что

---

* Характерно, что даже такой в целом реалистически мыслящий человек, как А. Гарриман, именно в этих категориях сформулировал свое отношение к Советскому Союзу, когда он выступил на слушаниях в конгрессе в 1975 г. с заявлением, что лично он-де не желал бы ничего лучшего, чем «исчезновение» коммунизма с лица планеты (добавив при этом: «...коммунизм существует, и СССР является мощной страной. Мы хотим избежать войны») См.: Reassessment of US Foreign Policy. Hearings before the Committee on International Relations, House of Representatives. Wash., 1975, p. 11.

окончательно пропадает иллюзия возможности конечных решений — государствам предстоит и далее иметь дело друг с другом то по одной, то по другой проблеме, вступать в бесчисленные контакты, и в результате разовый выигрыш или проигрыш до некоторой степени теряет свою абсолютную ценность, становится важным скорее как элемент более или менее длительного процесса с точки зрения открываемых на будущее перспектив — потенциально сильных или слабых позиций. В концепции оптимального поведения в таких условиях заложен принцип важности тенденции, постепенного накапливания преимуществ, перехода количества в качество (что прямо противоположно характерному для игры с нулевой суммой подходу по принципу «пан или пропал»).

Как пишет Хоффман, акцентируя конфликтный аспект проблемы, идею взаимозависимости можно суммировать в формулировке: «...ты можешь причинить вред мне, а я — тебе, но ни один из нас не может отомстить другому, не нанеся вреда самому себе»⁴². И далее: «Даже когда я пытаюсь в одностороннем порядке ухватить кусок пирога побольше, я не стану ставить под угрозу существование самого пирога; даже когда я прибегаю к конфликту, чтобы реализовать свое преимущество, в конечном итоге мне необходимо если уж не твое сотрудничество, то во всяком случае согласие»⁴³.

Анализируя концепцию взаимозависимости, общей вовлеченности, американские теоретики с сожалением вынуждены констатировать, что эта модель поведения налагает на использование силы много ограничений; в результате сильное государство вынуждено не просто считаться с более слабым, но идти на компромисс с ним, ибо более слабое по всем параметрам государство может в одном, конкретном вопросе иметь мощный рычаг давления; а компромисс в то же время может иметь характер отнюдь не частный, а общий или может вообще относиться к иной сфере международных отношений.

Соединенные Штаты в направлении компромиссов подталкивает еще одно специфическое обстоятельство, которое С. Хоффман именуется «потенциалом заложника», поясняя при этом: «Экономика США переплетена с экономикой большого числа стран-клиентов; заинтересованность США в их поддержке по другим вопросам мешает полностью использовать преимущества «несимметричной взаимозависимости»... Другими словами, мы вынуждены мириться с ограничениями, которые не связывают руки другим акте-

рам, обладающим менее обширными, но более сконцентрированными активами или стратегиями»⁴⁴.

Однако, как ни неприятны компромиссы для США, тем более что они еще и непривычны, большинство глобалистов-интеграционистов стремятся внушить правящему классу своей страны мысль о неизбежности компромиссов, о том, что ныне «просвещенный эгоизм» — традиционный принцип американской внешней политики — состоит именно в понимании того обстоятельства, что альтернативой компромиссам может быть в лучшем случае опасность блокирования американских интересов со стороны других стран, а в худшем — даже перспектива полного коллапса и хаоса в капиталистическом мире.

Более того, в мире взаимопереплетений, временных альянсов, увязок и «расслоения» силы очень трудно вообще оценить, где пределы силы каждого участника, ибо сила как способность оказывать влияние или добиваться благоприятных для себя исходов (или достигать своих собственных целей) в значительной степени зависит от поведения и реакций третьих стран, что делает ее еще менее поддающейся бухгалтерскому учету.

Концепция взаимозависимости, переплетаясь с моделями кооперационных игр, теперь уже не является уделом чудаков, какой она казалась в 60-е годы по сравнению с «резвыми» выкладками «реалистов». Ибо совершенно очевидно, что глобалисты-интеграционисты сумели уловить в ходе международных отношений важные новые — и, главное, объективные! — тенденции, не замеченные «реалистами».

В этом плане, с точки зрения исследователя-марксиста, эта концепция прогрессивна. Можно лишь приветствовать, что она наносит удар по наделавшему немало бед принципу анализа международных отношений в терминах игр с нулевой суммой, выявляя объективное наличие в современных международных отношениях многочисленных областей общей заинтересованности государств, в том числе и государств, принадлежащих к противостоящим социальным системам. Положительно и то, что она четко и ясно аргументирует необходимость покончить с «одержимостью военной силой», которая была характерна для четверти века «холодной войны» и оставила глубокие следы в американском мышлении.

Разумеется, следует отдавать себе полный отчет в том, что ряд американских авторов и сегодня пытаются вкладывать в понятие взаимозависимости едва ли не даллесовский

смысл. Например, У. Кинтнер, рассуждая о глобальной взаимозависимости, трактует ее как стимул для того, чтобы США «синтезировали» новый политический курс, который позволит им «выковать новые связи с партнерами» и «вовлечь их в новый панатлантический, панамериканский и пантихоокеанский мир»⁴⁵. Другие — это, правда, больше относится к практикам, чем к теоретикам внешней политики — используют лозунг взаимозависимости для того, чтобы убеждать партнеров—соперников Америки «не раскачивать общую лодку», отстаивая свои специфические интересы, все равно, мол, столкновения интересов — дело прошлое, теперь мы все едины. В таком духе любил высказываться в бытность государственным секретарем Г. Киссинджер: «Мы все участвуем в общем предприятии. Ни одна нация или группа наций не выиграет, если будет выдвигать требования, выходящие за рамки, стабилизирующие мировой экономический рост. Никто не выиграет, если он попытается положить в основу продвижения вперед принцип пробы сил»⁴⁶. (Как будто наличие общности интересов уже предопределяет, что и решение существует одно-единственное, выгодное для всех, а потому-де торг и препирательства по поводу того, каким именно должно быть решение, неуместны...)

Однако мы сейчас имеем в виду не риторику, а вполне серьезную концепцию американских специалистов-международников, действительно полагающих, что Соединенные Штаты Америки не очень заметно для себя оказались в непривычной роли и в непривычном мире, что требует от них выработки нового внешнеполитического поведения.

Не может не вызывать понимания и то обстоятельство, что большинство теоретиков этого круга выступают против гегемонистской фразеологии, против имперских замашек, культивировавшихся в американской внешнеполитической теории долгое время; они требуют «учиться скромности» во внешнеполитическом поведении, призывают расстаться с идеей американского превосходства, «особой миссии» и тому подобным реквизитом «Pax Americana».

Однако при внимательном рассмотрении становится очевидным, что они не так уже разительно отличаются от «реалистов»: в их понимании сила или погоня за силой по-прежнему остается осью международных отношений. Только сила изменилась, и уже нет ее в избытке, а потому надо более тщательно разрабатывать стратегию ее максимизации.

Проблема максимизации силы в современных условиях

весьма полно разработана, в частности, видным американским международником С. Брауном, обратившимся к этой теме еще в 60-е годы ⁴⁷.

В его представлении максимизация силы (определяемой, как говорилось выше, как способность влиять на решения, принимаемые другими странами) возможна только за счет участия в многостороннем политическом торге и маневрировании. Одно только «материальное» превосходство, по мнению Брауна, уже не сможет дать достаточных рычагов для оказания влияния на партнеров; наибольшей силой будет обладать тот, кто станет участником самого широкого спектра коалиций или союзов, которые будут складываться вокруг самых различных проблем международной жизни. Политический вес каждого субъекта международных отношений будет определяться тем, сколько он накопил внешнеполитической «валюты» — договоров и соглашений, своего рода «векселей», основанных на взаимности: «Если вы нам поможете по этому вопросу, то мы-де вам поможем по тому...».

«Сильная» страна будет претендовать на то, чтобы ее «векселя» имели хождение по всему миру и высоко ценились — это будет главным образом обещания экономического, научно-технического или финансового участия в проектах, в которых заинтересованы другие государства. Однако в обмен за такое участие данная страна, в свою очередь, получит от партнеров «векселя», которые она будет стремиться перевести в пригодное для использования политическое влияние. Если этими партнерами окажутся, скажем, более бедные или слабые страны, которые не могут дать взамен ничего «реального», то могут потребоваться их голоса в разнообразных международных организациях, так как даже сильная страна для осуществления собственных планов и проектов в современную эпоху будет нуждаться в одобрении и содействии международных организаций ⁴⁸.

Соответственно угроза лишить своей поддержки в той или иной области (главным образом невоенной, ибо большинство коалиций будет складываться вокруг невоенных вопросов) рассматривается американскими специалистами как стандартный вариант санкций на будущее, «оптимальный» способ принуждения. Угроза применения военной силы трактуется не просто как малоэффективный способ принуждения, но и как вредный образ действий: она сразу же обесценивает другие «козырные карты», которыми располагает страна, ибо применение угрозы военной силы расстроит всю систему невоенных коалиций, в которые она входила ⁴⁹.

Сторонники такого рода концепций исходят из того, что США способны сохранить свое положение в мире исключительно за счет невоенного — экономического и еще более научно-технического — лидерства, которое и гарантирует им, что они будут неизменно желанными участниками самого широкого диапазона коалиций и союзов, многочисленных международных организаций, что обеспечит им большой объем двусторонних и многосторонних научно-технических и культурных связей, а соответственно достаточное количество «валюты» в виде политических «векселей» других стран. Таким образом, по их выкладкам, при «многополярной» конфигурации международных отношений США, опираясь на свое научно-техническое лидерство, могли бы надеяться на упрочение позиции «максимальной силы» и на сохранение «совокупного превосходства» над другими странами.

2.

Строительство союзов и коалиций

До второй мировой войны, как известно, в основе внешнеполитического курса США лежал принцип невмешательства или невовлечения в блоки (non-entanglement). Правда, с начала XX в. этот принцип можно считать скорее декларативным, чем рабочим, учитывая империалистическую практику США, их участие в первой и второй мировых войнах. Тем не менее формальный отказ от этого принципа и поворот к активному блоковому строительству были осуществлены под руководством демократа Д. Ачесона, государственного секретаря США в администрации Г. Трумэна, и республиканца Дж. Ф. Даллеса, занявшего тот же пост в 1953 г. с приходом в Белый дом генерала Д. Эйзенхауэра*.

По сути дела, процесс создания военных блоков был начат подписанием пакта Рио-де-Жанейро в сентябре 1947 г., учредившего Панамериканский союз (переименованный в 1948 г. в Организацию американских государств), который

---

* Формально разрыв с принципом невовлечения в блоки в мирное время был оформлен в виде резолюции Ванденберга, принятой сенатом США в июне 1948 г., юридически узаконившей участие США в создававшемся ими же Североатлантическом пакте. Эта резолюция предусматривала «присоединение Соединенных Штатов посредством конституционной процедуры к таким региональным и другим коллективным соглашениям, которые основываются на постоянной и эффективной самопомощи и взаимной помощи и которые имеют отношение к национальной безопасности США». См.: A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941—1949. Prepared at the Request of the Senate Committee on Foreign Relations. Wash., 1950, p. 197.

надолго привязал к Соединенным Штатам 20 латиноамериканских государств*. Этот процесс был продолжен созданием Североатлантического блока в 1949 г.; в 1955 г., после включения в этот блок ФРГ, в его составе оказались 15 Западных капиталистических государств. В сентябре 1951 г. в Сан-Франциско США подписали «договор безопасности» с Австралией и Новой Зеландией, создав таким образом Малый тихоокеанский пакт, или АНЗЮС. АНЗЮС, в свою очередь, был задуман как ядро более обширного блока — СЕАТО, в число участников которого входили США, Англия, Франция, Филиппины, Пакистан, Таиланд, Австралия и Новая Зеландия (пакт СЕАТО создавался по идее как «повторение» НАТО в другом регионе). Мостом между НАТО и СЕАТО был призван стать Центральный пакт — СЕНТО (первоначально он именовался Багдадским пактом, но после выхода из него Ирака название пришлось менять) в составе Турции, Пакистана, Ирана и Великобритании**. К этим блокам следует еще добавить двусторонние договоры США того же порядка с Филиппинами, Японией и Южной Кореей.

Именно тогда в американский политический словарь был введен термин «взаимозависимость» как антоним «невовлечения в блоки». Ни о какой «взаимности» в американской концепции тех лет речи, естественно, не шло, напротив, речь шла совершенно откровенно о руководящей роли США в «свободном мире», о создании соответственно положения односторонней зависимости от США их «младших партнеров» по агрессивным военно-политическим блокам. Об этом совершенно ясно говорил Д. Ачесон: «Для того чтобы эти группировки превратились в функционирующую систему, руководство должно исходить от Соединенных Штатов. Ни одна другая страна, кроме США, не обладает необходимой силой. Задача руководства нелегка с точки зрения затрат и ответственности. США не имеют иной приемлемой альтернативы. Главная цель нашей внешней политики, а заодно и нашей внутренней политики должна состоять в том, чтобы успешно осуществить эту задачу»⁵⁰.

Даллес прямо подчеркивал необходимость силового давления США на западноевропейских партнеров, формулируя

* Республика Куба вышла из этого пакта после социалистической революции.

** Учитывая резко отрицательное отношение к пакту большинства арабских государств, США не присоединились к нему формально, хотя и стали членом фактически всех комиссий пакта и вошли в объединенный штаб военного планирования этого блока, т. е. фактически стали полными участниками СЕНТО, но свободными от юридических обязательств.

концепцию «взаимозависимости». «Роскошь независимости, — писал он в 1950 г. в книге «Война или мир», — обходится все более дорого, потому что отдельные страны Западной Европы теперь менее самообеспечены, чем когда-либо, после потери своих инвестиций в других государствах, после утраты восточных колоний и прекращения торговли между Восточной и Западной Европой (как мы писали в § 1 гл. II, последнее произошло исключительно под прямым нажимом США на союзников. — *И. Ш.*). Соединенные Штаты ныне имеют возможность мирно осуществить то, что признают необходимым все западные руководители, независимо от их национальной или партийной принадлежности, но что не будет осуществлено в отсутствие дружественного, но твердого давления извне. Соединенные Штаты могут и должны использовать эту возможность и оказать такое давление»⁵¹.

Уже в тогдашнем своем виде доктрина «взаимозависимости» имела экономический компонент, сводившийся к подчинению экономики других стран американскому монополистическому капиталу, военно-политический компонент — подключение других государств к создаваемым под эгидой США блокам и, наконец, идеологический компонент — воинствующий антикоммунизм и антисоветизм.

Для формулировок всех этих договоров были характерны выражения «коллективные мероприятия», «коллективная безопасность», «взаимная безопасность», однако совершенно очевидно, что сами же американские правящие круги воспринимали всю деятельность по строительству пактов как непосредственное продолжение и развитие идей «доктрины Монро» применительно к другим регионам земного шара. Позже Г. Моргентгау пояснял значение термина «коллективная безопасность» в американском послевоенном понимании следующим образом: «Сложная система союзов в западном полушарии, в Европе и в Азии, каковы бы ни были различия в юридических формулировках и институциональном оформлении, сводится к декларации, что мы будем защищать территориальную неприкосновенность (а отчасти и социальный статус-кво. — *И. Ш.*) стран-членов этих союзов как свою собственную. Мы называем эту систему союзов „коллективной безопасностью...“»⁵².

Если договор НАТО формально был заключен для обороны от «внешней агрессии» (хотя в одной из его статей фигурирует довольно двусмысленное понятие «косвенной агрессии», открывающее лазейку для оправдания американской интервенции), то в договоре СЕАТО, например, имелась статья, прямо предусматривавшая возможность одностороннего вме-

шательства США в дела той или иной страны—участницы блока и в случае неугодных Вашингтону внутренних событий. Таким образом, во всех случаях, когда в блоки были вовлечены молодые, развивающиеся государства Азии и Среднего Востока, важнейшей чертой американской «пактомании», одной из ее глубинных предпосылок становилась не только антикоммунистическая направленность, но и ярко выраженный неоколониалистский характер созданных Соединенными Штатами военных союзов.

По существу, вся эта система союзов только и была нужна Соединенным Штатам Америки в тот период для того, чтобы иметь юридическое оправдание своему военному присутствию в других регионах, ибо в тот период Соединенные Штаты, считая себя вездесущими и всемогущими, полагали, что они способны в любом регионе противостоять любому нежелательному для себя повороту событий *собственными силами*. Именно в таком духе трактовалась американская политика в знаменитой статье Дж. Кеннана, опубликованной за подписью «Икс» в журнале «Форин аферс» летом 1947 г.: «Политика сдерживания имеет своей целью противопоставить русским неизменную противодействующую силу в любом пункте, где они проявляют тенденцию к покушению на интересы миролюбивого и устойчивого мира»⁵³. В переводе на более прозаический язык это означает, что Вашингтон в то время декларировал свое намерение в любом регионе мира противостоять любому нежелательному для него повороту событий собственными силами. Когда система военных союзов характеризовалась в важнейшем внешнеполитическом документе США того периода, «СНБ-68», как «потенциальное приращение американской мощи»⁵⁴, это надо было скорее понимать как дань вежливости, нежели констатацию осознанной внешнеполитической потребности.

Уже в 60-е годы, а в еще большей степени в 70-е годы внутри созданных Соединенными Штатами военных блоков нарастали трудности и противоречия, невзирая на все американские попытки того, что В. И. Ленин именовал «заштопыванием антагонизма»⁵⁵.

Центрбежные тенденции нередко выходили далеко за пределы «семейных ссор». Достаточно вспомнить, например, обострение противоречий между Англией и Францией, с одной стороны, и США — с другой, в период суэцкой авантюры; конфликт между Турцией и Грецией по вопросу о Кипре; выход Франции, а позднее — Греции из военной организации НАТО; острую вспышку противоречий между США и Западной Европой в период октябрьского (1973 г.) кризиса на

Ближнем Востоке, когда европейские члены НАТО не поддерживали решения США об объявлении повышенной боевой готовности своих вооруженных сил, в том числе и в Европе; не было в НАТО единства и по вопросу об отношениях с Ираном в период всей истории с американскими дипломатами, арестованными в качестве «заложников» в 1979—1980 гг.

Если так обстояли дела в наиболее сплоченном и наиболее однородном со всех точек зрения военном блоке империализма, то неудивительно, что в иных регионах сложилась еще более неприглядная картина. Произошел полный развал СЕНТО. Одно за другим отходили от активной деятельности в СЕАТО входившие в него государства, пока наконец не было принято решение об окончательном прекращении деятельности этого блока к 1979 г.; общие настроения в регионе были, видимо, достаточно четко суммированы заявлением австралийского правительства о «неуместности» этой военно-политической группировки «в мире, нарождающемся после прекращения войны во Вьетнаме»⁵⁶.

Не вдаваясь более подробно в проблемы американских военно-политических союзов, можно тем не менее обоснованно говорить о том, что эти организации вступили в полосу глубокой кризиса*. И та концепция «дуги нестабильности», или «кризисной арки», которую так упорно развивал З. Бжезинский в 1978—1980 гг., занимая пост помощника президента США по национальной безопасности, на самом деле отражает не что иное, как крушение «северного яруса» Дж. Ф. Даллеса — крушение цепи антисоветских военных блоков, которые были сколочены Даллесом по южной периферии Советского Союза ради того, чтобы США, еще не имевшие в ту пору межконтинентальных баллистических ракет, могли создать там базы для своих стратегических бомбардировщиков**.

Первопричиной этого кризиса является общее изменение соотношения сил в мире в пользу социализма, углубление

---

* Подробно об американских военных союзах на современном этапе см.: *Политика США в Азии* / Отв. ред. В. А. Кременюк, В. П. Лукин, В. С. Руднев. М., 1977, с. 119—140; *Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе* / Отв. ред. Д. М. Петров. М., 1979, с. 203—244; *США и проблемы Тихого океана* / Под ред. В. П. Лукина, И. Б. Булая, В. А. Кременюка. М., 1979, с. 59—78; *США — Западная Европа: партнерство и соперничество* / Отв. ред. Ю. П. Давыдов. М., 1978, с. 123—244.

** См.: *Трофименко Г. А., Шейдина И. Л. Советско-американские отношения на пороге 80-х годов*. М., 1980 г., раздел — «Дуга нестабильности» Бжезинского и реальные процессы в развивающихся странах, с. 46—50.

борьбы народов развивающихся стран за подлинную независимость, против империализма и неоколониализма.

Однако здесь хочется подчеркнуть и еще одну причину. Как показало время, для цементирования блоков недостаточно одних лишь негативных целей — той платформы антикоммунизма, на базе которой США создавали всю систему военных пактов: по словам Г. Моргантау, США не требовали от своих союзников «ни общности целей, ни общности политического курса или действий — ничего, кроме антикоммунизма внутри страны и за рубежом»⁵⁷. Несмотря на тот страх, который внушает правящим кругам капиталистических стран социальный вызов со стороны социализма и коммунизма, выдвижение задач только «с отрицательным знаком» — «сдерживание», «отбрасывание», «оттеснение» социалистических стран и т. п. — не смогло предотвратить роста разочарования и процессов эрозии в американских военных союзах.

Союзы государств могут строиться на базе общности взглядов, общности целей, совпадения экономической выгоды в понимании каждого из участников. Американцы избрали в качестве связующего материала для строительства пактов общность угрозы; как писал Даллес в своей ранней книге «Война, мир и перемены», «необходимо создать готовность к приписанию жертв. Необходимо культивировать ощущение внешней угрозы»⁵⁸.

Однако, как показал ход истории и рождение объективных тенденций в направлении разрядки международной напряженности, нормализации отношений между Востоком и Западом, тезиса о «советской угрозе», как бы он ни подновлялся и ни осовременивался, оказалось явно недостаточно для придания жизнеспособности сколоченным Соединенными Штатами блокам. Именно этим объясняется появление еще в 60-х годах утверждений ряда американских и английских идеологов НАТО относительно «мирной направленности» деятельности этого блока, попытки изобразить его едва ли не инструментом европейского мира и мирного урегулирования; в том же русле шли и неоднократные попытки наладить внутри НАТО расширенное сотрудничество в невоенных областях — в науке и технике, экономике, в деле охраны окружающей среды*.

---

* Еще в 1956 г. на майской сессии Совета НАТО произошел «бунт младших партнеров», требовавших расширения координации межгосударственной политики в рамках НАТО и расширения сотрудничества в невоенных областях. В результате этого «бунта» был создан спе-

Негативные для США моменты в интеграционном развитии Западной Европы, усиление сепаратистских тенденций во внешней политике как западноевропейских государств (проявившихся, в частности, в том, что они первыми еще во второй половине 60-х годов вступили на путь нормализации отношений с Советским Союзом, другими социалистическими странами), так и Японии стали вызывать глубокое беспокойство в американских политических кругах. Авторитетная монография Брукингского института под заглавием «Новая фаза во внешней политике» прямо предупреждала о возможности «как постепенного упадка американской способности оказывать воздействие на события в Западной Европе, так и исчезновения общего доверия, объединяющего Западную Европу и Соединенные Штаты»⁵⁹.

К концу 60-х годов Вашингтон явственно ощутил потребность добавить какие-то новые, более позитивные задачи в развитие своих отношений с ближайшими союзниками. Активизация американской политики на европейском направлении — объявление 1973 г. «годом Европы», выдвижение проекта новой «Атлантической хартии»⁶⁰ — как раз и отразила попытки преодолеть отчуждение союзников за счет расширения атлантического сотрудничества, перенесения его из сугубо военно-политической сферы в сферу совместных политико-дипломатических действий и за счет нахождения позитивной цели «стабилизации» (уступка европейцам) вместо негативной цели «отпора» социалистическим странам в Европе (или, в более раннем варианте, их «отбрасывания»). Речь шла и о совместном решении экономических проблем. Показательно, что в этот период американцы вновь внесли в текст предлагавшейся ими декларации об отношениях между США и Западной Европой термин «взаимозависимость», и этот термин сразу же вызвал подозрительное и недоверчивое отношение со стороны европейцев, хорошо усвоивших его истинное значение еще с даллесовских времен. В данном случае, однако, впервые за период после второй мировой

циальный комитет «трех мудрецов» — министров иностранных дел Норвегии (Ланге), Италии (Мартино) и Канады (Пирсон), которым было поручено разработать соответствующие рекомендации. В докладе «трех мудрецов» был сделан целый ряд предложений относительно невоенного взаимодействия; эти предложения были в конечном итоге одобрены очередной сессией Совета НАТО, хотя с осуществлением их возникли затруднения, ибо, естественно, такого рода сотрудничество не удавалось «вписать» органически в рамки агрессивного военного союза, каким является НАТО.

войны Вашингтон вкладывал в этот термин модифицированное понимание — понимание того, что теперь Соединенным Штатам уже действительно требовалась сила союзников для «приращения собственной мощи».

При президенте Дж. Картере понятие взаимозависимости было еще несколько расширено — в него была включена и Япония в соответствии с идеями Трехсторонней комиссии, и таким образом союз трех центров мирового капитализма стал осевой внешнеполитической идеей Вашингтона. А позднее Соединенным Штатам пришлось «допустить» в круг взаимозависимости и развивающиеся государства, признав тем самым, что США безвозвратно утратили самообеспеченность.

Не только в Европе, но и в рамках азиатской «системы региональной безопасности» Соединенные Штаты были вынуждены выдвигать на передний план более конструктивные целевые установки, нежели «отражение коммунистической агрессии». Чтобы привлечь азиатские страны к участию в устраиваемых США политических коалициях, тоже приходилось провозглашать невоенные, и прежде всего экономические, задачи главными целями новых группировок, одновременно исподволь стремясь содействовать милитаризации последних. Именно такова была, например, линия, избранная Соединенными Штатами в отношении возникшей в 1961 г. экономико-политической организации — Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСА), ставшей ядром более обширной группировки — АСЕАН, созданной в 1967 г. Сфера международных экономических отношений была официально названа в «доктрине Никсона» одним из важнейших объектов американской политики; США выступили с лозунгом «самого тесного сотрудничества в целях экономического развития», — таким образом, совершенно очевидно, что теоретики коалиционной стратегии США извлекли кое-какие полезные уроки из негативного опыта периферийного крыла возведенной Соединенными Штатами военно-блоковой структуры.

В отличие от военно-политических блоков, пришедших в 70-е годы к откровенному кризису, созданные Соединенными Штатами в послевоенный период экономические группировки продемонстрировали гораздо большую жизнеспособность. Ярким примером этого является история развития и расширения функций Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), созданной в 1948 г. как простой инструмент распределения американской помощи по «плану Маршалла» и постепенно превратившейся — уже под новым именем Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — в центр координации экономической

политики мирового капитализма*. В нашу задачу не входит рассмотрение замкнутых экономических группировок, созданных в Западной Европе (Европейское объединение угля и стали, Европейское общество по атомной энергии, Европейское экономическое сообщество, Европейская ассоциация свободной торговли и др.), однако и их опыт говорил о том, что конкретная функциональная и хозяйственная направленность международных группировок служит куда более надежным цементирующим средством, чем антикоммунизм. Несомненные внешнеполитические выгоды, не говоря уже об экономических, принесла Соединенным Штатам та доминирующая роль, которую они играли и пока продолжают играть в целом ряде международных экономических организаций, которые занимаются такими важными аспектами международных экономических отношений, как международные финансы, торговля, экспорт капитала и технико-экономическая помощь, энергетическая и продовольственная проблемы и т. п. (речь идет о Международном валютном фонде, Международном банке реконструкции и развития и его филиалах, Генеральном соглашении о тарифах и торговле и т. п.)**.

Именно поэтому в условиях ослабления своих общих позиций на мировой арене Соединенные Штаты усмотрели еще неиспользованный резерв силы в дальнейшем развитии коалиционной политики, в направлении формирования под своей эгидой разного рода формальных и неформальных экономических и иных невоенных союзов и группировок как регионального, так и функционального характера***.

Если в рамках сугубо военного строительства концепция «совокупной силы», активно продвигавшаяся в свое время М. Лэйрдом, министром обороны США в администрации Р. Никсона, несомненно, провалилась, то в невоенных областях**** вашингтонские руководители явно стали считать

---

* В советской научной литературе недавно появилось исследование, специально посвященное этой уникальной организации, объединяющей практически все развитые капиталистические страны. См.: *Прозорова Г. Н.* В тисках экономических противоречий: Экономическая политика ОЭСР. М., 1980.

** Подробно о деятельности этих международных организаций и о механизме сохранения их в той или иной мере под американским контролем см.: США: внешнеэкономическая стратегия / Отв. ред. М. И. Захматов. М., 1976, с. 353—406.

*** Что касается структурного функционализма как концептуальной теоретической базы американской теории международных отношений, об этом см.: *Морозов Г. И.* Указ. соч., с. 68—83; Современные буржуазные теории международных отношений: Критический анализ / Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1976, с. 269—300.

**** М. Лэйрд рассматривал военный потенциал Западной Европы, военные потенциалы ряда стран Азии, Ближнего Востока и т. д. как

необходимым присоединить к американской силе возросшую мощь партнеров, чтобы создать «необходимую силу, без которой было бы невозможно достижение наших широких международных целей», — как выразился К. Раш в бытность на посту заместителя государственного секретаря США⁶¹. Однако при всем том Соединенные Штаты за счет своего экономического и научно-технического лидерства рассчитывают оказаться в центре перекрещивающихся региональных и функциональных группировок и использовать это положение не только для защиты «общесистемных», капиталистических интересов в противовес интересам социалистических и развивающихся стран, но и для продвижения собственно американских интересов в противовес интересам других капиталистических партнеров.

Если до конца 60-х годов американская внешняя политика функционировала как бы на двух ярусах — глобальном и региональном, то в 70-е годы стала вырисовываться более сложная структура, в которой чисто географические блоки дополняются функциональными (проблемными) или пересекаются с ними; несомненно, это дало резкое увеличение каналов связей, даже определенное их дублирование (или параллелизм) на разных уровнях, что в целом укрепило американские позиции, возможности влияния.

Говоря, например, о связях США с ближайшими партнерами — развитыми капиталистическими странами, следует отметить, что Вашингтон опирается на сложившуюся обширную систему рычагов воздействия на союзников — систему военных договоров, американское военное присутствие, наличие ядерных гарантий, деятельность многонациональных корпораций, прямые инвестиции, экспорт технологии и т. д. и т. п. И все-таки по этим каналам не удастся в полном объеме реализовать американские схемы. Отсюда — интерес к поиску дополнительных механизмов расширения политических консультаций между тремя главными центрами капиталистического мира, к развитию и совершенствованию механизма координации «макроэкономических» мероприятий, дальнейшему согласованию усилий по решению глобальных проблем.

Как констатировал Г. Киссинджер уже после своего ухода с поста государственного секретаря, «важно признать тот

простое продолжение «военной руки» США. Признавая на словах возросшую мощь других «центров силы», на деле он предлагал им оставаться послушными вассалами, во всем подчиняющимися воле США. Неудивительно, что такой вариант «партнерства» имел своим следствием лишь дальнейшее отчуждение большинства союзников.

факт, что индустриальные демократии больше преуспели в процедурных вопросах, нежели в реальной координации. Они разрываются между созданием взаимозависимости и соблазном переключивания своих проблем на плечи партнеров. Они используют риторику сотрудничества, но не хотят подчинять решения, которые традиционно принимались внутри страны, международному соглашению... Добиться истинной координации должно быть важной целью внешней политики США»⁶².

Суммируя усилия Вашингтона по созданию механизма координации и взаимодействия стран Запада, авторы одного из докладов Трехсторонней комиссии, специально посвященного проблеме международных консультаций, выделяют четыре уровня, четыре разных типа международных институтов, в рамках которых осуществляется взаимодействие стран Запада: международные организации глобального охвата (ООН, МБРР, МВФ, ГАТТ); функциональные организации с ограниченным членством (ОЭСР, НАТО, МЭА); двусторонние установления, как формального, так и неформального характера (типа совместных комиссий на уровне министерств и т. п.); наконец, все более широко практикуемые встречи на высшем уровне, как двусторонние, так и многосторонние⁶³. Не вступая в полемику с авторами доклада относительно принципов, положенных в основу указанной группировки международных институтов, ограничимся тем, что констатируем наличие действительно сложной, многоярусной системы межправительственного взаимодействия трех «центров силы» современного империализма — однако системы, в рамках которой попытки именно «трехсторонней» координации обеспечиваются единственным и неформальным механизмом встреч на высшем уровне, начатых совещанием в Рамбуэе в 1975 г.*

Таким образом «главный альянс», становой хребет внешней политики США на современном этапе — их связи с ближайшими союзниками не имеют какого-то специального организационного оформления, его база — общность классовых, «системных» интересов**.

---

* Совещание в Рамбуэе с участием Англии, Франции, ФРГ, Италии, Японии и США положило начало институту ежегодных встреч на высшем уровне. В 1976 г. такая встреча состоялась в Пуэрто-Рико (участники те же плюс Канада); в 1977 г. — в Лондоне (в суженном составе: США, Англия, Франция и ФРГ); затем главы государств и правительств «большой семерки» собирались в 1978 г. в Бонне, в 1979 — в Токио, в 1980 — в Венеции, в 1981 — в Оттаве, в 1982 г. — в Париже, в 1983 г. — в Вильямсберге (США).

** В этом смысле показательно, что японский автор Я. Такеяма в разделе монографии «Перестроенный мир», специально посвященной

Разумеется, в принципе действительное совпадение интересов гораздо сильнее, нежели формальные договорные обязательства, подчас оно может делать последние попросту излишними. Г. Моргентгау справедливо указывал, например, что США и Великобритания на протяжении большей части XIX в. и 40 с лишним лет XX в. (до Пирл-Харбора) действовали как подлинные союзники, не имея формального договора о союзнических отношениях, ибо их интересы в том, что касалось европейского баланса сил, были практически идентичны*.

Сейчас о таком полном совпадении интересов США даже с ближайшими союзниками говорить не приходится, но в соотношении общего и частного в стратегии развитых капиталистических государств этот общий, классовый компонент настолько велик, что в Вашингтоне испытывают достаточно большую уверенность в солидарных действиях партнеров на наиболее важных направлениях.

Что касается этих направлений, то в качестве типичного их перечня можно сослаться на речь Э. Маски в период его пребывания на посту государственного секретаря в администрации Дж. Картера, специально посвященную проблеме «новой структуры сотрудничества» США с Западной Европой и Японией; на первое место Маски поставил «общую стратегию развития отношений Восток—Запад» на второе — «общий подход к развивающемуся миру» и, наконец, на третье — вопросы экономического развития, от которых, по его словам, «будущее союзнических отношений зависит не в меньшей степени... чем от нашего военного сотрудничества»⁶⁴.

В своем стремлении создать более сложную международную среду для Советского Союза, приобрести возможность «сдерживания советского влияния» в глобальном масштабе США рассчитывают на приращение мощи «тройственного партнерства» за счет подключения к нему — опять-таки главным образом на неформальной основе — региональных «центров силы» (стран типа Мексики, Испании, Индонезии, Египта, Саудовской Аравии и т. п.). «Мы будем более тесно со-

---

новейшим сдвигам в структуре и системе международных отношений, особо ратует именно за отход от «жестких пактов безопасности» и за переход к «гибким структурам» на базе «совпадения интересов». См.: *A Reordered World. Emerging International Economic Problems*/Ed. R. N. Cooper. Wash., 1973, p. 20.

* См.: *Morgenthau H. J. Politics in XXth Century: The Restoration of American Politics*. Chicago, 1962, vol. 3, p. 176 «Лишь в тех случаях, когда общие интересы недостаточно определены в смысле политики и конкретного действия, — пишет Моргентгау, — возникает потребность в союзническом договоре, чтобы выявить эти интересы и сделать их руководством к действию» (*Ibid.*, p. 178).

трудничать с недавно приобретшими влияние государствами в Латинской Америке, Африке и Азии,— говорил президент Дж. Картер, выступая в Нотр-Дамском университете в штате Индиана 22 мая 1977 г.— *Мы нуждаемся в их дружбе и сотрудничестве* (выделено мной.— *И. Ш.*) ради совместных действий по мере того, как меняется структура мировой мощи». В предыдущем параграфе мы отмечали, насколько на данный период мал коэффициент полезного действия попыток США на этом направлении, однако их нельзя сбрасывать со счетов. Видимо, не случайно обсуждается целесообразность подключения некоторых из этих стран — например, Бразилии, Мексики — к ОЭСР, а Саудовской Аравии — к «группе десяти», т. е. к группе лидеров валютно-финансовой системы капиталистического мира.

Однако коалиционная стратегия США в своей нынешней ипостаси отнюдь не ограничивается правительственным уровнем. Большая роль в формировании различных группировок и альянсов отводится американскому частному капиталу, ибо именно в его руках сосредоточены основные экономические и научно-технические инструменты внешнеполитического влияния, те самые инструменты, на которые более всего и уповают теоретики новых коалиций.

В какой-то мере курс на создание самых разнообразных группировок в связи с теми или иными проблемами экономического и технического характера уже переходит в США в сферу практической реализации. И видимо, можно говорить о том, что коалиции и союзы, строившиеся в прошлом главным образом на базе американской военной мощи, дополняются гораздо более многочисленными группировками, деятельность которых направлена либо на решение какой-то конкретной проблемы мировой политики (примером может служить образование Международного энергетического агентства в 1974 г.), либо на разработку или использование новой техники (таковы «Интелсат», «Инмарсат» и подобные организации), на исследование и эксплуатацию природных ресурсов (типа международных консорциумов по разработке ресурсов океанского дна) и т. п.

История того, как формировался «Интелсат», одна из наиболее ранних группировок нового типа, может служить примером американской коалиционной стратегии в действии, и мы остановимся на ней несколько подробнее.

Формально консорциум «Интелсат» был создан в 1964 г., причем уже состав американской делегации на переговорах о его создании говорил о том, что речь идет отнюдь не только о коммерческом предприятии,— интересы Соединенных

Штатов были представлены руководителями корпорации «Комсат» и представителями государственного департамента. Несколько позже один из членов делегации США, тогдашний юрисконсульт государственного департамента А. Чейес, прямо говорил в ходе слушаний в конгрессе США, что перед американскими представителями стояла с самого начала ясная задача — разработать устав нового консорциума таким образом, чтобы он отражал внешнеполитические цели Соединенных Штатов⁶⁵.

Надо сказать, что в Соединенных Штатах давно росло желание навсегда лишить Англию той роли в системе мировой связи, которую ей давала собственность на трансатлантический кабель. Об этом откровенно и эмоционально писал сенатор Пасторе, председатель сенатской комиссии по проблемам связи⁶⁶; еще в период после первой мировой войны, когда только начала широко развиваться международная радиосвязь, в Соединенных Штатах уже были обеспокоены тем, как бы не оказаться в этой сфере позади Англии. Только создание спутников связи наконец дало американцам действительно монопольное преимущество в рамках капиталистического мира в деле развития средств связи. Теперь уже в Западной Европе родилось беспокойство относительно собственного отставания. Об этом с явным удовлетворением, откровенно говорил Чейес на упоминавшихся выше слушаниях, посвященных созданию «Интелсата»: «... когда европейцы осознали ту решимость и темпы, с которыми мы продвигаемся вперед, их интерес к тому, чтобы подключиться к нам, усилился. И это было как раз то, чего мы хотели. Именно на это мы и рассчитывали... чтобы иностранные правительства стремились подключиться к нам. Потому что они знают, что с каждым днем мы принимаем новые решения, мы узнаем все больше, мы делаем выбор, который закрывает какие-то пути, предопределяя окончательные характеристики всей системы. Поэтому иностранные правительства стремятся присоединиться к нам и сделать это быстро, и они давят на нас, чтобы мы допустили их поскорее, чтобы они могли сказать свое слово и оказать какое-то влияние на принимаемые решения...»⁶⁷.

Чейес признал далее, что хотя в целом европейские правительства действовали в соответствии с пожеланиями США, на всякий случай американские представители на переговорах не прекращали оказывать на них психологическое давление: «...мы дали ясно понять иностранным правительствам... что график продвижения вперед предрешен программой корпорации (имеется в виду «Комсат»).— И. Ш.) и

что правительства других стран и прочие организации не смогут замедлить этого движения, даже если они не придут с нами к соглашению»⁶⁸.

Видимо, давление со стороны США оказалось слишком откровенным, а навязываемые условия невыгодными, потому что западноевропейские участники переговоров пришли к выводу, что им необходимо объединиться, чтобы выступать в торге как единый блок, и создали Европейскую конференцию по спутниковой связи. Этот шаг, естественно, вызвал недовольство США; комментируя его в ходе тех же слушаний, специальный помощник государственного секретаря по космическим системам связи У. Картер прямо подчеркивал: «...они сделали это специально для того, чтобы получить более благоприятную позицию в торге с нами»⁶⁹.

Так американцы столкнулись с новой для себя необходимостью искать компромиссного решения — решения, которое, с одной стороны, оставляло бы за ними контроль за новой группировкой, а с другой — удовлетворяло бы и пожелания других ее возможных участников, ибо иначе они не вступят в соглашение. Гораздо позднее, возвращаясь к истории создания «Интелсата» для иллюстрации того, как Соединенным Штатам пришлось учиться идти на компромиссы, Дж. Рагги писал в журнале «Интернэшнл оргэнайзэйшн»: «США обладали подавляющим превосходством технических возможностей и потому были в состоянии создать систему в одностороннем порядке. И все же тогда европейцы могли бы решить не пользоваться системой, что оставило бы США полновластным хозяином системы космической связи с немногими зарубежными выходами, а то и вообще без них. Европейцы использовали этот рычаг, чтобы заполучить больший контроль над «Интелсатом»... у США не было выхода, и они пошли на соглашение»⁷⁰.

Чтобы обеспечить за собой большее влияние, американские представители предложили решать вопросы в новой организации путем «взвешенного» голосования, т. е. не по принципу один участник — один голос, а в прямой пропорциональной зависимости от финансового вклада в совместное предприятие; США были намерены сделать так, чтобы их собственный финансовый вклад был наибольшим (больше 50% всех необходимых капиталовложений), что дало бы им и наибольший вес при всех решениях. В результате на переговорах возникла несколько необычная ситуация — борьба между партнерами за право внести *больше* денег в общее предприятие. Вернемся к ходу слушаний:

А. Чейес: «...в данном случае мы имеем дело с пробле-

мой, которая до некоторой степени прямо противоположна тому, что бывает обычно. Дело в том, что европейцы стремятся внести большую долю денег, чем мы считаем допустимым».

Конгрессмен Рэндал: «Это новое явление, не так ли?»

А. Чейес: «Это новое явление, но я сейчас объясню вам, в чем тут дело. Речь идет о системе, общая стоимость которой составляет 200 млн. долл. Но эта сумма — лишь надводная часть айсберга. 200-миллионная система основывается на многолетних и чрезвычайно дорогостоящих исследованиях и разработках, выполненных в США. Если им удастся подключиться к этой системе...».

Конгрессмен Рэндал: «Мы правильно понимаем друг друга. Они пытаются втереться»⁷¹.

Подводя итоги этой фазы переговоров, Соединенные Штаты могли быть довольны — в уставе «Интелсата» за ними была закреплена финансовая квота 61% (с условием, что по мере роста числа участников эта доля может сокращаться, но не ниже 50,6%, т. е. так, чтобы главенство США оставалось неоспоримым) *.

Следующий раунд борьбы разыгрался по вопросу о размещении заказов на оборудование для консорциума. По свидетельству специального помощника государственного секретаря по космическим системам связи У. Картера, «в Европе большую политическую остроту приобрел вопрос о том, будет ли заложено (в устав «Интелсата» — *И. Ш.*) какое-то положение, которое предусмотрит, что заказы не обязательно раз и навсегда должны размещаться только в США. Это стало щекотливой политической проблемой для многих западноевропейских парламентов. И снова... в целом США вполне преуспели в переговорах...»⁷². Неудивительно, что Картер положительно оценил достигнутое — было принято решение, что размещение заказов в странах-участницах будет происходить пропорционально финансовым квотам с условием, естественно, что продукция будет удовлетворять требованиям как с точки зрения цены, так и с точки зрения качества. Это решение вполне устраивало США — их 61-про-

---

* Характерно, что у американских законодателей вызывает острое неудовольствие попытка иностранцев воспользоваться «по дешевке» результатами массированных НИОКР, осуществлявшихся на федеральные средства, т. е. в конечном итоге за счет американского налогоплательщика. Но им не кажется странным, когда американская частная корпорация «Комсат» пожинает плоды этих НИОКР для своих пайщиков, которые составляют крошечную долю американских налогоплательщиков!

центная квота в сочетании с технологическим отрывом в области космической техники надолго гарантировали соответствующим американским фирмам дополнительные доходы за счет выгодных контрактов с «Интелсатом».

Следует обратить внимание еще на одно положение устава «Интелсата»: создавшие его развитые капиталистические страны во главе с Соединенными Штатами не объявили консорциум закрытым (это и понятно — США как раз хотели вовлечения в «Интелсат» все новых и новых стран, ибо это давало дополнительный рычаг воздействия на них), однако было принято решение, что суммарная финансовая квота⁷³ всех новых участников, сколько бы их ни было, не превысит 17%. Это сразу говорит о том, какая роль отводилась новым участникам (а это в большинстве своем могли быть развивающиеся страны) в процессе принятия решений в консорциуме.

Столь же характерно и то, что в отношении Советского Союза были заведомо приняты меры, нацеленные на то, чтобы он не оказался в числе возможных участников «Интелсата». Когда в ходе описанных выше слушаний А. Чейесу прямо был задан вопрос о том, как отнеслись бы члены консорциума к возможности вступления Советского Союза в эту организацию, Чейес ответил, что он не уверен, что Советский Союз могло бы интересоваться «вступление в эту систему *на тех условиях, которые США сочли бы приемлемыми*»⁷⁴ (выделено мной. — И. Ш.).

Борьба вокруг консорциума «Интелсат» отразила, естественно, не только то обстоятельство, что космическая связь является перспективным делом в условиях научно-технической революции. Она стала конкретным проявлением того, как научно-технические достижения отождествляются с силой, влиянием, трансформируются в рычаги внешнеполитического давления. Недаром мощная организация американских предпринимателей — Национальная ассоциация производителей (НАП) в специальном заявлении одобрила создание «спутниковой системы связи как один из лучших примеров глобального лидерства» США⁷⁵.

США не только взяли курс на строительство новых коалиций, они стремятся активно использовать в своих интересах и существующие международные организации, в частности в последние несколько лет изменился их подход к Организации Объединенных Наций. Дело в том, что с возрастанием роли экономических и научно-технических вопросов в современных международных отношениях возрос и

объем такого рода проблем в деятельности ООН; соответственно Соединенные Штаты получили возможность сильнее опираться на свои резервы силы в этих областях, использовать их как рычаги для воздействия на другие государства, прежде всего развивающиеся. В Вашингтоне стали открыто рассчитывать, что теперь удастся реализовать концепцию «векселей», которую развивал С. Браун в начале 70-х годов: оказывая содействие в экономической или научно-технической области какой-нибудь молодой стране, от нее можно требовать если не каких-то материальных ресурсов, то по меньшей мере ее «голос» в международных организациях.

Ч. Мэйз, занимавший в администрации Дж. Картера пост помощника государственного секретаря по делам международных организаций, объяснял решение администрации уделять ООН большее место во внешней политике США следующим образом: «Суровая реальность состоит в том, что все большее число острых мировых вопросов не может быть решено ни нациями, действующими в одиночку, ни даже посредством небольших коалиций. Использование всемирных форумов, таких, какие предоставляются в агентствах ООН, часто является незаменимой и главной линией в нашей стратегии в деле разрешения многих ключевых проблем»⁷⁶. Мэйз особо выделил то обстоятельство, что американский частный капитал, действующий по всему миру, остро заинтересован в том, чтобы разрабатываемые в настоящее время в рамках ООН основы международного правопорядка в различных областях — «кодексы поведения», касающиеся деятельности транснациональных корпораций, передачи технологии, режима работы средств массовой информации и т. п., — не противоречили интересам США; соответственно американские представители должны энергично действовать во всех этих областях «для защиты интересов США»⁷⁷.

Надо отметить, что мощный хозяйственный потенциал США делает для них участие в разного рода международных организациях и программах более выгодным, чем для многих других стран. По официальным подсчетам, каждый доллар, вложенный США в программы международных организаций, оборачивается для американской экономики производством продукции на два доллара⁷⁸. Большое количество международных организаций тратит значительную часть своих средств в Соединенных Штатах Америки на стипендии для стажирования или усовершенствования специалистов, на контракты с американскими консультатив-

ными и исследовательскими фирмами, на оплату услуг привлекаемых американских экспертов, на приобретение оборудования и т. п. По официальным данным, например, одна лишь Программа развития ООН (ЮНДП) ежегодно тратит в США на такого рода цели более 100 млн. долл.⁷⁹; неудивительно, что США считают эту программу настолько выгодной для себя, что стали во второй половине 70-х годов увеличивать свой финансовый вклад в ее реализацию (правда, размер этого вклада примерно равен приведенной выше сумме реализуемых в США затрат ЮНДП) *.

Однако, как бы ни были значительны экономические выгоды, первейшая цель всей деятельности США в рамках международных организаций, в создаваемых ими новых союзах и коалициях состоит в приобретении дополнительных рычагов влияния, в том, что Ч. Мэйнс определил, как «возможность осуществления лидерства»⁸⁰. Такого рода деятельность, расшифровал он свою мысль, помогает США добиться того, чтобы элементы международной системы развивались таким образом, который совмещается с системой правления США, с их моральными принципами, с сохранением их лидерства в мире: «Наше участие позволяет нам оказывать влияние на ход событий в регионах, которые важны для нашего экономического и политического благосостояния и которые будут все более воздействовать на нас по мере того, как мир с течением времени становится все более и более взаимозависимым»⁸¹.

Все рассуждения о «многостороннем политическом торге», о необходимости участия США в разнообразных и к тому же «подвижных» коалициях не должны заслонять того уже неоднократно отмечавшегося выше факта, что целью США остается сохранение за собой «позиции силы», лидерства, если не во всем, то хотя бы в капиталистическом мире. Как откровенно говорилось в президентском послании о положении в мире в 1973 г., упор на союзы означает «новое понимание американского лидерства, а не отказ от такового». Поясняя эту концепцию, С. Хоффман писал: «Не существует никакого реального отступления американской мощи; налицо лишь умелая попытка перераспределить бремя так, чтобы можно было поддерживать гегемонию за счет меньших издержек и меньших усилий»⁸²; именно так

---

* В 1977 г. взнос США составлял как раз 100 млн. долл., в 1978 г. он был увеличен до 115 млн.: на начало 80-х годов планировалось поднять его до 220 млн. долл. См.: Department of State Bulletin, 1978, Jan., p. 56.

должны пониматься рассуждения о том, что Америке нужны «не постоянные союзы, а постоянный торг с использованием подвижных и перекрещивающихся коалиций»⁸³.

Реальные международные отношения, естественно, сильно отличаются от кабинетных построений теоретиков-международников и оказываются гораздо менее упорядоченными и более противоречивыми. Если С. Браун в начале 70-х годов был убежден в том, что в современных условиях страна, являющаяся центром наибольшего количества коалиций и партнерств будет едва ли не автоматически обладать «максимальным запасом используемой политической валюты», т. е. максимальным международным влиянием⁸⁴, то в жизни дело обстоит гораздо сложнее. По разным проблемам одна и та же страна может оказываться членом разных коалиций и выступать то как партнер США, то как оппонент (например, Бразилия привычно рассматривается в США как очевидный союзник в военной области, но в конфронтации по оси «Север — Юг» она выступает в оппозиции и явно отождествляет себя не с Соединенными Штатами, а с государствами «третьего мира»). «Мы не только живем в мире, где у нас полно врагов, мы и на друзей не можем полностью положиться, — писал по этому поводу С. Хоффман, — поскольку те, кто играет „на нашей стороне“ на одной арене, могут играть против нас в иной игре»⁸⁵. Это обстоятельство вносит большую дополнительную психологическую неопределенность при оценках силы того или иного государства, того или иного альянса.

Отдавая дань сложности процесса налаживания международного взаимодействия, авторы уже упоминавшегося доклада Трехсторонней комиссии по проблеме международных консультаций писали, что и в будущем «нельзя ожидать организованности... Этот процесс не может не быть хаотичным. Страны имеют отчетливо несходные интересы и подвергаются различным давлениям; они являются членами множества международных организаций, отчасти отличающихся друг от друга по составу, отчасти пересекающихся». Однако, подчеркивают авторы, «принятие этой беспорядочности еще не равнозначно признанию поражения»⁸⁶.

Действительно, ни практики, ни теоретики внешней политики Вашингтона пока не признают поражения в строительстве устраивающей их «сети коалиций». Однако они вынуждены признать, что Соединенные Штаты уже не в состоянии единолично навязывать свою волю и вынуждены идти на компромиссы.

Утрата Соединенными Штатами абсолютной экономиче-

ской и политической гегемонии в капиталистическом мире осложнила для Вашингтона путь к формированию благоприятной международной среды, к сохранению за собой лидирующей роли (в современных условиях под лидирующей ролью, естественно, понимается не административный или какой-либо иной прямой контроль над другими государствами, а, скорее, способность Соединенных Штатов использовать события и процессы, происходящие на международной арене, в первую очередь на благо американского правящего класса). В коалиционной стратегии Вашингтона происходят серьезные сдвиги. Однако было бы ошибочно думать, что речь идет о коренном изменении стратегии — речь идет о модернизации и модификации блокового подхода, о попытке перегруппировать силы, привести большую гибкость, найти более замаскированные и изощренные формы «привязки» к себе других государств. Однако сама по себе «привязка» от этого не становится менее эффективной. В свое время на эту особенность обратил внимание Ф. Энгельс, когда он писал, что в условиях «демократической республики», «классическим образцом» которой он называл США, «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее...»⁸⁷.

Даже в военной сфере, несмотря на развал таких неоколониалистских блоков, как СЕАТО и СЕНТО, продолжают предприниматься новые попытки найти для них замену. В невоенных областях Соединенным Штатам, опирающимся на свой мощный экономический и научно-технический потенциал, пока удается маневрировать в той или иной степени успешно, оставаясь лидером широкого круга международных организаций и союзов, удерживая таким образом за собой право диктовать государствам, входящим в капиталистическую сферу мирового хозяйства, основные направления их экономического и научно-технического развития, организационные формы использования техники как в национальном, так и в международном масштабе, формы и методы управления, доступ к информации и т. п.

Однако противодействие такому диктату, неравноправному «партнерству» растет. Если говорить о ближайших союзниках США, то они стремятся к самоутверждению, к реализации собственных, нередко отличных от США целей, и в их соперничестве с Соединенными Штатами в обозримом будущем неизбежны острые коллизии.

Ощутимое противодействие встречают США и со стороны развивающихся государств, стремящихся избавиться от экономической и научно-технической зависимости, от навя-

занной им однобокой специализации в рамках существующего международного капиталистического разделения труда, от «культурного империализма».

Теоретики «коалиционного будущего» явно недооценивают фундаментальный характер этого противодействия. В мире равноправных наций — а иной мир сегодня уже невозможен — вряд ли может быть в долгосрочном плане успешным курс, рассчитанный на формирование вокруг США союзов и группировок, имеющих целью насаждение и закрепление отношений односторонней зависимости.

Среди теоретиков «коалиционного будущего» немало ученых, выступающих за нормализацию отношений США с Советским Союзом, с другими социалистическими странами; они видят положительную сторону проблемных группировок в том, что те смогут «пересекать идеологические границы». Сама по себе такая постановка вопроса представляется правомерной: советская внешняя политика как раз исходит из того, что СССР и США имеют определенные сферы общей заинтересованности, в рамках которых они могут и должны сотрудничать. Другое дело, естественно, когда под «пересечением идеологических границ» понимается такая, скажем, неприемлемая для социализма «коалиция», как формирование блока развитых стран на «деидеологизированной» основе для противодействия странам развивающимся. В целом же, касаясь отношений между главными идеологическими противниками — СССР и США, теоретики «коалиционного будущего» считают, что советско-американские отношения, хотя и будут продолжать играть центральную роль в международных отношениях, станут все же «менее независимой переменной», ибо будут больше связаны с общим контекстом отношений с третьими странами, с глобальным «политическим торгом»⁸⁸. При этом, однако, они как-то упускают из виду, что каждая из соответствующих стран помимо чисто межгосударственных связей поддерживает и «системные», т. е. классовые отношения со своими партнерами и единомышленниками в мире, что, безусловно, сказывается на межгосударственном взаимодействии в целом. Естественно, классовые отношения в современном мире не должны мешать решению проблем войны и мира, разрядке напряженности (точка зрения социалистических стран состоит в том, что классовый пролетарский интернационализм способствует пресечению происков агрессивных сил империализма), но в более широком — невоенном — аспекте сами классовые отношения на международной арене как раз образуют один из важнейших «невоенных факто-

ров силы». Если учесть продолжающееся обострение противоречий между развитыми капиталистическими странами, а также между империалистическими государствами и развивающимися странами, то можно констатировать, что этот важнейший «невоенный фактор силы» ныне активно работает в пользу социализма.

-
- ¹ Foreign Relations of the United States, 1950. Wash., 1977, vol. 1, p. 253.
  - ² *Osgood R.* Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations. The Great Transformation of the Twentieth Century. Chicago, 1953, p. 13.
  - ³ *Galbraith J. K.* How to Control the Military. N. Y., 1969, p. 19.
  - ⁴ *Blechman B. M., Kaplan S. S.* The Use of the Armed Forces as a Political Instrument. Wash., 1977, p. 1—6.
  - ⁵ How Dulles Averted War.—*Life*, 1956, Jan. 16.
  - ⁶ *Schelling T. C.* Arms and Influence. New Haven, 1966, p. 3, 5.
  - ⁷ *Ibid.*, p. 34.
  - ⁸ *Yergin D.* Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977, p. 272.
  - ⁹ См., например: *Westerfield H. B.* The Instruments of American Foreign Policy. New Haven, 1965.
  - ¹⁰ См.: *Schelling Th. C.* The Strategy of Conflict. Cambridge, 1963; *Idem.* Arms and Influence. New Haven, 1966; *Kahn H.* Thinking About the Unthinkable. N. Y., 1962; *Idem.* On Escalation. Metaphors and Scenarios. N. Y., 1965; *Iklé F. C.* How Nations Negotiate. N. Y., 1964.
  - ¹¹ *Morgenthau H. J.* Politics Among Nations, N. Y., 1967, p. 155.
  - ¹² World Politics and International Economics/Eds C. F. Bergsten, L. V. Krause. Wash., 1975, p. 14.
  - ¹³ *Ibid.*
  - ¹⁴ *Aubrey H.* Behind the Veil of International Money.— In: Princeton Essays in International Finance, 1969, N 71, Jan., p. 9.
  - ¹⁵ См.: США — экономика, политика, идеология, 1980, № 10, с. 24.
  - ¹⁶ *Hoffmann S.* Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. N. Y., 1978, p. 212.
  - ¹⁷ *Ibid.*
  - ¹⁸ *Ibid.*, p. 88.
  - ¹⁹ *Time*, 1972, Jan. 13, p. 11.
  - ²⁰ US. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. February 25, 1971.— Weekly Compilation of Presidential Documents, 1971, Mar. 1, p. 310.
  - ²¹ United States Foreign Policy for the 1970's Shaping a Durable Peace. A Report by President Richard Nixon to the Congress. May 3, 1973. Wash., 1973, p. 230.
  - ²² *Osgood R. E.* Introduction: The Nixon Doctrine and Strategy.— In: Retreat from Empire? The First Nixon Administration. Baltimore, 1973, p. 5.
  - ²³ *Time*, 1972, Febr. 7, p. 19.
  - ²⁴ Department of State Bulletin, 1976, Febr. 23, p. 202.
  - ²⁵ *Hoffmann S.* Weighing the Balance of Power.— Foreign Affairs, 1972, July, p. 643.
  - ²⁶ *Ibid.*, p. 621.

- ²⁷ *Ibid.*, p. 629.
- ²⁸ *Brzezinski Z.* US Foreign Policy: The Search for Focus.— Foreign Affairs, 1973, July, p. 715.
- ²⁹ *Brzezinski Z.* Op. cit., p. 719.
- ³⁰ *Idem.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. N. Y., 1970, p. 296—297.
- ³¹ *Ibid.*, p. 283.
- ³² *Ibid.*, p. 287.
- ³³ *Idem.* US. Foreign Policy: The Search for Focus, p. 723.
- ³⁴ The New Challenge to Russia. Exclusive Interview with Zbigniew Brzezinski, President's National Security Adviser.— US News and World Report, 1977, May 30, p. 35.
- ³⁵ Business Week, 1977, Sept. 12, p. 112.
- ³⁶ Time, 1979, Oct. 8, p. 51.
- ³⁷ *Brzezinski Z.* US. Foreign Policy: The Search for Focus, p. 721.
- ³⁸ См.: *Sullivan W. H.* Dateline Iran: The Road Not Taken.— Foreign Policy, 1980, N 40, p. 175—186.
- ³⁹ *Hoffmann S.* Reagan Abroad.— The New York Review of Books, 1982, Febr. 4, p. 21.
- ⁴⁰ *Brown S.* The Changing Essence of Power.— Foreign Affairs, 1973, July, p. 299.
- ⁴¹ *Keohane R. O., Nye J. S.* Power and Interdependence. World Politics in Transition. Boston, 1977, p. 242.
- ⁴² *Hoffmann S.* Primacy or World Order, p. 124.
- ⁴³ *Ibid.*
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 215.
- ⁴⁵ National Strategy in a Decade of Change: An Emerging US. Foreign Policy / Eds W. R. Kintner, R. B. Foster. Lexington, Mass., 1973, p. 206.
- ⁴⁶ *Kissinger H. A.* Address before the VI Special Session of the U. N. General Assembly, April 15, 1974.— Department of State Bulletin, 1974, May 6, p. 478
- ⁴⁷ См.: *Brown S.* The Changing Essence of Power.— Foreign Affairs, 1973, Jan., p. 286—299; *Idem.* New Forces in World Politics. Wash., 1974.
- ⁴⁸ См.: Foreign Policy, 1975, N 17, p. 29—31.
- ⁴⁹ См., в частности: *Brzezinski Z.* Recognizing the Crisis.— Foreign Policy, 1975, N 17, p. 63—74.
- ⁵⁰ *Acheson D.* Power and Diplomacy. Cambridge, Mass., 1958, p. 69—70.
- ⁵¹ *Dulles J. F.* War or Peace. N. Y., 1950, p. 214—215.
- ⁵² *Morgenthau H. J.* Politics in the 20th Century. Chicago, 1971, vol. 2, p. 22—23.
- ⁵³ *Kennan G. F.* The Sources of Soviet Conduct.— Foreign Affairs, 1947, July, p. 569.
- ⁵⁴ Foreign Relations of the United States 1950. Wash., 1977, vol. 1, p. 255.
- ⁵⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 284.
- ⁵⁶ Цит. по: *Морозов Г. И.* Международные организации: Некоторые вопросы теории. М., 1975, с. 105.
- ⁵⁷ *Morgenthau H. J.* Politics in the 20th Century. Chicago, 1962, vol. 3, p. 190.
- ⁵⁸ *Dulles J. F.* War, Peace, and Change. L., 1939, p. 90.
- ⁵⁹ The Next Phase in Foreign Policy / Ed. H. Owen. Wash., 1973, p. 31.
- ⁶⁰ См.: Department of State Bulletin, 1973, May 14.
- ⁶¹ Department of State Bulletin, 1973, Apr. 9, p. 472.
- ⁶² *Kissinger H. A.* The Future of Business and the International Envi-

- ronment.—The Future of Business. Global Issues in the 80's and 90's. N. Y., 1979, p. 81.
- ⁶³ The Problem of International Consultations. A Report of the Trilateral Task Force on Consultative Procedures to the Trilateral Commission. Rapporteurs: E. Ortona, J. R. Schaetzel, N. Ushiba. 1976, p. 3.
- ⁶⁴ Department of State Bulletin, 1980, Sept., p. 17—18.
- ⁶⁵ Satellite Communications 1964. pt 1. Hearings before the Subcommittee on Government Operations. 88th Congress, 2nd Session. Wash., 1964, p. 344.
- ⁶⁶ *Pastore J. O.* The Story of Communications. N. Y., 1964.
- ⁶⁷ Satellite Communications, pt 1, p. 364.
- ⁶⁸ *Ibid.*, p. 360.
- ⁶⁹ Satellite Communications, pt. 2, p. 660.
- ⁷⁰ *Ruggie J. G.* International Responses to Technology.—International Organization, 1975, Summer, p. 562—563.
- ⁷¹ Satellite Communications, pt 1, p. 363.
- ⁷² *Ibid.*, p. 682.
- ⁷³ *Schiller H. J.* Mass Communications and American Empire. N. Y., 1970, p. 141.
- ⁷⁴ Satellite Communications, pt 1, p. 267.
- ⁷⁵ *Schiller H. J.* Op. cit., p. 146.
- ⁷⁶ Department of State Bulletin, 1978, Febr., p. 49.
- ⁷⁷ *Ibid.*, p. 51.
- ⁷⁸ Department of State Bulletin, 1978, June, p. 14.
- ⁷⁹ Department of State Bulletin, 1978, Febr., p. 49.
- ⁸⁰ *Ibid.* p. 52.
- ⁸¹ *Ibid.*
- ⁸² *Hoffmann S.* Choices.—Foreign Policy, 1973, N 12, p. 23.
- ⁸³ *Ibid.*
- ⁸⁴ *Brown S.* The Changing Essence of Power.—Foreign Affairs, 1973, July, p. 289.
- ⁸⁵ *Hoffmann S.* Primacy or World Power, p. 144.
- ⁸⁶ The Problem of International Consultations, p. 18.
- ⁸⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 172.
- ⁸⁸ *См.:* Foreign Affairs, 1973, July, p. 286—287.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что невоенные факторы силы действительно занимают во внешнеполитической стратегии США значительное место. Более того, можно сказать, что в практическом проведении американской внешней политики на протяжении всего периода после второй мировой войны им отводится первостепенная роль. Первые доктрины, провозглашенные в Соединенных Штатах после окончания войны,— «доктрина Трумэна», «план Маршалла», «программа Трумэна» — важнейшую ставку в области сохранения глобальных позиций американского и мирового капитализма делали на экономические рычаги. Последняя из такого рода доктрин, «доктрина Рейгана», также опирается прежде всего на экономическую силу, считая, что для ее максимизации необходимо освободить частное предпринимательство от пут государственного регулирования.

По сути дела, если проанализировать послевоенную внешнеполитическую стратегию США, можно без преувеличения сказать, что большинство из тех успехов, которые были достигнуты американским капитализмом на мировой арене — сохранение Западной Европы и Японии в орбите капитализма, расширение неокOLONиалистской экспансии в «третьем мире» после краха старых бастионов колониализма, создание сети новых привязок других стран к американской системе за счет плодов научно-технической революции, усиление влияния на политику ряда государств в антисоветских целях и т. п., — были достигнуты в первую очередь за счет использования невоенных факторов силы. Прямое же физическое применение Соединенными Штатами своих вооруженных сил не принесло американскому империализму существенных дивидендов, как убедительно показывают плачевные для США итоги корейской и индокитайской авантюры.

Свидетельствует ли это о снижении роли военной силы в американской внешней политике? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. С одной стороны, военная сила была и остается важнейшим инструментом империалистической политики на мировой арене, крайним аргументом, к которому империализм прибегал и прибегает всякий раз, когда дру-

гие способы отстаивания его внешнеполитического интереса оказываются неэффективными, недейственными, США постоянно прибегают к угрозам применения силы. С другой же стороны, изменение соотношения сил между капитализмом и социализмом, между США и СССР, состояние стратегического паритета между ними и осознание реальности катастрофических последствий ядерной войны для самих США делают для американского правящего класса обращение к военной силе чрезвычайно рискованным. Возможная, в силу глобального переплетения интересов крупных держав, быстрая эскалация локального конфликта до масштабов ядерного и всеобщего не раз вынуждала более трезвых американских политиков осторожнее относиться даже к «ограниченным» пробам сил.

Конечно, военная сила США, по понятиям вашингтонских стратегов, остается кардинальным элементом силового фона, который нужен американскому руководству для более эффективного, с их точки зрения, применения невоенных факторов силы в интересах силовой же гегемонистской политики. Более того, мы знаем, что на протяжении второй половины XX в. сама военная сила США гораздо чаще использовалась как средство политического давления и шапталжа, а не физически, т. е. в целях психологического нажима на оппонентов и для решения интересующих США вопросов на американских условиях без войны.

Однако при изменившемся соотношении сил на мировой арене даже такое использование вооруженных сил США оказывается ныне менее результативным, чем 20—30 лет назад. Несмотря на угрожающие заявления Вашингтона, на бряцание оружием, арабские страны ОПЕК применили нефтяное эмбарго в целях воздействия на внешнеполитическое поведение США. Присутствие колоссальной американской армады в Аравийском море не остановило антиимпериалистических событий в Иране. Это порождает у американского правящего класса постальгию по былым временам, по былой позиции силы, когда, по его понятиям, США все могли, и стремление восстановить такого рода позиции путем нового раунда гонки вооружений и военного строительства. Прямым проявлением этой тенденции являются нынешние попытки администрации Рейгана сломать существующий стратегический паритет между СССР и США, между странами Варшавского Договора и НАТО, во что бы то ни стало добиться военного превосходства над Советским Союзом.

С другой стороны, сложившаяся ситуация порождает во влиятельных кругах США, преследующих те же цели сохра-

нения американского господства, иную тенденцию: делать все больший упор на рычаги экономического, технологического влияния и иные невоенные факторы силы как наиболее эффективные, наиболее результативные в долгосрочной перспективе.

Даже нынешние апологеты военной силы и гонки вооружений в Соединенных Штатах не могут не отдавать себе отчета в том, что с помощью военной силы нельзя решить большинство из тех проблем, с которыми Соединенные Штаты сталкиваются на мировой арене. «Насилие может *взять*... но не может... *создать*», — говорил Энгельс¹, и эту истину интуитивно понимают многие капитаны капиталистического мира. Тем более, что в современных условиях та ракетно-ядерная сила, которой большей частью любят спекулировать политики США в качестве своего главного козыря, не может даже и «взять», а может лишь в гигантских масштабах уничтожить материальные ценности и людские ресурсы. В нынешних условиях, когда у противостоящих сторон накоплены огромные запасы ядерного оружия, никто не должен сбрасывать со счетов тот факт, что новая война грозит уничтожением всего живого на Земле. Маниакальные помыслы вашингтонских «ястребов» о победе в ядерной войне толкают человечество на грань уничтожения.

Разрядка, наступившая в 70-х годах в советско-американских отношениях и на мировой арене в целом, безусловно, акцентировала значение невоенных факторов. Что касается Советского Союза, то коммунисты всегда придавали перво-степенное, принципиальное значение невоенным — экономическим, политическим, идеологическим факторам в соревновании двух систем. В. И. Ленин подчеркивал, что мы сможем победить в соревновании с капиталистами, лишь превзойдя их в производительности труда. «Мы твердо верим, что социализм в конечном счете докажет свои преимущества именно в условиях мирного соревнования с капитализмом. И мы вовсе не сторонники соревнования в военной области, которое навязывает нам империализм»², — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов.

Однако сам факт увеличения роли невоенных факторов силы в современных условиях отнюдь не равнозначен автоматическому увеличению веса сотрудничества в противовес соперничеству, не ведет сам собой к снижению напряженности. Поскольку экономический, технологический и иной невоенный потенциал может использоваться в международных сношениях как для сотрудничества, так и для конфрон-

тации, для усиления давления, зависимости, то само по себе расширение использования на мировой арене невоенных факторов не может являться гарантией ни мира, ни стабильности. Последние могут быть гарантированы лишь в том случае, если невоенные факторы силы станут использоваться всеми государствами в целях кооперационной стратегии для решения как глобальных, так и чисто национальных проблем развития.

Опираясь на американскую практику, многие американские специалисты зачастую приходят к грустному, но тем не менее небезосновательному выводу о том, что невоенные факторы силы в том виде, в каком они сейчас используются в системе взаимоотношений капитализма, увеличивают элементы конфликтности и непредсказуемости в мире. Американские специалисты Кохейн и Най утверждают, например, что в таких тесных взаимоотношениях, какие существуют между США и Канадой, использование сторонами, в первую очередь США, невоенных факторов силы увеличило число конфликтных ситуаций между ними в 60-е годы более чем в четыре раза по сравнению с 20—30-ми годами³. Некоторые пессимисты из числа буржуазных теоретиков мрачно предсказывают, что усиление использования США и другими странами Запада невоенных факторов в целях силового давления может подтолкнуть капиталистический мир к новому конфликту вплоть до ядерных войн в борьбе за ресурсы⁴.

Поэтому для стабильности мира, в том числе и для стабильности нормальных взаимоотношений между двумя системами, важен не просто упор на использование невоенных факторов, необходимо конструктивное, кооперационное использование этих факторов (при одновременном проведении мероприятий по ограничению вооружений и разоружению). Но если даже администрация Картера, немало сделавшая для ухудшения американско-советских отношений, все же рассматривала их как сочетание соперничества и сотрудничества (правда, при доминировании первого), то пришедшая ей на смену администрация США трактует эти отношения как чисто конфронтационные, она подходит к любым мировым проблемам и процессам исключительно под углом противоборства с СССР, стремления любыми средствами ухудшить международные позиции нашей страны и ее союзников. Ни в коей мере не интересуется Вашингтон и конструктивный диалог с развивающимися странами, который был бы рассчитан на то, чтобы позитивно, совместными усилиями реформировать существующие неравноправные экономические отношения.

Руководители Соединенных Штатов пока что ориентированы на силовое в основном использование невоенных факторов, подкрепляемое к тому же подхлестыванием нового, весьма опасного витка гонки вооружений и военных приготовлений. Все это применяется для нажима, для давления на другие страны с целью подчинить их влиянию и политике США. Это нетрудно проследить на любых направлениях американской внешней политики. В отношении социалистических стран вашингтонская концепция «увязок» прямо трактует невоенные факторы силы в качестве инструмента внешнеполитического шантажа. Такой же подход проявляют американская политология и политика в отношении развивающихся стран; сейчас всем очевидно, что за широкообещательными декларациями о готовности США строить новый мировой экономический порядок совместно с освободившимися государствами фактически скрывается стремление американского империализма опутать последние цепями новых зависимостей от капиталистической системы, вовлечь их в новую, постнеоколониальную систему, которая будет отличаться от предыдущей лишь более изощренным характером технологического неоколониализма.

Что же касается главных союзников США, то по отношению к ним в последнее время традиционные невоенные факторы силы далеко не всегда срабатывают, ибо Западная Европа и Япония сами приобрели (восстановили) апалогичные факторы силы, сопоставимые с американскими и вполне достаточные, с точки зрения этих стран, для новой схватки с заокеанским гигантом за «мировой продукт», как в свое время выразился бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт⁵. Именно поэтому в своей политике в отношении этих стран Соединенные Штаты столь лихорадочно цепляются за военные механизмы типа НАТО или американо-японского договора о безопасности, которые дают Соединенным Штатам возможность все еще влиять в существенной мере на военную и внешнюю политику партнеров. В то же время понимая, что возможности американского преобладания и в этих областях не бесконечны, Вашингтон изыскивает новые организационные структуры (типа Международного энергетического агентства), новые концепции («трехсторонность»), новые формы невоенной привязки (типа глобальной спутниковой связи или международных компьютерных сетей), которые помогли бы ему с позиции превосходящей невоенной силы нейтрализовать возросшие возможности своих партнеров.

Таким образом, речь идет о сохранении ставки Соединенных Штатов на обеспечение подавляющего силового пре-

восходства как в области военной, так и невоенной, по крайней мере по отношению к своим капиталистическим партнерам и союзникам. С этих позиций силы большинство американских теоретиков и предлагают дальше отстаивать на мировой арене «американские национальные интересы». В качестве резервной позиции некоторые из этих теоретиков, допускающие возможность того, что соотношение сил даже в самом капиталистическом лагере, включая страны, относимые к «почти развитым», будет и дальше меняться не в пользу США, уповают на возможность — в крайнем случае — так называемого негативного использования факторов силы, чтобы «вставлять палки в колеса». Иначе говоря, они предлагают в тех случаях, когда США не удастся использовать свои невоенные факторы силы для прямого навязывания чисто американских решений, использовать их для того, чтобы хотя бы не допустить невыгодных Соединенным Штатам решений. Для этого либо изымается соответствующий американский потенциал, либо он используется в качестве тормоза. Типичным примером является поведение администрации Рейгана в отношении III Конференции ООН по морскому праву или же отказ США от уплаты взносов в «неудобные» им международные организации.

Подавляющее большинство американских теоретиков невоенной силы выступают за более компромиссный курс. Они считают, что у США уже нет сил для примитивного навязывания в глобальных масштабах чисто американского подхода, что другие страны, в том числе и развивающиеся, теперь тоже обладают определенным набором элементов негативной («тормозной») силы, чтобы иметь возможность порой блокировать ход событий, желательный для США. Именно поэтому, утверждают теоретики компромиссного курса, Соединенные Штаты должны, опираясь на свой все еще колоссальный арсенал невоенных факторов силы, вести курс на «кооптацию посредством аккомодации»⁶, т. е. втягивать союзников и «третий мир» в сети такой «взаимозависимости», которые тем будет невыгодно разорвать.

Американские теоретики невоенных факторов правы в том плане, что в глобальной исторической перспективе и впрямь конечное, решающее значение и воздействие будут иметь факторы, связанные не с военным потенциалом, а с потенциалом исторического жизнеобеспечения существования человечества во Вселенной. Порочность их подхода состоит в том, что они не могут подняться выше рассмотрения этих факторов с чисто националистических, шовинистиче-

ских, по сути дела гегемонистских позиций при всех их разговорах о компромиссах и равноправии.

Парадокс же американской невоенной силы в том, что, чем больше появляется у США рычагов невоенного влияния, тем больше возникает и ограничений, связанных не только с ростом потенциалов других стран, в том числе могущества стран социалистического содружества, с неудержимым размахом революционных и освободительных движений, но и с объективно возрастающей взаимозависимостью современного мира. Человечество, как говорил академик В. И. Вернадский, и впрямь становится геологической силой, и в этих условиях неосторожное, грубо эгоистическое манипулирование не только военными, но и невоенными факторами, вроде экологических, может привести буквально к страшным последствиям.

Эти объективные ограничители, связанные в первую очередь с ростом и успехами прогрессивных сил нашей планеты, будут сужать возможности империализма в деле использования невоенного превосходства США в целях силовой политики, точно так же как они сдерживают военные устремления агрессивных империалистических кругов. Современная научно-техническая революция вывела международные отношения на качественно новый уровень — уровень действительной взаимозависимости государств, разрушив иллюзии относительно возможности изолированного, автаркического развития, создала объективные предпосылки для широкого международного взаимодействия, для разделения труда в ряде сфер общественной жизни. История прошла ту стадию, когда международные отношения могли формироваться лишь на основе силовой политики. В мире равноправных наций — а в иной перспективе мир сегодня уже не может развиваться — жизнь требует плодотворного сотрудничества всех государств во имя решения мирных конструктивных задач на базе высших достижений современной науки и техники.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 223.

² Андронов Ю. В. Избранные речи и статьи. Изд. 2-ое, М., 1983, с. 298.

³ Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence. World Politics in Transition. Boston, 1977, p. 192.

⁴ См., например: The Next 25 Years: Crisis and Opportunity. World Future Society, Wash., 1975.

⁵ См.: Schmidt H. The Struggle for the Global Product.— Foreign Affairs, 1974, Apr. p. 437—451.

⁶ Tucker R. W. The Inequality of Nations. N. Y., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ФАКТОРЫ СИЛЫ В АМЕРИКАНСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ	
1. Американские подходы к силовой политике	14
2. Новые реальности в системе международных отношений	30
3. Возрастающий упор на невоенные факторы силы	41
ГЛАВА ВТОРАЯ	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ НА СЛУЖБЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ВАШИНГТОНА	
1. Внешняя торговля	82
2. Вывоз капитала и ТНК	102
3. США на рынке сырья	131
4. Экономическая помощь	145
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
РЫЧАГИ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СИЛЫ»	
1. Передача нововведений и техники	174
2. Технология «глобального диапазона»	189
3. Экспорт менеджмента	218
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ИНСТРУМЕНТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	
1. Распространение новых идеологических стереотипов	239
2. Информационно-пропагандистская экспансия	260
3. «Корпус мира» — социальное миссионерство	274
ГЛАВА ПЯТАЯ	
ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
1. Альтернативные модели поведения США	292
2. Строительство союзов и коалиций	319
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	344

И. Л. Шейдина
НЕВОЕННЫЕ ФАКТОРЫ СИЛЫ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом мировой экономики и международных отношений.

Редактор издательства А. С. Белоконов. Художник Б. Н. Юткин.
Художественный редактор И. Ю. Нестерова
Технические редакторы Л. Н. Золотухина, Ф. М. Хенох
Корректор Ф. А. Дебабов

ИБ № 26548

Сдано в набор 16.08.83. Подписано к печати 15.11.83. Т-15186 Формат 84×108¹/₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,48 Уч.-изд. л. 22,2. Усл. кр.-отт. 18,68. Тираж 2250 экз.
Тип. зак. 3090 Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.
2-я тип. издательства «Наука» 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10

Вашингтон давно, а в последний период особенно широко использует экономические, научно-технические, идеологические и иные невоенные факторы силы (в сочетании с наращиванием военной мощи) для того, чтобы навязать остальному миру американское господство, американский образ жизни. Автор подробно проанализировал как применяется весь арсенал этих средств для достижения империалистических целей. На основе многочисленных документов и материалов, работ ведущих заокеанских политологов дается обзор силовых возможностей США и их разнообразного использования во внешнеполитической стратегии.

НЕВОЕННЫЕ ФАКТОРЫ СИЛЫ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

И. Л. Шейдина